

9 (80)
И 90

ИСТОРИЯ

ДАГЕСТАНА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ,
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
ИМ. ГАМЗАТА ЦАДАСЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ИСТОРИЯ ДАГЕСТАНА

ТОМ
II

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1968

9(С)1
И90

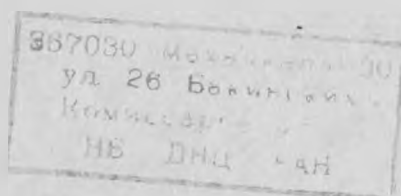
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Г. А. Аликберов, В. Г. Гаджиев (зам. гл. редактора),
Г. Д. Даниялов (главный редактор),
Г. Ш. Каймаразов, Х. О. Хашаев

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ:

В. Г. Гаджиев, С. Ш. Гаджиева, Г. Д. Даниялов, П. М. Дибиров,
Г. Ш. Каймаразов, А. Г. Мелешко, Г. И. Милованов,
А. С. Омаров, М.-З. О. Османов, Х. Х. Рамазанов,
Х. М. Холилов, Х. О. Хашаев

43999

Второй том «Истории Дагестана» — обобщающего труда по истории Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики — посвящен XIX — началу XX в. В книге использованы многочисленные материалы и источники, в том числе ранее неизвестные.

1-6-4

5-БЗ-47-67

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга — «История Дагестана» охватывает период со времени присоединения Дагестана к России до Февральской буржуазно-демократической революции включительно. Для составления этой книги, посвященной поворотному периоду в исторических судьбах народов Дагестана, авторским коллективом была проведена большая подготовительная работа. Были обследованы многочисленные фонды центральных и местных архивохранилищ, собран и систематизирован полевой материал, извлечено большое количество местных источников, значительная часть которых впервые вводится в научный обиход, изучена отечественная и зарубежная литература.

Опираясь на эту широкую источниковедческую базу, авторский коллектив стремился без излишней детализации изложить наиболее важные вопросы истории народов Дагестана XIX — начала XX в., осветить их в тесной связи с историей народов Кавказа и России и проследить общность их исторических судеб.

Учитывая, что присоединение Дагестана к России было важной вехой в исторических судьбах народов Дагестана, этому вопросу в книге уделено большое место. Не упуская из виду, что царская Россия была очагом всякого рода гнета, авторский коллектив считал своей важнейшей задачей показать объективно-исторически прогрессивные последствия включения Дагестана в состав России, проследить постепенное втягивание края в общее русло экономического и политического развития России, проникновение капиталистических отношений в Дагестан, формирование пролетариата и местной буржуазии.

На новом материале с учетом достижений советского кавказоведения дается освещение многолетней антифеодальной и антиколониальной борьбы горского крестьянства. Впервые характеризуется целый ряд антиколониальных выступлений горцев 60-х годов XIX в. Серьезное внимание авторский коллектив и редакционная коллегия уделили истории культуры народов Дагестана XIX — начала XX в.

В составлении второго тома принимали участие сотрудники Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР: доктор исторических наук В. Г. Гаджиев (гл. I, материал по XIX в. § 3—5 и § 6 гл. X), доктор исторических наук Х. О. Хашаев (гл. II), доктор исторических наук Г. Д. Даниялов (гл. III, V и § 2 гл. IX), доктор исторических наук С. Ш. Гаджиева (гл. IV в соавторстве с Х. Х. Рамазановым и разделы «Одежда и украшения народов Дагестана», «Пища» § 1 гл. X), кандидат исторических наук Х. Х. Рамазанов (гл. IV в соавторстве с С. Ш. Гаджиевой и раздел «Крестьянские выступления» § 3 гл. VIII), кандидат исторических наук А. Г. Мелешко (гл. VI), кандидат исторических наук Г. И. Милованов (гл. VII, § 1 и разделы «Промышленность» § 2 и «Деятельность большевиков в Дагестане», «Рабочее движение» § 3 гл. VIII), кандидат юридических наук А. С. Омаров (§ 1 гл. IX), кандидат исторических наук М.-З. О. Османов (материал о поселениях и жилищах § 1 гл. X), проф. Г. Я. Мовчан (материал об архитектуре § 1 гл. X), мл. научный сотрудник П. М. Дибиров (раздел «Декоративное искусство» § 1 гл. X), кандидат филологических наук Х. М. Халилов (§ 2 гл. X), доктор исторических наук Г. Ш. Каймаразов (материал по XX в. § 3—5 гл. X). В составлении карт, иллюстраций и библиографии принимали участие кандидат исторических наук Б. Г. Алиев и мл. научный сотрудник Р. С. Шихсаидова.

При подготовке книги к изданию большую помощь авторскому коллективу оказали сотрудники Института истории, Института этнографии АН СССР, Института истории, археологии и этнографии им. И. Д. Джавахишвили Академии наук Грузинской ССР и Дагестанского государственного университета им. Ленина.

Составители настоящей книги сознают, что не все вопросы истории Дагестана XIX—начала XX в. освещены равномерно и исчерпывающе. Редакционная коллегия просит читателей свои отзывы и замечания направлять в Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР с тем, чтобы внести соответствующие исправления и улучшения во второе издание книги.

РАЗДЕЛ I

ДАГЕСТАН
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX в.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Г Л А В А I

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ДАГЕСТАНА К РОССИИ

§ 1. ПОЛИТИКА РОССИИ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

Поход русских
войск в Дагестан
в 1796 г.

В начале 90-х годов XVIII в. над народами Кавказа вновь нависла угроза иранского нашествия. Пришедший к власти в Иране Ага-Мухаммед-хан Каджар, подстрекаемый западно-европейскими государствами и ободряемый турецким султаном, открыто объявил о своих притязаниях на Кавказ и потребовал от владетелей Закавказья и Дагестана подчиниться его власти.

Большинство владетелей Закавказья отвергли домогательства зарубежных агрессоров. Царь Грузии Ираклий II, Мир-Мустафа-хан талышинский, Ибрагим, хан карабахский, и другие заключили между собой союз и дали торжественный обет не подчиняться Ага-Мухаммед-хану. Не подчинилась ирано-турецким агрессорам и преобладающая часть феодалов Дагестана. Только Шихали-хан дербентский принял иранскую ориентацию.

В то же время Россия дала знать Ага-Мухаммед-хану, что, если он откажется от притязаний на Грузию, шамхальство Тарковское, уцмийство Кайтагское, ханства Дербентское, Бакинское, Талышинское, Карабахское, то будет официально признан Петербургским двором шахом Ирана при условии взаимного соглашения относительно границы между Россией и Ираном. Несмотря на это обещание России, Ага-Мухаммед-хан, ободренный успехами в Иране и подстрекаемый французскими эмиссарами, собрав огромную армию, перешел р. Аракс и вступил во владения Ибрагим-хана карабахского. Но здесь он встретил упорное сопротивление. Поэтому, оставив осажденную крепость Шушу, Ага-Мухаммед-хан внезапно вторгся в Грузию и занял Тбилиси, подвергнув город грабежу и разорению.

После взятия Тбилиси Ага-Мухаммед-хан потребовал от народов Дагестана покорности. Владетели Дагестана —

шамхал тарковский, уцмий кайтагский, кадий табасаранский, Али-Султан дженгутаевский и другие — собрались на общий совет и единодушно отклонили требования персидского завоевателя, решив принять все меры к оказанию сопротивления и обратиться за помощью к России. Россия взяла под покровительство шамхала тарковского, уцмия кайтагского и хана дербентского и отправила из Кизляра в Дагестан русские войска под началом генерал-майора Савельева.

В то же время владетелям Дагестана было предложено собрать ополчение и вместе с русскими войсками организовать общую оборону против персов. Генерал-майору Савельеву было дано указание для необходимых расходов на содержание войск выдать уцмию Кайтага 2 тыс. руб., кадиям табасаранскому и акушинскому — по 500 руб. Только один Шихали-хан на обращение Савельева прислать своих посланников «для заключения условий к совокупному действию» с дагестанскими владетелями против Ага-Мухаммед-хана «отозвался письмом», что «будет противиться вступлению русских войск в его владения». В связи с этим кавказское командование, усилив отряд Савельева двумя батальонами, приказало ему двинуться к Дербенту и занять город силой, если Шихали-хан отклонит новые предложения России. Однако по прибытии к Дербенту стало ясно, что Савельев не сможет занять крепость своими силами. Тогда командование снарядило экспедицию под началом генерал-поручика В. А. Зубова; ему же были подчинены отряды генерал-майора Савельева, войска, находившиеся в Грузии, и русский флот на Каспийском море. Было решено начать выступление с двух сторон: со стороны Грузии и берегом Каспийского моря, причем В. А. Зубову было приказано не чинить никаких притеснений жителям, ограждать их личную и имущественную неприкосновенность и не стеснять свободу вероисповедания. Во вновь занимаемых владениях повелено было оставлять у власти лояльных правителей, а непокорных — снимать. Этот указ имел известное политическое значение и способствовал укреплению русской ориентации народов Дагестана.

В конце марта 1796 г. В. А. Зубов прибыл в Кизляр, где сосредоточивались основные силы экспедиционного отряда. Однако войска стягивались к Кизляру очень медленно. Опасаясь упустить время, Зубов, не ожидая окончательного сбора, с отрядом около 12 тыс. человек при 21 орудии выступил 15 апреля на юг. Горцы Дагестана радушно встречали русские войска, оказывали им посильную помощь. За свой счет починили и построили заново мосты через реки, своими силами подвозили провиант. Шамхал тарковский Магомед-хан, кайтагский уцмий Рустем-хан и табасаранский кадий Рустам-кади присоединили свои войска к отряду ге-

нерала Зубова. Вскоре, встречая всюду «помощь и содействие», русские войска подошли к Дербенту. Владетель Дербента Шихали-хан, несмотря на то что «жители требовали сдачи города», решил оказать сопротивление, рассчитывая на помощь Персии, но Ага-Мухаммед-хан, не решившись вступить в открытую борьбу с русскими войсками, снял лагерь в Мугане и ушел в Иран; предварительно он отправил к владетелям Азербайджана и Дагестана посланников во главе со своим племянником Аскер-ханом с требованием быть готовым по первому его зову подняться на борьбу против России. Одновременно к владетелям Кавказа были отправлены эмиссары турецкого султана.

Зная, что в Дербенте происходит «борьба партий», генерал Зубов отправил к Шихали-хану парламентаров с предложением сдаться на «милость России». Но это предприятие не имело успеха. Подошедшие к Дербенту передовые отряды русских войск были встречены огнем. Русские войска в течение нескольких дней обстреливали Дербент. Число сторонников сдачи города увеличивалось. В конце концов Шихали-хан был вынужден согласиться с настоятельными требованиями горожан и сдать город.

10 мая русские войска заняли Дербент. С жителями города русские солдаты обошлись так, как будто им и не пришлось штурмовать Дербент. Буквально на следующий день в городе восстановилась нормальная жизнь, открылись ремесленные заведения и лавки, возобновилась торговля. Правительницей Дербента была назначена сестра Шихали-хана Переджи-ханум, сторонница русской ориентации. Ее помощником стал наиб Надир-хан. После этого генерал Зубов выступил из Дербента, оставив в городе небольшой отряд. Шихали-хан был взят в плен и вывезен из Дербента. Однако, воспользовавшись недостаточной бдительностью русского командования, он бежал.

Из Дербента генерал Зубов отправился в Баку, где Гусейн-Кули-хан бакинский «со старейшинами города вышли навстречу наместнику и выразили ему покорность». Покорность и преданность России выразили также Джават-хан ганджинский, Ибрагим-хан карабахский, Салим-хан шекинский.

Между тем отряд русских войск под командованием генерала Булгакова совместно с войсками кайтагского уцмья Рустем-хана, шамхала тарковского Магомед-хана и Рустам-кади подошли к Кубе. Старейшины города и жители прочих селений явились к командиру с выражением покорности. Ханом в Кубе был утвержден младший сын Фатали-хана Гасан-хан, известный своей ориентацией на Россию. Из Кубы русские войска, сопровождаемые отрядом феодалов Дагестана, выступили в Южный Дагестан. Здесь Сурхай-хан

Казикумухский совместно с бежавшим к нему Шихали-ханом решили оказать сопротивление. К этому же они пытались склонить и аварского Умма-хана. Однако Умма-хан отказался участвовать в нападении на русских, считая это невыгодным для себя, так как в это время он вел с графом Зубовым переговоры о подданстве. В итоге Сурхай-хан вынужден был изъявить покорность русскому правительству и дать присягу верноподданства.

Политика Павла I в отношении Северо-Восточного Кавказа 6 ноября 1796 г. умерла Екатерина II. На российский престол вступил Павел I. Он приостановил дальнейшее продвижение русских войск и приказал им вернуться на Кавказскую линию.

Каковы бы ни были причины этого решения, вывод русских войск, в то время когда поход генерала Зубова проходил так удачно, был необдуманным шагом. Но тем не менее поход русских войск на Кавказ уже сыграл свою положительную роль. Только благодаря русским войскам было приостановлено нашествие Ага-Мухаммед-хана на Дагестан. Кроме того, прибытие русских войск на Кавказ и их отношение к местному населению разреало распространяемые ирано-турецкими эмиссарами и реакционным мусульманским духовенством небылицы о жестокостях «неверных».

Как и следовало ожидать, с выводом русских войск внешнеполитическое и внутреннее положение Дагестана резко ухудшилось. Шихали-хан вернул себе власть над Дербентом. Торжествовали и те феодалы, которые за неприязненное отношение к России были отстранены от власти.

Весной 1797 г. войска Ага-Мухаммед-хана Каджара вновь вторглись в Карабах, заняли Шушу. Ибрагим-хан карабахский, «твердейший поборник своей независимости», бежал в Дагестан. В Шуше начались грабежи, насилия, пытки и казни. Вновь над народами Кавказа стали сгущаться грозные тучи. Участь шушинцев ожидала и жителей Дагестана, не склонившихся перед шахом Персии в 1795 г. и оказывавших помощь русским войскам. Но осуществить свои планы Ага-Мухаммед-хану не удалось. На восьмой день после занятия Шуши он был убит своими нукерами. После гибели Ага-Мухаммед-хана его приближенные с награбленным добром бежали из Шуши, а вслед за ними в беспорядке бежало и войско персов.

С уходом персидских войск на Кавказе создалась обстановка, благоприятствующая присоединению Восточного Кавказа к России. Феодалы-владельцы Дагестана и Азербайджана неоднократно обращались к России с письмами, в которых просили принять их в русское подданство. Однако Петербургский двор и на этот раз не решился включить Восточный Кавказ в состав России. 5 января 1797 г. Павел I

рескриптом главнокомандующему на Кавказе генералу Гудовичу повелел: содержать Кавказскую линию «в исправном и почтительном состоянии... Народы горские... всякого рода к сей линии прилежные, удерживать в кротости и повинности ласкою, отвращая от них все, что служит к их притеснению или отягощению; для обеспечения же себя в верности их, содержать при вас или в ближайших губернских городах от них аманатов, а при них имея приставов, которые ласкою могли бы удерживать в них приверженность к России». Гудовичу предлагалось довести дело до того, чтобы из владений, приверженных России, «составилось федеративное государство, зависящее от нас, яко верховного их государя и покровителя, который для них тем меньше тягостен будет, поколику мы ни в образ их правления мешаться, ниже от них дани или иные повинности, кроме верности единой к нам, требовать не намерены». Целью создания этого объединения было «заручиться поддержкой народов Кавказа в борьбе России с внешним врагом».

Как видно, Петербургский двор и на этот раз отложил до лучших времен вопрос о присоединении Дагестана и Азербайджана. Это объяснялось тем, что Россия совместно с Англией, Австрией и другими государствами активно боролась с Французской республикой. В 1798 г. вместе с английским и русским черноморским флотом против Франции действовал и турецкий флот. Эти союзнические отношения между Россией и Портой были закреплены русско-турецким договором от 3 января 1799 г. Согласно секретным статьям Константинопольского договора Россия получила, в частности, право проводить черноморский военный флот через Босфор и Дарданеллы. В этих условиях не в интересах России было проводить на Кавказе политику, которая могла бы вызвать обострение во взаимоотношениях с Турцией. Однако стремление России создать на Восточном Кавказе федеративное объединение было обречено на провал, так как в тех конкретно-исторических условиях не было силы, способной соединить воедино разнородные и раздираемые внутренними противоречиями феодальные владения Восточного Кавказа. Не менее утопичной была и мысль одними внушениями предотвратить нашествия Ирана на Кавказ. Вместе с тем весьма благоразумным в «новой политике» было то, что русское правительство вновь обратило внимание кавказского командования на то, чтобы во взаимоотношениях с горцами не допускались меры, которые могли бы вызвать возмущение народов Кавказа, в том числе и Дагестана. Кроме того, новая политика России свидетельствовала о том, что она не намерена вмешиваться во внутренние дела Дагестана и Азербайджана и не собирается покорить их силой. Правительство России обещало покровительствовать в развитии

торговли народов Кавказа с Россией. Все это, как и следовало ожидать, способствовало росту ориентации на Россию.

Между тем в 1799 г. вследствие противоречий, возникших между участниками второй антифранцузской коалиции, царская Россия вышла из нее. К тому же Наполеон после совершенного им 18 брюмера переворота уже не пугал Павла I. С того времени наблюдается активизация политики России на Кавказе. Особой грамотой Павла I вновь было признано шамхальство Тарковское в «подданстве и покровительстве» России. Магди-шамхал был возведен в чин генерал-лейтенанта русской службы с ежегодным жалованьем 600 руб. «на содержание войск в готовности к службе императорского двора и на защиту шамхалова владения». Одновременно в подданство России были приняты владения Аксаевское, Костековское, Эндреевское и Андийское вольное общество. Летом того же 1799 года в подданство России были приняты Кайтаг (уцмий Рустем был возведен в чин 4-го класса с ежегодным жалованьем в 2 тыс. руб.), Табасаран (Рустам-кади возведен в чин 4-го класса с жалованьем 150 руб. в год), ханство Дербентское (Шихали-хан возведен в чин 3-го класса).

Вскоре, однако, выяснилось, что Шихали-хан вел двойную игру, поэтому приверженцы России сообщили о его тайных связях астраханскому губернатору генералу К. Ф. Кнорингу и единогласно решили поставить ханом Гасан-Али-хана, являющегося сторонником России. С этой целью они прислали Павлу I прошение об утверждении ханом дербентским Гасан-Али-хана. Тогда Шихали-хан вынужден был изменить (или сделать вид, что изменил) внешнеполитическую ориентацию, благодаря чему сумел сохранить за собой Кубинское ханство.

С просьбой о русском подданстве к Павлу I обращались и другие феодальные владетели Дагестана, но в связи с неожиданной смертью Павла I они не были приняты в подданство России.

§ 2. ПРИСОЕДИНЕНИЕ ДАГЕСТАНА К РОССИИ

Политика России в начале царствования Александра I В начале XIX в. над народами Кавказа вновь нависла угроза со стороны Ирана. В результате дипломатической борьбы между Францией и Великобританией за преобладание на Ближнем Востоке последняя, подкупив «всех от шаха до погонщика верблюдов»¹, 13 мая 1801 г. заключила с Ираном

¹ К. Маркс, *Хронологические выписки по истории Индии*. М., 1947, стр. 105.

«вечный» политический и торговый договор. С этого времени шах, подстрекаемый Великобританией, стал готовиться к войне. Тогда же Иран усилил антирусскую пропаганду на Кавказе. Однако настойчивые призывы зарубежных агрессоров не имели успеха. Большая часть феодальных правителей Дагестана, исходя из своих интересов, ориентировалась на Россию.

Летом 1801 г. к Александру I с прошением о принятии в подданство России обратились: уцмий Кайтага Рази-бек, владелец Табасарана Сограб-бек, дербентский Гасан-Али-хан, Шихали-хан и другие владельцы Северо-Восточного Кавказа.

Русское правительство приняло посланников Дагестана с почестями, выдало им и их владельцам щедрые подарки, но не решило вопроса о принятии их в подданство России. Точно так же была оказана милость и внимание посланникам других владельцев Дагестана — Рустем-хана кайтагского, Рустам-кади табасаранского, Умма-хана аварского — и приказано, «чтобы они имели терпение, жили спокойно и друг с другом ладили».

В сентябре 1801 г. к России была окончательно присоединена Восточная Грузия, и Дагестан оказался фактически окруженным русскими владениями. Естественно, что это еще более усилило русскую ориентацию владельцев Дагестана.

Однако Александр I, как и в свое время Павел I, решил ограничиться образованием из владений Дагестана и Северного Азербайджана «союза под верховным покровительством» России. Таким образом русское правительство рассчитывало, не усложняя отношений с Ираном, который не оставлял своих претензий на владения Азербайджана и Дагестана, обеспечить безопасность пограничных с Россией областей, а главное, укрепить торговые отношения с Кавказом и Востоком. Этот союз был заключен в Георгиевске 26 декабря 1802 г. в результате довольно длительных переговоров. Договаривающиеся обязались соблюдать преданность союзу, поддерживать друг друга в случае военной опасности, прекратить распри и междоусобицу, решать дела миром. «Когда же спорящимся будет сие неудобно или по разногласию спор такой решен быть не может, то о таких случаях относиться им на рассмотрение е. и. в., яко защитнику и покровителю своему, и по повелениям его на то повиноваться в полной мере по верноподданнической их обязанности».

В статусе союза были и многочисленные пункты, направленные на расширение и укрепление торговли: за провоз товаров через владения членов союза устанавливалась единая пошлина, разбой и грабеж купцов карался строгими мерами и т. д. Нарушители договора должны были нести строгое наказание по усмотрению императора России.

Не успели посланники разъехаться, как союз владельцев,

созданный с таким трудом, дал трещину. Участники переговоров, как и прежде, стремились очернить друг друга в глазах России. Рустем-хан, уцмий Кайтага, например, жаловался на соперника своего Рази и просил у кавказского командования защиты. Рази в свою очередь жаловался на Рустем-хана и также просил помощи России. Такие случаи были массовым явлением. Именно бесконечные междоусобицы и вражда феодальных владетелей обрекали на провал любую попытку объединения феодальных владений. Вместе с тем Георгиевский договор имел большое значение для укрепления и дальнейшего развития взаимоотношений горцев с Россией, явившись важным этапом в подготовке присоединения Дагестана к России. Статьи договора, направленные на нормализацию торговли, также сыграли чрезвычайно важную роль в развитии и оживлении торгово-экономических связей Дагестана с Россией.

Принятие в подданство России Аварского ханства

В начале XIX в. к Александру I с просьбой о подданстве обратился хан Аварии. Однако его просьба тогда не была удовлетворена. Причиной этому послужила не только внешняя политика России тех лет, но и скоростная смерть владетеля Аварии Умма-хана. Его преемник Султан-Ахмед-хан еще более настойчиво стал добиваться русского подданства. В итоге 3 октября 1802 г. Александр I дал свое согласие принять в подданство России ханство Аварское. В начале 1803 г. в Хунзахе Султан-Ахмед-хан в торжественной обстановке в присутствии представителя России капитана Мещерякова принял русское подданство и присягнул на верность России. Согласно принятым условиям Султан-Ахмед-хан обязывался поддерживать союз с соседними ханами и горскими владетелями, подданными России, и не участвовать ни в каких вооруженных столкновениях; в случае нападения шахской Персии на подвластных России или союзных с ней владетелей оказывать помощь войсками; охранять границы Аварии и ограждать границы Грузии; предоставлять русским купцам, приезжающим для торговли в Аварию, равные права с аварцами, «как людям одного государя», и строго карать виновных в ограблении купцов. Обязательства, которые брал на себя и своих подданных Султан-Ахмед-хан, были во многом сходны с условиями Георгиевского договора.

Приблизительно в это же время русские войска под командованием Гулякова присоединили к России важные в стратегическом отношении Джаро-Белоканские общества.

Принятие Аварского ханства в подданство России и присоединение Джаро-Белокан еще более усилили русскую ориентацию феодалов Дагестана и Азербайджана. Многие феодальные владетели и старшины «вольных» обществ на-

горного Дагестана поспешили заверить русское правительство в готовности принять все условия и вступить в подданство России. Но развязанная Ираном первая русско-персидская война несколько задержала включение Дагестана в состав России.

Начало русско-персидской войны.
Присоединение к России Дербентского ханства

22 ноября 1803 г. русские войска вступили в Ганджинское ханство. Правящие круги Ирана использовали это как повод для объявления войны России. 23 мая 1804 г. везир Ирана предъявил ультиматум князю

Цицианову с требованием вывести русские войска «из ханств Азербайджана». При этом правящие круги Ирана, а вслед за ними и реакционные круги западноевропейских держав обвиняли Россию в развязывании войны, хотя задолго до этого Иран при поддержке Англии деятельно готовил агрессию на Кавказ. Конечно, русско-персидская война была захватнической для обеих сторон, но Россия в этой войне объективно играла прогрессивную роль, способствуя подъему освободительного движения азербайджанского, армянского и других народов Закавказья против шахской Персии.

Русско-персидская война началась летом 1804 г., когда шахские войска вторглись в Северный Азербайджан. Возлагая большие надежды на поддержку народов Кавказа, шах разослал феодальным владетелям Азербайджана и Дагестана призывы выступить объединенными силами против России, за что обещал «каждому лезгину по 100 рублей серебром». С аналогичными призывами к горцам Дагестана обратились и правящие круги Турции, обещая «каждому по курушу в день». Подрывную деятельность на Кавказе вели и англо-французские эmissары. Однако настойчивые призывы зарубежных агрессоров не имели успеха.

Первые же столкновения с иранцами показали превосходство русского оружия. Русские войска успешно продвигались на юг, встречая поддержку местного населения.

Успехи русских войск в Закавказье оказали известное влияние и на горцев Дагестана. Ряд владетелей и старшин союзов сельских обществ Дагестана вновь обратились к кавказскому командованию. Так, в 1806 г. к телавскому капитан-исправнику прибыла депутация от Дидойского союза сельских обществ. Возглавлявший депутацию Абакар Муртузалиев объявил, что уполномочен и послан от своего общества сообщить, что «все жители 12 деревень возымели намерение присоединиться к российскому подданству и просят о принятии всех в оное, желая в верности дать присягу». В ответ на запрос телавского капитан-исправника гражданский правитель Грузии А. М. Литвинов предложил ему выяснить истинное намерение просителей и, если оно совпадает с предъявляемыми Россией требованиями, отпра-

вить их в Тбилиси для дачи присяги. «Они, — доносил капитан-исправник, — желают вступить в подданство России по двум причинам: дабы обитать под владением монарха, славно превознесшегося непобедимым оружием и благосклонностью к верноподданным, и чтобы не возбранный был им пропуск ездить для торговли в край, под державою России находящийся». Со своей же стороны они дают «обещание служить с выгодами российскому правительству... в благодарность же за принятие... дают из первейших семейств от каждой деревни по 2 человека аманатами», а также обязуются принять и исполнить все условия, которые предложит Россия. После всего этого из числа горской депутации были отобраны несколько человек и отправлены в Тбилиси, где они дали клятву на вечное подданство России.

С началом русско-персидской войны находящиеся в неприязненных отношениях с Россией Шихали-хан дербентский, Сурхай-хан казикумухский и беглый грузинский царевич Александр по указке шаха Ирана пытались организовать выступление горцев против России. Шихали-хан предпринял попытку поднять антирусское выступление в Южном Дагестане, но табасаранцы отказались помочь ему. Призывы Сурхай-хана также не нашли отклика среди подвластного ему населения. Учитывая это, Сурхай-хан разослал во все концы Дагестана преданных лиц, с тем чтобы из разных горских аулов собрать людей, и обещал платить каждому по 45 руб.

В итоге ценой больших затрат, тщательно скрывая цели сбора, Сурхай-хан все же сумел собрать ополченцев. Снабренным войском он прибыл на границы Грузии. Судя по письму Сурхай-хана старшине пограничного с Грузией союза сельских обществ Магомеду Вузурлу, у него был стговор с аварским ханом и с грузинским царевичем Александром, «которые на сих днях должны прийти и соединиться, и по тому договору дербентский Шихали-хан и шемахинский Мустафа-хан... заодно»; тех же владельцев, которые были не на стороне Сурхай-хана, он предполагал изгнать из их владений. Наступление против русских войск должно было быть начато после прибытия шахских войск в Ганджу. И действительно, в июле 1806 г. в сел. Карамурат, в 80 км от Елисаветполя, прибыли Гусейн-Кули-хан, царевич Александр, Насиб-бек шамшадильский и все бежавшие в Иран аглары с шахским четырехтысячным войском. Однако, не решаясь до прибытия основных шахских войск, возглавляемых Аббас-мирзой, сразу же напасть на Елисаветполь, они «занялись привлечением народа на свою сторону, рассылая письма, фирманы» и т. п.

Однако совместное выступление шахских войск и ополченцев, возглавляемых Сурхай-ханом, Шихали-ханом и дру-

гими антирусски настроенными феодалами Дагестана, не состоялось. Этому помешало вступление в Дагестан русских войск под командованием генерал-лейтенанта Глазенапа.

Жители приморского Дагестана, как и в 1796 г., оказывали посильную помощь продвигающимся русским войскам. Они починили или отстроили заново мосты. Через «быструю реку Сулак учредили достаточное число паромов, так что через сие... неутомимое старание все войско с тяжелой артиллерией и обозом безостановочно прошло». Многие горцы Дагестана изъявили желание участвовать в войне на стороне России и были зачислены на службу в русские войска.

В районе Бойнака к войскам Глазенапа присоединился отряд шамхала тарковского Мехти-хана. Жители Дербента, узнав о приближении русских войск, изгнали Шихали-хана из Дербента и, выбрав правителем Али-Пенах-бека, отправили навстречу русским посланцев с изъявлением преданности России. Когда русские войска подошли к Дербенту, «жители огромною толпою вышли к русским» и преподнесли им ключи от города.

21 июля 1806 г. русские войска без боя вступили в Дербент. Жители города были приведены к присяге «на вечную верность и подданство России». За оказанную верность русское командование объявило дербентцам благодарность и освободило их от подводной повинности. 23 августа 1806 г. Дербентское ханство было передано в управление тарковскому шамхалу Мехти. «Сверх жалования, — говорилось в грамоте, данной шамхалу, — какое получаете вы на содержание в готовности войск на службу нашу и для обороны вашего владения, позволяем вам пользоваться всеми доходами ханства Дербентского по прежним правам и обычаям, за исключением города Дербента и доходов оногo, которые должны поступать в нашу императорскую казну».

3 октября 1806 г. русские войска под командованием генерала Булгакова без боя заняли Баку. Оставив в городе гарнизон и возложив управление на генерал-майора Гурьева, генерал Булгаков выступил к Кубе. Когда русские войска приблизились к городу, к генералу Булгакову обратился Шихали-хан с просьбой простить «ошибки» и привести его к присяге. Заняв без боя Кубу, генерал Булгаков отстранил Шихали-хана от управления ханством, назначив наиба Хаджи-бека. Шихали-хану было разрешено безвыездно проживать в выбранной им деревне. Но вскоре он, нарушив данное обещание, собрал партию своих приверженцев и ушел с ними в Казикумух.

Между тем генерал Булгаков, достигнув сел. Цахур, отправил адъютанта Кравцова и майора Тарасова к Сурхай-хану для приведения его к присяге. Сурхай-хан отве-

чал, что он готов «с чистосердечным усердием повернуть себя с детьми своими и со всем своим владением в вечное подданство русскому скипетру», но отказывался подписать предлагаемые Россией условия.

Затянувшиеся переговоры закончились в декабре 1806 г. Сурхай-хан в присутствии генерал-майора Лихачева дал присягу на верность России и обязался платить России ежегодно по 3 тыс. червонцев.

**Начало русско-турецкой войны.
Принятие в подданство России
обществ нагорного Дагестана**

За военными успехами России с беспокойством следили правящие круги султанской Турции. Подстрекаемая наполеоновской Францией, Турция явно шла к войне с Россией. Ведя деятельную подготовку к войне, Турция поспешно стала подвозить все необходимое для войны в пограничные пашалыки, укреплять крепости на кавказском побережье и через эрзерумского Юсуф-пашу установила связь с Аббас-мирзой на предмет согласования плана совместной борьбы обоих государств. Одновременно султан усилил антирусскую деятельность. В Дагестан, Азербайджан, Кабарду были разсланы щедрые подарки, письма и фирманы султана с призывом подняться на священную войну против России.

В 1806 г. Турция начала военные действия против России. Теперь русским войскам в Закавказье пришлось вести борьбу на два фронта. Но, несмотря на это, к ноябрю 1806 г. русские одержали ряд блестящих побед над войсками султана и шаха. Турция и Иран оказались вынуждены прибегнуть к помощи наполеоновской Франции. Между Ираном, Турцией и Францией был подписан Финкинштейнский военно-оборонительный союз. В Иран прибыл генерал Гордон с заданием Наполеона сосредоточить все силы Тройственного союза в борьбе против России. Вместе с генералом Гордоном в Иран прибыли многочисленные французские инструкторы для обучения шахской армии. Но, несмотря на помощь и поддержку Франции, ни Иран, ни Турция не достигли военных успехов. Организовать выступление народов Дагестана против России им тоже не удалось. Даже Сурхай-хан стал заверять Россию в своей преданности. Султан-Ахмед-хан, учитывая создавшуюся обстановку, также оставил свои замыслы организовать антирусские выступления. Признав свою виновность, он обратился к кавказскому командованию с просьбой простить его ошибки и в присутствии представителя России князя Орбелиани присягнул на верность Русскому государству.

Тем временем русские войска, в числе которых были и представители народов Кавказа, встречая всюду радушный прием, освободили Нахичевань и осадили Эривань. Успехи

русского оружия вызвали настоящую панику при дворе шаха. Французская миссия, принимавшая все усилия для сохранения своего влияния при шахском дворе, направила к кавказскому командованию секретаря посольства с предложением приостановить осаду Эривани. Главнокомандующий на Кавказе генерал Гудович отклонил требование французской миссии и 17 ноября 1808 г. штурмовал укрепленную по всем правилам европейской военной техники Эривань. Хотя русские войска не смогли овладеть крепостью, к концу осенней кампании 1808 г. Иран оказался в крайней тяжелой обстановке.

Правящие круги Ирана были намерены продолжать войну, но в стране не хватало средств и вооружения. В течение трех лет войны были истреблены две регулярные армии. Оказавшись в критическом положении, правящие круги Ирана вынуждены были порвать связь с Францией и пойти на соглашение с Англией. С этого времени, получая из Англии крупные суммы денег, вооружение и боеприпасы, Иран стал готовиться к новым схваткам. Подготовив с помощью Великобритании значительные воинские силы, Иран двинул их в Закавказье, возобновив военные действия.

После подписания англо-турецкого договора (в январе 1809 г.) Османская Порта также возобновила войну с Россией. Ирано-турецкие захватчики вновь развернули среди народов Кавказа активную антирусскую пропаганду. Феодалы старались подкупить щедрыми подарками и деньгами. Только царевичу Александру было выдано 120 тыс. руб., к Шихали-хану отправлено было «судно с денежной казной и разными товарами» для вовлечения жителей в войну против России. Непосредственное участие в подрывной антирусской деятельности принимали и чиновники английской миссии в Иране. В своих многочисленных письмах, разосланных по Северо-Восточному Кавказу, английский посланник призывал население к войне с русскими, играя на религиозных чувствах мусульман.

Получив указания и средства из Ирана, Шихали-хан, Сурхай-хан и некоторые другие феодалы Дагестана воспрянули духом и сразу же приступили к активизации антирусской пропаганды. Они распространяли ложные слухи о победах Ирана и Турции. Широко применяя обман, подкуп, а нередко и силу, вербовали горцев в свои отряды. Али-Султан дженгутаевский, по словам очевидца, «силою выгонял акушинцев с угрозами: кто не пойдет, у того отнимут вола и разорят дом».

Сколотив таким образом отряд и пользуясь тем, что русские войска были передвинуты к театру военных действий, Шихали-хан сделал попытку овладеть Дербентом. Но насе-

ление Дербента без помощи русских войск отразило это нападение. Против Шихали-хана в это время выступило и большинство владетелей Дагестана. Кадий табасаранский, уцмий кайтагский, шамхал тарковский и другие, писал Шихали-хан первому министру Ирана Мирза-Шефи, «изменили богу и шаху», они «усердны и соединены с русскими».

Летом 1809 г. к русскому командованию на Кавказе прибыл Гитинав Сайтов и объявил, что он прислан от Технучальского союза сельских обществ сообщить о желании жителей «вступить в повиновение России и, если надо будет, отдать аманатов». Кроме того, он сказал, что в случае надобности каратинский старшина Курбит и он готовы «привести сюда лезгинское войско». Тогда же с просьбой о принятии в подданство Российской империи обратились старшины Тендальского, Балхорского и других союзов сельских обществ нагорного Дагестана.

Для принятия в подданство России этих обществ кавказское командование отправило в Дагестан русских офицеров. В их присутствии старшины от имени своих обществ дали клятву на верноподданство, приняли и подписали условия, предложенные кавказским командованием, и отдали по «обычаю времени» аманатов из лучших семейств. Было документально оформлено принятие в подданство России Шодротского, Балхорского, Ансалтинского, Кодротского, Тендальского, Рогочинского, Бигнадальского, Колалалского, Малалалского, Гугутского и других обществ нагорного Дагестана, а также «вольных» магалов: Ахтынского, Мискинжинского, Кергиургинского, Докузпаринского и деревни Эрисни, где до этого пребывал Шихали-хан и др.

Успехи русского оружия и вступление в русское подданство обществ нагорного Дагестана резко ухудшили положение Шихали-хана, Сурхай-хана и их сообщников. Шихали-хан приготовился бежать в Иран, а Сурхай-хан готов был «подписать трактат и обещал приехать куда угодно».

Англия, заинтересованная в продолжении войны в Закавказье, увеличила ежегодную субсидию шаху до 200 тыс. туманов. В Иран были отправлены инструкторы, артиллерия, боеприпасы и военное снаряжение. Кроме того, в Иран было отправлено из Бендер-Бушира трехтысячное войско, 100 пушек, 2 тыс. ружей, «разного рода мастера для литья пушек и построения судов» и большое количество сукна для обмундирования армии. Тогда же, не без влияния Англии, Иран, чтобы выиграть время, предложил России начать переговоры о мире. Россия, в интересах которой было быстрое окончание войны, охотно согласилась. Однако вскоре стало известно, что Иран ведет двойную игру. В то время как дипломатические представители шаха намеренно

затягивали переговоры, в Иране под руководством англичан шла деятельная подготовка к войне.

В районе Карабаха, Нахичивани, Ардебиля и Талыша английские инженеры строили крепости с глубокими рвами и подтягивали туда провиант и боеприпасы. Летом 1810 г., основательно подготовившись к возобновлению военных действий, представители Ирана не соглашались даже на те статьи, которые раньше не вызывали у них возражений, требовали от России передачи Карабаха — Талыша, а также изъятия из титула главнокомандующего на Кавказе «главнокомандующий в Дагестане». Хотя до тех пор Россия возлагала большие надежды если не на полный мир, то по крайней мере на перемирие, последние требования Ирана, естественно, разрушили все планы России.

В разрыве русско-персидских переговоров немалую роль сыграла и Турция. Так, по повелению султана посланы были «весьма знатные подарки тегеранскому двору» и была обещана 12-тысячная турецкая армия. Отдавая армию в совершенное распоряжение Ирана, Турция обещала также передать Ирану Карсский и Ахалцыхский пашалыки, если последний начнет наступление против России. В это время при активном участии английской дипломатии был заключен первый в истории Ирана и Турции военный договор о совместной борьбе против России, после чего новая схватка в Закавказье стала вопросом времени.

По-прежнему возлагая большие надежды на поддержку народов Кавказа в борьбе против России, ирано-турецкие захватчики всеми силами старались привлечь население Кавказа на свою сторону и тем самым ослабить силы России. Но горцы Дагестана, за исключением некоторых феодалов и верхушки местного мусульманского духовенства, не оправдывали надежд Ирана и Турции. Об этом красноречиво свидетельствует хотя бы то, что горцы передавали русским властям фирманы султана и шаха. Кроме того, представители различных обществ неоднократно обращались к кавказскому командованию с просьбой принять их на действительную службу для участия в борьбе против Ирана и Турции. Так, в июле 1810 г. главнокомандующим на Кавказе генералом Тормосовым был принят в русскую армию большой отряд горцев Дагестана. И, наконец, ряд «вольных» обществ Аварии добивался принятия их в подданство России. В сентябре 1810 г. к генералу Тормосову прибыл посланник сел. Чох Мухаммед-кази с письмом от всего общества, в котором указывалось, что «мысль о преданности нашей к Русской державе и о вступлении нашем в ее подданство заняла наши сердца с давнего времени, и мы извещаем вас об этом и присылаем к вам аманата». Осенью 1810 г., после принятия условий и присяги на верность, об-

щество Чох было принято в подданство России. Росла ориентация на Россию и широких народных масс Казикумуха и Кюры. Все это поколебало положение феодалов, склонявшихся на сторону Турции и Ирана. В связи с этим был вынужден круто изменить свою политику и Сурхай-хан. Он обратился с покаянием и обещал впредь оставаться верно-подданным России. Для принятия Сурхай-хана со всем его владением в подданство России кавказское командование отправило в Казикумух Джафара-кули-хана, азербайджанца по происхождению. В Казикумухе Сурхай-хан присягнул на верность и подданство России и отдал двух аманатов из лучших казикумухских старшин.

Между тем в 1810 г. русские войска разбили персов в Карабахе и прогнали их за р. Аракс. Не увенчалась успехом и попытка ирано-турецких агрессоров вторгнуться в Грузию через турецкие пашалыки. Близ Ахалкалаки русские войска наголову разбили объединенные силы Ирана и Турции. Вместе с русскими войсками здесь успешно сражались отряды мусульман Кавказа.

Принятие в подданство России владений Южного Дагестана и Кюринского ханства Победы русских в 1810 г. нанесли серьезный удар по ирано-турецкому военному союзу. Обеспокоенная этим, Англия стремилась не допустить прекращения войны Ирана с Россией. С этой целью она выдала Ирану трехгодичную субсидию в размере 600 туманов, оружие и военное снаряжение. В это же время в Тегеран прибыл везир турецкого султана Азим. Началась деятельная подготовка к новым военным действиям. Одновременно по повелению султана эрзерумский, карский, ахалцыхский паши также вели деятельную подготовку к войне. Вновь на Кавказ были отправлены агенты, которые «с помощью английского золота» должны были «возбудить к возмущениям и набегам горцев Дагестана». Широкою подрывную деятельность развернул в Дагестане Шихали-хан, пользуясь ложью и клеветой, обманом, запугиванием. Его люди ездили по аулам Дагестана и требовали, «чтобы из каждых двух домов один человек готов был идти к Шихали, а который не послушает, у того дом разорят и имущество будет отнято». Аналогичными приемами в Джаро-Белоканах пользовался и Сурхай-хан.

Завербовав таким образом ополчение, Шихали-хан вместе с сыном казикумухского Сурхай-хана Нух-беком предпринял безуспешную попытку овладеть Кубой. Основной причиной неудачи было то, что ополченцы скоро поняли истинные намерения Шихали-хана и стали расходиться по домам. Как ни старался Шихали удержать их, «начиная от Тарков до Койсу и Кизляра, никто не согласился принять сторону Шихали».

В начале 1811 г. против Шихали-хана были направлены русские войска под командованием генерала Хатунцева; к ним присоединился отряд казикумухского Арслан-бека. При первой же встрече русские войска без особого труда разбили остатки отряда Шихали-хана и Нух-бека. Вскоре после этого жители Южного Дагестана прислали к генералу Хатунцеву «почетных лиц» от разных обществ и магалов. Они заверяли в своей верности и просили принять их в подданство России. В феврале 1811 г. было вновь подтверждено и документально оформлено принятие в подданство России так называемых вольных магалов Южного Дагестана: Ахтыпаринского, Докузпаринского, Алтыпаринского и др.

В 1811 г. русские войска с отрядом Арслан-бека вступили в Кюру. К генералу Хатунцеву прибыли посланники от аулов Кюры с жалобами на насилие и притеснения Сурхай-хана и с просьбой покровительства Всероссийской империи. В январе 1812 г. Кюринское ханство было присоединено к России, управление им поручено Арслан-беку, который был возведен в сан кюринского хана.

Арслан-бек обязывался управлять «ханством с кротостью и человеколюбием» и без предварительного согласия главнокомандующего в здешнем крае не иметь сношений с окрестными владениями, России не принадлежащими. Кроме того, Арслан-хан обязался брать на постой русские войска и вносил в русскую казну «по 3 тысячи червонных и по 3 тысячи четвертей хлеба в год».

Принятие в подданство России Казикумуха и Акуша-Дарго В то время, когда Кюринское ханство принимали в русское подданство, в Курах к генералу Хатунцеву прибыли из Казикумуха Хасан-бек и Фатали-бек с просьбой о принятии в подданство России. Кроме того, они сообщили, что Шихали-хан собирается бежать в Персию, а Сурхай-хан боится прибытия русских войск в Казикумух, так как аварцы, акушинцы и цудахарцы отказывают ему в поддержке.

Казалось бы, это был прекрасный момент для изгнания Сурхай-хана и присоединения к России Казикумухского ханства. Но генерал Хатунцев, вместо того чтобы двинуться в Казикумух, оставив в Курахе гарнизон из двух некомплектных батальонов и 90 казаков под командованием майора Рябинина, двинулся обратно к Кубе.

Как только Хатунцев с основными силами своего отряда оставил Южный Дагестан, Сурхай-хан в надежде укрепить свое пошатнувшееся положение стал склонять на свою сторону жителей окрестных владений. После того как старшины акушинских и других близлежащих селений отказались поставить ему войска, он через своих посланников

стал подстрекать к антирусским выступлениям ахтышцев, рутульцев и др. Тогда кавказское командование снова направило в Дагестан отряд под командованием генерала Хатунцева для наказания Сурхай-хана. Вскоре русские войска прибыли в Курах. Узнав об этом и поняв безвыходность своего положения, Сурхай-хан прислал к генералу Хатунцеву своего чиновника, «уведомляя, что он оставляет все донныне бывшие с его стороны намерения и предприятия, клянясь богом, что он впредь будет спокоен». А 17 июля он послал с сыном Муртазали присягу на верность русскому государству. Однако жители Казикумухского ханства и соседних владений, не довольствуясь данным Сурхай-ханом обещанием, посоветовали назначить ханом Казикумуха Муртазали. После этого Сурхай-хан вынужден был оставить Казикумух и бежал в Иран.

В июле 1812 г. к генералу Хатунцеву прибыли от ахтинского и всего даргинского народа кадии и почетные старшины с просьбой принять в подданство России даргинский народ. От имени народа они присягнули на верность России и были приняты в русское подданство.

Таким образом, к осени 1812 г. завершился длившийся многие годы процесс вхождения Дагестана в состав России.

Конец русско-турецкой и русско-персидской войн.

Юридическое оформление присоединения Дагестана к России

В 1811--1812 гг. русские войска разбили в Закавказье превосходящие силы турок. Тогда же на Балканах русские под командованием М. И. Кутузова одержали ряд блестящих побед над турками. Двенадцатитысячная турецкая армия капитулировала.

Потерпев полное поражение, Турция запросила мира. Однако переговоры затягивались из-за активного вмешательства Франции и Англии.

В мае 1812 г., после продолжительных переговоров, за месяц до вторжения Наполеона в Россию, был подписан Бухарестский мир. Одновременно русская дипломатия, желая как можно быстрее закончить войну в Закавказье, предложила Ирану новые, более легкие условия, в которых предлагалось «поставить границы по местам тех владений, которые ныне находятся под властью России», вместо прежних по рекам Куре, Араксу и Арпачаю. Однако персы отклонили предложение России. Вторжение Наполеона в Россию усилило надежды Ирана на легкие победы в Закавказье.

Воспользовавшись отъездом Ртищева из Асландуза в Тбилиси, персидские войска вторглись в Карабахское и Талышское ханства. Отряды под начальством полковника Друвиля заняли крепость Ленкорань, а передовые отряды под командованием майора английской службы с восемью

пушками напали «на укрепленные места в надежде одним ударом разбить стену». Но одолеть русских они не смогли. «С англичанами имею дело, — доносил капитан-лейтенант Веселый, — а не с другими конми либо... Они действуют единодушно с персами против нас, несмотря на заключение мира с Англией».

В октябре 1812 г. войска генерала Котляревского очистили от персов крепость Асландуз, а 1 января 1813 г., после ожесточенной схватки, заняли крепость Ленкорань.

Внушительные победы, одержанные русскими в Закавказье, совпали с победой России над Наполеоном. Встревоженные победами России, учитывая, что продолжение русско-иранской войны неизбежно приведет к полному разгрому Ирана, а следовательно, и дальнейшему усилению России на Востоке, английские дипломаты делали все, чтобы спасти Иран. Англичан беспокоило и то, что воюющие стороны могут подписать мир без участия Великобритании, что безусловно уменьшило бы ее влияние при шахском дворе. Поэтому английский посланник Аузли добивался от России максимальных уступок. В то же время Англия старалась убедить Иран и Турцию в необходимости военного союза против России и образования, таким образом, нового анти-русского блока. В самом Иране при активной поддержке и помощи Англии велась деятельная подготовка к новой военной кампании.

Учитывая все это, Россия считала необходимым требовать немедленного заключения мира.

В сентябре 1813 г. в местечке Гюлистан в Карабахе встретились генерал Ртищев и уполномоченный шаха Мирза-Абдул-Хасан. А 24 октября 1813 г. между Россией и Ираном был подписан Гюлистанский мирный договор.

По условиям мирного договора за Россией закреплялась вся территория, «какая ныне находится в совершенной их власти».

Шахская Персия отказывалась от притязаний на Дагестан, Грузию, ханства Кубинское, Ширванское, Карабахское и Ганджинское. Таким образом, Гюлистанским мирным договором было юридически оформлено вхождение Дагестана в состав России. Этот акт явился по существу переломным моментом в истории многоязычного Дагестана.

Согласно статье 5 договора, Персия признала за Россией исключительное право иметь военный флот на Каспийском море. Следует подчеркнуть, что эта статья была направлена не столько против самого Ирана, сколько против возможных попыток со стороны Англии и Франции использовать с помощью Ирана Каспийское море для нападения на Россию. Купцы обеих сторон получали право на свободную торговлю в Иране и в России.

Гюлистанский мирный договор имел огромное значение как для России, так и для народов Кавказа, в том числе Дагестана. Подготовленное всем ходом русско-дагестанских отношений и оформленное Гюлистанским договором вхождение Дагестана в многонациональное централизованное русское государство было единственно возможным путем для обеспечения внешней безопасности, ликвидации экономической и политической раздробленности, для выхода из застойного положения, в котором пребывали народы Дагестана на протяжении многих веков.

Присоединение Дагестана к России — стране, по уровню своего развития ушедшей значительно дальше, чем Турция или Иран, в течение столетий претендовавшие на господство в Дагестане, стране с развивающейся культурой, передовым общественно-политическим движением, — было объективно исторически прогрессивным явлением. В 1851 г. Ф. Энгельс писал К. Марксу, — «...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»².

² Энгельс — Марксу, 23 мая 1851 г., — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 27, стр. 241.

Г Л А В А II

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ДАГЕСТАНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

§ 1. ХОЗЯЙСТВО

Полеводство и садоводство В первой половине XIX в. в связи с включением Дагестана в состав России происходили заметные сдвиги в экономике края. В плоскостном и предгорном Дагестане постепенно увеличивались площади под посевами зерновых за счет расчистки земель от лесов и искусственного орошения. На равнине господствовали залежная двух- и трехпольная системы земледелия. Преобладающими культурами были озимая пшеница, ячмень, просо, кукуруза и рис. Обилие пашец, хорошие географические и климатические условия плоскости и предгорья давали населению этих районов возможность производить хлеб не только для себя, но и для продажи в горный Дагестан и даже за его пределы.

В связи с ростом зернового хозяйства постепенно улучшилась техника обработки земли, совершенствовалась оросительная система. Для обработки земли применялся большой деревянный плуг с широким железным лемехом, в который обычно впрягали восемь волов или буйволов. Ввиду того что одному, двум и даже трем крестьянам не под силу было выставлять полное тягло, односельчане объединялись большими группами.

Боронование производили деревянной бороной или просто волочением связки хвороста. Прополку зерновых культур, исключая кукурузу, производили редко. Хлеб жали серпами, молотили на гумне молотильными досками. Зерно мололи на водяных мельницах.

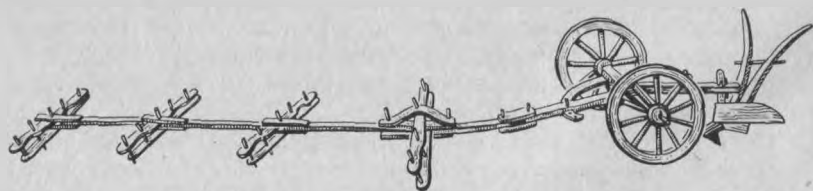
Серьезное влияние на развитие культуры земледелия в Дагестане оказали русские переселенцы. Под влиянием общения с русскими переселенцами начали заниматься земледелием и кочевники-ногайцы, что стимулировало их переход к оседлости.

Стремление правящего класса России использовать для развивающейся промышленности богатства края объективно способствовало развитию производительных сил Дагестана. Так, благодаря быстрому росту хлопчатобумажной промышленности, где наряду с голландским крапом употреблялась и кавказская марена, стало бурно развиваться и мареноводство в Дербенте, Южном Табасаране, Кайтаге, шамхальстве Тарковском и в Засулакской Кумыкии. Если в 1807 г. из Дербента вывозили 6—7 тыс. пудов марены, то в 1830 г. вывоз ее достиг уже 35 тыс. пудов.

Бурно развивающееся мареноводство являлось важнейшим источником доходов населения мареносеющих районов Дагестана. И не случайно поэтому дербентцы говорили: «Сеять марену — значит сеять золото». Следует также особо отметить, что развивающееся в плоскостных и предгорных районах мареноводство было значительным подспорьем и для жителей нагорного Дагестана. Источники отмечают, что в Дербенте, Тарках и других местах горцы с весны до осени работали на маренниках.

В интересах обеспечения развивающейся текстильной промышленности России сырьем предпринимались попытки увеличения производства и улучшения качества хлопка и шелка. С этой целью в 1844—1846 гг. делались попытки культивации в Дербенте выписываемых из Египта, Сицилии и Америки длинноволокнистых сортов хлопка.

Особое внимание царская администрация обращала на развитие садоводства и огородничества. По предложению князя Воронцова Кавказский комитет принял решение «избрать удобные места и учредить плодовые рассадники в разных местах Закавказского края с целью развития и водворения улучшенного садоводства и виноделия». Вслед за этим в Дербенте и других местах были заложены образцовые сады, заведование которыми было поручено первому губернатору Дербента князю А. И. Гагарину. В результате к 1851 г. в Дербентском уезде было уже полторы тысячи садов. Намного увеличилось число садов и в других местах равнинного и предгорного Дагестана. Но особенно заметных

Плуг «сабан»

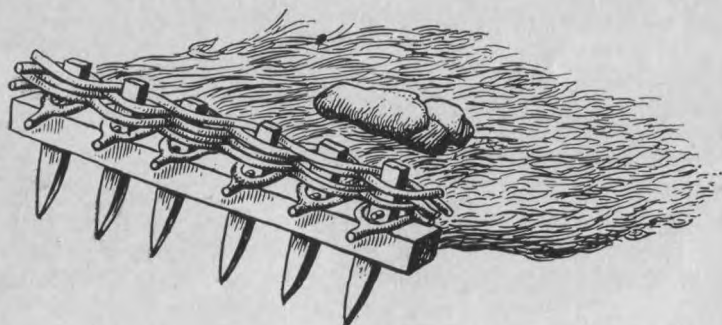
успехов достигло в описываемое время виноградарство. Русское правительство, заинтересованное в развитии отечественного виноделия, проявляло заботу об увеличении в Дагестане площадей под виноградниками и улучшении сортов винограда. Так, например, в Дербентском уезде было высажено значительное число виноградных лоз крымских сортов. Посадки привозного винограда производились и в других местах приморского и Северного Дагестана. Так, в районе Кизляра и Петровска в 40-е годы XIX в. было посажено несколько тысяч лоз муската и других французских сортов винограда, выписанных из Крыма.

Вслед за правительством, оценив выгоды от виноградарства и виноделия, местные владельцы виноградников также стали увеличивать площади посадок, улучшать сорта винограда. С ростом виноградарства в крае увеличилось производство вина. Наиболее крупными центрами виноделия в описываемое время были Дербент и Кизляр.

Жители горного Дагестана также успешно занимались полеводством и садоводством. Хотя земельная теснота и необходимость затрачивать сверхчеловеческие усилия для горного земледелия создавали серьезные трудности, все же более 90% горцев занимались полеводством и садоводством, и доход от этих отраслей хозяйства являлся для большинства горского населения основным источником существования.

Вспашку горцы производили деревянной сохой с железным лемехом с двумя отвалами, в которую впрягали пару волов. Осенью, сейчас же после снятия урожая, поднимали зябь; ранней весной, перед яровым севом, вносили большое количество удобрений (навоз, золу и пр.).

Женщины-горянки по несколько раз в сезон пропалывали пахотные участки. Женщины также жали, мужчины вязали снопы и укладывали в скирды, дети собирали колосья

Борона

Праздник «Первого плуга»

так тщательно, что после них трудно было найти в поле хотя бы один колос.

Молотьбу хлеба по-прежнему производили на вычищенном и утрамбованном гумне молотильными досками. Зерно с мякиной собирали в кучу, и мужчины веяли его, подбрасывая специальными деревянными лопатами. День окончания молотьбы и день первой борозды отмечали как народный праздник.

На низинах, где потеплее, обычно сеяли кукурузу, которая подвергалась двукратной прополке с небольшим окучиванием вокруг каждого стебля. На кукурузных участках обычно между рядами сажали фасоль, а по краям террас — тыкву и фруктовые деревья с таким расчетом, чтобы тень их не падала на кукурузный участок. Таким образом, горцы выращивали на одном участке кукурузу, фасоль, тыкву и фрукты.

Садоводство в нагорном Дагестане получило широкое развитие по речным долинам, где климатические условия были наиболее благоприятны. Обилием садов известны селения Куппа, Хаджал-Махи, Ахты, Касумкент, Гимры, Могох, Чирката, Чиркей, Ашильта, Игали, Унцукуль, Араканы, Гоцатль, Голотль, Ботлих, Мули, часть селений Салатавии, Кайтага, Табасарана и др. В садах Дагестана культивировали айву, яблони, груши, персики, абрикосы,

сливы, хурму, миндаль, тут, грецкий орех. Продукты садоводства и виноградарства в большинстве селений плоско-горного и горного Дагестана служили не только для личного потребления, но и для продажи.

Животноводство Второй ведущей отраслью хозяйства Дагестана было животноводство. Жители равнинного и предгорного Дагестана занимались разведением преимущественно крупного рогатого скота, а население горных зон предпочитало овцеводство.

Крупный рогатый скот плоскогорного Дагестана отличался от горного своей величиной и продуктивностью. Преимущество горного скота заключалось в его выносливости и неприхотливости. Имея прекрасные присельные пастбища и хорошие поливные сенокосы, жители плоскости и предгорья могли содержать немалое количество крупного рогатого скота. С весны до глубокой осени скот содержался на подножном корму на присельных пастбищах, зимой находился в хуторах и селениях и был обеспечен сеном, соломой и кукурузными стеблями, нередко и зернофуражом.

Скотоводство нагорного Дагестана по-прежнему носило отгонный характер. В конце сентября овцы и козы, а иногда и крупный рогатый скот перегонялись на зимние пастбища, расположенные на Терско-Сулакской и Приморской низменностях Дагестана, а также на равнинах Азербайджана и Грузии.

Отгонная система была сопряжена с рядом трудностей. Надо было арендовать зимние пастбища, причем главным образом у феодалов, которые старались получить с овцеводов возможно более высокую арендную плату. На случай суровой зимы надо было заготовить корма и иметь кошары для овец, что обходилось дорого. В период окота, стрижки и дойки надо было иметь на зимовке большое число людей. Поскольку каждый, кто имел 50—100 овец, не мог самостоятельно нести все расходы, связанные с арендой зимних пастбищ и проведением зимовки, несколько хозяйств (обычно 10—15) составляли «кош» и все расходы распределяли между собой пропорционально количеству овец. Один из членов коша выбирался удаманом, и ему подчинялись все чабаны. Крупный рогатый скот, за редким исключением, зимой оставался в горах и находился на стойловом содержании.

К концу первой половины XIX в. из среды овцеводов выделяются наиболее крупные, которые сосредоточивают у себя основное поголовье овец и коз. Эти хозяйства приобретают летние и зимние пастбища и ставят мелкие овцеводческие хозяйства в зависимое положение.

В первой половине XIX в. в скотоводческом хозяйстве Дагестана произошли существенные изменения.

Если до присоединения Дагестана к России здесь не было конских заводов, то уже в первой четверти XIX в. в Засулакской Кумыкии их было 6 (до 600 лошадей в каждом). В 1855 г. только в одной Дербентской губернии насчитывалось 60 конских заводов. Намного увеличилось поголовье лошадей в шамхальстве Тарковском, в ханстве Кюринском, Табасаране.

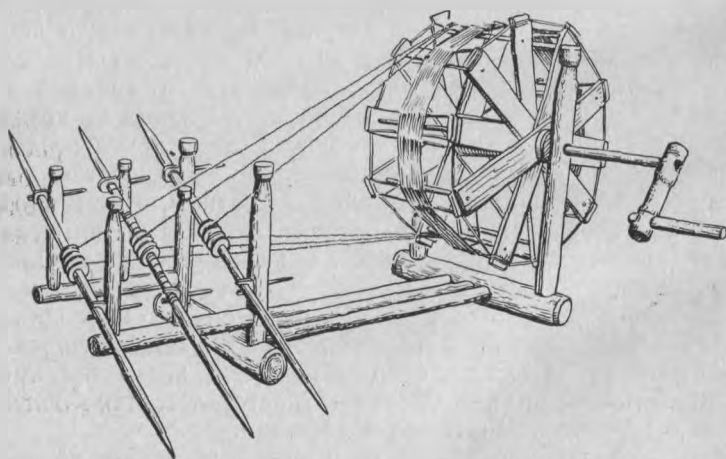
В первой половине XIX в. в Северном Дагестане стало развиваться тонкорунное овцеводство. Впервые в Предкавказье мериносы были завезены переселенцами в конце XVIII в., так что появление и развитие в Предкавказье, в том числе и Северном Дагестане, тонкорунного овцеводства явилось крупной заслугой русских и украинских переселенцев. Их же усилиями на Северном Кавказе была создана новая отрасль животноводства — свиноводство. Правда, в первой половине XIX в. оно не получило сколько-нибудь заметного развития.

Кустарное производство

В первой половине XIX в. дальнейшее развитие получили промыслы. Господствующей формой кустарной промышленности в Дагестане в начале XIX в. являлась домашняя промышленность.

По охвату населения кустарным промыслом и по разнообразию производимых изделий Дагестан занимал первое место на Северном Кавказе. Здесь изготовлялись все необходимое в обиходе: домашняя утварь, холодное и огнестрельное оружие, сельскохозяйственный инвентарь и т. д.

Производство сукон было развито преимущественно у аварцев, даргинцев и лакцев. Вырабатывались сукна есте-

Прялка с колесом

ственного цвета шерсти, в том числе и совершенно белые, которые шли на изготовление верхней одежды, особенно черкесок. В ряде селений (Акуша, Кутиша, Муги, Усиша, Хаджал-Махи, Цудахар и др.) выделялись исключительно тонкие и мягкие сукна из верблюжьей шерсти, которая в большом количестве закупалась в Астрахани.

Производство ковров, сумахов, паласов, мешков, чулок, носков и т. д. было распространено повсеместно. Однако центром коврового производства являлся Южный Дагестан, особенно селения Микрах, Ахты, Рутул, Гильяр, Магарамкент, Курах, Капийар, Зизик, Куркент и др. В Темир-Хан-Шуре делали арбабаши, в селениях Казанищи и Гелли — высокого качества паласы. Главными центрами производства наплечных бурок были селения Анди, Ансалта, Шорода, Гогатль и Ботлих.

Можно с уверенностью сказать, что в Дагестане не было ни одного селения, где бы женщины не изготовляли каких-нибудь предметов из шерсти, от высококачественных ворсовых ковров и сумахов до шерстяных веревок. Вместе с тем выделка шелковых и бумажных тканей в Дагестане уже в 30-х годах XIX в. начала сокращаться. Это объяснялось тем, что привозные шелковые изделия и русские хлопчатобумажные ткани вытесняли аналогичные местные изделия.

Также повсеместно были распространены выделка овчин и кож и изготовление из них шуб, шапок, ичигов, башмаков, поясов и других изделий.

Как отмечалось выше, характерной чертой кустарных промыслов является специализация производства по аулам. Эта специализация в области металлообрабатывающего производства коснулась многих селений, в частности группы селений, лежащих вокруг Кубачей. Так, в сел. Амузги изготовлялись клинки, которые для монтировки и окончательной отделки поступали в Кубачи. В Харбуках делались стволы для огнестрельного оружия и холодное оружие. Жители сел. Калакорейш специализировались на выжигании древесного угля для кубачинских и амузгинских мастеров.

В художественной обработке металла лакские мастера не уступали кубачинским. Они так же хорошо владели гравировкой, филигранью, чернением и насечкой, как кубачинцы. Серьги, брошки, браслеты и другие предметы женского туалета они украшали драгоценными камнями.

Кузнечное и слесарное производства, выделка холодного оружия и земледельческих орудий из металла были развиты повсеместно. Выделкой ножей, щипцов, молотков, топоров, подков занимались кустари из селений Куяда, Гогатль и многих других.

Повсеместное распространение в Дагестане получила обработка дерева, применявшаяся в самых разнообразных

формах. Из дерева изготовляли кровати, диваны, стулья, люльки, корыта разных размеров, солонки, чесночные ступки, дуршлаки, ложки, вилки и прочую кухонную утварь, а также станки для ковроткачества и суконного производства, музыкальные инструменты, основные части сельскохозяйственного инвентаря и многое другое. Часто изделия украшались резьбой.

Гончарные изделия производились в аулах Балхар, Сулевкент, Испик, Джули и др.

Добыча рыбы, соли, нефти

В связи с усилением спроса на рыбу и рыбные продукты после присоединения Дагестана к России в крае стала сравнительно быстро развиваться добыча рыбы. В Аграханском заливе, в устьях Терека, Сулака, Самура и по берегу Каспия стали возникать рыбные промыслы. Владельцы воды, позаимствовав, по словам современника, «от русских извлекать особые статьи доходов», стали отдавать воды на откуп русским рыбопромышленникам. Так, князь Хамзаев отдавал на откуп воды Сулака за 70 руб. в год, а устье Нового Терека — за 350 руб. Али-Султан Казаналипов отдавал за 700 руб. воды Аграханского залива. В конце 1837 г. шамхал тарковский Абу-Муслим заключил и в 1839 г. продолжил контракт с коллежским ассессором П. С. Давыдовым, по которому Давыдов обязался платить 4 тыс. руб. в год «за воды и убой тюленя». Но не все хозяева отдавали промыслы на откуп за «денежное вознаграждение». Были и такие, которые предпочитали оплату натурой. В таком случае откупщики отдавали хозяевам четверть всего улова. Как бы то ни было, откупщики, стремясь получить максимум прибыли, делали все, чтобы увеличить улов. Рыбные богатства хищнически эксплуатировались. Ежегодно увеличивалось число судов, неводов и другого рыболовецкого инвентаря, вместе с этим росла и численность людей на промыслах. Как правило, квалифицированными ловцами и мастерами обработки рыбы на промыслах были русские, а чернорабочими, нанявшимися к откупщикам, — горцы. Как русские, так и горцы жили в жалких лачугах, подвергались жестокой эксплуатации.

В первой половине XIX в. возросла также добыча соли и нефти. Соль добывали из соляных озер, расположенных на территории шамхальства и Кайтага. Кроме того, в Андийском обществе селения Инхало и Кванхидатль добывали соль путем вываривания. Нефть добывали в Дербентском и Шамхальском уездах. Всего в середине XIX в. добывалось нефти: белой — 700 пудов, черной — 280 тыс. пудов.

Селитрой были богаты селения Марата, Карагач, Нагирас. В селениях Шогахи, Гоцатль добывали серу и производили порох. В местностях Сиртляр, Курляр, Хапкой до-

бывали железную руду и делали необходимые для местного хозяйства земледельческие орудия. Отдельные небольшие месторождения каменного угля, торфа, меди, свинца, серебра были известны населению и издавна разрабатывались кустарным способом.

Отходничество Начиная с осени, после уборки хлебов, множество горцев расходилось по городам и селам Кавказа и Закавказья, отыскивая себе заработок. В экономически более обеспеченных районах Северного Кавказа и Закавказья, а также на плоскости Дагестана горцы работали пастухами, косарями, землекопами, садовыми работниками и т. д. Горцы, знавшие ремесло, переходили со своими инструментами из аула в аул или устраивали мелкие мастерские в городах и селах.

С присоединением края к России характер отходничества несколько изменился; число уходящих на заработки намного увеличилось. К концу 50-х годов число отходников, работающих на маренниках Дербентского уезда, достигло 40 тыс.; 25—30 тыс. отходников работали на маренниках Кюринского и Кайтаго-Табасаранского округов; немало горцев прибывало также в шамхальство и Засулакскую Кумыкию; более 20—25 тыс. горцев-отходников прибывали

Отходники на работе

ежегодно и в район Кизляра. Примерно такое же количество горцев уходило в Азербайджан и Грузию. Отходники жили в весьма тяжелых условиях, подвергались жестокой эксплуатации. Но объективно отходничество, как известно, играло прогрессивную роль. «Перекочевыванья, — учит В. И. Ленин, — означают создание подвижности населения. Перекочевыванья являются одним из важнейших факторов, мешающих крестьянам „обрастать мхом“, которого слишком достаточно накопила на них история. Без создания подвижности населения не может быть и его развития, и было бы наивностью думать, что какая-нибудь сельская школа может дать то, что дает людям самостоятельное знакомство с различными отношениями и порядками и на юге и

на севере, и в земледелии и в промышленности и в столице и в захолустье»³.

Строительство дорог и крепостей

В первой половине XIX в. царское правительство в стратегических целях прокладывало в глубь гор шоссейные и грунтовые дороги и в наиболее важных в военном отношении местах строило крепости. Строительство шоссейных дорог и крепостей, которые нередко перерастали в города, объективно способствовало развитию экономики края. В начале XIX в. царское правительство проложило и улучшило дорог в плоскостной части Дагестана. Был проложен почтовый тракт через плоскостной Дагестан с 15 почтовыми станциями. Силами воинских частей и местного населения велись работы по благоустройству дорог в горы. Но особенно быстрыми темпами правительство стало строить дороги в горы с 40-х годов XIX в. Были сооружены дороги от сел. Хозров Кубинского уезда до Казикумуха протяженностью 140 верст, а от нее были проложены так называемые побочные дороги: первая — от сел. Рича до сел. Хив, а оттуда до Касумкента; вторая — от сел. Чирах до границ Кайтага; третья — от сел. Курах до Хива; четвертая — от Кумуха до сел. Чох. Были также проложены дороги от крепости Низовой в Темир-Хан-Шуру и оттуда в Хунзах и в Казикумух. Была благоустроена дорога, проходящая от Кизляра до Дербента и далее на Кубу. По этому тракту были реставрированы старые каменные мосты и вновь построены деревянные, установлено 10 станций.

На месте небольшого кумыкского аула в центре шамхальских владений, на стыке нескольких главнейших выходов из нагорного Дагестана, в 1832 г. было заложено укрепление Темир-Хан-Шура. В 1834 г. жители аула были выселены в Халим-бек-аул и укрепление расширено. Вместо «полуразрушившихся саклей шамхальского аула» было построено укрепление, обнесенное каменной стеной. Здесь находилась штаб-квартира Апшеронского пехотного полка и здесь же обосновался командующий войсками в Северном Дагестане. В 1840 г. вместо «бесполезной крепости Бурной», которая находилась на горе, вдали от берега моря, была заложена крепость Низовая «для защиты тарковского рейда, куда ежегодно доставляется до 20 тыс. четвертей муки».

В 1842 г. на месте, где, по преданию, в 1722 г. стоял лагерь Петр I, была заложена крепость, названная в его честь Петровской. Немного ранее образована крепость Кизил-юрт, обеспечивающая сообщение Кизляра с владениями шамхала. Были также заложены крепости близ сел. Ахты,

³ В. И. Ленин, *Развитие капитализма в России*, — Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 246.

Город Порт-Петровск

Хунзах, Кумух, Карадах, защищавшие мост через Аварское Койсу по тракту Шура—Ботлих. В 1845—1846 гг. были основаны слободы Чир-юрт, Ишкарты, Дешлагар и др. В этот период буквально ежегодно в Дагестане возникали новые крепости, поселения.

В 1842 г. в Темир-Хан-Шуре было образовано почтовое отделение. В связи с переводом в Шуру штабов нескольких пехотных полков в 1845 г. в крепости начались частные застройки. Таким образом Темир-Хан-Шура постепенно застраивалась и к 1847 г. превратилась в крупное поселение с довольно значительным гражданским населением, сделалась административным центром обширного края.

Темир-Хан-Шура становилась и торгово-ремесленным центром. В 1852 г. жители Темир-Хан-Шуры даже принимали участие в Лондонской всемирной выставке, «на которой житель ее Хамов удостоился получить за свои изделия свидетельство и медаль».

Особенно быстро рос Петровск, являвшийся одной из основных баз снабжения Кавказской армии. В 1851 г. правительством приобретено у шамхала 1672 десятины, окружающие форштадт. В следующем году из Темир-Хан-Шуры на постоянное жительство было переведено сюда несколько

десятков семейств. К этому же времени в крепости были открыты лавки, духаны и т. д. В октябре 1857 г. Петровск был официально переименован в город и в нем было учреждено гражданское управление. Быстро росли и благоустривались Дербент и Кизляр. В 1849 г. в Кизляре было 3200 домов, а число жителей доходило до 11 тыс. Проект планировки Дербента был составлен еще в 1824 г., но благоустраиваться город стал несколько позже. С 1841 по 1858 г. было построено 140 домов для женатых нижних чинов. В 1848—1849 гг. в Дербенте был сооружен водопровод. Возросла и численность населения города. Так, если в 1811 г. в Дербенте насчитывалось 4169 человек, то, по данным камерального описания 1855 г., численность постоянно живущего населения достигла 12 932 человек. Рост населения города происходил как за счет пришлых людей, так и за счет естественного прироста.

Торговля

Строительство шоссейных и грунтовых дорог, сооружение крепостей-слободок, развитие городов и открытие так называемых меновых дворов способствовали развитию торговли в самом Дагестане и усилению его торгово-экономических связей с Центральной Россией, Северным Кавказом и Закавказьем. Еще в 1811 г. на Северном Кавказе было открыто 6 меновых пунктов, принятых «всеми народами с живейшим чувством благодарности». А в последующие годы торги с горцами при меновых дворах постоянно увеличивались.

На рубеже 40-х годов на линии было 17 меновых дворов. В 1846 г. было принято новое «Положение о меновой торговле с горцами на Кавказской линии», по которому все меновые дворы были подчинены «главному попечителю меновых сношений». Всевозможные товары русской и западноевропейской промышленности, кроме «огнестрельного оружия, селитры, серы, пороху, свинцу», могли получать горцы на меновых дворах. Мало того, продажа горцам соли производилась по 28 коп. серебром за пуд, а всем другим — по 52 коп.

В основном горцы Дагестана были связаны с Амираджиуртовским меновым двором, куда ежегодно прибывало около 3 тыс. кумыков, горских евреев и др. Они доставляли ежегодно большой ассортимент товаров на сумму 19—20 тыс. руб. Горцы приобретали здесь ситцы, холст, кумач, бязь, выбойку, шерстяные изделия, шали, шелковые платки, зеркала, стеклянную посуду, бумагу, мыло, чай и т. д.

Особое место в развитии торгово-экономических связей с Россией занимал Дербент. Этому во многом способствовало установление с середины 1846 г. пароходного сообщения с Астраханью. Марена, сушеные фрукты, орехи, вина, выделанные кожи, изделия из дерева, стекавшиеся в Дер-

бент из различных районов Дагестана, вывозились отсюда в Астрахань. Из Астрахани в Дербент поступали железо, медь, металлические изделия, фарфоровая и стеклянная посуда, строевой лес, сукно, бумажные и шелковые изделия русских фабрик, спирт, сахар, чай и т. п. С 1848 г., когда на Каспии для перевозки грузов и пассажиров было создано общество «Кавказ и Меркурий» с капиталом 3 млн. руб., морское сообщение оживилось и роль Дербента в торговле еще более возросла.

Успешно развивалась и торговля Дагестана с Закавказьем. Горцы Дагестана прибывали по торговым делам в Кубу, Нуху, Баку, Телави, Тбилиси и другие города, куда привозили для продажи продукты скотоводства и изделия кустарных промыслов. Немало горцев отправлялось со своими традиционными товарами и в другие торговые центры Закавказья.

Однако уже в первой половине XIX в. основным потребителем высокохудожественных ювелирных изделий мастеров Дагестана был Тбилиси. В свою очередь горцы Дагестана и в Закавказье покупали как местные, так и привозные товары русской и европейской промышленности. В связи с развитием торговли с Россией и соседними провинциями Кавказа возрос товарооборот базаров в нагорном Дагестане.

§ 2. ЗЕМЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Землевладение и
землепользование
в равнинном
и предгорном
Дагестане

В первой половине XIX в. в Дагестане земельно-правовые отношения были крайне сложными и в различных частях края имели свои особенности. В равнинном и предгорном Дагестане — в Засулакской Кумыкии, шамхальстве Тарковском, Мехтулинском ханстве — имелось четыре вида земельной собственности: частная, общинная, казенная и вакуфная.

Частное землевладение делилось на две категории: а) крупное феодальное землевладение и б) мелкие частновладельческие мюльки крестьян. Крупное феодальное землевладение составляло в равнинной и предгорной зонах Дагестана огромный фонд земель. Мелкая же частная собственность крестьян на землю играла незначительную роль. Мюльки в Дагестане принадлежали индивидуальным крестьянским хозяйствам на правах частной собственности. В состав мюлька входили не только дом и двор, но и пахотная земля, сады, покосы, в отдельных случаях лесные участки. Исключение составляли мюльки крепостных крестьян, а также мюльки узденей, поселявшихся на владель-

ческих землях, на которые распространялась феодальная собственность.

Общинная собственность распространялась главным образом на летние пастбища, выгоны и лесные участки. Однако некоторым сельским обществам, особенно расположенным на Каспийской низменности, принадлежали также пашни и сенокосы, которые периодически подвергались переделу между общинниками.

Собственность царской казны на земли в Дагестане возникла за счет захвата общинных и конфискации некоторых владельческих земель.

Вакуфные земли подразделялись на: а) земли, находившиеся в непосредственном распоряжении мечетей; эти земли сдавались мечетями отдельным лицам для обработки за условную часть урожая или обрабатывались сообща всеми жителями селения, и тогда весь урожай поступал в пользу мечети; б) земли, которые находились в пользовании наследника с обязательством вносить в мечеть определенную долю урожая или определенное количество продукции животноводства. Вакуф распространялся не только на пахотные земли и сенокосы, но и на сады, леса, постройки, скот и т. д.

Феодальная собственность на землю в Дагестане была распространена неравномерно. В одних владениях она занимала господствующее положение, а в других была вкраплена в собственность сельских общин и индивидуальную собственность свободных крестьян. Так, например, в Засулакской Кумыкии князья ратовали за безоговорочное признание за ними всех земель. Достаточно сказать, что территория от Терека до Сулака и от предгорья до Каспийского моря, т. е. более 400 тыс. десятин земли, и рыболовные ватаги на берегу моря принадлежали 10 княжеским фамилиям: Айдемировым, Хамзаевым, Темировым, Муртузали-Аджиевым, Алибековым, Уцмиевым, Арсланбековым, Эльдаровым, Каплановым и Казаналиповым. На этих землях в первой половине XIX в. располагались 16 кумыкских селений с 4435 дворами, 8 аварских селений с 2410 дворами, 9 селений ауховцев с 1100 дворами, 5 чеченских селений с 312 дворами и 1100 ногайских кибиток. Только сельские общества Эндрей и Аксай сохранили право на небольшие площади присельных земель. Собственность крестьян на мюльки князья не признавали. Что же касается казенных земель, то их в начале XX в. в Засулакской Кумыкии было около 20 тыс. десятин.

Земли, являвшиеся собственностью феодалов, делились на две категории. Первое место занимали потомственные владения, принадлежащие князьям и их потомкам по мужской линии. Вторую категорию составляло условное владе-

ние земель, которое вначале было связано с несением военной или придворной службы сала-узденями. Сала-уздени получали от кумыкских князей земли, рабов, оружие и пр. Им давались и населенные земли с отнесением в их пользу податей и повинностей, оросительные каналы и т. д. Дарение земель за услуги практиковало и царское правительство.

В отличие от потомственных владельцев условные владельцы (сала-уздени, нукеры, эмчеки — молочные братья, аталыки — воспитатели) не имели права переселять с места на место поселян (чагаров, терекемейцев и т. д.). Им предоставлялось только право пользоваться податями и повинностями, шедшими ранее в пользу владельца. Сроки условного владения были различны — от нескольких лет до пожизненного. Право на условное пользование прекращалось по произволу дарителя, а также при отсутствии наследников мужского пола в роде узденя.

Наряду с условным владением земель практиковалось награждение земель с правом передачи ее по наследству. В этом случае земли переходили в наследство потомкам сала-узденя, получившего дар. Правом наследования пользовались только наследники по мужской линии и только бии или сала-уздени.

Развитие феодальной собственности, а также влияние общероссийских законов привели к тому, что временное землевладение приняло характер постоянного. Постепенное вытеснение временного землевладения постоянным имело прогрессивное значение, так как способствовало развитию производительных сил (совершенствованию орудий труда, улучшению качества земли и т. д.), основанному на экономической заинтересованности владельца.

Царское правительство путем выдачи жалованных грамот и охранных листов узаконивало предьявляемые кумыкскими феодалами права на землю. Жалованные грамоты, охранные листы, указы и т. д., которые давались представителям местной феодальной знати, восходят к началу XVIII в., т. е. к периоду правления Петра I. Но особенно широкое распространение получила выдача таких документов в период правления на Кавказе Ермолова. В одном из своих прошений князя Кумыкской плоскости пишут, что вся земля, занимаемая ими, есть личная их собственность, что приказом главнокомандующего Ермолова «узаконено, чтобы каждый владелец земли своей пользовался оной без всякого разбирательства». Таким образом, царизм всячески старался укрепить класс феодалов, одаривал их землями и насаждал порядки, угодные и выгодные крепостникам.

Феодальная собственность на землю, ее развитие и укрепление неизбежно приводили к возникновению частной

собственности на оросительные сооружения, водоотводные каналы, колодцы и т. д. Воды внутренних рек (Яхсай-Су, Яман-Су, Ярык-Су и Акташ) разбирались по каналам. Чтобы провести новую канаву, надо было иметь специальное разрешение землевладельца. Проводящий канаву должен был вознаградить владельца земли, если канавы затапливала или портила его земли; хозяин земли в свою очередь не имел права пользоваться водой из данной канавы без согласия ее владельца.

Крестьяне находились не только в экономической, но и в политической зависимости от феодалов. Правда, зависимость крестьян была неодинаковой. Одни находились на положении крепостных (чагары и терекмейцы), а другие считались лично свободными, но платили подати и отбывали повинности феодалам.

Наличие различных степеней экономической и личной зависимости крестьян обусловило неравномерность распределения между ними податей и повинностей. Здесь мы сталкиваемся с тремя формами феодальной ренты: отработочной, продуктовой и денежной. Последние две феодалы получали главным образом от сдачи зимних и летних пастбищ в аренду овцеводам и рыбных промыслов на откуп. Так, за каждую пастбищную гору владелец получал 50 баранов, около 75 кг сыра. Провоз товаров через территорию феодалов также оплачивался торговцами: с каждой арбы товаров владелец получал по 2 р. 50 к.

Зависимые уздени, чагары, терекмейцы работали на барской земле — бийликах, отбывали барщину и уплачивали подати. Патриархальные рабы — кулы и каравашаи — были домашней прислугой феодалов. Нередко феодалы самовольно увеличивали повинности крестьян.

В шамхальстве Тарковском феодальная собственность на землю была несколько завуалирована общинными поруками. Однако и здесь главным земельным собственником являлся шамхал. Он имел все виды земельных угодий — кутаны и летние пастбища, пашни, сады, сенокосы, леса, а также рыбные промыслы, нефтяные колодцы и соляные озера.

По минимальным подсчетам, шамхал тарковский получал доход от сдачи в аренду 28 кутанов и пастбищных гор 43 410 руб. в год. От сдачи на откуп своих рыбных ватаг шамхал имел 5 тыс. руб. в год, от продажи соли из Туралинского соленого озера — 1500, а за нефтяные колодцы — 340 руб.; доход от садов и пахотных участков шамхала составлял 2 тыс. руб. в год, т. е. в общей сложности шамхал получал около 52 тыс. в год, не считая податей и повинностей с зависимых крестьян Улусского магала Дербентского ханства, переданного тарковскому Мехти-шамхалу царским правительством после бегства в 1806 г. дербентского

Шихали-хана. Шамхал имел доходы и от предоставления права исключительной торговли в принадлежащих ему селениях. Торговые пошлины и рахатные сборы составляли также немалую сумму.

Бекам и чанкам на территории шамхальства Тарковского принадлежало более 150 тыс. десятин земли. Беки, так же как шамхал, пользовались податями и повинностями с крестьян, но полновластно могли распоряжаться только теми землями, которые принадлежали им лично. Земли же, находившиеся в наследственном пользовании отдельных сельских общин, хотя и принадлежащие бекам, не могли отчуждаться. Это ограничение собственности компенсировалось тем, что феодалы могли продать подати и повинности от этих сельских обществ.

Беки, как правило, не могли посягать на личные права жителей, которые пользовались личной свободой и правом выхода из состава зависимых от беков сельских обществ. Однако фактически они, при поддержке российского самодержавия, стали доходить до полного произвола по отношению к раятам, не только запрещая им переход в другое общество, но продавая и раздаривая их по примеру помещиков России. В шамхальстве Тарковском и Мехтулинском ханстве по сравнению с Засулакской Кумыкией площади земель, принадлежавших царской казне, были еще меньше. А крестьянские мюльки здесь играли более значительную роль, чем в Засулакской Кумыкии.

Сельские общества в шамхальстве в отличие от сельских обществ засулакских кумыков, не имевших общинных земель, сохранили право на свои общинные земли, которые они могли продавать или закладывать.

Земли, принадлежавшие сельским общинам, частью находились в подворном пользовании крестьян, частью — в совместном пользовании всех членов общины и подвергались ежегодному переделу, исключая пастбища и лесные участки. В подворном пользовании жителей находились усадьбы, сады, покосы и пахотные земли, а пастбища, сенокосы и леса в совместном пользовании всех членов сельской общины.

Беки и чанки, имея земли, отдельные от земель сельских общин, все же, как члены сельской общины, пользовались и общинными землями. Так было в селениях Кака-Шура, Кадар, Капчугай, Атлы-Буюнъ, Кумторкала, Карабудахкент, Эрпели и др. При этом беки и чанки при переделе получали от 2 до 8 паев земли, в то время как все остальные члены общины получали только по одному паю. Более того, беки и чанки получали лучшие земли по своему выбору, тогда как все остальные получали участки только по жребию.

Карачи-беки в Эрпелях, Ишкарты, Каранас и в других селениях имели право получать 4 пая при переделе общинной земли против одного пая узденя или 2 пая против пая чанки. Пашли, кутаны и пастбищные горы находились в исключительной собственности этих беков. Если уздень перешел из сел. Эрпели в другое, он не мог продать свою землю, она оставалась во владении карачи-бека. Уздени отбывали карачи-бекам повинности; выходили на один день со своими быками, чтобы пахать бекские земли, на один день — на уборку хлеба. За пользование горными пастбищами, принадлежащими бекам, уздени платили по одному барану. В случае смерти бека с аула взыскивали «алым» в 40 руб. или 4 быка и с каждого дома — по арбе дров.

В записке об особых правах беков и чанков в Темирханшуринском округе, составленной на основании решений Дагестанского народного суда, дается характеристика земельных прав привилегированных сословий, сельских общин и частных лиц. Так, в сел. Губден вода составляла личную собственность бека, а не принадлежность кутана. Сначала орошались бекские земли, а затем только узденские. В сел. Капчугай к чанкам поступали дома умерших узденей, если у них не было прямых наследников мужского пола.

С другой стороны, на кутанах, принадлежавших частным лицам, с весны до осени могли пасти свой скот близлежащие сельские общества. Некоторые сельские общества имели право производить распашку кутанов, засеивать их. В сел. Эрпели, например, уздень мог с разрешения джамаата расчистить себе участок из-под леса. В этом случае участок считался частной собственностью узденя. Источником общинных сервитутов, по словам М. М. Ковалевского, была не милость помещика, а наследование тех обязательств, которые налагало сохранение стародавнего обычая. При продаже земель беки и чанки ухитрялись скрывать сервитутные права сельских общин. Но сельские общества всеми силами старались сохранить свои исторические права на пользование этими землями. Шамхалы, беки и чанки не останавливались и перед прямым захватом общинных земель.

В начале XIX в. в шамхальстве господствовала барщина. Круг барщинных обязанностей был обширен, все виды сельскохозяйственных работ и работы по хозяйству выполнялись чагарами и зависимыми узденями, патриархальные рабы обслуживали феодалов, выполняя работу прислуги. Позднее наряду с отработочной рентой значительное место занимала и продуктовая, в отдельных селениях заменявшаяся денежной.

Существование иерархической системы земельной собственности и связанная с ней система вооруженных нукеров давали феодалам возможность внеэкономического принуждения зависимых крестьян.

В Мехтулинском ханстве формы земельной собственности были сходны с формами собственности шамхальства Тарковского с той лишь разницей, что здесь, за редким исключением, не было сервитутного права и более 10 селений имели свои собственные земли, хотя и отбывали повинности и платили подати хану, бекам, чанкам.

Из 3450 дворов 2792 отбывали подати и повинности ханской фамилии, трем фамилиям беков и 33 чанкам. 658 хозяйств были свободны от всех податей. В числе податного населения находились крепостные чагары (до десятка хозяйств) и зависимые уздени.

По данным Бларамберга, в 1831 г. мехтулинский хан получал с населения натуральный оброк баранами, хлебом и фруктами и по одной сабе пшеницы с каждого двора. В пользу владельца жители отбывали личные повинности, которые состояли в обработке ханских, бекских и чанкских полей и в их обслуживании.

Уцмийство
Кайтагское

Земли уцмийства можно разделить на пять групп.

1. Пахотные и покосные земли, считавшиеся собственностью уцмий и беков, но находившиеся в постоянном пользовании сельских обществ. Эти земли находились в Терекемейской части и ежегодно подвергались переделу по числу плугов; участок каждому плугу доставался по жребию. В селениях Берикей и Улу-Терекеме кузнецам отводились особые участки, которые обрабатывали жители этих селений за то, что кузнец бесплатно чинил в течение года их сельскохозяйственные орудия. В этих же селениях незначительные участки общественной земли отдавались мулле и чаушу, сверх полученных ими участков в плугах.

2. Земли, находящиеся в личном распоряжении уцмий или беков, — кутаны и ятаги, которые сдавались в аренду отдельным лицам или обществам для выпаса скота, за что владельцы получали доходы овцами или деньгами.

3. Мюльки, находившиеся в собственности их владельцев. Среди них были мюльки Гамринского магала и мюльки всех жителей Верхнего Кайтага и магалов Маджалис-Ката и Верхнего Терекемея, образовавшиеся путем расчистки богарных земель. Они могли быть проданы и завещаны, как любая частная собственность. Мюльки же жителей Нижнего Терекемея хотя и продавались в отдельных случаях, но считались собственностью беков, которые отрицали за раятами право на мюльки, а выморочные мюльки, как правило,

переходили к бекам. Кроме мюльков узденские селения Верхнего Кайтага, а также селения Утамыш, Башлы, Мюриго имели собственные пастбищные горы и выгоны и пахотные земли.

Жители Терекмейского участка, жившие в селениях Падар, Татляр, Карадаглы, Салик, Хан-Магомед-Кала, Великент, Деличубан, Берикей, Уллу-Терекеме и Джемкент, в количестве 720 дворов, а также в сел. Каякент Гимринского магала, считались раятами и находились в тяжелой зависимости по отношению к феодалам. Насколько обременительны были подати с жителей Терекмейской части, видно из того, что жители лишь одного селения Великент должны были платить 90 четвертей пшеницы, 82 четверти ячменя и 35 саб риса, а жители сел. Берикей — 95 четвертей пшеницы, 82 четверти ячменя и 94 сабы риса, не считая других повинностей, которые они отбывали в пользу феодалов.

Кроме хлебной подати — чихиша раяты обязаны были сеять беку рис-чалтык, выставлять арбы и лошадей, платить с пуда сухой марены по 50 коп. (пудбаши), доставлять саман и т. д.

В среднем каждый раятский двор в Терекмее отбывал подати натурой и деньгами на 15 р. 11 к. и нес самые различные повинности. Например, с каждых пяти буйволов или быков в пользу уцмия шло 20 саб пшеницы и 5 саб ячменя; за пастьбу баранов уцмий собирал от 700 до 1000 голов с 13 ятагов; за каждый пуд проданной марены в пользу уцмия шло 10 коп. серебром; ежегодный доход уцмия за откуп нефтяных колодцев составлял от 400 до 500 руб. серебром и т. п.

Нередко беки раздаривали или продавали своих людей в другие деревни и города. Это крайне угнетенное положение вынуждало терекмейцев к бегству к другим владельцам, в частности к кумыкским князьям, но и новые владельцы не уступали в угнетении прежним.

Середину между терекмейской равниной и нагорной частью Кайтага составляет полоса предгорий и отрогов Кара-Сырты, заключающая в себе магалы Маджалис-Ката (с селениями Маджалис, Ахмедкент, Дарша, Ирихи, Сапчи, Чийтикна) и Верхний Терекмей (с селениями Янгикент, Туманляр, Чумлы, Моллакент и Гули). Жители всех селений этих магалов, за исключением сел. Башлы, также находились в зависимом положении от беков. Зависимость эта выражалась в том, что они обязаны были отбывать бекам незначительные натуральные повинности, заключающиеся в доставке дров, сена, самана и травы для прокорма одной лошади, в содержании бекских кунаков. Нукерами беков жители Маджалис-Ката служили только по своему желанию, и беки давали им лошадей и одежду.

В Нижнем Кайтаге среди узденских селений особое место занимает Башлы — резиденция уцмий. Уцмий пользовался здесь правом пасти свой скот на землях башлинцев, сдавать их в аренду при условии уплаты обществу восьми голов баранов с каждого ятага, кроме того, в его пользу поступала половина штрафов, взыскивавшихся с жителей за убийство, воровство и увоз женщин. Из шести кварталов в сел. Башлы жители одного квартала считались по происхождению чагарами, т. е. крепостными.

Иная картина была в Верхнем Кайтаге, в восьми узденских магалах, каждый из которых составлял отдельный «независимый союз». Многие жители здесь были свободны от податей и повинностей, земли принадлежали сельским обществам и отдельным крестьянским хозяйствам. По свидетельству многих авторов, узденский Кайтаг в прошлом, когда уцмий находился в Калакорейше, а затем в Маджалесе, т. е. до переселения его на равнину, испытывал на себе значительный феодальный гнет. К началу XIX в. в узденской части Кайтага уцмию платили подати только 11 селений магала Каба Даргуа, который после семилетней войны откололся от уцмийства и присоединился к акушинскому союзу. Из других селений узденского Кайтага только магал Уцари и еще два селения — Абдашка (магал Шуркант) и Турага (магал Катаган) — сохранили обязательные отношения к уцмию, платили ему подати. Четвертую и пятую группы земель уцмийства составляли вакуфные (около 300 десятин) и казенные земли.

Владения Табасарана

Формы земельной собственности во владениях Табасарана были такие же, как и в уцмийстве Кайтагском.

Как и в уцмийстве, в Табасаране феодальное землевладение в основном было сосредоточено в предгорной, или так называемой раятской, части. В Верхнем же, или узден Табасаране, значительно большую роль играли крестьянские мюльки и общественные земли.

Раяты Табасарана находились почти в таком же положении, как терекемейцы у уцмий кайтагского, платили высокие подати, отбывали многочисленные повинности, все штрафы за преступления и проступки шли в пользу беков. С каждого раятского хозяйства феодалы собирали подати, которые по крайне низким расценкам составляли тогда до 8 руб. серебром в год.

Основные доходы феодальных владетелей и беков складывались из податей и повинностей с многочисленных раятских хозяйств. Помимо многочисленных податей все жители раятской части Северного Табасарана должны были работать на бека за свои харчи не менее 18 дней в году, с рабочим скотом или без него. Кроме того, во всех 25 раятских

селениях Северного Табасарана брали подати баранами, курами, яйцами, а в нескольких селениях — маслом и холстом.

Бек имел право брать в прислугу сирот обоого пола, назначать нукеров, бесплатно пользовался услугами пастуха, надсмотрщика над садами, покосами и хлебом, кузнеца и т. п.

В раятских селениях Южного Табасарана также платили подати и отбывали многочисленные повинности. В отличие от Северного Табасарана здесь хлебная подать не зависела от размера надела и количества рабочего скота: платили подворно — от 1 до 2 саб ишеницы в год. Что же касается личных повинностей, то райаты были обязаны отбывать их в неограниченном количестве, необходимом беку для его хозяйственных нужд.

Таким образом, в Табасаране феодальные владельцы, стоявшие на верху феодальной лестницы, и беки, которые владели отдельными раятскими населенными пунктами, не только являлись собственниками земель, но и обладали правом внеэкономического принуждения райатов, составлявших более 60% всех крестьян Табасарана. Феодальные отношения, правда, в меньшей мере, коснулись и узденских селений, которые платили некоторые подати; те же, которые не платили, вынуждены были арендовать земли. Этим и определялся феодальный характер общественных отношений, господствовавших в этом небольшом владении. Следует добавить, что духовенство также собирало с верующих зякат, вакуф и другие пожертвования и требовало вознаграждения за участие в выполнении религиозных ритуалов.

Земельно-правовые отношения в ханствах нагорного Дагестана

Во владениях нагорного Дагестана — в ханствах Аварском и Казикумухском — имелось несколько видов земельной собственности: феодальное землевладение, частные крестьянские мюльки, общинные земли и вакуфы. Самыми крупными собственниками земли были ханы. Им принадлежали пашни, пастбищные горы, сенокосы, леса, причем часть этих земель, расположенных в разных селениях чересполосно с крестьянскими, находилась в личном пользовании ханов. На них работали бывшие рабы, наделенные ханом землей, и райаты, несшие повинности в пользу хана. Другая часть земель находилась в пользовании отдельных обществ, плативших хану феодальную ренту продуктами земледелия и скотоводства. Согласно данным, собранным в 70-х годах XIX в., ханам Аварии в первой половине XIX в. принадлежало более 3 тыс. десятин земли. Казикумухские ханы кроме пашен и сенокосов владели 40 альпийскими пастбищными горами.

Значительные земельные площади были сосредоточены в

руках бсков, чанков и духовенства, причем беки и чапки казикумухской ханской фамилии являлись владельцами земель не только в Лакии, но и в Южном Дагестане. Сравнительно крупными земельными угодьями владела и разбогатевшая часть узденей. В ханстве Аварском и Казикумухском были и вакуфные земли. Сдавая мечетские земли на издольных началах, духовенство забирало половину урожая.

Мюльки на праве полной частной собственности принадлежали узденям, которые составляли абсолютное большинство Аварского общества. Мюльки переходили по наследству согласно шариату, могли быть проданы, подарены, завещаны. Однако, как и ранее по адатам горцев, преимущественное право на покупку мюлька, домостроения имели родственники по отцовской линии. Нередко даже сделка, совершенная без согласия этих родственников, считалась недействительной. В Казикумухском ханстве в землевладении были развиты специфические сервитуты — «барт-урту», «духра» и «ках», распространявшиеся на землю, находящуюся в собственности сельских обществ и частных землевладельцев. «Барт-урту» — право весеннего выпаса скота на земле, принадлежащей другому лицу или другому обществу. Срок выпаса — три весенних месяца. В некоторых случаях «барт-урту» мог ограничиваться и несколькими сутками, «Духра» — также право выпаса скота, но в осенние месяцы, обычно с половины августа до ноября; срок выпаса мог продолжаться иногда до «барт-урту». «Кях» — право выпаса скота на пахотных участках после снятия урожая. Пользовавшийся этим правом мог запретить владельцу пахотной земли производить озимый сев. За право «ках» полагалось платить около 3 руб. с десятины.

**Землевладение в
аварских, даргинских
и лезгинских
союзах сельских
обществ**

Союзы сельских обществ Дагестана отличались пестротой земельной собственности. В отличие от феодальных владений здесь не было так называемых ханских земель, хотя в ряде сельских обществ Аварии имелись земли, принадлежащие хунзахским ханам. В Гидатлинском, Андалалском, Андийском, Салатавском, Хворшинском, Рутульском, Цахурском и других союзах сельских обществ крупными земельными угодьями владели беки и чанка-беки. Иначе говоря, в этих союзах сельских обществ к началу XIX в. завершился процесс превращения патриархально-феодальной знати в феодалов.

В других союзах сельских обществ шел усиленный процесс выделения землевладельческой знати. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что в союзах сельских обществ, где формально не было феодальных сословий и феодальной земельной собственности, разбогатевшая ауль-

ская верхушка, обычно именуемая в источниках «сельской знатью», «богатеями», фактически владела землей, намного превышающей обычные наделы рядовых крестьян.

К категории класса привилегированных землевладельцев относилось и высшее мусульманское духовенство. Шейхи и кадии владели значительными земельными угодьями и скотом и являлись распорядителями мечетских земель. Акушинский кадий, например, был первым богачом во всей Даргинии и, по далеко не полным данным, владел 425 десятинами земли только в Гамринском магале. Все это свидетельствует о том, что процесс расслоения давно коснулся аварских, даргинских и лезгинских союзов сельских обществ и происходил здесь не в меньшей мере, чем в ханствах Аварском и даже Казикумухском. Здесь налицо было неравенство, наличие рабов, накопление крупного и мелкого скота, а также и земель в руках общинной знати.

В союзах сельских обществ имелось несколько форм собственности на землю: частная, вакуфная и общинная. Частные земли — пахотные, сенокосы, сады, — обычно называемые мюльками, разделялись в свою очередь на два вида: маленькие участки лично свободных крестьян-узденей и большие земельные угодья сельской знати. Мюльки, находящиеся в полной и неограниченной собственности хозяина, являлись основной формой собственности на землю.

Значительными земельными угодьями владели мечети. Источником образования вакуфных земель, как и в феодальных владениях Дагестана, являлись завещания верующих, передающие в собственность мечетей пахотные и сенокосные земли. Характерным для вакуфа было то, что он не подлежал дележу и отчуждению.

Летние пастбища, выпасы, лесные участки и часть пашен находились в общинной собственности. В ряде союзов сельских обществ имелось несколько видов общинных земель. 1. Земли, находящиеся в пользовании всех членов общины — джамаата. Эта форма собственности называлась «джамаатла ванзурби» — пахотные места аула», «земли нашего селения», «собственность джамаата» и т. д. 2. Земли, которыми пользовалось несколько общин, входивших в состав того или иного союза сельских обществ. 3. Земли, которые находились в совместном пользовании ряда союзов сельских обществ. Так, в Аварии жители Нижнего Шеха имели земли в совместном пользовании с джамаатами Мехельта, Рикюани — с джамаатом Ботлих, Ансалта — с джамаатом Муни, Коихо — с джамаатом Тиндаль и т. д. 4. Земли, которые находились в совместном пользовании союзов сельских обществ и селений, входивших в другие политические объединения. Джамаат Читль, например, имел пастбищные земли в совместном пользовании с селами

Арчи, Шали и другими подвластными казикумухским ханам. Точно так же в Акуша-Дарго были земли, которые находились в совместном пользовании акушинцев, усишинцев, цудахарцев, мугинцев и мекигинцев. Имелись также земли, которыми совместно пользовались жители обществ, входящих в Акуша-Дарго, Казикумухское ханство и другие владения. В ряде обществ Акуша-Дарго и других как промежуточная ступень между общинной и частной собственностью выступали земли, принадлежавшие отдельным тухумам. В тухумной собственности находились как отдельные участки пашен, так и сенокосные горы.

Пользование общинными землями регулировалось нормами обычного права, согласно которым пастбищные горы находились в пользовании всего джамаата или целой группы обществ, а сенокосы, как правило, перераспределялись ежегодно путем жеребьевки. В некоторых обществах распределение сенокосов производилось по кварталам аулов.

Пахотная земля в общинах делилась на части по числу хозяйств и распределялась по жребию, причем к началу XIX в. утвердилось изменение в сроках распределения земель. Если первоначально пахотные земли подвергались ежегодному распределению, то теперь в ряде обществ распределение производилось через пять-семь лет и более. К тому же к описываемому времени при распределении пахотных земель наиболее плодородные, как правило, получала аульская знать.

Юридически все члены сельских общин имели право пользования общинными пастбищами, но фактически пользовались ими только те члены сельской общины, которые имели скот. Деревенская беднота, лишенная скота, естественно, не могла пользоваться своим правом выпаса скота на общинных выпасах или пастбищах и не могла требовать от общества разрешения сдавать в аренду ту часть общинной земли, которая приходилась бы на их долю. Сельская община одна выступала как юридическое лицо, и только по решению сельского схода общинная земля могла быть сдана в аренду или вовсе отчуждена. Сельскому сходу фактически диктовала решения общинная знать.

Не все аварские, даргинские и лезгинские сельские общества имели одинаковое количество общинных земель. Некоторые имели в избытке летние пастбища, а другие были лишены этих пастбищ, одни имели большие выгоны, а другие испытывали в них большую нужду, одни имели свой лес, а другие вовсе не имели его. Ввиду этого между отдельными сельскими обществами сложились отношения господства и подчинения, богатые и мощные сельские общины выступали в качестве коллективных сеньорий по отношению

к слабым общинам, которые находились в зависимом положении по отношению к первым и несли в их пользу подати и повинности.

Так, селение Ахты имело право требовать от 11 подчиненных общин «пахты», т. е. обязательного угощения ежегодно в течение целых суток. Число ахтынских гостей не должно было превышать 50. Ахты также имело право требовать плату «барху» размером 3 руб. при выдаче своих дочерей замуж за жителей этих 11 подчиненных селений. За убийство ахтынца взыскивалось в два раза больше, чем за убийство жителя 11 подчиненных селений. Село Ахты единовластно руководило всеми селениями; руководство осуществляли специально выделенные лица из числа влиятельной ахтынской знати.

Рутульцы также получали дань от ряда соседних селений продуктами, а с шиназцев — готовой одеждой.

§ 3. КЛАССОВАЯ СТРУКТУРА

В первой половине XIX в. население Дагестана делилось на два основных класса: феодалы и крестьянство. Шамхалы, уцмии, ханы, беки (бии), чанки, сала-уздени, крупное духовенство составляли класс феодалов, сосредоточивших в своих руках большую часть народного богатства. Класс крестьянства в свою очередь делился на несколько групп: на свободных и зависимых узденей, раят, чагар и патриархальных рабов.

Во владениях равнинного и предгорного Дагестана феодальная знать подчинила себе основную массу крестьян, поставила ее в зависимость от себя. Высшее положение в иерархии кумыкского общества занимал шамхал. В своем владении он пользовался неограниченными правами, так же как все феодальные владетели Дагестана. На звание шамхала мог претендовать только самый старший представитель шамхальского рода по прямой линии. Неограниченную власть имели также старшие князья, которых называли биями.

Потомки всех этих феодальных владетелей, т. е. младшая линия их, назывались беками, а потомки кумыкских князей — биями. Беки несли вассальную службу, собирали по требованию феодальных владетелей ополчение, командовали им во время похода, состояли в свите феодального владетеля.

Члены бийского сословия Засулакской Кумыкии не судились ни с узденями, ни с чагарами, они имели свой суд, свои адаты. Так, по бийскому адату кровная месть могла совершаться только внутри сословия; зависимые сословия

и даже сала-уздени по отношению к биям права кровной мести не имели.

На Кумыкской равнине за убийство бека узденем кроме убийцы должны были выходить в канлы шесть родственников. Если бек убивал узденя, то с него взыскивался только штраф в пользу общества в размере шести быков и он выходил в канлы только на два месяца. По примирении бек давал наследникам убитого лошадь со сбруей, оружие и одежду и формально считался кровным братом.

За убийство раба его владелец мог требовать или кровь, или его стоимость. За убийство беком бека — ответственность такая же, как за убийство узденем узденя.

В документах этого периода беки подразделяются на две категории: «потомственные» и «пожалованные». В отличие от потомственных пожалованные получали звание беков в награду за военные и другие заслуги.

М. Ковалевский сравнивает происхождение дагестанских беков с происхождением дружинников в России. Это правильно только по отношению к некоторым бекам Дербентского ханства, где в сословие беков входили и служилые беки, а в остальной части Дагестана беками считались только дети ханов и беков от равного брака. Этот порядок строго соблюдался, так как только такие беки могли претендовать на шамхальство, уцмийство, майсумство или на ханство, а также на наследство своих родителей. Сыновья, рожденные от бека и женщин небийского происхождения (от узденок и т. д.), не имели всех тех прав, какими пользовались их отцы, и назывались чанками.

Однако в отдельных владениях, например в Тарковском шамхальстве, существовали различия и среди самих чанков: те из них, которые происходят прямо от владетельных особ и от биев или беков, а равно и потомки таких чанков, рожденные от матерей-чанков, именовались также чанка-беками и пользовались особыми правами и преимуществами, ставящими их в разряд высшего сословия. Прочие же потомки чанков, рожденные от узденок, хотя и сохраняют звание чанков, но титул бека и права высшего сословия им не присваивались.

Чанки на территории кумыкских князей и шамхальства наследства не получали, а имели только «чанка пай» в порядке дарения от родителя при его жизни. Дочери также не получали наследства от родителей, они могли получить долю имущества по завещанию или по дарению — назру; прямые наследники мужского пола были обязаны воспитывать их и при выдаче замуж дать им приданое.

Отдельную группу сословия феодалов, среднюю прослойку его, составляли так называемые сала-уздени (у засулакских кумыков), или уллу-уздени, — большие, или высшие,

уздени (у всех остальных кумыков). В русских источниках они именуются первостепенными узденями. Они находились в вассальных отношениях к владельцам, сохраняя, однако, свои экономические и общественные права. Сала-уздени владели большими площадями земель, горными пастбищами, кутанами, а также чагарами и домашними рабами. Ряды этого узденства пополнялись пожалованными дружинниками из числа простых узденей.

Сала-уздени нередко были аталыками (воспитателями) детей князя. Они были обязаны брать на себя расходы, связанные с выдачей замуж дочерей своих владельцев, подготавливали им приданое и т. д. Сала-уздени, как и бии, отдавали своих детей в аталыки (на воспитание). В отличие от биев, принимавших в качестве аталыков только тех из своих узденей, на которых они более полагались, сала-уздени отправляли своих детей главным образом в горы, в семьи влиятельных горских узденей, устанавливая с ними прочные, взаимовыгодные экономические связи. Сала-уздени, хотя нередко и занимали высокое имущественное положение, все же не могли перейти и не переходили в сословие биев. Они составляли среднюю феодальную прослойку кумыкского общества.

Адаты биев не разрешали неравных браков. Поэтому бии не вступали в родственные связи с сала-узденями или узденями-нукерами. Однако через аталычество они могли быть связаны с ними неравными узами. Часто эмчеки (родные дети воспитателя), вместе с которыми рос княжеский сын, почитались им наравне с родными братьями.

К господствующему классу относилось, как было сказано, и высшее духовенство, которое кроме доходов от своих мюльков пользовалось доходами вакуфных земель. Духовенство распоряжалось также значительной частью «зяката», получаемого от верующих в размере десятой части их урожая, и другими доходами и пожертвованиями.

Крестьянство также не являлось однородной массой. По своему социально-экономическому и правовому положению оно делилось на несколько групп. Различные группы крестьян, однако, не представляли собой нечто неизменное, переходы из одной группы в другую были трудны, но возможны.

Основной производящей массой крестьян были уздени, которые делились в Кумыкии на следующие категории: догерек-уздени (круглые уздени) и азат-уздени (вольнотпущенники). Крепостные крестьяне назывались чагарами; в категорию крепостных входили и терекемейцы.

Догерек-уздени, не имея собственной земли, должны были работать на землях феодалов, платить им подати и нести в их пользу повинности; следовательно, они выступа-

ли уже феодально-зависимыми крестьянами, хотя на первый взгляд они казались лично свободными, так как могли распоряжаться собой по своему усмотрению и юридически сохраняли право свободного перехода с места на место. Переход к новому владельцу был связан с лишением узденя части имущества и рядом других препятствий. Если кто-либо из узденей и уходил добровольно к другому князю, то он должен был оставить своему прежнему владельцу в неприкосновенном виде все свое недвижимое имущество — дом, хозяйственные постройки и т. д.; если же «он изгонялся самим князем, то мог взять с собой двери и оконные рамы».

Владетели не имели права наказывать своих узденей, но могли удалить их от себя, отобрав подаренное им имущество. Правовое и имущественное положение княжеских узденей в значительной степени зависело от того владетеля, вассалами которого они были. В более привилегированном положении были нукеры тарковского шамхала и старших засулакских князей.

Относительная личная свобода узденей при почти полном отсутствии у них земли на правах владений, возможность, хотя и с ограничениями, перехода от одного помещика к другому составляют специфические особенности феодальных отношений у засулакских кумыков. Эта специфика, хотя и в меньшей степени, была присуща также кумыкам Тарковского и Мехтулинского владений.

Переход крестьян из низшей категории в более высокую совершался нелегко. Если когда-либо князья наделяли отдельных догerek-узденей пахотной землей, кутаном или, делая их аталыками своих детей, особо их отличали, то такие догerek-уздени становились первостепенными узденями.

Следующую категорию узденей составляли азаты (азат — букв. «освободившийся»). Феодал мог отпускать своих рабов или чагаров на свободу за деньги или при каком-нибудь другом условии. Порой отпускались на волю и торговые люди. Таким образом, основными источниками пополнения числа азатов были освободившиеся крепостные крестьяне — чагары и рабы. Однако освободившиеся еще надолго сохраняли отношения подчиненности к семье бывших господ.

Освобожденный азат, даже приобретший земельную собственность, не мог вступить в разряд второстепенных узденей, лишь его потомки в четвертом поколении переходили в сословие простых узденей. В своей основной массе азаты были безземельными и жили на землях, принадлежащих князьям или первостепенным узденям — сала-узденям, на известных условиях.

К следующей категории зависимого населения относились чагары. Чагары находились в полной личной и земельной зависимости от владельцев. Они не имели никаких прав на землю, им отведенную, и при отчуждении этой земли владельцем могли сохранить за собой только то имущество, которое было приобретено ими лично.

Одним из источников образования категории чагар были рабы, которым хозяева предоставляли право пользоваться некоторыми участками их земли. В категорию чагар попадали и те рабы, которых привозили в качестве приданого кабардинские княжны при выходе замуж за кумыкских князей.

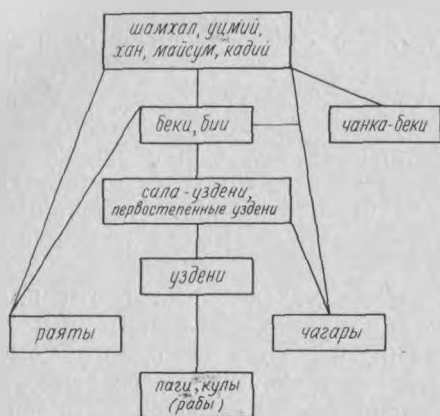

Схема классовой структуры дагестанского общества

Чагары, как правило, поселялись отдельными кварталами — «авулами», недалеко от своих владельцев. В сел. Эндрей, например, эти кварталы назывались Тюмент-чагар, Адиль-Гирей-чагар, Айдемир-чагар, Темир-чагар, в сел. Аксай —

Адиль-чагар, Каплан-чагар, в сел. Тарки, Башли и других — просто чагар-авул.

Чагар как человек крепостной мог быть продан своим владельцем. «Сборник адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского» содержит целый раздел об условиях купли и продажи чагаров, известный под названием «чагарсату» (торговля чагарами). Владелец не мог продать своего чагара за пределы данной местности. «Не дозволяется... продавать крестьян лицам, принадлежащим к другому обществу. Если же вопреки этого установления случится продажа, то проданные крестьяне или крестьянки возвращаются продавцу».

По адату хозяин приобретенного куплей чагара не имел права продать его кому угодно. В первую очередь он должен был предложить этого чагара прежнему владельцу, а если у чагара несколько раз менялись владельцы, — то всем этим людям в обратном порядке. При этом он должен был продать его по той же цене, за которую купил сам. Только в случае отказа бывших владельцев приобрести этого чагара новый владелец мог продать его посторонним, но

без разрешения предыдущего владельца все же не мог получить более высокую цену. «В противном же случае, — гласит положение указанного выше сборника адатов, — излишек против покупной цены возвращается прежнему владельцу».

Все эти установления говорят о том, что в исследуемое время наметилось ограничение торговли чагарами, стремление определить их на постоянное жительство в одном и том же месте, у одних и тех же владельцев. Чагары могли выкупиться лишь с согласия владельца, заплатив своему хозяину от 50 до 200 руб. серебром. Владелец мог отпустить чагара не только за деньги, но и за разного рода службу.

Все чагары подвергались прямому внеэкономическому принуждению. Феодал, хотя и наделял своего чагара землей, все же сохранял за собой право в любое время заставить его работать на себя. Очевидно, присвоение землевладельцем прибавочного труда чагаров последовало в силу того, что землевладелец являлся одновременно и господином непосредственного производителя. Таким образом, личная и поземельная зависимость в данном случае целиком совпадали.

Методы закабаления чагара были различны и находились в прямой зависимости от предоставленной чагарам земли и положения каждого владельца. Не случайно многие авторы, писавшие о сословном строе кумыков, делят чагаров на две категории: первостепенных и второстепенных. Чагары принадлежали главным образом биям; иногда чагарами владели и отдельные уздени. Название «чагару» употреблялось и сохранялось в уничижительном смысле и переходило из поколения в поколение.

На положении чагар в Засулакской Кумыкии находилась и небольшая группа беглых из уцмийства, известная под названием «терекеме». Они принадлежали только четырем княжеским фамилиям и жили в селениях Чонт-аул, Темир-аул и в одном из кварталов Костека. Князья могли дарить их узденям, но с тем, чтобы последние не переселяли их на другое место, а только пользовались оброком, следовавшим с них князю.

Итак, терекемейцы, так же как и чагары, составляли категорию крепостных крестьян. Разница в их положении заключается в том, что чагары в значительной своей части являлись бывшими рабами, посаженными на землю, в то время как терекемейцы раньше не находились в рабской зависимости.

Последнюю категорию зависимого населения составляли кулы (рабы), число которых было сравнительно невелико; в основном они представляли собой дворовую прислугу и

частично были заняты в сельском хозяйстве. В селении неосвобожденные рабы жили при доме своих хозяев.

По-прежнему главным источником пополнения контингента рабов были войны и набеги феодалов на соседние области. Еще в начале XIX в. в Дагестане сохранялась работорговля. Кумыкское село Эндрей считалось одним из центров торговли рабами и пленными. При покупке раба учитывались возраст, телосложение, здоровье, порою и красота (особенно для рабынь). Цена их доходила до 200 руб. и более. Однако уже в первой четверти XIX в. в связи с присоединением Дагестана к России работорговля прекратилась, сильно сократилось и рабство.

В кумыкском обществе существовала еще одна социальная категория — казаки (къзакълар). Происхождение этой категории все еще не изучено, но имеющийся материал дает основание утверждать, что ее образование связано с историей классовой борьбы и расслоением кумыкского общества.

Казаками назывались прежде всего лица, не имевшие никакого имущества. Люди, совершившие какой-нибудь акт, направленный против социальной несправедливости (убийство, поджог имения, оскорбление феодала или членов его семьи), вынуждены были покинуть землю своего владельца и скрываться от преследования. Казаки находились в неординарных условиях. По своему экономическому и юридическому положению они делились на две группы: канлы-казак и турган-казак. В то время как первые находились в особенно тяжелых условиях, вторые могли (хотя это случалось редко) выйти в нукеры, получить от владельца землю, имущество, стать сборщиком податей и т. д. Со временем в связи с усилением процесса классового расслоения в кумыкской деревне термин «казак» получает новое содержание. Казаки становятся теперь батраками, которые, не имея своей земли, своего хозяйства, работали на богатых, на сельскую буржуазию, ведя нищенский образ жизни.

Аналогичной была социальная структура равнинной и предгорной частей уцмийства Кайтагского и владений Табасарана. На вершине феодальной лестницы стояли владельцы — уцмий, майсум и кадии. За ними шли беки и чанкабеки, причем в уцмийстве, так же как и в шамхальстве, имелись беки, происходившие от «великого рода дагестанского уцмия», и карачи-беки. Класс крестьян составляли уздени, райаты. Имелось также незначительное число патриархальных рабов. Наиболее многочисленной группой были лично свободные уздени, которые считались равными между собой, но тем не менее различались «по состоянию, по силе и древности тухума». Уздени, живущие в Нижнем Кайтаге, отличались от узденей Верхнего Кайтага. Послед-

ние обладали большей свободой в личных и имущественных правах. Уздени в равнинной и предгорной частях жили чересполосно с раятами. Среди них намного быстрее происходил процесс превращения свободного общинника в феодально-зависимого крестьянина. Одновременно происходило и выделение разбогатевших узденей, которые по своему положению стояли близко к средним феодалам.

Все зависимые крестьяне Нижнего Кайтага назывались раятами. Наибольший гнет феодалов испытывали на себе раяты-терекемейцы, которые формально считались свободными, но фактическое положение которых не отличалось от положения крепостных крестьян — чагар Кумыкии. На положении раят находились таты и горские евреи.

Несколько отличалась социальная структура нагорной части Дагестана — ханств Аварского, Казикумухского, Верхнего Кайтага и Табасарана. Во владениях нагорного Дагестана к господствующему классу относились ханы, беки, чанки, высшая часть мусульманского духовенства и выделившаяся из основной массы крестьян разбогатевшая часть узденства. Самыми крупными феодалами являлись ханы. Следующий разряд класса феодалов представляли беки. Отдельную группу феодалов составляли чанки, имевшие такое же происхождение, как и в вышеуказанных владениях.

Наиболее многочисленный слой крестьянского населения в нагорной части Дагестана составляли уздени. В отличие от равнинной части в нагорном Дагестане не произошло деления узденей на группы и формально они считались равными между собой, лично свободными крестьянами. Но фактически и узденство нагорного Дагестана подразделялось на две категории. К первой относились уздени, находившиеся на службе у ханов и владевшие землей на правах бенефиция, а также выделившаяся из основной массы крестьян разбогатевшая аульская верхушка. Из этой категории шло формирование группы мелких феодалов. Ко второй категории относились формально лично свободные уздени, владевшие небольшими мюльками, но фактически зависимые от феодалов.

§ 4. ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ

С присоединением Дагестана к России самодержавие уже не стеснялось смещать неугодных и назначать угодных ему правителей, которые были поставлены под контроль командиров воинских частей, дислоцированных в Дагестане. Кавказское командование имело даже намерение ликвидировать ханско-бекское управление в Дагестане. «Терзают меня хан-

ства, стыдящие нас своим бытием, — писал А. П. Ермолов в письме от 24 февраля 1817 г. князю Воронцову. — Управление ханами есть изобретение первоначального образования общества. Вот образец всего нелепого, злодейского самовластия и всех распутств, уничтожающих человечество. Когда возвращусь из Персии, введу перемену в образе их управления». Однако в первой половине XIX в. во внутреннее управление владений не было внесено существенных изменений. Феодалы управляли своими владениями на ханских правах с формальным ограничением прав на смертную казнь, на наказания, сопряженные с нанесением увечья, и на отчуждение имений.

Высшая власть в Дагестане была сосредоточена в руках военного командования, причем формы управления нередко менялись сообразно с обстановкой. Прежде всего это относится к организации власти и разделению Дагестана на провинции.

В феврале 1812 г. были созданы Дербентская и Кубинская провинции. Во главе этих провинций были поставлены военно-окружные начальники, которым принадлежала здесь высшая административная власть.

В 1840 г. с целью более удобного для царизма управления краем было принято новое положение, согласно которому была образована Каспийская область; в ее состав вошли Дербентская и Кубинская провинции, преобразованные в уезды. В Дербентский уезд вошли город Дербент, Улусский магал, владения Табасарана и Кайтага. В Кубинский уезд вошли Кубинская провинция и союзы сельских обществ в Самурской долине. Таким образом, управление вновь созданными уездами было организовано примерно по такому же типу, как и в уездах внутренних губерний России, без учета местных и национальных особенностей.

Низовым звеном в уезде считался участковый заседатель, обладавший всей полнотой власти. Городскую полицию возглавляли городничий и частные приставы. Уездное казначейство обязано было вести учет и сбор различных податей. Уездный суд разбираал уголовные дела.

В то же время Дербентский и Кубинский уезды Каспийской области входили в Дербентский военный округ во главе с военно-окружным начальником, который осуществлял высшую полицейскую власть. В его распоряжении находилась войска, и он мог применять военные меры.

В 1846 г. для управления Дагестаном была установлена должность военного губернатора с резиденцией в г. Дербенте. Губернатор ведал гражданской частью, при нем был губернский суд, состоящий из председателя, двух советников и четырех заседателей от высшего и торгового сословия. В 1847 г. был образован Прикаспийский край, управление

которым было поручено командующему войсками; ему и были подчинены все владения Дагестана.

В первой половине XIX в. в Дагестане по-прежнему существовал ряд феодальных владений: шамхальство Тарковское, уцмийство Кайтагское, ханства Аварское, Казикумухское, Мехтулинское, майсумство Табасаранское, владения кадия табасаранского, князей Эндреевских, Аксаевских и Костековских и многочисленные союзы сельских обществ.

Во главе этих политических образований стояли феодалы, которые носили титулы шамхалов, уцмиев, ханов, майсумов, кадиев и князей. Внутреннее управление этих владений оставалось прежним. Как и ранее, административными и финансовыми делами ведали везиры, нукеры; для управления отдельными административными участками назначались наиби. Отдельными населенными пунктами управляли беки, пользовавшиеся также неограниченными правами по отношению к жителям подопечных селений.

Владения Засулакской Кумыкии

Владения засулакских князей были разделены на три административных участка: Эндреевский, Аксаевский и Костековский; каждый участок имел частного пристава и старшего князя. Во главе всех участков стоял главный кумыкский пристав. Уголовные дела рассматривались в военных судах. Разбирательство гражданских дел и маловажных уголовных дел было предоставлено старшим князьям и кадиям. По-прежнему дела по завещаниям, опеке, разделу движимого имущества и брачно-семейные вопросы в основном разбирались по шариату.

Уголовные дела рассматривались по адатам, которые были приспособлены к интересам класса феодалов. Жалобы на решения князей и кадиев передавались на рассмотрение Эндреевского городского суда, который состоял из председателя — коменданта крепости Внезапной, одного члена из числа русских чиновников, шести членов из знатных узденей и эндреевского кадия. В суде должны были присутствовать представители Аксаия и Костека. Городской суд руководствовался адатами и шариатом.

21 июля 1841 г. в состав Северного Дагестана была включена Салатавия, которая управлялась приставом на основании обычного права и шариата.

Шамхальство Тарковское Территорию шамхальства Тарковского составляли все земли от Сулака до границ сел. Каякент. Сюда входила вся Прикаспийская низменность и частично предгорная зона.

К началу XIX в. шамхальство Тарковское находилось под управлением Магомед-шамхала, имевшего чин тайного советника с жалованьем 6 тыс. руб. серебром в год. Ближайшим помощником шамхала был везир, пользовавшийся боль-

шими правами. Исполнение указаний шамхала, сбор пошлин, взимание штрафов, принуждение к своевременной уплате податей, охрану особы шамхала и его дома осуществляли нукеры (дружинники). Как и ранее, административно шамхальство было разбито на управляемые беками бийликства: Бойнакское, Эрпелинское, Баматулинское и Карабудахкентское. Кроме того, шамхал назначил своих нукеров в те участки, которые были присоединены к шамхальству распоряжением генерала Ермолова.

В 1820 г. Мехти-шамхал получил во владение удел мехтулинского Султан-Ахмед-хана, куда он также назначил своего наиба для управления и взимания податей. Ему же было передано бывшее владение Гирей-бека Баматула, состоящее из семи деревень — Большие Казанищи, Малые Казанищи, Буглен, Муслим-аул, Халим-Бек-аул, Кафыркумух и Темир-Хан-Шура. Претендент на эти земли Умалат-бек в 1823 г. с большим отрядом безуспешно пытался отнять их у шамхала, но был разбит и бежал из Дагестана, а во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. был задержан в Анапе, где и умер. В 1829 г. Мехти захотел стать кубинским ханом, а в 1830 г. попросил сделать его правителем всего Дагестана. Чрезмерное усиление власти шамхала не устраивало царизм, который руководствовался правилом «разделяй и властвуй»; поэтому последние две просьбы шамхала не были удовлетворены.

Шамхал осуществлял управление на основании прежних шамхальских прав, изложенных в судебнике. Жители шамхальства отбывали шамхалу и казне тяжелые повинности по строительству укреплений и дорог, по перевозке провианта, по обеспечению войск сеном и топливом и т. д. В Тарках, Темир-Хан-Шуре и Казанищах были построены укрепления, в которых находились воинские части. При шамхале Абу-Муслим-хане в шамхальство был назначен офицер царской армии со званием помощника шамхала, который все чаще стал вмешиваться во внутренние дела шамхальства. Селения Ишкарты, Каранай, Эрпели, Чиркей, Чир-юрт, Миатлы, Султан-Янги-юрт и Отар-аул теперь уже не входили в шамхальство. Они управлялись старшинами или беками, которые находились в подчинении командиров воинских частей.

Мехтулинское ханство

Мехтулинское ханство занимало незначительную территорию — всего 13 аулов: Нижний Дженгутай, Верхний Дженгутай, Дуранги, Апши, Ахкент, Охли, Кулецма, Аймаки, Чоглы, Дургели, Кака-Шура, Параул, Урма. С 1817 г. ханством управлял Гасан-хан. В 1818 г. генерал А. П. Ермолов за антирусское выступление Гасан-хана ликвидировал мехтулинское ханство. Однако 11 февраля 1820 г., в связи с тем что самодержавие более активно стало поддерживать мест-

ных феодалов, генерал Ермолов восстановил ханство в прежних границах. В ханском достоинстве был утверждён сын Гасан-хана Ахмед-хан, которому в 1836 г. было поручено и управление Аварским ханством. В 1843 г. после смерти Ахмед-хана до совершеннолетия его сына правительницей была оставлена его вдова Нух-бике; ей было назначено жалованье 1500 руб. серебром. В 1844 г. в помощь Нух-бике был назначен русский офицер штаба, который фактически и управлял ханством.

Управление Дербента

В начале XIX в. Дербентским ханством управлял Шихали-хан, но в период присоединения Дербента он бежал и до своей смерти в 1821 г. скрывался в разных местах Дагестана. Опираясь на шахскую Персию и получая от нее денежные субсидии, он продолжал возмущать население Дагестана. С присоединением ханства в Дербенте было создано управление, наибо́м назначен Алпан-бек, управляющий городом под контролем коменданта Дербента. В феврале 1812 г. в Дербенте было учреждено главное управление Дербентской и Кубинской провинций в лице военно-окружных начальников, называвшихся сначала дагестанскими военно-окружными начальниками, а с 1830 г. — просто дербентскими окружными начальниками. Для внутреннего управления был учрежден городской суд (диван). Председателем суда был комендант крепости, членами — два бека и два горожанина. Состав суда утверждался через окружного начальника главнокомандующим.

Задача суда формально состояла в том, чтобы «примирять тяжущихся и прекращать распри». Суд разбирал гражданские и маловажные уголовные дела, руководствуясь местными обычаями или российскими законами. В виде наказаний суд имел право «употребить в работу» виновного и взыскать с него штраф. Дела по важным преступлениям — измене, нарушению верноподданнической присяги, убийству, разбою, похищению казны, вывозу российских денег за границу, фальшивомонетничеству и подобным другим — отсылались на рассмотрение военного суда, который состоял из военных командиров.

Владения Табасарана

В Табасаране в первой половине XIX в. было два самостоятельных, независимых друг от друга владения — майсумство и владение кадия. Северный Табасаран принадлежал кадию, а Южный — майсуму.

Административно владения Табасарана делились на магалы.

Звания владельцев обеих частей Табасарана — майсума и кадия — переходили по наследству старшему в роде, но при этом и в первой половине XIX в. соблюдался обряд

избрания, которое происходило на сходах представителей всех магалов (узденских и раятских) в разных местах: кадия — в Северном Табасаране, близ сел. Хучни, а майсума — около сел. Туруфа. Управление Табасараном осуществлялось майсумом, кадием, беками, духовенством и кевхами (старшинами). Различного рода полицейские функции выполняли дружинники владельцев — нукеры. Они же занимались сбором податей, «штрафных денег», пошлин и т. п.

В своих селениях беки были полновластными хозяевами, они разбирали тяжбы между подданными, взимали штрафы, подвергали их жестоким наказаниям. В узденских селениях внутреннее управление, судопроизводство и т. д. осуществляли кевхи и представители мусульманского духовенства. В случае войны майсум и кадий собирали ополчение, которым и предводительствовали. По зову владельцев беки обязаны были являться со своими нукерами и подвластными им раятами. В ополчение были обязаны являться и уздени.

В начале XIX в. табасаранские владельцы майсум Сограббек и Рустем-кади были возведены в чин 4-го класса с жалованьем 1500 руб. Однако к 1815 г. за участие в антирусской борьбе вместе с Шихали-ханом табасаранские владельцы были отстранены от власти, а управление Табасараном до 1823 г. было возложено на коменданта, затем — на генерала Верховского. Позже управление Табасараном было поручено бекам майсумского и кадийского происхождения.

По данным прапорщика Колоколова, составившего в 1831 г. этнографическое описание Табасарана, Верхний Табасаран делился на 9 магалов. Из них 7 считались самостоятельными, а два были подчинены Арслан-хану кюринскому. Нижний Табасаран делился на 7 магалов. Один принадлежал Арслан-хану, два — наследнику майсума Ибрагим-беку корчагскому, остальные 4 магала принадлежали бекам кадиевской фамилии. Из 5379 семейств Табасарана 2323 семейства проживали в узденских магалах, остальные принадлежали бекам, казне и часть, т. е. 555 семейств, — Арслан-хану кюринскому.

Уцмийство Кайтагское

Политическое устройство Кайтагского уцмийства мало чем отличалось от других вышеописанных феодальных владений. Власть уцмийа была наследственной и переходила к старшему в роде, но при этом утверждалась торжественным всенародным собранием, происходившим в сел. Башлы. Административно уцмийство делилось на 13 магалов: Терекемейский, Гамринский, Харбукский, Хайдакский, Каракайтагский, Урджамильский, Девекский, Каттаганский, Ширкуламский,

Сюргинский, Муирский, Карадаргинский и Кубачинский. Магалами управляли беки как полновластные хозяева.

В Терекеме бек имел даже право удалить неугодного ему раята со своих земель; при этом имущество раята поступало в пользу бека. Беки разбирали и тяжёлые дела, причем их решения считались окончательными: они налагали по своему усмотрению штрафы, наказывали преступников, имели право даже «казнить смертью».

В начале XIX в. Кайтагом управлял уцмий Рустем-хан. Он имел чин 4-го класса и получал 2 тыс. руб. жалованья от казны. В 1804 г., после смерти Рустема, уцмием стал его двоюродный брат Али-хан, который управлял Кайтагом до 1809 г., когда уцмием стал его брат Адиль-хан, правивший Кайтагом до 1819 г. Вступив в сговор с бывшим дербентским и кубинским ханом Шихали-ханом, Адиль-хан отказался от подчинения дербентскому коменданту и не являлся по его вызову в Дербент, ссылаясь на обет, данный им брату Али-хану, не являться в города, где утвердилась царская власть. 20 марта 1818 г. комендант Дербента Бухвостов писал, что Адиль-хан просит отпустить его на богомолье и утвердить его сына Хан-Магомеда уцмием кайтагским в нарушение обычая, по которому уцмием должен быть не сын, а старший в фамилии.

Шамхал Мехти, на дочери которого был женат Хан-Магомед, также просил удовлетворить просьбу уцмия Адиль-хана, однако А. П. Ермолов, усмотрев в этом опасность чрезмерного усиления власти шамхала, всячески оттягивал решение этого вопроса. Наконец, в октябре 1819 г. в уцмийство вступило русское войско под командованием генерал-майора Мадатова, которое разбило ополчение уцмия, разрушило многие селения. 26 января 1820 г. по приказу А. П. Ермолова уцмий был отстранен от власти. Кайтаг был оставлен под управлением беков, которые находились под наблюдением пристава, имевшего резиденцию в сел. Великент. Доходы, шедшие ранее в пользу уцмия, были назначены казне, в том числе и подати с уцмийских раят. Такое управление сохранялось до 1838 г. Генерал-лейтенант Фези поручил управление Верхним Кайтагом Джамав-беку, сыну Адиль-хана. В 1840 г. Кайтаг был включен в состав Дербентского уезда. В Терекемейской части, со включением Гамриозенских обществ, было создано участковое управление с резиденцией в Каякенте; управляющий участком официально именовался помощником управляющего Кайтагом. В 1843 г. участковое управление было ликвидировано и управление всем Кайтагом поручено Джамав-беку. При Джамав-беке находился помощник из царских чиновников.

**Кюринское
ханство**

Территория Южного Дагестана, известная под названием Кюра, с XVIII до начала XIX в. входила в состав Казикумухского ханства. В связи с антирусскими выступлениями казикумухского Сурхай-хана вступившие в Кюру русские войска в декабре 1811 г. в сражении под аулом Шехикент и Татар-хан разбили отряды Сурхая, затем заняли Курах. Сурхай-хан бежал в Казикумух и вскоре дал клятву на верность России. Но, несмотря на это, Сурхай-хан продолжал проводить антирусскую политику. В связи с этим кавказское командование, присоединив к России Кюру, образовало ханство, в которое вошла вся Кюринская плоскость, территория Курахского, Кошанского, Агульского и Ричинского обществ. Правителем ханства был утвержден племянник Сурхая Арслан-хан. Согласно условиям, подписанным Арслан-ханом, он и его преемники обязывались признавать только власть России и в связи с этим все вопросы внешнеполитического порядка должны были решать с ведома кавказского командования. А для защиты Кюринского ханства в сел. Курах был расположен гарнизон царских войск, состоявший из двух батальонов пехоты и сотни казаков. Что же касается внутреннего управления ханством, то, как и ранее, хану предоставлялось «право разбирать все дела, касающиеся внутреннего управления, и производить суд и расправу по его усмотрению».

Кюринское ханство просуществовало до 1820 г., когда волей самодержавия оно было объединено с Казикумухским ханством. В 1839 г. Кюринское и Казикумухское ханства были вновь разделены. Кюринским ханством стал управлять выходец из рода казикумухских ханов Гарун-бек, а после него — Юсуф-хан.

**Казикумухское
ханство**

В начале XIX в. Казикумухское ханство было одним из крупных и влиятельных феодальных владений Дагестана. Даже после отторжения Кюры и образования Кюринского ханства Казикумухское ханство не было этнически однородным. В него входили территория, населенная лакцами, а также присоединенные еще в XVIII в. территории, населенные даргинцами, аварцами, арчинцами, табасаранцами и др.

В ханстве вместе с присоединенными территориями было более 200 населенных пунктов. Согласно данным, относящимся к 1811 г., численность ханства составляла более 108 тыс. человек. Административно ханство было разделено на магалы. Владением управлял хан, власть которого была наследственной.

Непосредственными помощниками хана были везиры. Функции дворецкого и казначея выполняли назеры, полицейские функции — нукары, в основном состоявшие из рабов

хана. В Казикумухе имелся главный кадий, решавший все духовные вопросы. На местах для соблюдения правопорядка в землепользовании и решения различных вопросов «выбирались» купачу (старшины).

Присоединенными территориями управляли родственники ханов — беки или выделявшиеся умом и храбростью вассалы хана.

Характеризуя власть казикумухского хана, комендант Кизлярской крепости Ахвердов в 1804 г. отмечал, что в отличие от всех владельцев «во всем владении его слова вор нет, так что приезжающие наши армянские купцы с шелками и другими шелковыми товарами бросают связки на улицах возле того дома, где имеют ночлег, а если бы кто и лошадь усталую под выюком должен был бросить среди степи или гор, наверное поутру же сыщет, если зверьми не растерзана. И таким образом народ его в совершенном повиновении, за малейшую шалость наказание у него — смерть, отрубить руку или же выколоть глаза! Народ, ему подвластный, имеет избыточное скотоводство, а особенно в овечьих стадах, и хлебопашество богатое, делают также шелк».

В начале XIX в. ханством управлял Сурхай-хан. Он неоднократно давал присягу на верность России, но при первом же случае отказывался признать власть России и не раз организовывал антирусские выступления или же принимал в них участие; нередко он обращался за помощью к Ирану и Турции. После образования Кюринского ханства в 1812 г. и принятия в подданство России Казикумухского ханства Сурхай-хан бежал в Иран, а спустя некоторое время тайно пробрался в Дагестан и сумел восстановить свою власть в Казикумухском ханстве.

В июле 1820 г. русские войска под командованием генерал-майора Мадатова разбили отряды Сурхай-хана при Чирахе и Хусреке и заняли Кумух. Жители дали присягу на верность России и не пустили в Кумух Сурхай-хана. Тот вынужден был бежать в Аварию.

В июне 1820 г. Казикумухское и Кюринское ханства были снова объединены под властью Арслан-хана. После смерти Арслан-хана в 1835 г. объединенным ханством управляли его сыновья Нуцал-ага (ум. в 1836 г.) и Магомед-мирза (ум. в 1838 г.). Затем правительницей ханства стала вдова Арслан-хана Уму-кусум-бике. С 1839 по 1842 г., т. е. до своего бегства к Шамилю, помощником ее был Махмуд-бек. После этого управляющим к ней был назначен Абдурахман-бек. При нем был создан совещательный орган управления в составе казикумухского кадия и двух старшин знатного узденского происхождения. Каждый из них получал по 300 руб. жалованья. Затем ханством управлял

Агалар-бек, который умер в 1858 г. Таким образом, в первой половине XIX в. управление оставалось почти все время ханским; что же касается сельского управления, то оно осуществлялось, как и везде, выборными и старшинами из влиятельных и богатых фамилий.

Аварское ханство В начале XIX в. ханство Аварское было крупным и влиятельным владением, державшим в зависимости ряд аварских союзов сельских обществ, а также соседствующие с Дагестаном сельские общества Чечни.

В Аварском ханстве не было единой системы административного деления. Здесь наряду с бекствами встречались так называемые военные округа, которые по требованию хана выставляли воинов на собственном довольствии. В соответствии с этим определялось и местное управление.

Во главе владения стояли наследственные ханы. Все вопросы внутреннего и внешнего управления решались ими. Лишь тяжбы по духовным делам, завещаниям и т. д. разбирались по шарнату хунзахским кадием, которого хан называл ближайшим своим везиром. Как глава мусульманского духовенства хунзахский кадий, или шейх-уль-ислам, играл при хунзахском дворе заметную роль.

Полицейские функции выполняли дружинники хана — нукары.

В 1801 г. в Джаро-Белоканах скончался Умма-хан, при котором ханство достигло наибольшего могущества. Ханом Аварии стал мехтулинский Султан-Ахмед-хан.

В 1803 г., как отмечалось выше, ханство Аварское официально было принято в подданство России. Но, несмотря на это, с 1807 г. Султан-Ахмед-хан принимал участие в антирусских выступлениях. В связи с этим он неоднократно лишался жалованья и каждый раз вновь давал клятву на верность России. Однако в 1818 г. за антирусские выступления Султан-Ахмед-хан был лишен ханского достоинства. В 1819 г. генерал А. П. Ермолов утвердил ханом Аварии Сурхай-хана. Он не имел большого влияния в народе и фактически ханством управляла вдова Султан-Ахмед-хана Баху-бике. При этом, по словам современника, она выставила своего сына как настоящего владельца.

Такое положение продолжалось до 1828 г., когда волей царизма Авария была официально разделена между сыном Баху-бике Абу-Султан-Нуцалом и Сурхай-ханом. Обоим были присвоены чины полковников русской службы с жалованьем 2 тыс. руб. В 1830 г., после того как Абу-Султан-Нуцал отстоял Хунзах в борьбе с восставшими горцами, предводительствуемыми Гази-Магомедом, главнокомандующий на Кавказе генерал Паскевич вручил подарки, знамя и грамоту на ханство над всей Аварией Абу-Султан-Нуца-

лу. Таким образом, Сурхай-хан сошел со сцены. Однако в 1834 г. Абу-Султан-Нуцал и Сурхай-хан были убиты Гамзат-беком. Ханом Аварии был утвержден второй племянник Умма-хана — Арслан-хан, а после его смерти — сын его Нуцал-ага. В 1836 г. ханом Аварии был утвержден брат бывшего аварского хана Султан-Ахмеда мехтулинский Ахмед-хан, который первые годы правил Аварией вместе с Хаджи-Муратом.

После смерти Ахмед-хана в 1843 г. для управления Аварией было создано правление во главе со старшиной прапорщиком Айтбером. Хунзахский кадий Магомед был утвержден главным кадием. Разбор дел осуществлялся по адатам и по шариаду. Военскому начальнику хунзахской цитадели майору князю Орбелиани был поручен общий надзор за правлением. В том же году Авария подпала под власть имамата Шамиля, и только за 21 день до пленения Шамиля, 4 августа 1859 г., Аварское ханство было вновь восстановлено.

Союзы сельских обществ

В начале XIX в. в Дагестане по-прежнему сохранялось несколько десятков аварских, даргинских и лезгинских союзов сельских обществ. Не произошло существенных изменений и в их внутреннем управлении в первые десятилетия, если не считать того, что они номинально были подчинены русским властям на Кавказе. Правда, кавказское командование произвело смещение некоторых неугодных ему лиц

За неприязненное отношение к русским властям генерал А. П. Ермолов сменил акушинского Магомед-кади и назначил кадием Акуша-дарго Зухум-кади. Ему было установлено жалованье в 500 руб. серебром в год. На Акушинский союз была наложена дань в 2 тыс. баранов в год, а на Сюргинское общество — 400 руб. серебром. Вскоре, однако, за участие в антирусских выступлениях Зухум-кади был смещен и на его место вновь назначен Магомед-кади. В 1844 г. по предательству князя Аргутинского из даргинских обществ — Акушинского, Цудахарского, Усишинского, Мегебского, Мекегинского, Урахинского — был организован округ и начальником округа назначен майор Г. Оленич. Окружное управление кроме начальника состояло из помощника, переводчика и двух писарей из нижних чинов, а также из 14 нукеров из почтеннейших семейств округа. Кроме того, в магалах были свои нукеры, которые находились на содержании общества. Всех нукеров было около 100. Однако в том же 1844 году начальник округа Г. Оленич был убит сторонниками мюридизма. В связи с этим в Акуша-Дарго было восстановлено управление кадия, которое сохранялось до 1854 г., когда было вторично создано окружное управление, во главе которого был поставлен подполковник И. И. Лазарев.

Даргинский округ вошел в состав Дербентской губернии, а затем и в Прикаспийский край. Внутреннее же управление сельских обществ Акуша-Дарго сохранялось без существенных изменений.

В 1812 г. с присоединением к России союзы сельских обществ Самурской долины были номинально поставлены под контроль коменданта г. Кубы. В 1839 г. из союзов сельских обществ Самурской долины (кроме Рутульского, вошедшего в Елисейское султанство) был организован Самурский округ. В 1840 г. Самурский округ был присоединен к Кубинскому уезду. В помощь окружному начальнику были назначены главный кадий и векилы дивана, по одному от каждого магала. Что же касается аварских союзов сельских обществ, то на территории их со времени возникновения движения 20—50-х годов происходили военные действия и они входили в имамат.

Сельское управление Низовой политической организацией во владениях и союзах сельских обществ Дагестана, как и в предыдущие века, являлась сельская община — джамаат. Значительную роль в сельском управлении продолжали играть народные собрания, или сходы. На них учреждались и органы сельского управления. Хотя по обычаю органы управления и должны были комплектоваться по принципу представительства от тухумов, однако этот порядок нередко нарушался, а в первой половине XIX в. почти не соблюдался. В ряде случаев богатые тухумы закрепляли за собой право наследования должности старейшины или кадия.

В сходах, обычно собиравшихся около мечети на специальной площади, участвовали все мужчины старше 15 лет. На них разбирались различного рода вопросы, в частности выбор представителей для решения спорных вопросов между соседними общинами, суда — маслагата, утверждение и регламентация порядка сельскохозяйственных работ.

На сходах рассматривались также вопросы исправления старых и проведения новых дорог, очистки оросительных каналов, водопользования, найма общественных пастухов, «выбора» дибира (муллы), старейшин, утверждение чауша — глашатая, в обязанности которого входило объявление решений джамаата и старейшин.

Типичным сельским управлением являлось, например, Башлинское. Для разбора и решения как уголовных, так и гражданских дел по адату общество селения Башлы «избирало» из своей среды пять картов — старшин и для решения дел по шариату — одного кадия. Решения картов и кадия были безапелляционны. Для исполнения различного рода полицейских функций в Башлах имелись 60 постоянных исполнителей (тулгаков). Кроме того, в помощь им каждый

квартал по очереди ежемесячно назначал из своей среды еще 30 тулгаков. Кроме названных должностных лиц в Башлах избирался еще глашатай (мангуш), в обязанности которого входило: 1) созыв общества на сход, 2) созыв картов для разбора судебных дел, 3) созыв тулгаков для приведения в исполнение решений суда, 4) освидетельствование по трав на полях и арест скота, потравившего посеvy.

Карты получали вознаграждение за исполнение своих обязанностей из дохода от сбора дикой марены на общественных землях от 3 до 5 руб., из дохода от нефтяного откупа — по 5 руб., из дохода от соли — по 1 руб.; с откупщиков карты получали сверх откупной платы по одному барану с каждого кутана на всех. При ежегодном разделе общественной земли каждый карт получал двойной участок.

Каждый получал с каждого двора 3 саха пшеницы, жители по очереди угощали его; за омовение мертвого он получал 2—3 руб., за чтение Корана на могиле — 5 руб., за оформление документа об аренде кутана — 1—2 руб. и т. д.

Половина штрафа за преступления и весь штраф за маловажные проступки поступали в распоряжение общества. Одна часть штрафа делилась между теми тулгаками, которые приводили в исполнение решение суда, а другая часть его поступала в пользу мангуша. Мангуш получал от общества ежегодно одну лошадь. Наследственные тулгаки, кроме почета, никакими особыми преимуществами не пользовались.

Подобный порядок управления сельскими обществами существовал во всем узденском Кайтаге, однако в каждом селении были свои особенности. Карты, кадии или муллы были в каждом селении, но число их было весьма неопределенно и зависело от количества населения: в Уркарахе было 12 картов, в Кишшах и Харбуке — по 8, в Кубачах — 7, в Утамыше — 4. Во всем Каракайтаге было 30 старейшин, которые имели право решать сельские дела. У терекемейцев не было старейшин, кроме кадия, а управление, как отмечалось выше, осуществлялось беками. Еврейское население Кайтага также не имело своего управления, оно целиком подчинялось бекам.

Маловажные дела в Кайтаге рассматривались сельскими старейшинами, почетными лицами (судом маслагата) или кадиями, если эти дела относились к их компетенции. Если спорящие бывали из разных селений и дела были серьезны, то они обращались к тому старейшине или кадию, который считался наиболее опытным и авторитетным. Дела по крупным кражам, убийствам и увозу женщин рассматривались в главных селениях магала. Если решением старейшин главного селения или кадия стороны оставались недовольны, то они могли передать жалобу на рассмотре-

ние в общественном месте, куда для этого периодически собирались старейшины всего магала и представители почетных лиц (по два—четыре человека от каждого селения). Если и этим решением стороны оставались недовольны, то они обращались к самому уцмию и с его разрешения отправлялись в Кишша, где оканчивали свой спор по уцмийским адатам.

Когда спор возникал между селениями, его разбирали карты тех селений, к которым принадлежали тяжущиеся, и если не могли примирить тяжущихся или решением их последние были недовольны, то дело разбиралось и решалось картами какого-либо постороннего селения. Апелляции на решения сельских картов поступали в одних магалах к джамаату, в других — к собранию всех картов, в третьих — к картам определенного селения. Карты селения Уркарах пользовались особым предпочтением; они в своем селении решали дела безапелляционно; с апелляционными же жалобами обращались к ним жители не только того же магала (Гапш), но и других магалов — Муйре и Ицари.

Дела по шарияту решали кадии. Кадии были почти в каждом селении, только в магале Ицари был один кадий на все четыре селения. Почти в каждом магале был первенствующий кадий, живший в известном селении, к которому обращались с жалобами на решения сельских кадиев, но иногда апелляции приносились к кадиям из другого магала и даже к главному акушинскому кадию. В нагорном Кайтаге особенным почтением пользовались уркарахский и кубачинский кадии, к которым обращались с апелляционными жалобами жители и других магалов.

В большинстве узденских магалов кадии избирались из людей, знающих шарият и известных своей «ученостью». Только в магалах Каракайтага и Урчамуль кадии «избирались» из одних и тех же тухумов обществами всего магала. Кадий за исполнение своих обязанностей получал вознаграждение — в большинстве магалов по одной сабе пшеницы с каждого двора, а при разделах имущества — по 25 коп. с 10 руб. его стоимости. Кадий освобождался от караульной службы.

Таковыми же правами пользовались кадии и в некоторых других магалах. В селениях магала Ганк кадии в большинстве случаев получали по 30 руб. в год. В магале Ицари кадий получал от общества покосное место на 20 вьюков сена. Если же кадий был «избран» из другого магала, то получал еще по 15 баранов в год.

В Уркарахе кадий получал с каждого дыма по два гарнца пшеницы, за омовение покойника — от 1 до 3 руб., за чтение Корана на могиле — 2—3 руб. При разделе общественного сенокоса или леса кадию причиталась лучшая

и большая часть. Утамышский кадий получал 50 саб пшеницы от сел. Гичи-Гамри, а сами утамышцы давали ему для засева землю на 10 саб. Воду для полива кадий получал два раза в год в двойном размере и без очереди. За составление торговых документов кадию причиталось 4 руб., а старшине — 3 руб. Старший мангуш получал 1 руб., младшие — по 50 коп. Кроме того, кадий получал в год от общества от 8 до 10 руб. деньгами или баранами. В Кубачах кадий имел 30 руб. в год.

Тулгаки также были во всех магалах, исключая Урчамуль. Всего их было в Кайтаге 300, из них в Утамыше — 40, в Кубачах — 24, в Уркарахе — 60. В обязанности тулгачков входило наблюдение за порядком в общественных местах, забота о выходе народа на полевые или общественные работы, взыскивание штрафа по указанию старшин, выгон из дому канлы, если родственники его скрывали.

Формирование органов управления сельской общиной по всему Дагестану носило одинаковый характер, т. е. оно происходило путем выбора на джамаате. Однако во многих сельских общинах право избирать из своей среды старшину принадлежало только некоторым известным тухумам; аналогичное положение было и в Кайтаге. Так, например, в магалах Гапш, Шуркент, Караган, Урчамиль и Каракайтаг старшины избирались из известных тухумов; в магалах Ицари и Ганк они избирались из любого тухума, а в селении Кубачи (магал Ганк) старшины (карты) избирались из восьми тухумов, в магале же Муйре карты хотя и избирались обыкновенно из известных тухумов, но если в их среде достойных не оказывалось, то избирался любой житель. За исполнение обязанностей в сельском управлении члены этого управления получали различное вознаграждение и пользовались рядом льгот.

Тулгаки и мангуши получали часть штрафов, а потому проявляли особое рвение при взыскании их с населения. Утамышцы давали старшему мангушу быка или его стоимость, а младшим мангушам — по 40 саб пшеницы. Сверх того, мангуши имели льготы по поливу своих пахотных участков.

В Кюринском ханстве сельские общества управлялись кевхами, которые избирались джамаатом. Однако в отдельных тухумах существовало правило передачи должности кевха по наследству. Обязанность кевхов заключалась в наблюдении за порядком в селе. Для разбора споров и жалоб в своем селении они приглашали нескольких почетных стариков (аксакалов). По решению кевхов жители подвергались штрафам, вплоть до разорения дома. Кевхи селений Курах, Хутарг и Унам имели влияние на прочие селения своих магалов. Они могли решать важные дела, в

частности дела о кровной мести, об увозе женщин и т. д. Они объезжали свои магалы и вместе с аксакалами творили суд и расправу, за что получали одного быка от виновного в убийстве из-за кровной мести. Мангуш и тулгаки также получали обусловленное обществом вознаграждение. Муллы здесь получали часть зяката, вознаграждение за раздел наследства и пр.

При кюринских ханах управление сельскими общинами изменилось — над сельскими властями были поставлены магальные назирь или наибы. Юсуф-хан кюринский назначал старшин по своему усмотрению (до него ханы только утверждали старшин, избранных обществом) и превратил старшин в исполнителей своих и наибских распоряжений. Джамаат рассматривал вопросы, касающиеся всего общества, причем сильные тухумы добивались решения вопросов в свою пользу. Дела, касавшиеся магала, рассматривались выборными представителями от каждого сельского общества, заинтересованного в разрешении спора.

Порядок рассмотрения гражданских и уголовных дел сельскими органами осуществлялся следующим образом. Карты или аксакалы вместе с кадием, муллой или дибиром начинали разбор дела по личному заявлению потерпевшего или истца. Представительство допускалось только мужа за жену и отца или опекуна за несовершеннолетних. Доказательствами по адату считались собственные признания, без принуждения, присяга (число соприсягателей должно было быть не менее двух, причем женщины к присяге допускались не везде), показания раненого или умирающего, вещественные доказательства (садины, кровь на оружии и т. д.), а также письменные документы, подтвержденные присягой. Иски были двух родов: прямой, с вышеназванными доказательствами, и по подозрению. Во втором случае требовалось, чтобы истец вместе с соприсягателями подтвердил свои требования присягой, или же требовалась очистительная присяга ответчика или подозреваемого. Количество свидетелей и соприсягателей зависело от характера преступления или от размера иска.

Основными видами наказания были по обычаям: 1) дият или кровная месть; 2) изгнание на срок или бессрочно; 3) штрафы в пользу общины и 4) взыскание причиненного ущерба в пользу потерпевшего.

Смертная казнь не применялась, и не было лиц или органов для ее осуществления. Но адат во многих случаях допускал право убивать преступника. Кража имущества в мечети в Цудахарском обществе вклекла за собой право убийства виновного. Убить его мог любой житель аула. В Гидатлинском обществе самым тяжким преступлением считался умышленный поджог моста (это общество находит-

ся на правом берегу р. Аварское Койсу, через которую имеется мост, соединяющий Гидатль с другими обществами Аварии). Поджигатель мог быть безнаказанно убит кем угодно.

В некоторых обществах Дагестана адат различал убийство квалифицированное и простое. Квалифицированным считалось убийство, совершенное из корысти, из засады, в мечети, ночью и в доме убитого. Виновным в убийстве признавался всегда один, но по количеству нанесенных ранений определялось число родственников убийцы, которые должны были быть на определенный срок изгнаны из аула. Убийство беременной женщины влекло за собой право на убийство двух человек. Убийство кадия в Кайтаге считалось тяжким преступлением: за него должны были быть изгнаны семь родственников убийцы.

Сельские старейшины и кадии разбирали уголовные и гражданские дела по адату, а брачные и наследственные — по шариату. По адату в Дагестане безнаказанным считалось убийство кровного врага, человека, нанесшего бесчестье целому семейству, объявленного врагом общества, нападающего из засады, вора на месте преступления, жены, матери, сестры и их любовников, если они застигнуты в момент близости, похитителя женщин при его преследовании и т. д.

Шариат предоставлял мужу право убить жену, если он заметил ее измену, избивать ее и сажать под замок, если она не выполняет его волю. Мужу принадлежало право развода, он же мог принудить жену продолжать брачную жизнь.

Отец или вели (опекун) являлся полным хозяином девушки и мог выдать ее замуж по своему усмотрению. Без согласия отца или опекуна ни девушка, ни вдова по своему выбору не имела права выйти замуж. В брачно-семейных делах обращалось большое внимание на сословную принадлежность сторон.

По адату девушка не получала какого бы то ни было наследства, по шариату же ей полагалось наследство, но только на 50% меньше, чем сыновьям.

Сельская община Дагестана в XIX в. была раздираема классовыми противоречиями, общинники угнетались феодалами, богатой узденской верхушкой и духовенством. Хотя адаты по форме оставались одинаковыми для всех, слово богатых и высшего духовенства имело решающее значение на джамаате. Различное положение людей в джамаате было следствием их различного социального и имущественного положения. Одни сосредоточили в своих руках большое количество скота и земли, другие были лишены их, а поэтому многие хозяйственные, земельные вопросы, рассмат-

мые сельским сходом, не имели значения для бедных. Бедные редко проживали в своем селении, почти всегда находились в отходе, в поисках куска хлеба.

Эксплуататорская верхушка села не только использовала выгодные ей адаты, но и создавала их, диктуя свою волю джамаату. Шариат, имея силу религии, также отвечал интересам как самого духовенства, так и всех богатых. Правда, духовенство старалось расширить компетенцию шариатского суда, изъяв все уголовные дела из подсудности адатного суда, так как извлекало из этого колоссальную выгоду. Однако общинники твердо отстаивали суд обычая, так как он был понятен им и обычай не знал таких жестоких наказаний, как членовредительство, забрасывание камнями, отрубание руки и т. д. Уголовный шариат был чужд правосознанию горцев. Что касается феодалов, то они отстаивали суд обычая в уголовных делах не потому, что шариат не удовлетворял их, а по той простой причине, что штрафы составляли значительный источник доходов феодалов.

Г Л А В А Ш

АНТИКОЛОНИАЛЬНАЯ БОРЬБА ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

§ 1. ПРИЧИНЫ И ХАРАКТЕР БОРЬБЫ ГОРЦЕВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

Колониальная
политика
царизма

В первой четверти XIX в., после победоносного окончания войн с наполеоновской Францией, шахским Ираном и султанской Турцией, самодержавие приступило к окончательному «покорению» горцев Северного Кавказа и Дагестана. С этой целью самодержавие стало занимать линии передовых военных укреплений и наиболее важные стратегические пункты, устраивать укрепления вблизи главных аулов.

Активизацию колониальной политики, в частности размещение царских войск, строительство укреплений и опорных пунктов, некоторые феодальные владетели оценили, как и следовало ожидать, как дальнейшее ограничение их политической власти над подвластным населением. В итоге некоторые феодальные владетели, которые ранее сами обращались к кавказскому командованию с просьбой принять их в подданство России и охотно принимали условия, предложенные русскими властями, решили оказать сопротивление. Одним из первых выступил аварский Султан-Ахмед-хан; его поддержал Гасап-хан мехтулинский. Узнав о готовящемся выступлении, генерал Ермолов в октябре 1818 г. двинулся с войсками из Чечни через Засулакскую Кумыкию в шамхальство Тарковское, а оттуда — в Мехтулинское ханство, занял Параул, Большой и Малый Дженгутай. Сам А. П. Ермолов цинично заявил: «Я истребил деревни дженгутайские, в коих осмелились они поднять оружие против нас, и вместе с оными предал огню все дома и имения». Мехтулинское ханство генерал Ермолов разделил на две части: часть аулов отдал в управление шамхалу тарковскому, а над другой частью поставил русского пристава. Султан Ахмед-хан был лишен ханского достоинства и пра-

Поход генерала А. П. Ермолова в горы Дагестана
(репродукция с картины)

Горцы, защищающие аул (репродукция с картины)

ва получения жалованья. Одновременно другой отряд царских войск под командованием генерала Пестеля выступил из Дербента в Кайтаг. Овладев резиденцией уцмия Кайтага сел. Башлы, генерал Пестель, по словам Ермолова, не оставил «камня на камне и следы основания его совершенно изглажены». Однако эти меры не дали желаемых результатов. В августе 1819 г. Ермолов осадил сел. Бавтугай, где находился Султан-Ахмед-хан аварский со своими отрядами, и вскоре изгнал его. Затем он отправил часть русских войск в шамхальство Тарковское, чтобы не дать акушинцам, кайтагцам, Шихали-хану и другим враждебным шамхалу владельцам напасть на него, а сам, в силу стечения обстоятельств, направился в Чечню.

В то же время в Южном Дагестане действовал генерал Мадатов. Он вновь занял Башлы, а затем и Янгикент, который так же, как и Башлы, был разорен и сожжен. В конце 1819 г. Ермолов, сосредоточив войска на территории шамхальства Тарковского, двинулся через Мехтулинское владение на акушинцев. Под аулами Урма и Леваша Ермолов нанес поражение горцам. 21 декабря русские войска заняли Акушу. Аул оказался пустым, так как все его жители ушли в горы. Леваша, Уллу-Айя и другие аулы были разорены и сожжены. «Разорение нужно было, — говорил генерал Ермолов, — как памятник наказания гордого и никому доселе не покорившегося народа; нужно в наставление прочим народам, на коих одни примеры ужаса удобны наложить обуздание».

В 1820 г. русские войска под командованием Ермолова, к которым присоединилась милиция во главе с карабахским, шекинским и ширванским ханами, а также Аслан-хан кюринский, выступили против Сурхай-хана казикумухского. 14 июля близ сел. Чирах произошел бой, в результате которого отряды Сурхай-хана были разбиты. Преследуя их, генерал Мадатов занял Кумух.

Кавказское командование полагало, что этим «завершено ... покорение Дагестана». На «усмиренные» народы кавказское командование наложило единовременную контрибуцию натурой и деньгами, а также многочисленные ежегодно вносимые подати деньгами, зерном, скотом и продуктами скотоводства. Жители уцмийства Кайтагского обязаны были ежегодно вносить по 2 сабы пшеницы и по 2 сабы ячменя с каждого семейства, акушинцы — по 2 тыс. баранов, сюргинцы — по 400 червонцев. Жители Кюра-Казикумухского ханства — по 3 тыс. четвертей пшеницы и по 3 тыс. червонцев и т. п. К тому же, если учесть, что при взыскании этих налогов, как правило, допускались злоупотребления и подати взимались в гораздо больших размерах, станет понятным, насколько они были обременительны для трудового горского

крестьянства. Кроме того, самодержавие принуждало горцев к работам по строительству крепостей, прокладке шоссейных и грунтовых дорог, к подводным и тягловым поставкам. Все это не могло не вызывать законного возмущения народных масс. Так что «ермоловское затишье» оказывалось затишьем перед бурей.

В 1821 г. вспыхнуло восстание в аулах Мехтулинского ханства. Жители Аварии не признавали ставленника Ермолова — Сурхай-хана, который за все время правления «сумел привлечь на свою сторону только 3—4 небольших селения».

Наряду с вооруженным подавлением одной из главных мер, применяемых генералом Ермоловым для усмирения непокорных, было взятие горцев голодом и измором. Кавказское командование применяло блокаду целых районов. В 1819 г. был закрыт проезд из нагорного Дагестана в Закавказье. По приказу Ермолова аварцам запрещалось вести торговлю в Грузии и Азербайджане. В случае же нарушения этого правила разрешалось арестовывать прибывших и конфисковывать привозимые ими товары. «Тотчас же прикажите, — говорилось в распоряжении кавказской администрации по Закавказскому краю, — посадить (горцев. — *Ред.*) в крепость... когда по коммерции и другим надобностям будут приезжать в Кахетию, велите арестовывать и содержать под строгим караулом, равно и приходящие от них караваны конфисковывать в пользу казны».

Зажатые в кольцо блокады горцы лишались возможности заниматься жизненно необходимой для них торговлей с населением равнинного Дагестана и соседних областей Кавказа. В результате в горах не хватало хлеба, соли и других продуктов первой необходимости. Зная, что соль в горах стала очень редким продуктом, местное начальство по повелению императора производило обмен перебежавших к горцам и прижившихся там «воинских чинов» на соль.

Известно, что кавказское командование во время карательных экспедиций уничтожало посеы и угоняло скот, а также конфисковывало в пользу казны находящийся на зимних пастбищах скот, принадлежащий непокорным обществам. Все это наносило невосполнимый ущерб хозяйству горцев. Блокада же целых районов и невозможность перегонять скот на зимние пастбища ставили под угрозу существование одной из ведущих отраслей сельского хозяйства нагорного Дагестана — скотоводства.

Крайне отрицательно сказывалась блокада и искусственно создаваемые таможенные препятствия на кустарных промыслах, являвшихся серьезным подспорьем в хозяйстве горцев. Горцы лишались возможности свободного сбыта изделий кустарной промышленности и их обмена на предметы первой необходимости, а это, в свою очередь, приводило в

упадок кустарные промыслы. Запрещение свободного передвижения под страхом ареста не позволяло также горцам уходить на отхожие промыслы, а следовательно, лишало значительное число горцев средств к существованию. Все это обрекало горцев на полуголодную жизнь. Им оставалось одно из двух: либо влачить жалкое существование, либо подняться на защиту своих прав.

Социальные корни и классовая сущность движения горцев под флагом мюридизма

Наряду с насильственными мерами покорения горцев царизм с целью создать себе социальную опору оказывал широкую поддержку феодалам — приверженцам России. Направляя для защиты их интересов войска, склоняя к покорности подкупам и щедрыми обещаниями сохранить за ними все прежние привилегии, царское правительство присваивало им воинские звания, устанавливало жалование, награждало орденами и медалями, жаловало крупными земельными угодьями и т. д.

Опираясь на финансовую и военную поддержку царизма, феодалы в «короткое время сделали свою власть над подданными совершенно безграничной». Они увеличивали размеры существовавших, вводили новые подати и повинности, расширяли свое собственное хозяйство за счет земель, находившихся до этого в пользовании крестьян. «Мы, — писал А. Руновский, — способствовали угнетению горцев со стороны их владетелей... После покорности дагестанских племен мы не изменили существенно господствовавшую там вредную систему управления. Установленные там порядки не только не прекратили тиранию владетелей, но предоставили им власть управлять народами на прежних основаниях, еще укрепили эту власть».

Все это красноречиво свидетельствует о характере колониальной и социальной политики царизма в Дагестане. Местные феодалы, пользуясь неограниченной поддержкой царской администрации, не гнушались в выборе средств притеснения подвластных им крестьян. «Шамхал тарковский, поддерживаемый русскими, — подчеркивал очевидец, — не боится никакой вражды народной, продолжает рубить и притеснять своих подвластных, не отдавая никому в том ответа».

Так, в начале XIX в. Мехти-шамхал потребовал от жителей Карабудахкента вносить увеличенные подати и выполнять повинности по его усмотрению. Но общество отказалось от этого. Шамхал представил дело так, будто жители Карабудахкента намерены восстать против русской власти. Тогда А. П. Ермолов повесил некоторых из них, а других арестовал.

Через некоторое время шамхал вновь потребовал от карабудахкентцев вносить подати и повинности. Но карабу-

дахкентцы и на этот раз категорически отказались выполнить его требование. Тогда шамхал сообщил царским властям, что карабудахкентцы готовятся выступить против России. Царские войска подавили выступление, а старшины Карабудахкента были сосланы в Сибирь. В качестве правителя в Карабудахкент был назначен племянник шамхала Залибек. Он стал злоупотреблять властью, и тогда жители селения восстали и осадили дом Залибека. Лишь подоспевшие русские войска выручили из осады Залибека и его приближенных. Выступление карабудахкентцев было жестоко подавлено.

В Казикумухе хан, пользуясь поддержкой самодержавия, подвергал подвластное население страшным пыткам: «пытал раскаленным железом, разводил на груди огонь, выжигал разные места на теле, иногда на бритой голове провинившегося делал чашу из теста и лили туда кипящее масло»¹.

Экономическое и политическое наступление феодалов на крестьян еще более обостряло классовые противоречия в горском обществе. Крепостная зависимость, прямое рабство, непосильные подати и повинности тяжелым бременем ложились на плечи трудящихся горцев. Местные аристократы, «чувствуя свои руки совершенно свободными, действовали очертя голову, руководясь единственно кровожадным деспотизмом, животными побуждениями и неутомимую жаждою к стяжанию богатств». Все это вызывало законное возмущение широких народных масс, вынуждало их подняться в защиту своих прав.

Вместе с тем политика царизма вызывала недовольство и в правящих кругах Дагестана. Известно, что, поддерживая эксплуататорские права местных феодалов, самодержавие в известной мере ограничивало их политическую власть. Часть же феодальных владетелей была вовсе отстранена от власти. К тому же представители царской власти на местах своим великодержавным отношением возбуждали и в феодальных кругах недовольство. Наконец, в оппозиции к царизму находилась и значительная часть местного мусульманского духовенства.

Все это говорит о том, что вмешательство самодержавия в социальную жизнь Дагестана вызывало недовольство не только широких народных масс, но и определенного круга привилегированных сословий. Однако причины недовольства колониальной политикой царизма в различных социальных кругах дагестанского общества были различны, так же как и степень недовольства. Этим и объяснялось то, что в разрозненных, неорганизованных, стихийных восстаниях

¹ ЦГИА ГрузССР, ф. 1083, оп. 6, д. 344, л. 9.

на Северо-Восточном Кавказе на первый план выдвигалась то антифеодалная, то антиколониальная борьба. Как бы то ни было, эти еще не освещенные ясной политической программой выступления чаще всего происходили под религиозными лозунгами. В этом чрезвычайно сложном переплетении классовых и национальных противоречий на рубеже 30-х годов XIX в. возникло движение горцев Дагестана под флагом мюридизма.

Мюридизм и тарикат

Для всестороннего и глубокого изучения движения горцев необходимо разобраться в идеологии мюридизма и его роли в борьбе горцев Дагестана.

Утвердившись в Дагестане, ислам, как и всякая религия, призван был оправдать господство феодалов и служить основой их морали. Известно, что ислам, вернее мусульманское богословие, распадается на две основные части: собственно учение о религии и правоведение. Источниками права были признаны: Коран, сунна — сборник преданий о решениях пророка по тем или иным вопросам, иджма — решения мусульманских общин, кьяс — заключение по аналогии, являющееся методом, которым можно пользоваться при решении всяких вопросов, относящихся к юриспруденции.

Исходя из основных положений Корана, сунны, иджмы и кьяса, был установлен шариат — совокупность религиозных и юридических норм мусульманского права.

Шариат, как первая ступень ислама, обязателен для всех мусульман. Те, которые стремятся «приблизиться» к богу, должны подняться на вторую ступень — тарикат (т. е. путь к совершенству, истине). Тарикат требует полного отрешения от всего того, что выходит за рамки Корана.

Всякий желающий посвятить себя богу мог обратиться к мюршиду (наставнику) тариката, объявить ему о своем желании «искать правильную дорогу», стать его учеником — мюридом. Однако кавказский мюридизм отличался от тариката, или мюридизма, получившего распространение в странах Ближнего Востока и Средней Азии. Кавказский мюридизм возник на местной социально-экономической почве. Он воспринял основу тариката от религиозно-мистического ордена накшбенди и дополнил ее ортодоксальной мусульманской проповедью о необходимости борьбы с «неверными», т. е. учением о газавате. А так как объектом газавата для горцев был царизм, то кавказский мюридизм носил ярко выраженный политический характер.

Итак, в отличие от тариката, существовавшего много веков в странах Ближнего и Среднего Востока, кавказский мюридизм не ограничивался только требованием глубокой веры в догмы ислама и соблюдением правил шариата, но и вмещал в обязанность своим приверженцам вооруженную борьбу

бу. Именно поэтому на Кавказе мюриды делились на мюридов по тарикату и мюридов наибских. Мюриды по тарикату устраняли от себя всякие житейские заботы, всецело были заняты изучением тариката. Последователи этого учения являлись скорее монахами, чем воинами. Требования тариката во всем были сходны с монашеским обетом: как можно меньше говорить, есть и спать и как можно больше молиться богу. Достигнув «совершенства», мюрид по тарикату освобождается от всех уз, соединяющих его с миром. Поэтому в тарикате нет ни одного слова о газавате. Напротив, он строго предписывает своим последователям удалиться от всего, что напоминает войну, так что мусульманин, выразивший желание принять учение тариката, тем самым заявлял о своем отвращении к войне.

Совсем другого рода людьми были наибские мюриды. Все их книжные знания ограничивались Кораном, все достоинства заключались в отсутствии физических недостатков, препятствующих владению оружием. За свою службу при наибе мюрид получал от него все, что необходимо для существования и для участия в войне.

Первым проповедником обновленного мюридизма в Дагестане был мулла Магомед Яраглинский. Он объявил себя ярым последователем Исмаила Эфенди из Ширвана. Руководители секты кавказского мюридизма начали с проповедей фанатического аскетизма, а аскетизм, по словам Ф. Энгельса, «характерен не только для всех восстаний средневековья с религиозной окраской, но и для начал всякого пролетарского движения новейшего времени; эта аскетическая строгость нравов, это требование отказа от всех радостей жизни, с одной стороны, выдвигает против господствующих классов принцип спартанского равенства, а с другой — есть необходимая переходная ступень, без которой низший слой общества никогда не может прийти в движение. Чтобы развить свою революционную энергию, чтобы уяснить самому себе свое враждебное отношение ко всем другим элементам общества, чтобы объединиться как класс — этот слой должен начать с отречения от всего, что еще может примирить его с существующим общественным строем»².

Таким образом, к началу 30-х годов на Северо-Восточном Кавказе складывается примерно следующая расстановка сил. Против царизма выступают проповедники мюридизма как хранители «священных идей» ислама, узденская верхушка, пытающаяся отменить привилегии ханов и беков, узденская масса, недовольная политикой царизма, жестокостью его администрации, усилением феодальной реакции и стремившаяся к освобождению от феодального гнета.

² Коммунистический манифест, М., 1930, Приложение, стр. 237.

Знаменем, объединившим все группы, участвовавшие в движении, был лозунг религиозной независимости. Как указывал В. И. Ленин, «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития...»³.

В данном случае лозунгом защиты шариата мюридизм прикрывал главную цель — политическую борьбу против царизма. Следует также учесть, что носители и проповедники мюридизма всегда составляли относительное меньшинство среди участников движения. Поэтому, как справедливо отмечает проф. Н. А. Смирнов, многолетнюю антиколониальную, антифеодальную борьбу горцев нельзя называть «мюридистским» движением только за то, что ее религиозной идеологической оболочкой был мюридизм. В то же время надо иметь в виду, что мюридизм, как течение ислама, заслонял истинную цель многолетнего движения горцев, притупляя классовую борьбу.

§ 2. НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ

Выступление горцев под руководством Гази-Мухаммеда и Гамзатбека

Возникнув в Южном Дагестане, движение под флагом мюридизма перекинулось в нагорный Дагестан и быстро стало развиваться. Руководителем движения, имамом стал Гази-Мухаммед. Он родился в 1794 г. в ауле Гимры в семье аварского узденя. Гази-Мухаммед обучался у Саида Араканского и Магомеда Ярагинского, стал последователем ордена накшбенди.

Вскоре Гази-Мухаммед, вопреки решительному протесту своего учителя Саида Араканского, стал призывать народ бороться за веру и возглавил движение сторонников замены адатов шариатом. Гази-Мухаммед ходил из аула в аул во главе своих приверженцев и всюду вводил шариат, порой даже силой оружия.

По мере усиления своей деятельности Гази-Мухаммед наталкивался на сопротивление ханов Аварии, шамхала тарковского и других владетелей. Тем не менее ему удалось собрать вокруг себя значительное количество населения. Первый удар Гази-Мухаммед направил против хунзахских владетелей — оплота царизма в горах, — которых Гази-Мухаммед считал закоренелыми врагами ислама и виновниками упадка народных нравов. В мае 1830 г. Гази-Мухаммед выступил к Хунзаху во главе восьмитысячного отряда. Сам

³ В. И. Ленин, *Проект программы нашей партии*, — Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 228.

Гази-Мухаммед возглавил койсубулинцев; его лучший друг, ученик и сподвижник Шамиль был назначен предводителем гумбетовцев. Однако ханша Аварии Бахубике сумела организовать защиту Хунзаха. В кровавой схватке армия Гази-Мухаммеда потерпела поражение и отошла от Хунзаха.

В течение нескольких месяцев после этого Гази-Мухаммед не принимал мер к развертыванию военных действий. Однако в 1831 г., собрав новые силы, Гази-Мухаммед совершил поход на плоскость. Он разгромил царские войска, занял Параул, Тарки, осадил Бурную и нанес сильное поражение царской армии у сел. Акташ. В ноябре 1831 г., окрыленный победами, он вторгся в Кизляр. Здесь ему удалось завладеть крепостью, разрушить ее и взять в плен несколько сот человек.

Царские генералы были ошеломлены. Они увидели в лице Гази-Мухаммеда сильного, упорного и храброго противника. Весной 1832 г. Гази-Мухаммед во главе значительного войска вторгся в глубь Чечни, разгромив чечено-ингушский отряд. Затем войско Гази-Мухаммеда совершает бросок под Владикавказ и окружает станицу Назрань. Однако после того как к Назрани была подтянута большая группа царских войск и Гази-Мухаммед получил сообщение о вторжении царских войск в его родной аул Гимры, он снял осаду и отступил от Назрани.

Тем временем генерал Вельяминов стягивал войска к Дагестану. Воспользовавшись поддержкой местной бекско-дворянской верхушки и ее приспешников, царские генералы сжимали кольцо вокруг аула Гимры, где укрепились Гази-Мухаммед и Шамиль, соорудив несколько линий защиты, построенных ярусами. Войска генералов Вельяминова и фон Клюгенау вместе с частями грузинской и армянской милиции под командованием князя Дадиани после сильного артиллерийского обстрела обошли линию укреплений и подошли непосредственно к аулу Гимры.

17 октября 1832 г. царские войска начали штурм аула Гимры. Горцы сражались отчаянно, но силы были неравны. Аул горел, и горцев оставалось все меньше и меньше. Гази-Мухаммед и Шамиль с 12 сподвижниками укрылись в оборонительной башне, получившей впоследствии название «Башня смерти», решив сражаться до конца. Когда Гази-Мухаммед убедился, что им не отстоять аул, но со словами «Умереть, нападая на врага, лучше, чем быть убитым дома» выскочил из башни и был заколот штыками.

Через два года горцы вновь поднялись на борьбу под руководством Гамзат-бека, ближайшего сподвижника Гази-Мухаммеда. В 1834 г. Гамзат-бек направил удар против резиденции ханов Аварии. Узнав о готовящемся наступлении

на Хунзах, ханша Баху-бике попыталась внести разлад между Гамзат-беком и Шамилем. С этой целью она написала секретное письмо лично Шамилю, в котором говорилось: «Ты пользуешься у Гамзата неограниченным доверием, имеешь на него сильное влияние. Он выслушает твои советы и никогда не откажет тебе в просьбе. Отвлеки его от Хунзаха на Кумыкскую плоскость против шамхала, и ты получишь в награду 2 тыс. рублей». Но Шамиль не скрыл от имама содержания письма ханши.

Подступив к Хунзаху, Гамзат-бек потребовал установления шариата. Хунзахцы изъявили согласие.

В то же время в лагерь Гамзат-бека были вызваны для переговоров наследники аварского хана — сыновья Баху-бике — Умма-хан и Нуцал-хан вместе с 200 нукерами, где они и их дружинники были убиты.

После этого Гамзат-бек внезапно овладел резиденцией аварского хана — Хунзахом, захватил Баху-бике и публично казнил ее. Тогда же был убит и взятый в аманаты Булач. Таким образом были истреблены все наследники ханского престола.

Кровавая расправа вызвала недовольство хунзахцев. Был организован заговор, во главе которого стоял Осман, брат Хаджи-Мурата. 15 мая 1834 г. Осман в мечети выстрелом в упор убил имама Гамзат-бека.

**Борьба горцев
под руководством
Шамиля**

После гибели Гамзат-бека наблюдался опрделенный спад движения горцев и разлад в рядах мюридов. Одни были разочарованы, другие не уверены в успехе дела, а третьи выжидали, как развернутся события. Феодалы и царская администрация ликовали. Однако сторонники активной борьбы не сложили оружия. Весной 1835 г. в Чиркатинском ущелье собрались представители многих аулов Аварии для избрания предводителя движения. Обсуждались кандидатуры Саида Игалинского, Сурхая из Коло и др. Но большинство высказалось за Шамиля. Шамиль категорически отказался возглавить движение, и собравшиеся представители, так и не избрав имама, разъехались по аулам.

Через некоторое время, летом 1835 г., представители собрались вторично, и на этот раз Шамиль был избран имамом.

Шамиль родился в 1796 г. в ауле Гимры. Родители Шамиля были простыми узденями, чем Шамиль всегда гордился. Наставником и другом Шамиля был Гази-Мухаммед. С юных лет Шамиля привлекало общество ученых. Он презирал безделье, людей, ведущих разгульный образ жизни, и сам жил как аскет. Шамиль хорошо знал горцев, их нравы, обычаи и традиции. Простой в обращении с народом, чуж-

дый кичливости и высокомерия, он обладал большим организаторским талантом, был последователен и принципиален при решении важных вопросов.

Став во главе движения, Шамиль с присущим ему организаторским талантом приступил к сплочению сил и подготовке к выступлению. Учитывая настроения основной массы повстанцев и стремясь расширить их ряды, Шамиль, как и его предшественники, направил силы восставших против феодальной знати. Были казнены 45 беков Султаналиевых из аула Ругуджа Андалалского общества, находившиеся под арестом в ауле Гимры еще со времен имама Гамзатбека. С не меньшим упорством Шамиль боролся против тех, кто сопротивлялся его власти, и подчинил аулы Ундукуль, Чирката, Инхо, Орота, Тадколо и некоторые другие. Шамиль побывал во всех аулах Койсубулинского общества и сумел склонить их жителей на свою сторону.

Кавказское командование, зорко следившее за действиями Шамиля, решило отправить к нему сына Мехти-шамхала Абу-Муслима для переговоров. Но он, не достигнув желаемых результатов, вернулся обратно. Тем временем Шамиль и его приближенные настойчиво внедряли шариат, искореняя адаты.

В результате неутомимой деятельности Шамиля к началу 1837 г. все аулы Койсубулинского и Гумбетовского обществ признали власть имама. Положение Шамиля значительно упрочилось. Центр имамата из аула Гимры переносится в Ашильту.

Из Чечни с сорока мюридами прибыл к Шамилю Ташав-Хаджи. Воодушевленный успехами, Шамиль решил подчинить своей власти Хунзах и общество Андалал. Однако взять Хунзах ему не удалось. Тогда Шамиль направился в Андалал. Там он сумел подчинить своей власти ряд аулов.

Восстание горцев ширилось с каждым днем. Узнав о действиях Шамиля, кавказское командование начало стягивать свои силы, занимать ключевые позиции, спешно укреплять отдельные аулы. Значительные отряды были сосредоточены в Хунзахе, Тлохе, Гидатлинском ущелье и т. д. Вместе с царскими войсками находились и отряды Магомеда-Мирзы, хана казикумухского, Ахмед-хана мехтулинского, шамхала тарковского.

Шамиль укрепился в ауле Телетль. Царские войска вместе с отрядами владетелей Дагестана начали осаду аула. В итоге многодневных боев царским войскам удалось захватить часть аула. В конце концов мюриды уступили аул, заключив перемирие. В качестве заложника Шамиль отдал своего племянника. Имам обосновался в ауле Чирката, а царские войска под командованием генерала Фези верну-

лись в свои штаб-квартиры. Это событие значительно подняло авторитет Шамиля, так как уход генерала Фези с войсками был воспринят в горах как явное поражение царской армии.

В аул Чирката к Шамилю стали стекаться мюриды со всех концов. Обеспокоенные этим царские войска прочно утвердились в Хунзахе, заняли аулы Ахалчи, Моксох, Гочатль, Гергебиль, Балаханы, Гимры, Унцукуль.

Шамиль хорошо понимал, что назревают крупные события. Для обсуждения создавшегося положения и принятия необходимых мер Шамиль созвал совет из ученых и набобов. На нем решено было в спешном порядке укрепить Ахульго и перебазироваться туда. Вблизи Ахульго появились завалы, окопы, оборонительные валы и рвы. Были устроены подземные жилища для защитников и их семей, соединенные ходами одно с другим и с главными оборонительными пунктами укрепления.

В 1837 г. Шамиль начал боевые действия против царских войск. Заняв ключевые позиции, его войска дошли до Зубутля. Однако под нажимом превосходящих сил генерала Граббе Шамиль был вынужден отступить.

Чтобы предупредить общее восстание горцев, командование царской армии решило нанести Шамилю решительный удар. С этой целью весной 1839 г. были снаряжены две большие экспедиции: одна предназначалась для «усмирения» нагорного Дагестана, другая, под начальством генерала Граббе, была направлена непосредственно против Шамиля. Силы горцев были разрознены, соединиться с Шамилем они не могли. Поэтому Шамиль решил, обороняясь в Ахульго и изматывая противника, дожидаться подхода отряда чеченцев Ташав-Хаджи. Но этот план стал известен царскому командованию, и Ташав-Хаджи не смог пробиться к Шамилю.

Узнав о движении отряда генерала Граббе, Шамиль выступил ему навстречу и занял позицию близ аула Арчуки. Несмотря на большие потери в рядах горцев, царские войска овладели аулом лишь после длительных боев. Ворвавшись в аул, солдаты брали каждую саклю с боя. Горцы были вынуждены отступить в аул Чирката, где повторилось то же самое. Под артиллерийским огнем горцы в рукопашном бою дрались с отчаянной храбростью. Основные силы Шамиля, вместе с семьями воинов, были вынуждены перейти в Ахульго. Защитников Ахульго было немногим более тысячи, но это были отборные воины, которые решили лучше умереть, чем сдать врагу.

Началась знаменитая осада Ахульго, продолжавшаяся около трех месяцев. Царские войска неоднократно пытались взять укрепление штурмом, но каждый раз были вы-

нуждены отступать с большими потерями. Горцы сражались с необыкновенным упорством. Даже женщины принимали участие в обороне аула. Тем не менее силы горцев были на исходе. Положение осажденных становилось крайне тяжелым: продовольствие и боевые припасы кончались, в ауле вспыхнула эпидемия оспы.

17 августа 1839 г. после ожесточенного боя царские войска овладели частью укреплений, предварительно разрушив их артиллерийским огнем. Положение осажденных стало критическим. Генерал Граббе предложил начать переговоры. Шамиль под давлением мюридов с неохотой решился на этот шаг. Только мысль о том, что он может таким путем сохранить жизнь женщинам, детям и немногим уцелевшим мюридам, заставила Шамиля согласиться на переговоры.

Горцы выкинули белый флаг. Граббе обещал снять осаду и уйти, если Шамиль распустит свои войска и выдаст в качестве заложника своего старшего сына. Выполняя условие договора, Шамиль распустил часть защитников Ахульго и отправил своего восьмилетнего сына Джемал ад-Дина к Граббе. Вскоре, однако, выяснилось, что эта жертва была напрасной. Граббе и не собирался уводить войска, затягивая переговоры и требуя, чтобы Шамиль лично явился к главнокомандующему на Кавказе генералу Головину. Понимая, что ему готовят ловушку, Шамиль отказался выполнить это требование.

Опасения Шамиля были весьма основательны. Известно, что еще в 1838 г. главнокомандующий на Кавказе генерал Головин предписал тайно организовать убийство Шамиля, «обещая награду до 1000 червонцев».

Поняв, что Шамиля не удастся обмануть, и узнав через лазутчиков, что ряд важных укреплений Ахульго разрушен, Граббе возобновил военные действия. Роковая развязка приближалась. «Положение осажденных, — по словам Мухаммеда Тахира, — в последнее время было отчаянным. Русские три дня подряд бомбардировали Ахульго. Башни были разрушены, завал был снесен, жилища превращены в пепел. Громадное большинство защитников, дошедших до последней степени изнеможения, мучимых жаждой, голодом, отсутствием сна и отдыха, напряженной тяжелой жизнью, жизни больше не берегли: она потеряла свою ценность, свой смысл. Смерти больше не избегали, а искали как высшего блага, как окончания всех мук и пыток, — все ее ждали как желанную гостью... Шамиль не был исключением из этих живых мертвецов, из этих бродячих человеческих теней. Он работал, думал, волновался и изводился больше всех. Он страдал и мучился не за себя, не за своих, а за общее дело».

22 августа Граббе предпринял общий штурм Ахульго. Несмотря на огромные потери, царским войскам удалось овладеть важнейшими укреплениями. Судьба осажденных была решена. Оставшиеся в живых горцы не сдавались, отчаянно защищаясь. «Женщины и дети с кинжалами и камнями лезли на штыки или в отчаянии бросались в пропасть; матери собственными руками убивали детей, чтобы не достались русским», — пишет Н. Дубровин.

Когда сопротивление стало совершенно невозможным, Шамиль с семьей и горстью уцелевших мюридов перебрался в недоступную пещеру. Тогда для предупреждения побега внизу под пещерой, на берегу Койсу, и наверху была поставлена стража. У пленников не оставалось ни еды, ни питья. На третий день пребывания в пещере умерла жена Шамиля, а еще через несколько дней — маленький сын Шамиля. Но воля Шамиля, его неукротимая жажда жизни и борьбы не были сломлены. Шамиль со своими мюридами решил прорваться сквозь кольцо врагов. Осажденные не надеялись остаться живыми, но предпочитали смерть под пулями гибели от голодной смерти.

Когда наступила ночь, Шамиль приказал приготовиться к уходу. Беглецам предстояло перебраться через пропасть, причем мостом служило бревно, заранее припасенное для этой цели. Перед выходом из пещеры пленники спустили в Койсу плот, чтобы отвлечь внимание многочисленных постов, расположенных по берегу реки. Плот был замечен, и солдаты открыли по нему стрельбу.

Прежде чем выйти из пещеры, Шамиль еще раз потребовал от своих товарищей бороться до последней возможности, ни в коем случае не сдаваться в плен; тяжелораненых и изнуренных бросать в Койсу или в пропасть, чтобы они не достались врагу.

Целый день уходили беглецы от преследования царских войск, а местная милиция из горцев, по выражению Мухаммеда Тахира, «притворилась слепой» и пропустила их.

Шамиль решил отправиться в Чечню. По дороге с ним произошел небольшой, но весьма характерный случай, показывающий, какой любовью пользовался Шамиль среди горцев. «Шамиль с Юнусом, — рассказывает Мухаммед Тахир, — шли далеко впереди остальных в качестве разведчиков. Они набрели на спящего. Это спал косарь на сенокосе. Имаму хотелось познакомиться с настроениями местных жителей и их мнением о нем. Косарь скоро проснулся, поздоровался с путниками и, узнав откуда они, спросил: „Как идут дела под Ахульго? Мюриды перебиты или взяты в плен?“ — „Ахульго взят“, — ответили ему. „А Шамиль?“ — спросил чеченец. „Убит“, — сказали ему. Косарь побледнел и задрожал, а затем, сделав несколько шагов в сторону, по-

Шамиль

валился наземь и громко зарыдал. Оставив сердобольного чеченца оплакивать здравствующего покойника, друзья двинулись дальше. Шедшие позади мюриды застали косаря, снедаемого только что сообщенной ему грустной вестью о смерти имама. „Итак, Шамиль нашего нет уже больше в живых“, — залился он горячими слезами, здороваясь с мюридами. „Нет, он жив и здравствует“, — ответили ему. „Да где же он?“ — „Ты, должно быть, его видел. Ведь двое же прошли мимо тебя? Один из них и есть Шамиль“.

Чеченец побежал за „обманщиками“ во всю прыть. Еще издали он узнал Шамиля, отдыхавшего на траве с товарищами. Он бросился к нему

и стал обнимать его колени. Шамиль не выдержал, заплакал и горячо обнял сердечно и столь пламенно любившего его незнакомца...»

Благодаря прекрасному знанию гор путь в Чечню закончился для Шамиля благополучно. Здесь он поселился в одном из малодоступных аулов.

После взятия Ахульго в Петербург полетели победные репортажи, на которые вообще не скупилась генералы, отнюдь не страдавшие недостатком фантазии, когда речь шла об описании собственных подвигов. В своем рапорте генералу Головину от 24 августа 1839 г. генерал Граббе писал: «22 августа был днем развязки экспедиции против Шамиля; я считаю дело конченным, хотя бы... возмутитель и успел спастись. Нет более ему веры в горах, нет более для него пристанища ни на утесах, ни в ущельях; нигде не может он найти места, недоступнее бывшего гнезда его Ахульго, и приверженцев, храбрейших тех, которые жертвовали собою за него. Партия его истреблена вконец».

Ликование генералов было, однако, непродолжительным, ибо очень скоро стало очевидно, что радоваться было нечему.

§ 3. ВТОРОЙ ЭТАП ДВИЖЕНИЯ ГОРЦЕВ

Кавказское командование, считая взятие Ахульго концом борьбы горцев, стало применять решительные меры для разоружения и усмирения горских обществ. С этой целью генерал Пулло предпринимал неоднократные карательные экспедиции в Дагестан. «Собирая более или менее значительные отряды скрытно на том или другом пункте, быстрым ночным переходом, делая по 50 и более верст в сутки, являлся я неожиданно изумленным населением самых отдаленных аулов и по степени вины населения или истреблял оное, или довольствовался наложением пени, взиманием аманатов и арестом наиболее виновных лиц», — писал сам Пулло.

Доведенные до крайности, чеченцы вновь восстали в 1840 г., когда местное начальство приступило к их разоружению. И здесь Шамиль снова проявил себя как блестящий организатор, сумев стихийные выступления горцев направить в русло борьбы за независимость и свободу под знаменем священной борьбы против неверных.

Чечня имела важное значение не только как стратегический плацдарм, но и как богатый хлебом район. Здесь Шамиль избрал своей резиденцией чеченский аул Дарго. Отсюда он рассылал по всей Чечне и Дагестану своих соратников и сподвижников. По приказу Шамиля все Малая Чечня и присунженские аулы стали вооружаться. К концу мая Шамиль собрал значительное ополчение.

Успехи Шамиля встревожили царские власти. В июле 1840 г. против Шамиля были направлены значительные силы во главе с генералом Галафеевым. Однако в Малой Чечне в битве при Валерике войска Галафеева были разбиты. Горцы одержали также ряд побед в Чечне над войсками генерала Граббе. Летом 1840 г. Шамиль под аулом Ишкарты нанес сильный удар царским войскам под командованием генерала фон Клюгенау и примкнувшим к ним отрядам шамхала тарковского и хана мехтулинского. Вслед за этим Шамиль без боя занял селение Эрпели. Здесь он приказал «сжечь дом их владетельного бека Уллубия». Так же Шамиль поступил с усадьбой другого приспешника царизма, Ахмед-хана мехтулинского.

В конце 1840 г. на сторону Шамиля перешел Хаджи-Мурат, незадолго до этого бежавший из-под ареста. В 1841 г. к восставшим примкнули аулы Верхнего Дагестана, наиб Кибит-Магома занял аулы Андалала. Царские власти были вынуждены сосредоточить в Аварии 17 рот и 40 орудий.

В начале 1842 г. Шамиль занял Кумух, ликвидировал здесь власть ханов и поставил своего наиба. Однако наступление царских частей на Кумух заставило войска Ша-

мия отступить. Получив в 1842 г. внушительное подкрепление, царские генералы решили сосредоточить сильную группировку на решающих участках и повести наступление в глубь гор.

Не достигнув успеха в Дагестане, генерал Граббе решил перенести главные силы в район Ичкерии, и, прорвавшись в горы, совершить глубокий рейд в обход внутреннего Дагестана с тем, чтобы внезапным ударом захватить Северный Дагестан. Граббе утверждал: «Наступательные действия в Дагестане должны быть первым средством, чтобы смирить племена независимые и заставить их признать нашу власть... Первою целью наступательных наших действий в Дагестане должно быть восстановление спокойствия между племенами, которые уже и были нам покорны... прочное утверждение наше в горах должно начать с их же стран, владычество над которыми доставит нам наиболее пользы». Вытекавший из этого замысла план действий был санкционирован Петербургом.

22 мая 1842 г. войска под командованием генерала Граббе выступили из Амир-Аджи-юрта. Горцы прекрасно организовали оборону и часто нападали на продвигавшиеся через дремучие леса батальоны. За три дня отряд Граббе прошел едва 25 км. На четвертый день, убедившись в невозможности дальнейшего продвижения, Граббе отдал приказ об отступлении. Это отступление превратилось в паническое бегство. Отряд Граббе потерял убитыми и ранеными 2 генералов, 66 офицеров и 2 тыс. солдат.

С победой над царскими войсками в Ичкерии в Среднем и Южном Дагестане территория, подвластная Шамилю, увеличилась почти в три раза. По словам историка того времени Р. А. Фадеева, «двадцатилетние труды для покорения этой страны пропали даром. Об них надобно забыть и приниматься за дело вновь, как будто мы только что пришли на Кавказ».

Растерявшееся царское командование ничего не предприняло для того, чтобы сконцентрировать разбросанные по мелким укреплениям силы. Этим с большим искусством воспользовался Шамиль. В 1843 г. большинство отрядов царских войск, расположенных в различных укреплениях, погибло.

В том же году Шамиль предпринял широкое наступление против царских войск в Аварии. В августе он собрал у Дылыма значительные силы. Менее чем за сутки его войска, проделав переход в 70 км, появились перед Унцукулем. Отряд полковника Веселицкого, направившийся на выручку осажденному унцукульскому гарнизону, был уничтожен мюридами, а Инцукуль после четырехдневной осады взят Шамилем.

В сентябре Шамиль менее чем за две недели овладел всеми остальными царскими крепостями в Аварии, за исключением Хунзаха. Он захватил 12 орудий, много артиллерийских боеприпасов и 250 тыс. патронов. В октябре Шамиль двинулся на Гергебиль и штурмом взял его. Затем Шамиль направился в Мехтулинское ханство. При его приближении все аулы этого ханства примкнули к восставшим и увлекли за собой жителей шамхальства. Войска Шамиля обложили Темир-Хан-Шуру и укрепление Низовое.

В результате боевых действий 1843 г. (с августа по декабрь) царские войска, по официальным, явно преуменьшенным данным, потеряли 92 офицера и 2528 солдат, 12 укреплений, до основания разрушенных Шамилем, 35 орудий. Горцам достались громадные запасы снаряжения и продовольствия. Весной 1844 г. пришлось перебросить на Кавказ еще 40 тыс. штыков. «В этом году, — отмечал один из офицеров царской армии, — наши войска действовали против горцев не отрядами, а целыми корпусами; и... как ни странно сказать это... нравственный перевес оставался на стороне горцев». 20-тысячная армия Шамиля прорвалась в Северный Дагестан и была с трудом остановлена здесь царскими войсками.

Успехи Шамиля производили громадное впечатление. Летом 1844 г. на сторону Шамиля перешел Даниэль-Султан елисуйский, находившийся до этого на службе самодержавия в чине генерал-майора. Его переход еще более усилил положение Шамиля. Осенью того же 1844 г. Шамиль отправил значительные силы с четырьмя наибами в Табасаран. Предупрежденный о приближении мюридов, табасаранский правитель Джамав-хан бежал к русским. Табасаран подчинился власти Шамиля. В это время Шамиль делал попытки связаться с другими народами Кавказа и тем самым распространить борьбу вширь. В этих обстоятельствах создалась серьезная угроза владычеству самодержавия на Северо-Восточном Кавказе.

Царь назначил главнокомандующим войсками на Кавказе М. С. Воронцова, дав ему директиву: «Разбить, буде можно, скопище Шамиля, проникнув в центр его владычества, и в нем утвердиться». Воронцов принял все меры, чтобы действительно проникнуть в глубь гор, разбить Шамиля и завладеть Дагестаном.

В мае 1845 г. с двадцатипяти тысячным отрядом при 46 орудиях и 2 тыс. конницы Воронцов предпринимает Даргинскую экспедицию. Ему удалось дойти до Дарго, не встретив серьезного сопротивления, но когда пустой, подожженный горцами аул был занят Воронцовым, его армия, окруженная горцами и отрезанная от продовольственной базы, оказалась в ловушке.

Недостаток продовольствия в главном отряде, занявшем Дарго, заставил Воронцова отправить колонну за провиантом в Анди, где были в это время сосредоточены армейские запасы. Во время следования колонны к перевалу и обратно она подвергалась непрерывным нападениям со стороны горцев. Войска добыли очень мало провианта и назад возвращались через Гюрзель-аул. На отход ушло десять дней. Согласно официальным данным, Воронцов потерял 3 генералов, 186 офицеров и 3433 солдата. Фактически же потери были значительно большими. Поражение Воронцова нанесло сильный удар престижу самодержавия и в то же время окрылило боровшихся горцев.

Объясняя успехи горцев, Ф. Энгельс писал: «...в борьбе на Кавказе, которая из всех войн этого типа принесла жителям гор наибольшую славу, горцы своими относительными успехами были обязаны наступательной тактике, которой они преимущественно придерживались при обороне своей территории. ...Сила сопротивления горцев заключалась в их непрерывных вылазках со своих гор на равнины, во внезапных нападениях на русские гарнизоны и аванпосты, в быстрых набегах на глубокий тыл русских передовых линий, в засадах, которые они устраивали на пути русских колонн. Иначе говоря, горцы были легче и подвижнее, нежели русские, и использовали это преимущество»⁴.

§ 4. ГОСУДАРСТВЕННАЯ СИСТЕМА ИМАМАТА

Территория, охваченная движением, по данным Р. А. Фадеева, составляла в окружности около 900 км. На этой территории проживали различные народы и этнографические группы. Шамилю удалось создать сравнительно крупное, с единой властью военно-теократическое государство — имамат. Вся полнота власти в имамате юридически принадлежала совету — диван-хане во главе с Шамилем. Но многие вопросы имам решал единолично, хотя для рассмотрения наиболее важных дел созывались съезды наибов, алимов и т. д.

Вся территория имамата была разделена на наибства. Причем число их в зависимости от успехов борьбы колебалось от двух десятков до 52 в годы максимального подъема. Согласно дошедшей до нас карте Шамиля, наибства между собой территориально не были равны. В каждом наибстве был создан своеобразный военный и духовный аппарат, подчинявшийся имаму.

⁴ Ф. Энгельс, *Горная война прежде и теперь*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 12, стр. 119.

Во главе наибств стояли непосредственно подчинявшиеся Шамилю наибы, которые назначались из наиболее способных и авторитетных горцев и именитого узденства. Обычно при назначении наиба Шамиль советовал «ни в коем случае не прибегать к насилию и не прислоняться к насильникам, ты смотри на своих людей глазами сострадания и заботливости, как смотрит милосердный отец на своих детей, проводи между ними справедливость и правосудие и не приближай к себе кого-либо ради дружбы, и не удаляй другого ради вражды и неприязни, будь для старшего как сын его, для ровесника — братом и для младшего — отцом. Тогда ты в своем управлении не найдешь ни одного врага. Если ты будешь вести себя противоположно этому или не соблюдать среди своего народа справедливость, то наступит на тебя божий гнев, затем мой гнев и гнев народа, поэтому твои дела не будут ладиться никогда».

Наибам было предоставлено право без санкции имама назначать начальников сотен и пятисотен, на которые были разделены аулы и по принципу которых формировались воинские части. Наибы имели право наказания виновных на подвластных им территориях, кроме казни. Наибы же назначали муфтиев.

Муфтии, ведавшие главным образом шариатскими вопросами, выносили решения по гражданским искам, исходя из предписаний шариата. Муфтиям подчинялись кадии, которые имелись в каждом ауле. Жители аула имели право обращаться непосредственно к муфтию, если были не согласны с решением кадия. Кадий и муфтий были обязаны строго руководствоваться указаниями имама о справедливом решении гражданских дел.

Если муфтию становилось известно, что кадий вынес по иску неправильное решение, он отстранял его от должности. Если же муфтий в свою очередь выносил неправильное решение или поддерживал незаконные действия кадия по родственным отношениям к нему или за взятку, то наиб должен был освободить этого муфтия от должности и строго наказать взяткодателя.

Каждый наиб был обязан руководить всей общественной жизнью вверенного ему наибства, следить за строжайшим соблюдением норм шариата, прекращать существовавшие среди населения раздоры и прежде всего столкновения, возникавшие на почве соблюдения обычая кровной мести. Между тем многие наибы использовали власть в своекорыстных целях, сосредоточивая в своих руках земли и другое имущество, причем возложенные на них обязанности выполняли плохо.

Обо всех нарушениях Шамиля осведомляли мухтасибы. Должность мухтасиба приравнивалась к должности инспек-

тора. Он проверял в наибствах дела мусульман и по поручению имама контролировал действия мудиров, наибов, старшин и сообщал нужные сведения имаму и совету. Он проверял достоверность сообщений наибов, по которым представлял справки имаму. В самих наибствах мухтасибы помогали наibaм выявлять действия, противоречащие положениям шариата. Мухтасиб контролировал также деятельность аульских старшин и докладывал о положении дел наibaм. Мудирь возглавляли по несколько наибств и так же, как мухтасибы, контролировали действия наибов.

Несмотря на все это, злоупотребления наибов не прекращались. Хотя наibaы, уличенные в серьезных преступлениях, смещались и даже подвергались смертной казни, эти меры не помогали, так как новые наibaы нередко были хуже смещенных. Что касается мудиров, то они совершали еще более тяжкие преступления.

Постепенно к руководству движением стали примазываться местная знать и богачи, которые по существу преследовали не общенародные, а лишь свои личные интересы. Впоследствии это обстоятельство сыграло определенную роль в разложении имамата Шамиля.

Государственный совет (диван-хана), в который входило 32 человека, собирался ежедневно (кроме пятниц) и рассматривал текущие вопросы управления. Кроме него имелся Тайный совет по особо важным делам, решения которого рассматривались как на заседании Государственного совета, так и на съезде алимов и наибов.

Решением Государственного совета были учреждены ревизоры, подчинявшиеся имаму и его помощникам, отделы по делам налоговым, военным, общественного порядка, по надзору за соблюдением шариата и судебным делам. На дальнейшем этапе развития освободительной войны при Государственном совете были учреждены отделы по покровительству науке и ученым и по делам христиан, покровительству им и веротерпимости.

Для решения важнейших вопросов периодически созывались съезды наибов, мусульманских ученых (алимов) и других деятелей государства. Такие съезды имели место еще при Гази-Мухаммеде, но при Шамиле они приобрели особенно большое значение. Многолюдный съезд состоялся в 1841 г. в Дарго, где обсуждался вопрос об усилении борьбы с царизмом. В 1848 г. состоялся также съезд в Анди, на котором решались такие важные проблемы, как вопросы о средствах на содержание русских солдат — перебежчиков, о мерах, ограничивающих злоупотребления наибов, о производстве пороха и др. Съезд вполне одобрил мероприятия Шамиля и подтвердил готовность народных масс продолжать под его руководством освободительную войну.

Съезды были созваны также в 1845 г. — в Алмахе, в 1851 г. — в Ругудже, в 1858 г. — в Шали и в 1859 г. — в Хунзахе. На этих съездах всесторонне рассматривались административно-политические вопросы, вопросы управления имаматом, налоговые и земельные вопросы, заслушивались сообщения о положении дел на местах.

Шамиль делал все возможное для укрепления государственной системы имамата. С этой целью он ввел новые законодательные нормы. Известно, что до возникновения движения горцев 20—50-х годов всю общественную жизнь горцев Дагестана регулировали адаты. Однако в разных обществах адаты были неодинаковы, т. е., имея единую основу, при решении одних и тех же вопросов руководствовались разными принципами.

Адаты были приспособлены определенным господствующим слоем общества к своим классовым нравственным основам. Так, штрафы, взыскиваемые в пользу правителей, при решении дел по адату составляли немаловажный источник их дохода; кроме того, возможность устанавливать «новые» адаты и решать по ним многие дела, игнорируя установления Корана, также была на руку феодалам. Таким образом, адаты были сильнейшим орудием в руках господствующего класса, служившим угнетению и порабощению горского крестьянства.

Что же касается шариата, то он был пронизан религиозными воззрениями, духом Корана, и многие его нормы не соответствовали условиям дагестанской действительности. Почти каждое из постановлений шариата имело несколько толкований. Проповедуя шариат, имамы Дагестана, и в частности Шамиль, отчетливо представляли себе, что часть дагестанского духовенства, корыстолюбие и невежество которого слишком хорошо были им известны, будет толковать нормы шариата по-своему, в своих интересах. С другой стороны, Шамиль учитывал и характер горцев, от которых можно было ожидать резкого отпора при малейшем намеке на самоуправство и насилие, что в известной мере присуще шариату. В связи с этим Шамиль дополнил и изменил некоторые постановления шариата сообразно с действительными, как ему казалось, потребностями страны.

Шамиль создал «низамы», отражавшие основные черты государственной организации имамата и определявшие общие и постоянные обязанности всех членов имамата, а также ответственность за их нарушение. Низамы Шамиля, изложенные в 13 главах положения о набах, предусматривали беспрекословное подчинение набов имаму и отражали обязанности набов как по внутреннему управлению набством, так и по охране границ. Кроме того, низамы включали в себя целую систему наказаний — денежные

штрафы, устанавливаемые за воровство, за уклонение от воинской повинности, за умышленное прикосновение к женщине, за нанесение в драках увечий. Низамы содержали также постановления по брачным делам, по делам о наследстве, по бракоразводным делам, по торговле и обмену, а кроме того, главы об административных учреждениях, об общественной казне и содержании административных лиц, о разделе добычи, о фальшивой монете, о военных учреждениях и т. п. Все это показывает, что низамы охватывали почти все вопросы управления централизованным государством имамата и были направлены на искоренение адатов из общественной жизни горцев.

За обиды имам ввел денежные пени, заменившие кровную месть, ослабил разделение сект суннитов и шиитов, учредил ордена, печать, герб и особое государственное знамя. Кроме того, Шамилем были установлены особые правила, по которым весь народ должен был носить чалму. Причем муллы обязаны были носить зеленую чалму, наибы — желтую, сотенные начальники — пеструю, чауши — красную, хаджи, бывавшие в Мекке, — коричневую, палачи — черную, а все остальные жители — белую.

Удалось ли Шамилю в какой-либо мере осуществить все свои замыслы на практике? Да, как в Аварии, так и в Чечне, причем в Аварии в свою государственную систему Шамиль сумел вовлечь 13 народностей и этнических групп. Однако такой системы, какая была создана в Аварии и Чечне, он не сумел организовать в других частях Дагестана.

Первоначально при Шамиле столицей имамата был Ахульго, а после его разгрома в 1840 г. — Дарго. В 1845 г. Дарго был разрушен экспедицией Воронцова и столица была перенесена в Ведено, где построили укрепление, которое Шамиль назвал Дарго-Ведено. Это была самая лучшая резиденция Шамиля, представлявшая собой хорошо укрепленный замок, расположенный в долине среди труднодоступных гор.

В период борьбы горцев в имамат из различных частей Дагестана стекалось множество перебежчиков — мухаджиров, среди которых были лаки, даргинцы, лезгины, кумыки и др. Для них по указанию Шамиля были построены особые селения около аулов Гергебиль, Ириба, Согратль, Чох, Цуриб, Бецара, Мушули, Анди и др.

Мухаджиры жили торговлей и вели свое хозяйство на участках, которые отводились им Шамилем. Часть их занималась ремеслом и торговлей.

В имамате было также много русских солдат, офицеров, бежавших от гнета и произвола царизма. Обосновавшись в горах, некоторые из них женились на горянках и приняли ислам. Для тех же, которые оставались христианами, в

Ведено была построена церковь. Среди русских было много специалистов, в частности пушечных мастеров и артиллеристов, шорников и т. д. Перебежчики чинили оружие, ухаживали за лошадьми, готовили на зиму корма. Шамиль распорядился не допускать в отношении перебежчиков обид, и они жили без притеснений.

Особое внимание Шамиль уделял военной жизни имамата. Благодаря его неутомимой деятельности при ограниченных средствах и ресурсах в имаamate была создана значительная армия и организована экономическая база. Создавая свою армию, Шамиль перенимал все лучшее, что он находил в организации русских войск и управлении ими.

Ядром армии была конница, лучшую часть которой составляли так называемые муртазеки. Как правило, каждый наиб должен был иметь не менее 300 муртазек, которые обычно набирались из расчета один всадник от каждых 10 дворов. При этом вопрос, какой именно двор обязан выставить всадника, решали сами хозяева дворов, а содержание всадника ложилось на остальные 9 дворов. Об этих муртазках царские генералы говорили, что «малое число их опаснее целого скопища горцев». Основной войсковой единицей была тысяча, делившаяся на сотни и десятки. Во главе тысячи стоял наиб, которому подчинялись начальники пятисотен, сотен, десятков.

Кроме регулярной армии в распоряжении наибов находилось народное ополчение, в состав которого входили все мужчины в возрасте от 15 до 50 лет. Перед ополчением ставилась задача защищать родные аулы от нападения царских войск. В отдельных случаях ополченцы привлекались к участию в походах Шамиля. Тогда муртазек становился начальником над жителями тех 10 дворов, от которых он был выставлен. Помимо этого, у Шамиля был отдельный батальон из перебежчиков — русских и поляков.

Общая численность вооруженных сил Шамиля в 40-х годах достигала 20 тыс. человек, в том числе около 6 тыс. конных. Это была наиболее сильная и организованная часть войск имамата. В отдельных операциях на стороне Шамиля сражалось до 10—15 тыс. воинов. Всех отличившихся в боях Шамиль вначале награждал оружием, баранами, вещами и деньгами, а в 1841 г. ввел ордена и другие знаки отличия, причем награжденный орденом получал пенсию в размере 3 руб. серебром в месяц.

Каждая войсковая единица имела свои значки, а особенно отличившиеся части награждались знаменами. В конце 1842 г. Шамиль ввел в своей армии чины. Три наива получили чин, равный чину генерала царской армии, остальным были присвоены чины, соответствующие чину капитана. Шамиль ввел также позорные знаки за трусость. У проявивших

малодушие к одежде на спине пришивали кусок цветной ткани или обшивали войлоком рукав. Отмеченный таким знаком мог снять его, только загладив свой проступок проявлением храбрости в бою. За другие проступки виновных сажали в яму на разные сроки, зависевшие от степени виновности.

В начале борьбы горцы не имели пушек. Впервые пушки и артиллерийские снаряды появились у них лишь в начале 40-х годов XIX в. Эти пушки горцам достались в качестве трофеев. Однако впоследствии Шамиль наладил их изготовление. Значительную помощь в изготовлении пушек ему оказали русские перебежчики — солдаты и офицеры. Всего при Шамиле было изготовлено около 50 орудий, из которых вполне пригодными оказались лишь 14. Правда, его артиллерия пополнялась пушками, отбитыми у царских войск. Тем не менее артиллерии у Шамиля было мало. Не хватало и ядер, производством которых занимались специально выделенные мастера. Поэтому горцы собирали ядра там, где действовала царская артиллерия. Пули отливались из меди с примесью олова. Но поскольку олова не доставало, горцам также приходилось собирать пули на полях сражений.

В имамате было организовано изготовление пороха — в Ведено, Дарго, Унцукуле и других местах. Было также налажено производство селитры в Андалалском и Хиндалалском обществах. Причем занятые изготовлением селитры освобождались от военной службы и получали особое жалованье из государственной казны. В окрестностях аулов Чирката, Кикуны и Шубута добывалась сера. Свинец и олово тайно покупали у солдат и торговцев, снабжавших царскую армию. Имевшаяся у частных лиц медь была Шамилем конфискована. Это позволило ему в 40-х годах довести запасы меди до 10 тыс. пудов. Холодное оружие в основном изготавливали кустари, отличавшиеся большим искусством в производстве шашек и кинжалов.

Много внимания Шамиль уделял созданию устойчивой финансовой системы, которая могла бы удовлетворять военные и государственные нужды имамата. Все прежние подати и приношения для мечетей и отдельных лиц, собираемые ранее муллами, стали поступать в общую казну для священной войны.

При Гази-Мухаммеде и Гамзат-беке доходы состояли из пятой части военной добычи. Шамиль ввел существенные изменения в сбор податей. Главную статью дохода составлял зякат — десятая часть урожая, поступающая в казну со всей территории имамата. Из остальных статей дохода следует отметить харадж (налог с горных пастбищ некоторых селений, которые раньше платили его ханам) и хамус — пя-

тая часть военной добычи мухаджиров. Причем доходы от военной добычи ежегодно увеличивались. Деньги поступали в казну Шамиля, а хлеб оставался в распоряжении наибов, расходовавших его с ведома имама.

Как подчеркивают современники, Шамиль был очень бережлив. Он сократил общественные и личные расходы до минимума, подчинив всю свою деятельность интересам освободительной борьбы и безжалостно расправляясь с расхитителями народного достояния.

Земли, принадлежащие мечетям, мюльки убитых на войне, если они не оставили прямых наследников, так же как и конфискованные у ханов и беков значительные земельные угодья, были переданы в казну. Все средства, сосредоточенные в государственной казне, распределялись для нужд имамата. Наибольшая часть расходовалась на военные мероприятия. Все операции производил специально назначенный казначей под личным наблюдением Шамиля. Организация государственной казны, хотя финансовые источники и средства ее были ничтожно малы по сравнению со средствами, необходимыми для ведения борьбы с самодержавием, все же являлась серьезным достижением в организации централизованного государства.

Серьезное внимание Шамиль уделял урегулированию земельно-правовых отношений. По его указанию часть вакуфных земель была передана для обработки беднякам, беженцам. Урегулировались вопросы раздела пастбищных гор между обществами.

Многое сделал Шамиль и для развития торговли. Он предоставил льготы многим торговым городам, а людям, занимавшимся торговлей, по указанию Шамиля были выданы охранные листы. Некоторых из них Шамиль ссужал даже деньгами.

Всячески поощрял Шамиль и развитие ремесел. Рядом со своей резиденцией он образовал специальное поселение, в котором жили исключительно мастера-ремесленники: кузнецы, оружейники, плотники и другие. Среди них были даже часовщики.

Очень много внимания Шамиль уделял и воспитанию моральных устоев горцев. С этой целью он запретил употребление алкогольных напитков, курение табака и т. д. Шамиль проявлял большой интерес к наукам и очень ценил образованных людей. Таким образом, как мы видим, мероприятия Шамиля охватывали все области административной, военной и экономической жизни имамата. Еще Руновский писал: «Администрация и законодательство составляют главную заслугу Шамиля».

Уничтожив ханов и беков в Аварии, Шамиль ликвидировал все их права, «стер, — по словам Руновского, — это

звание на целых 25 лет» и объявил «свободными тех из принадлежащих им крестьян, которые составляли исключительное население какой-либо местности... Вместо прежних условий крепостного быта, по которым весь труд крестьянина принадлежал помещику, распоряжавшемуся в его доме, как в своем собственном, освобожденные рабы были обложены такой же точно податью в пользу общественной казны, какую платило население целого края».

В 1842 г. Шамиль вторгся в Казикумухское ханство и зависимые от ханов и беков жители многочисленных селений были освобождены от уплаты податей и повинностей ханам и бекам. В период борьбы горцев освободились и салатавцы от уплаты ясака Кумыкским князьям. Шамиль был очень неприязненно настроен по отношению к феодалам. Так, он говорил Руновскому: «Когда вы вместе с народом будете выбирать предводителя, то вот мой завет: выбирайте, кого хотите — ребенка, глупца, самого порочного человека, но не выбирайте хана, бека или чанку. Это последнее мое слово»⁵. Но при всем этом Шамиль и его государство в тех конкретно-исторических условиях не ставило, да и не могло поставить задачу ликвидации социального неравенства. Теократическая система имамата создавала возможности для обогащения отдельных наибов и кадиев, что в конечном итоге еще больше обостряло классовый антагонизм между крестьянством, продолжавшим бороться, и теократической системой имамата.

§ 5. КРИЗИС И ПАДЕНИЕ ИМАМАТА

1851 год был переломным для имамата. С этого года прекращается рост государства Шамиля и его границы начинают постепенно сужаться. Имамат стоял на пороге кризиса.

Горские массы стали тяготиться длительной и разорительной войной. Она влекла за собой огромные потери, людские и материальные, а конца войне не было видно. Несмотря на жестокие наказания, многие горцы стали уклоняться от участия в ополчении.

Особенно большое недовольство назревало в Чечне. Непрерывные сборы продовольствия для нужд имамата по низким ценам, постой войск Шамиля в Чечне, переселение жителей Дагестана в Чечню, перемещение чеченцев по распоряжению Шамиля с плоскости в горы, в менее плодородные местности, — все это постепенно стало вызывать возму-

⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 1293, ч. 11, л. 139.

Территория имамата Шамиля
и основные очаги борьбы горцев

щение чеченских масс. Некоторые их аулы начали отходить от Шамиля. Появились случаи измены отдельных наибов.

После Даргинской экспедиции 1845 г., дорого обошедшейся царским войскам, тактика их меняется. Царское командование приступило к планомерному продвижению вперед, к осаде одного аула за другим, уничтожению посевов, рубке лесов. Захваченные территории методически укреплялись. Наступление такого рода велось прежде всего в Чечне, являвшейся житницей имамата. Осуществление этой тактики давало медленные, но заметные результаты.

Царские войска разрушали дотла чеченские аулы. Старики, женщины, дети гибли массами. Вот что пишет русский очевидец о разорении в марте 1847 г. аула Дубы: «Из всех жителей обширного аула вряд ли кому-нибудь удалось уви-

деть восходящее солнце. При самом отчаянном сопротивлении некоторых, большинство, застигнутое врасплох полунагими, стар и млад, женщины, дети и грудные младенцы утонули в своей крови от остро отточенных штыков, никого не помиловавших, не пощадивших».

С конца 40-х годов армия Шамиля потерпела ряд неудач. Шамилю не удалось расширить борьбу за счет Кабарды, Осетии и других народов, как он предполагал. Неудачным был и поход Шамиля на Акушу и Кутишу.

В 1847 г. царские войска под командой М. Аргутинского-Долгорукого разбили отряд Кибит-Магомы у Салтинского моста. В следующем году царские войска под командой того же Аргутинского-Долгорукого предприняли вторичную осаду Гергебили и взяли его. Наступление отрядов Шамиля на Казикумух также окончилось неудачей. В 1848 г. Шамиль осадил Ахтынское укрепление и взорвал башню. Царские войска зашли в тыл Шамилю, произошло ожесточенное сражение, и горцы были вынуждены отступить.

В это же время Шамиль предпринял попытку присоединить к движению горцев Табасарана. С этой целью в Табасаран был отправлен отряд под руководством Хаджи-Мурата, но последний неоднократно прибегал к грабежу и насилиям и лишь восстановил против себя табасаранцев. В 1851 г. Хаджи-Мурат изменил Шамилю, что послужило толчком для перехода значительной части аульской верхушки на сторону царизма. В связи с этим Шамиль говорил: «Мы очистимся от приставшей к нам нечисти. Одни от нас уйдут сами, вывернув перед нами свое поганое нутро, другие подставят свою шею под нашу секиру. Во всяком случае мы избавимся от них. Враг опасен тогда, когда он в личине нашего друга».

С начала 50-х годов царизм начал постепенно, но настойчиво оттеснять чеченцев в горы. Лишаясь садов, пашен, пастбищ, стад, горцы все более теряли силы в этой борьбе.

В 1851 г. отряды Шамиля потерпели поражение на Турчи-Даге, при Автуре и на Мичике. В 1852 г. горцы под командованием Шамиля, Кази-Магомеда и Даниэль-Султана елисейского выступили на Закаталы. Закатальцы впустили их без сопротивления. Однако после ожесточенного сражения с царскими войсками горцам пришлось отступить.

В 1853 г. во главе 15-тысячной армии Шамиль направился на юг. Он остановился в ауле Карата, затем продвинулся до аула Цунта. Кази-Магомеда он послал с семью тысячами воинов через Алазань в Грузию. Горцы прорвались в Цинандали, но в связи с угрозой окружения русскими войсками отряд Кази-Магомеда отступил в горы. Здесь

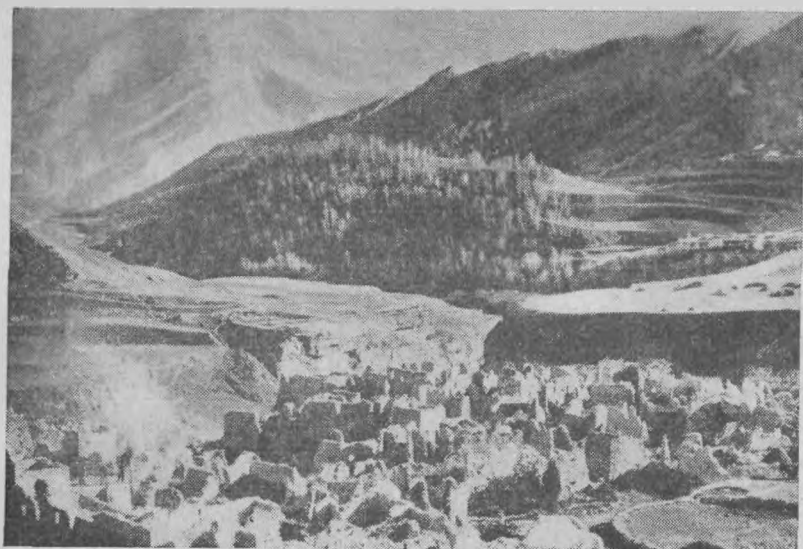
Хаджи-Мурат

горцы захватили две укрепленные пограничные башни грузин.

В 1853 г. крупный отряд царских войск под командованием М. Аргутинского совершил известный переход с высот Турчи-Дага на Лезгинскую линию — через пять снеговых хребтов. Шамиль вынужден был отступить в Ириб. В следующем году войска генерала Врангеля нанесли поражение горцам за Аргуном. При ауле Исти-Су горцы также потерпели поражение, оставив на поле сражения 400 убитых.

В 1855 г., когда часть чеченцев пыталась перейти на территорию, прочно занятую царскими войсками, чтобы избежать дальнейшего кровопролития, становившегося бессмысленным в связи с огромным военным перевесом на стороне царизма, Шамиль послал отряд, чтобы задержать этих чеченцев на переправах через реки Аргун и Джалка. Но войска Врангеля нанесли отряду Шамиля сильное поражение.

В результате всех этих неудач силы имамата значительно ослабли. В 1856 г. командование Кавказской армии, имевшее в своем распоряжении 226 тыс. солдат и офицеров и 226 орудий, приступило к усилению блокады непокорен-

Аул Гуниб и березовая роща, где был взят в плен Шамиль

ных селений, к осуществлению решительного трехстороннего наступления на имамат.

В конце 1857 г. князь Орбелиани продвинулся со своим отрядом к аулу Новый Буртунай в Салатавии и штурмом захватил его. Было также занято укрепление Аух. Падение Буртуная нанесло большой удар по престижу имамата.

В январе 1858 г. генерал Евдокимов сумел занять важное в стратегическом отношении Аргунское ущелье.

После этого Большая и Малая Чечня признали над собой власть России. Генерал Евдокимов выселил чеченцев из гористой местности, чтобы закрепить за собой передовую линию. В период с 22 июня по 30 августа генерал Врангель занял Гумбет, разгромил сорок аулов, штурмом взял три укрепления горцев. На лезгинской линии генерал Врангель заставил горцев прекратить сопротивление, разорив их аулы.

В Чечне под властью Шамиля еще оставалась Ичкерия с аулом Ведено. Поэтому царское командование направило сюда значительные силы. В середине января 1859 г. колонна царских войск атаковала укрепления, построенные по указанию Шамиля еще весной 1858 г. у выхода из Басского ущелья к аулу Таузен, а другая колонна двинулась в обход укреплений. Горцы вынуждены были отступить почти без боя. Тогда Шамиль сосредоточил все свои силы в Ведено, предприняв ряд серьезных мер для укрепления аула. Сам

Шамиль расположился в трех с половиной верстах от аула в укреплении Эрсепой. Обороной Ведено руководил сын Шамиля Кази-Магома. Всем жителям аула было приказано выселиться в Ичичу.

В феврале царские войска осадили Ведено, но вскоре были вынуждены временно снять осаду, так как дождливая погода и грязь не благоприятствовали штурму.

Между тем часть войск Прикаспийского края была направлена для действий в Ичкерии со стороны Ауха. В первых числах марта отряд Врангеля перешел Ачхой и разрушил большие ичкеринские аулы Саясан, Аллерой и Шамхал-Берды. 17 марта была возобновлена осада Ведено, а 1 апреля аул был взят штурмом и разрушен до основания.

Вслед за этим все сельские общества, занимавшие Черные горы и местность между этими горами и Андийским хребтом, признали власть России. Шамиль вынужден был отступить в Дагестан.

Здесь Шамиль продолжал сопротивление. Он приказал Кази-Магоме укрепить правый берег Андийского Койсу. Все аулы на левом (северном) берегу Андийского Койсу были по приказу Шамиля сожжены. Казна, артиллерия, боеприпасы и провиант были перевезены в сел. Ичиха. В Хунзахе был созван совет наибов и алимов. Они принесли имаму клятву сражаться против царских войск до конца.

В августе 1859 г. русские войска под руководством главнокомандующего генерала Барятинского двинулись через Чечню в Дагестан. Один за другим наибы изъявляли покорность России, сдавая хорошо укрепленные крепости горцев: Ириб, Чох, Уллукала. Сдались без боя и укрепления, подвластные Даниэль-Султану елисейскому, а сам он явился к Барятинскому с повинной. Общество сел. Карата также сдалось Барятинскому. Его примеру последовали все аулы по Андийскому Койсу, жители аулов Ашильта, Гоцатль, Чох — почти все население Аварии. Шамиль, окруженный с четырех сторон царскими войсками, был вынужден отступить в Гуниб. Четыреста мюридов, произведя саперные работы, сделали подступы к Гунибу почти недосягаемыми.

25 августа 360-тысячная армия генерала Барятинского зашла в тыл осажденным, заняв высоты, считавшиеся неприступными. В тот же день Барятинский принял пленного Шамиля.

* * *

Движение горцев под руководством Шамиля безусловно было освободительным, направленным против колониального и феодального гнета. Оно возникло и развивалось прежде

Пленение Шамиля (с картины Рубо)

всего на почве социально-экономической, а отнюдь не инспирировалось извне.

В начальный период руководители движения горцев не поддерживали постоянных внешнеполитических связей, и лишь тогда, когда натиск царских войск с целью подавления движения масс на Кавказе против гнета местных феодалов усилился, они стали обращаться за помощью к Турции и даже к Франции. Агрессивные круги Турции и Англии посылали на Кавказ эмиссаров, переправляли оружие и порох, обещали помочь войсками. Однако горцы Дагестана и Чечни, будучи окружены тесным кольцом кордонных линий, фактически не получали помощи, и все сводилось к обещаниям и обману и, быть может, моральной поддержке.

Ф. Энгельс, внимательно следивший за борьбой кавказских горцев и за попытками Англии влиять на нее, отмечал, что «эскадра, под командой контр-адмирала Лайонса, должна... вступить в связь с черкесами, в особенности с вождем их Шамилем», но Лайонс «не может доставить ему того, в чем тот наиболее нуждается, т. е. оружия и боевых припасов»⁶. С другой стороны, именно потому, что Турция неоднократно обещала оказать реальную помощь и не сдержала слова, Шамиль, пытавшийся получить ее, говорил, что султан и его приближенные хуже всех гуяров и, «если бы они попались в мои руки, я изрубил бы их на двадцать четыре куска, начиная с султана»⁷.

Восставшие горцы стремились использовать любую помощь, в том числе и от султанской Турции, но они боролись против колонизаторов не для того, чтобы подчинить свою родину турецкой империи. Даже дворянско-буржуазные историки подчеркивали, что горцы не имели намерения присоединиться к Турции. «По показаниям некоторых хорошо знавших Шамиля, — писал русский историк Н. Дубровин, — видно, что он не желал соединения с турками». Эта же мысль высказывалась и некоторыми руководящими деятелями царской армии. «Горцам, воюющим с нами за независимость, — констатировал генерал Муравьев, — равно противно было всякое иго, и введение порядков, которых они могли ожидать от наших врагов (то есть Турции. — *Ред.*), столько же было для них тягостно, как и наше владычество... Шамиль имел к соперникам нового рода едва ли еще не большее отвращение; ибо он мог ожидать, что мнимые благотворители — союзники, — хотя бы то были единоверные ему турки, потребуют от него покорности». И действительно, предпринимая попытки установить прочные связи с Шамилем, оказать влияние на движение горцев, Турция и Анг-

⁶ Ф. Энгельс, *Война*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 10, стр. 239—240.

⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, ед. хр. 6478, л. 94.

лия руководствовались целями, резко отличавшимися от общей направленности борьбы народов Дагестана и Чечни. Главную задачу эти государства видели в утверждении своего господства на Кавказе. Для движения горцев подобная «помощь» извне не могла служить опорой.

Религиозная оболочка движения горцев, идеология мюридизма безусловно порождали реакционные черты в борьбе горцев, способствуя ее поражению. Мюридизм приводил к изоляции и обособленности горцев от освободительной борьбы других народов России, и прежде всего русского. Хотя Шамиль резко отрицательно относился к крупным землевладельцам-феодалам, объективные условия не привели, да и не могли привести, к ликвидации социального неравенства. Беспощадно подавив ханско-бекские группы, Шамиль в то же время создал новый привилегированный слой. Постепенно разлагаясь, эта аристократия превратилась в эксплуататорскую касту, угнетавшую население. Все это привело к еще большему обострению классового антагонизма в имамате. Правда, Шамиль предпринял ряд мер для укрепления пошатнувшегося положения имамата. В частности, он учредил особую группу для проверки дел на местах, отстранил от власти многих наибов. Известно, что с 1850 г. Шамиль заменил более половины наибов.

Шамиль не только наказывал преступных наибов, но и принимал другие меры к укреплению имамата. Однако они не дали ощутимых результатов. Усталость от многолетней войны, разруха, голод, болезни, гибель лучших, боеспособных людей обусловили падение имамата.

Поражения царских войск в конце 40-х годов не создали объективных предпосылок к расширению территории имамата, и это естественно. Имамат, государство, созданное в процессе крестьянского восстания, должен был прежде всего пойти навстречу интересам крестьянских масс. Шамилем были проведены реформы, отменяющие крестьянские повинности феодалам. Было провозглашено равенство, было ликвидировано сословное деление. Но в этих реформах было обойдено многое, что могло нарушить интересы эксплуататорской верхушки узденей. В ходе войны зажиточная часть узденей обогащалась и укрепляла свои хозяйства, в то время как вся тяжесть войны падала на плечи трудящихся горцев. Военная добыча не доставляла средств, нужных для покрытия расходов, поэтому были установлены большие военные налоги.

В последние годы имамата заметно сказалась усталость горцев. В горах не стало ни хлеба, ни соли, начался голод. Не видя другого выхода из создавшегося положения, горцы вынуждены были прекратить борьбу.

Борьбу горцев Дагестана под руководством Шамиля

нужно рассматривать как народно-освободительную, прогрессивную борьбу против колониальных завоевателей в лице реакционного царизма и дворянской верхушки. В то же время не следует забывать, что объективно вхождение Дагестана в состав России помогло покончить с феодальной разобщенностью и патриархальной замкнутостью различных районов Дагестана и ускорить в них развитие производительных сил.

К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали борьбу горцев Кавказа как освободительную, «в которой участвует сам народ»⁸. Движение горцев против колонизаторской политики царизма на Кавказе ослабляло силы самодержавия, способствуя тем самым развертыванию революции 1848 г. в Европе.

⁸ Ф. Энгельс, *Шансы войны*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 17, стр. 200.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

РАЗДЕЛ II

ДАГЕСТАН
В ПЕРИОД КАПИТАЛИЗМА

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Г Л А В А IV

АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНАЯ И АГРАРНАЯ РЕФОРМЫ 60-х ГОДОВ

§ 1. АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНАЯ РЕФОРМА

Создание Дагестанской области

В Дагестане до 60-х годов не было единой системы административного деления. Здесь продолжали существовать феодальные владения с собственным внутренним управлением, а также целый ряд союзов сельских обществ. Значительная часть территории нагорного Дагестана входила в военно-теократическое государство — имагат. Правда, самодержавие, как указывалось выше, в первой половине XIX в. делало попытки ввести новое управление в Дагестане, но в связи с продолжавшимися военными действиями кавказское командование так и не смогло этого сделать.

После подавления движения, возглавлявшегося Шамилем, царское правительство приступило к постепенной унификации административного управления в Дагестане.

Начало новому административному устройству Дагестана положил специальный проект «Положения об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом», утвержденный главнокомандующим Кавказской армией 5 апреля 1860 г. Согласно этому «Положению» была создана Дагестанская область, в которую вошел бывший Прикаспийский край без Кубинского уезда, вошедшего в Бакинскую губернию, а также весь горный Дагестан. Территория Засулакской Кумыкии вошла в состав Терской области.

В Дагестанской области было введено так называемое военно-народное управление, а область разделена на четыре военных отдела: Северный Дагестан, Южный Дагестан, Средний Дагестан, Верхний Дагестан.

В каждый из четырех военных отделов входили округа и феодальные владения. В Северный Дагестан вошли Даргинский округ, Присулакское наибство, владения тарковского шамхала и Мехтулинское ханство. В Южный Даге-

стан были включены Кайтаго-Табасаранский, Самурский округа и Кюринское ханство. Средний Дагестан состоял из Гунибского, Казикумухского округов и Аварского ханства. В состав Верхнего Дагестана вошли Бежтинский округ и все остальные селения, не вошедшие в Гунибский округ и Аварское ханство.

Кроме военных отделов в область включались два гражданских управления: Дербентское градоначальство, состоящее из города Дербента и Улусского магала, и управление портовым городом Петровск с примыкающими к нему землями. Таким образом, управление Дагестанской областью делилось на военное и гражданское. Первое подразделялось на управление войсками, управление местным населением на особых правах и управление ханское. Как военные управления, так и гражданские подчинялись начальнику Дагестанской области, назначаемому исключительно из числа царских генералов. В его руках сосредоточивалась вся власть — административная, хозяйственная, финансовая и военная. Начальник области был одновременно командующим войсками, действовавшим на правах командира корпуса. По гражданскому управлению он приравнивался в правах к генерал-губернатору центральных губерний России, по управлению местным населением действовал с правами, определенными особым положением.

При начальнике области имелась канцелярия и штаб командующего войсками. Штабом управлял начальник штаба, а канцелярией — правитель. Канцелярия в свою очередь состояла из двух отделов: в первом сосредоточивались дела по гражданскому управлению краем, во втором — по управлению местным населением. В пределах военно-административной власти начальнику области было, в частности, предоставлено право: 1) употреблять «оружие против возмущившихся и упорствующих в повиновении жителей»; 2) предавать военному суду за измену, возмущение против правительства и поставленных властей, за неповиновение начальству и хищение казенного имущества; 3) высылать из области в административном порядке «вредных и преступных жителей»; 4) право утверждать приговоры судов и т. д.

В административном отношении, как уже было сказано, область была разделена на четыре отдела. Во главе военных отделов были поставлены начальники из числа офицеров царской армии, подчинявшиеся начальнику области; в свою очередь им подчинялись окружные управления и ханства (по военным вопросам).

На начальников отделов и округов возлагались строгий надзор «за расположением умов населения», наблюдение за деятельностью суда, раскладка натуральных повинностей, устройство и исправное содержание дорог и т. д. Ими же

ление которыми поручалось кадиям, назначенным царскими властями в качестве наибов. Округа управлялись начальниками, назначаемыми из числа царских офицеров.

Распорядительно-полицейские функции в пределах участков осуществляли начальники участков — наибы.

Ханства были оставлены в управлении феодальных правителей. Ханы, как и прежде, управляли на так называемых ханских правах. Они не обладали лишь правом лишения жизни и пожалования имений, лично им не принадлежавших. При ханских управлениях состояли по одному штаб-офицеру из русских, а также словесные суды, решения которых утверждались ханами.

Ликвидация ханств

Со временем созданная система «военно-народного управления» стала распространяться и на феодальные владения, прежде сохранявшие видимость «самостоятельности». Царское правительство теперь перешло от всемерной поддержки к ликвидации ханств. Этот крутой поворот был связан с изменившейся политической обстановкой. В тех условиях, когда Дагестан было окончательно покорен, ханская власть стала чужеродным элементом в общероссийском государственном организме.

Важным обстоятельством, ускорившим решение царизма ликвидировать ханства, послужил рост крестьянского движения, вызванный усилением ханского гнета под эгидой царизма. О напряженной обстановке, сложившейся в феодальных владениях Дагестана, свидетельствует признание начальника области генерала Меликова, который указывал, что «для поддержания здесь Юсуф-хана (кюринского. — *Ред.*) мало будет четырех батальонов, тогда как по его отъезде не будет надобности и в одной роте».

Ликвидация ханств в Дагестане внешне была оформлена в виде «добровольного» отказа ханов от своих прав. Следует, однако, заметить, что царская администрация оказала сильное давление на ханов. Все ханства и феодальные владения в Дагестане были ликвидированы за короткий период.

В 1859 г. из Казикумухского ханства был образован округ. Аварский хан был отстранен от власти в 1863 г. В 1865 г. взамен упраздненного Кюринского ханства был образован округ под тем же названием. Правители Кайтага, Северного и Южного Табасарана были отстранены от власти на основании указания наместника царя на Кавказе в 1866 г.

Указом царя от 20 апреля 1867 г. были также отстранены от власти тарковский шамхал и мехтулинский хан, владения которых вошли в Темирханшуринский округ. В результате административных реформ и ликвидации ханств в Дагестане были образованы девять округов: Аварский, Ан-

дийский, Гунибский, Даргинский, Кюринский, Кайтаго-Табасаранский, Казикумухский, Самурский, Темирханшуринский.

Отстраняя ханов от власти, царское правительство вместе с тем оставило в их владении лучшие земельные угодья, установило пожизненные пенсии, наградило ханов чинами, выдало большие единовременные пособия и т. д. Юсуф-хан кюринский, например, получил около 4 тыс. десятин земли и пожизненную пенсию в размере 5 тыс. руб. в год. Аварскому хану Ибрагиму кроме жалованья по чину была определена пенсия в размере 4 тыс. руб. в год и выдано единовременно 30 тыс. руб. для покрытия долгов. Еще больших размеров пенсии были установлены шамхалу тарковскому.

В «военно-народном управлении» ничего народного не было. Это был обычный помещичье-бюрократический аппарат, приспособленный к колониальной системе. В его основу было положено всемерное ограждение интересов местных феодалов. Однако с точки зрения исторического развития Дагестана ликвидация ханств и образование области было прогрессивным явлением, сыгравшим положительную роль в общественно-экономической жизни народов края. Крестьяне освободились от деспотической власти ханов, от их бесконтрольного произвола и бесчинств. В результате ликвидации ханств впервые установилась единая система административного управления, что положило начало внутреннему сближению и устранению экономической раздробленности отдельных частей Дагестана.

Судебная реформа

На основании «Положения об управлении Дагестанской областью» была создана новая система судопроизводства, согласно которой судопроизводство в Дагестане осуществлялось: по военно-уголовным делам — в комиссиях уголовного суда, по общим законам империй — в Дагестанском областном суде; по адату и шариаду и по особым правилам — в Дагестанском «народном» суде и окружных словесных судах. Следует отметить, что созданные царизмом «народные» суды даже по форме не являлись народными, так как его члены назначались командующим войсками области. Учрежденный в центре области — Темир-Хан-Шуре областной суд состоял из «почетных лиц», назначаемых начальником области исключительно из эксплуататорских элементов. Председателем суда являлся помощник начальника области, его решения утверждались начальником области.

Дагестанский «народный» суд был высшей судебной инстанцией по отношению к окружным судам. Окружные суды, на которых председательствовали окружные начальники, состояли из представителей «местной знати», от каждого

участка по одному члену, и кадия; они разбирали дела по гражданским спорам, воровству, дракам, увозу женщин, разводам, разделу имущества и т. д.

Разбор дела происходил гласно, с ведением книги записи для жалоб и решений по ним. Суд производил разборательство по адатам и шариату. По адатам в качестве судей выступали знающие адаты депутаты суда, а по шариату — кадий. Более важные дела (участие в восстаниях и волнениях, хищение государственного имущества и др.) разбирались военно-полевыми судами.

Представители местного населения судились по общим законам империи, в случае если преступление было совершено ими на территории, не подчиненной «военно-народному управлению», или же если они не принадлежали к какой-либо из дагестанских народностей.

В 1875 г. был упразднен Дагестанский областной суд. Вместо него в Дербенте, Порт-Петровске, Темир-Хан-Шуре в 1876 г. были открыты мировые отделы, которые руководствовались судебными уставами 1864 г., но с теми изменениями, которые предусматривались «Положением о применении судебных уставов 1864 г. в Закавказье» от 22 ноября 1866 г. Мировые отделы находились в ведении Тифлисской судебной палаты и Бакинского окружного суда. Мировые судьи назначались наместником Кавказа. При мировых судах состояли следователи по уголовным делам.

Реформа сельского управления Вскоре после ликвидации ханств в Дагестане была проведена реформа сельского управления. Реорганизация сельского управления вытекала из необходимости приспособления управления аулами к потребностям административной власти в Дагестане.

По ликвидации ханств царскому правительству нужно было, во-первых, создать в бывших ханствах органы сельского управления, которые отвечали бы потребностям «военно-народного управления», во-вторых, реорганизовать сельское общественное управление в других частях Дагестана, особенно на территории имамата. Основная цель реформы заключалась в организации единой системы сельского управления для всей области, системы, помогающей держать крестьянские массы в повиновении.

Реформа сельского управления была проведена на основании «Положения о сельском управлении в Дагестане», утвержденного главнокомандующим Кавказской армией 26 апреля 1868 г. Этот проект был основан на принципах крестьянского управления, созданного по «Положению» от 19 февраля 1861 г.

Сельское общество состояло из крестьян одного селения, имеющих в нем постоянную оседлость, за исключением бе-

ков и их прислуги. Беки по желанию могли быть причислены к сельскому обществу с разрешения официальных властей. Сельское управление составляли сельский сход (джамаат), сельский старшина, сельский кадий и сельский суд.

Сельский сход состоял из совершеннолетних домохозяев и сельских должностных лиц. Участвовало в сходе по одному старшему члену от каждого семейства. Сход избирал сельских должностных лиц и сельского кадия с последующим утверждением их военной администрацией. Сельский сход распоряжался общинными землями, раскладывал и собирал общественные и казенные подати, повинности и недоимки, принимал меры при стихийных бедствиях, выносил приговоры об «удалении из сельского общества вредных и порочных членов его» и мог отстранить от участия в сходе крестьян сроком до трех лет.

Сельские старшины и их помощники назначались окружным начальником на неопределенный срок. Старшина созывал сход и исполнял приговоры схода, окружных и сельских судов, а также царской администрации. Старшина должен был следить за сохранением порядка и спокойствия в пределах сельского общества, задерживать беглых военных дезертиров и представлять их властям, доносить о преступлениях и беспорядках, о распространителях «вредных для общественного спокойствия слухов», взимать штрафы за преступления и проступки, следить за исправным отбыванием крестьянами податей и повинностей, объявлять законы и распоряжения официальных властей, выдавать жителям разрешения для выезда за пределы общества и т. д. За свою службу старшина получал от царской администрации определенную плату. Кроме того, он пользовался большими льготами в землепользовании и водопользовании и т. д.

Сельский кадий, избиравшийся сходом, утверждался в должности военными властями. Кадий помимо контроля за деятельностью религиозных учреждений и медресе должен был вести судопроизводство по шариату, по делам, касающимся наследства и завещаний, по опеке, а также оформлять переписку по делам сельского общества и т. д.

Сельский суд состоял из трех или более членов, избираемых сельским сходом на три года. Сельские судьи утверждались начальником отдела области. Им были подсудны дела по гражданским спорам между крестьянами при иске не свыше 100 руб., а также дела по мелким преступлениям. Они могли приговаривать виновных к штрафу или принудительным работам, к аресту на шесть-семь суток. Эти меры сельский суд не мог применять к бекам и к лицам, имеющим офицерские чины, знаки отличия и состоя-

щим на царской службе; сельский суд не имел также права разбирать дела между беками или между ними и крестьянами без добровольного согласия бека.

В сельском управлении по-прежнему известную роль играли чауши (бегеулы, мангуши) — исполнители распоряжений старшины — и тулгаки (стража). Сельскими старшинами, их помощниками, кадиями, судьями, муллами назначались «политически благонадежные» люди, заслуживающие доверия военного начальства. При этом должностные лица утверждались начальником округа и начальником отдела области. Все они должны были «верой и правдой» служить царскому правительству и зорко следить «за умами и настроениями обществ».

Должностные лица сельского управления могли быть в любое время смещены. Крестьяне, избравшиеся на какую-либо должность, не имели права отказаться от нее без уважительной причины. Начальникам округов было предоставлено право за маловажные проступки по должности подвергать сельских должностных лиц денежному штрафу (до 25 руб.), аресту (до двух недель), а за «важные» преступления их могли судить военным судом.

В связи с проведением реформы сельского управления политическая власть беков, управлявших бекскими селениями, формально была ликвидирована. Функции ханов и беков по управлению сельскими обществами перешли к сельским должностным лицам, всецело подчиненным местной военной администрации.

С введением «Положения о сельском управлении» сельское управление Дагестана впервые получило единое устройство и стало регулироваться едиными нормами законодательства, правда, в интересах царизма и местной знати.

§ 2. АГРАРНАЯ РЕФОРМА

Предпосылки реформы Проведение аграрной реформы в Дагестане, как и в других районах Кавказа, было неразрывно связано с отменой крепостного права в России в 1861 г.

Крестьянская реформа в России диктовалась всем ходом экономического развития страны, глубокими изменениями в социально-экономической жизни, происходившими под влиянием развития капиталистических отношений. Острый конфликт между нарождающимися прогрессивными по своему характеру производительными силами, требующими простора для своего развития, и старыми, превратившимися в оковы феодальными производственными отношениями нахо-

дит свое выражение в систематическом ухудшении материально-правового положения крестьянских масс, являвшемся следствием усиления эксплуатации. Это вызвало мощную волну крестьянского движения, растущий натиск демократических сил. На рубеже 50—60-х годов XIX в. в России сложилась революционная ситуация.

Все это вынудило самодержавие стать на путь подготовки отмены крепостного права, а военные неудачи в Крымской войне ускорили подготовку и проведение крестьянской реформы.

Характеризуя причины, вызвавшие необходимость отмены крепостного права, В. И. Ленин писал: «Какая же сила заставила их (крепостников. — *Ред.*) взяться за реформу? Сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма. Помещики-крепостники не могли мешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские „бунты“, возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить *сверху*, чем ждать, пока свергнут *снизу*»¹.

Подготовка отмены крепостного права продолжалась более четырех лет. Наконец, 19 февраля 1861 г. Александр II утвердил принятые законопроекты, и 5 марта «Положения», сопровождавшиеся царским манифестом, были опубликованы в печати. В законах от 19 февраля 1861 г. излагались основные условия отмены крепостного права. Главными вопросами, поднятыми в них, были: вопрос о личном освобождении крестьян, о наделах и повинностях освобожденных крестьян, о выкупе земельных наделов крестьянами и об организации крестьянского управления.

Согласно «Положению» крестьяне получили личную свободу и право свободно распоряжаться своим имуществом. Однако реформа не уничтожала полностью основу феодализма — феодальную собственность на землю, а лишь ограничивала ее.

Под влиянием падения крепостного права в России были проведены крестьянские реформы на национальных окраинах, в частности в различных частях Закавказья и Северного Кавказа. В Дагестане крестьянская и земельная реформы были проведены в 60-х годах XIX в. частично, а именно: в Кумыкском округе, в Присулакском наибстве, в шамхальстве Тарковском и ханстве Мехтулинском.

Проведение крестьянской реформы в Дагестане, как и

¹ В. И. Ленин, «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, — Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 173.

на других окраинах, органически связано с капиталистическим развитием пореформенной России. Реформа в Дагестане явилась следствием как экономического развития края, так и главным образом развития русского капитализма вширь, необходимости приспособления экономики края к задачам колониальной эксплуатации. Русский капитализм стягивал Кавказ, в частности Дагестан, в товарное обращение, расшатывал устои патриархально-феодалных отношений.

Окончательное политическое завоевание Кавказа и усиление развития капитализма в России после отмены крепостного права сделали возможным более полное экономическое освоение Кавказа. Дагестан мог быть не только рынком сбыта товаров русской промышленности, но и источником сырья. Край был богат сырьевыми ресурсами, необходимыми для русской фабрично-заводской промышленности. По неполным данным, в 60-х годах в Дагестане было 1600 тыс. овец, дававших тысячи тонн шерсти, необходимой для текстильных фабрик России. В 1861—1862 гг. в Дагестан было ввезено товаров более чем на 100 тыс. руб. серебром и вывезено шерсти, сукна и других товаров на 70 тыс. руб.

Кроме экономических причин были и другие факторы, заставившие царское правительство провести реформы в Дагестане. Это прежде всего обострение борьбы между феодалами и крестьянами. Развитие товарно-денежных отношений обусловило усиление феодальной эксплуатации крестьян. Росли подати и повинности, причем рента носила смешанный характер — были распространены как барщина, так и продуктовая рента. Крестьяне несли в пользу феодалов тяжелые повинности, которые были чрезвычайно разнообразны, так как не было более или менее точно регламентированных норм взимания ренты. Так, терекемейские районы несли бекам до 35—40 разных податей и повинностей. Кроме того, крестьяне несли так называемые косвенные, случайные, но обязательные при известных обстоятельствах повинности.

Тяжелым бременем были для трудового народа и повинности, отправляемые по требованию царской администрации. Крестьяне несли в пользу казны такие повинности, как дорожная, квартирная, почтовая и т. д. Об их тяжести свидетельствует хотя бы то, что в Дагестане для отбывания дорожной повинности бесплатно выставили за один 1868 год более 335 тыс. крестьян. Положение крестьян еще более осложнялось тем, что феодалы и царская администрация изымали лучшие пахотные земли, находившиеся в пользовании крестьян.

Все это вызвало рост антифеодальной, антиколониальной

борьбы крестьян Дагестана. В Тарковском шамхальстве, ханстве Мехтулинском, удмийстве Кайтагском и других владениях волнения крестьян временами принимали настолько острый характер, что некоторые владельцы покидали свои имения и уходили в укрепленные пункты под защиту царских войск. Антифеодальное движение особенно усилилось после отмены крепостного права в России.

Царское правительство, хотя и являлось постоянным защитником интересов местной феодальной знати, не могло оставить неизменными существовавшие сословные и земельные отношения.

Классовые противоречия на Кавказе, в частности в Дагестане, настолько обострились, что, по словам наместника на Кавказе, «вопрос об освобождении зависимых сословий стал в такое положение, что было бы неблагоразумно и неосторожно откладывать его решение».

Таким образом, необходимость приспособления экономики Дагестана к нуждам развивающегося капитализма пореформенной России и рост в крае крестьянского движения, обусловленного усилением феодальной эксплуатации, вынудили царское правительство приступить к подготовке крестьянской реформы и в Дагестане. Однако аграрная политика царизма на Кавказе требовала проведения здесь этого мероприятия в несколько иных формах, чем в Центральной России. Эти формы определялись интересами укрепления на окраинах колониального владычества царизма, что в свою очередь было связано с ограничением политического влияния местной аристократии.

**Подготовка
крестьянской
реформы**

Для подготовки и проведения реформы в отдельных владениях и округах Дагестана было создано несколько сословно-поземельных комиссий, которые должны были выяснять существующие сословно-поземельные отношения и установить численность зависимых сословий, их права и повинности, а также подготовить предложения об освобождении крестьян. Членами сословно-поземельных комиссий, как правило, были царские чиновники и офицеры Кавказской армии.

Одним из первых мероприятий царского правительства в подготовке крестьянской реформы в Дагестане является учреждение в 1860 г. специальной комиссии под названием «Кумыкский комитет по правилам личным и поземельным». На первом этапе этот комитет не ставил перед собой задачу разработать порядок проведения реформы, а занимался лишь выяснением существовавших личных и поземельных прав сословий. В результате комитет установил, что «вся земля находится у князей и узденей, а подвластный народ за пользование отдельными угодьями несет перед владельцами определенную обычаем повинность».

Только в 1863 г. комитет, переименованный в «Кумыкский окружной отдел сословно-поземельной комиссии Терской области», получил уже более определенную установку в решении данного вопроса — «привести к соглашению землевладельцев и простой народ относительно выдела населению достаточного пространства из земель владельческих».

Вокруг вопроса о крестьянской реформе и всевозможных проектов наделения крестьян землей разгорелась ожесточенная борьба. Землевладельцы вначале не хотели и слышать о каких бы то ни было уступках в пользу крестьян. Наоборот, пользуясь обстановкой, они всячески старались доказать исконность своих прав на монопольное владение землей, обосновать свои претензии на многочисленные подати и повинности крестьян, причем явно преувеличивали ранее существовавшие их размеры.

В том же 1863 году для обсуждения вопроса об условиях реформы сословно-поземельная комиссия собрала в Хасав-юрте совещание, на котором были представлены наряду с феодалами по два доверенных крестьянина от каждого селения Кумыкского округа. Совещание работало пять дней. Землевладельцы вначале высказывались вообще против выделения крестьянам земли, т. е. против реформы, однако к концу совещания под двусторонним давлением (и со стороны комиссии и со стороны крестьянских доверенных) вынуждены были примириться с общими началами реформы и уже старались провести ее с наименьшим экономическим ущербом для своего сословия: они согласились выделить крестьянам $\frac{1}{3}$ земли. Между тем крестьяне настоятельно требовали выделения $\frac{2}{3}$ всей владельческой земли. Тогда сословно-поземельная комиссия предложила компромиссный проект, по которому крестьянам предоставлялось $\frac{2}{5}$ всей земли. Пятидневная борьба вокруг трех проектов не дала никаких результатов, и участники совещания разъехались, не решив вопроса.

Дальнейшее обсуждение условий реформы проходило без привлечения крестьян, что еще более обострило антифеодальную борьбу в Кумыкском округе.

Под давлением местной царской администрации и членов сословно-поземельной комиссии, которые боялись крестьянского недовольства, грозившего перейти в открытое восстание, кумыкские феодалы вынуждены были согласиться с предложениями сословно-поземельной комиссии. 13 июля 1864 г. был составлен акт, по которому крестьянам отводилось $\frac{2}{5}$ земли, т. е. то количество, которое предлагалось сословно-поземельной комиссией на хасавюртовском совещании. Однако кумыкские крестьяне категорически отказались признать этот акт и продолжали борьбу за при-

нятие своего проекта, настоятельно требуя выделения $\frac{2}{3}$ всей помещичьей земли. Обстановка все более накалялась. Недовольство крестьян росло и грозило перейти в открытое восстание.

Высшая кавказская администрация вынуждена была отвергнуть проект сословно-поземельной комиссии о выделении крестьянам $\frac{2}{5}$ земли и, сочтя невозможным затягивать решение крестьянского вопроса, заставила кумыкских князей и землевладельцев пойти на дальнейшие уступки. В этих переговорах активное участие принимал начальник Терской области граф Лорис-Меликов, пользовавшийся большим влиянием среди кумыкских феодалов.

5 февраля 1865 г. в Хасав-юрте был составлен акт за подписью 61 землевладельца, согласно которому князя и землевладельцы Кумыкского округа уступали крестьянам половину всех своих земельных угодий, причем без выкупа. Что касается второй половины земли, то правительство должно было утвердить ее за землевладельцами на правах полной собственности. Особо оговаривалось, что реформа не распространяется на казенные земли, которые оставались в собственности государства. Они составляли здесь 19 367 десятин.

На основании акта от 5 февраля 1865 г. сословно-поземельная комиссия составила предложения о решении поземельного вопроса в Кумыкском округе и представила их наместнику Кавказа. Наместник утвердил эти предложения 11 марта 1866 г. Затем эти предложения через военное министерство были представлены в Кавказский комитет, который, одобрив их, 7 ноября 1867 г. без изменений представил царю. Утвержденные наместником Кавказа предложения заключались в следующем:

«1. На основании акта, составленного кумыкскими землевладельцами, от 5 февраля 1865 г., считать половину всех владельческих земель подлежащими выделу народу и предоставить населению возможность приступить к наделу этой половины.

2. В расчет этот не вводить усадебную оседлость аулов, которая должна отойти народу независимо от половинного выдела ему прочих угодий.

3. Объявить землевладельцам, что оставшая половина земли будет признана за ними на полном праве собственности с выдачей им на это надлежащих документов.

4. Выделенные народу участки признать общественными, с тем чтобы разделить эти участки между аулами, соответственно населению каждого из них, и по количеству земель.

5. Все казенные земли оставить в полном распоряжении правительства».

Проведение крестьянской реформы в Кумыкии

В «Проекте» крестьянской реформы решались только вопросы наделения крестьян землей и совершенно не рассматривались вопросы личной зависимости крестьян (за исключением чягар), так как они считались юридически свободными, хотя их положение мало чем отличалось от положения крепостных крестьян. Наделение крестьян землей и ликвидация их зависимости от феодалов были оформлены царским правительством в качестве добровольной уступки со стороны местной феодальной знати и царизма.

На основании утвержденных правил сословно-поземельная комиссия приступила к размежеванию земель между владельцами и населением. Весь земельный фонд Хасавюртовского округа накануне реформы составлял 405 789 десятин, из них князьям и дворянам принадлежало 386 422 десятины и казне — 19 367.

На Кумыкской плоскости земля по-прежнему находилась в основном в руках 10 княжеских фамилий (которые насчитывали примерно 166 душ); «родовых» земель князей Темировых, например, было около 70 тыс. десятин, князей Алибековых — около 23 тыс., Уцмиевых — 40 тыс.; князь Али-Султан Казаналипов лично владел более чем 70 тыс. десятин земли.

В результате реформы за 166 феодалами осталось 186 311 десятин, а 7122 двора, составлявшие около 30 тыс. человек зависимого населения, получили на правах общинного землепользования 203 123 десятины. При этом совершенно не было наделено землей 299 семейств чеченцев, ауховцев, салатавцев и других горцев, переселившихся на Кумыкскую плоскость после 1859 г. Лишены были права получения надельной земли и 142 семейства горских евреев, хотя они и имели давнюю оседлость на этой территории.

В то же время по предписанию главнокомандующего Кавказской армией около 20 тыс. десятин лучшей земли отводилось «до особого назначения» в распоряжение кавказской администрации. С целью создания для себя фонда бесконтрольных расходов администрация отдала рыбные промыслы в водах, берега которых отходили народу, на откуп якобы для обращения доходов с них на общественные нужды, в то время как такие же промыслы, доставшиеся феодалам, оставались в их полном владении. В итоге оказалось, что около 7 тыс. крестьянских дворов (в том числе 1547 ногайских) получили 52% всей земли, а 166 дворов феодалов — 48%, причем лучшей земли. Следовательно, на каждого феодала приходилось земли в 40 раз больше, чем на крестьянский дым.

Размер крестьянского подымного надела в среднем со-

ставлял 24 десятины, причем в надел входили удобные и неудобные земли. На каждый оседлый крестьянский двор приходилось в среднем по 18 десятин удобной земли, а на душу в среднем приходилось около 3,5 десятины удобной земли. При этом сюда входили все пахотные, покосные, пастбищные, лесные участки, вместе взятые. Размер пашни в подынном наделе обычно не превышал 3—4 десятин.

Юридическим лицом, которому отводилась земля, являлась сельская община. Крестьяне получали земельные участки лишь во временное пользование. В отличие от России в Кумыкском округе земля делилась не по душам, а по дворам. Сохранением общинного землепользования с его уравнительным началом царское правительство хотело обеспечить на основе круговой поруки своевременное выполнение крестьянами государственных повинностей и налогов.

Земельные участки отводились сельским общинам по мере размежевания земель беков, которое тянулось до 1870 г., т. е. пять лет.

При разделе земли царская администрация старалась во всем угодить местной земельной аристократии. При поддержке администрации феодалы сумели оставить за собой лучшие земли с хорошо налаженным орошением. Выступая ярой защитницей интересов феодальной знати, царская администрация шла даже на разрушение селений, на выселение жителей из родных мест. Так, в угоду князьям Каплановым крестьяне сел. Джаба-юрт, оказавшиеся после раздела на выделяемой этим владельцам земле, были расселены по разным аулам. Земля, отведенная крестьянам, была обозначена лишь временными границами. Составление карты окончательного распределения земель между селениями тянулось долго, и только 24 декабря 1901 г. проект плана этого распределения был представлен на утверждение командующему войсками Кавказского военного округа.

Решение сословно-поземельного вопроса в других частях Северо-Восточного Дагестана — в Тарковском шамхальстве, Мехтулинском ханстве и Присулакском наибстве — затянулось на еще более длительный срок. В 1864 г. здесь была создана «Временная комиссия для приведения в известность личных и поземельных прав высших сословий».

Комиссией был собран огромный материал о существовавших в то время сословно-правовых отношениях в этих владениях, о размерах податей и повинностей, о доходах владельцев и т. д. Однако комиссия не выработала каких-либо предложений по ликвидации феодальной зависимости крестьян. Только в 1867 г. эти отношения были отменены в Присулакском наибстве и частично в Тарковском шамхальстве и Мехтулинском ханстве.

Царские власти стремились добиться того, чтобы ини-

циатива ликвидации зависимых отношений исходила от феодальных владетелей, была бы оформлена внешне как добровольный акт владетелей. Так, в июне 1866 г. мехтулинский хан одновременно с заявлением о сложении с себя обязанностей по управлению ханством, получив соответствующее указание кавказской администрации, отказался от податей и повинностей, которые крестьяне несли в пользу его лично или чанков ханского дома. 25 марта 1867 г., следуя предложению управляющего Северным Дагестаном князя С. Джорджадзе, присулакский владетель Али-Султан Казаналиев также подал докладную записку, в которой объявил о своем решении освободить подвластных ему крестьян селений Султан-Янгы-юрт, Чонт-аул и Чир-юрт (651 дым²) от феодальной зависимости, от несения в его пользу «разных прямых и косвенных налогов и нарядов по обработке полей» с предоставлением им «навсегда и безвозмездно» половины всех принадлежащих ему удобных и неудобных земель на правом берегу р. Сулак. 1 августа 1867 г., в день образования Темирханшуринского округа, начальник Дагестанской области князь Меликов огласил письмо тарковского шамхала Шамсутдина, в котором тот сообщал о своем согласии освободить от зависимых отношений всех лично ему обязанных крестьян (2786 дымов).

В мае 1867 г. правительством было утверждено представление главнокомандующего Кавказской армией о сложении с мехтулинского хана полковника Рашид-хана обязанностей по управлению ханством и об «отмене всех повинностей и налогов, отбываемых ему жителями ханства». Всего по ханству освободилось от феодальной зависимости 1532 дыма селений Верхний Дженгутай, Нижний Дженгутай, Дуранги, Апши, Чогли и Ахкент.

Таким образом, в трех перечисленных владениях прекратились зависимые отношения 4969 крестьянских дымов, т. е. количество освобожденных крестьян составляло около 25 тыс. душ обоего пола. В Тарковском шамхальстве и Мехтулинском ханстве реформа охватила только часть зависимых крестьян, а именно тех, которые несли подати и повинности шамхалу и хану и их чиновникам. Так, в 23 селениях шамхальства, где, по данным сословно-поземельной комиссии, насчитывалось 8379 дымов, прекратили зависимые отношения только 2786 дымов, которые отбывали феодальные повинности самому шамхалу, основная же часть крестьян, отбывавшая повинности другим бекам и чанкам, продолжала оставаться феодально-зависимой вплоть до 1913 г.

² Местные власти при исчислении статистических данных о количестве населения брали коэффициент 5 душ на дым.

Полностью реформа была осуществлена лишь в Присулакском наибстве. Здесь крестьянам была выделена земля на правом берегу р. Сулак, принадлежавшая князю Казаналипову. Из 30 тыс. десятин этой земли крестьяне селений Султан-Янгы-юрт, Чонт-аул и Чир-юрт получили без выкупа около 14 330 десятин. Размер подымного надела в этих селениях составлял в среднем около 17 десятин удобной и удобной земли.

В целом реформа носила половинчатый характер. Царское правительство ничего не сделало для того, чтобы решить земельный вопрос коренным образом. Реформа не ликвидировала ни феодальной собственности на землю, ни поземельной зависимости крестьян. Хозяевами самой значительной и лучшей части земли оставались те же феодалы, права которых отныне были официально признаны правительством.

Царское правительство, отменив подати и повинности в пользу тарковского шамхала, мехтулинского хана и чанков ханского дома, сделало все для того, чтобы с лихвой компенсировать их единовременными пособиями, пожизненными пенсиями, большими земельными участками, титулами и чинами. Все эти щедрые пенсии и пособия выдавались через государственную казну за счет налогов с крестьян. Крестьяне Тарковского шамхальства, Мехтулинского ханства и Присулакского наибства, освободившиеся от феодальных повинностей, начиная с 1867 г. были обложены царским правительством подымной податью в казну. Следовательно, на деле была произведена своеобразная выкупная операция, заключающаяся в том, что феодалы получили выкуп из казны в виде единовременного вознаграждения и пенсий, а крестьяне должны были вносить этот выкуп в казну в виде подымной подати.

У крестьян фактически сохранилось то количество земли, которое находилось в их пользовании до реформы, а в ряде случаев оно было сокращено до минимума. Отмежевание крестьянских земель от земель феодалов тянулось десятилетиями. Размер наделов крестьян также не был определен. Если прежде по адату отдельными угодьями, особенно зимними и летними пастбищами и лесами, сельские общества и феодалы пользовались совместно, то после реформы эти угодья в целом ряде случаев оказались в исключительном владении и пользовании помещиков.

Сохранившиеся после реформы запутанные земельно-правовые отношения, отсутствие работы по размежеванию крестьянской земли от владельческой открывали широкие возможности для ограбления крестьянства.

Указание В. И. Ленина о том, что «пресловутое „освобождение“ было бессовестнейшим грабежом крестьян, было

рядом насилий и сплошным надругательством над ними»³, с полным правом можно отнести и к Дагестану.

Крестьянская реформа не коснулась той значительной части населения шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского, которая находилась в зависимости от беков. Зависимые отношения раят и части узденей не только не были упразднены в 60-х годах, а, напротив, были узаконены, что гарантировало бекам возможность и в дальнейшем эксплуатировать крестьянские массы. Для этого царские власти издали инструкции с указанием податей и повинностей крестьян в пользу феодалов. Эти инструкции были составлены со слов тех же феодалов, причем в некоторых случаях не было определено количество дней барщины и размер других повинностей.

Грабительский характер реформы 60-х годов XIX в. в Северо-Восточном Дагестане выражался и в том, что царское правительство поспешило закрепить за казной значительный земельный фонд народа. Только по одному Кумыкскому округу правительство оставило за собой 20 тыс. десятин лучшей земли, а фактически и берега рек, отошедшие по разделу к сельским обществам, для эксплуатации рыбных богатств. Объявив выделенную крестьянам в результате реформы землю общинной, царское правительство по существу рассматривало ее как собственность государства и распоряжалось ею по своему усмотрению. Недаром кавказская администрация открыто объявила, что «земля, занимаемая жителями на плоскости, есть казенная».

Проводя крестьянскую реформу в Дагестане, царизм в первую очередь преследовал собственные интересы, интересы укрепления колониального владычества.

Ликвидация рабства в Дагестане

В середине XIX в., несмотря на ряд ограничений, в Дагестане продолжало существовать патриархальное рабство.

В 60-х годах XIX в. под влиянием падения крепостного права в России колониальные власти Кавказа вынуждены были предпринять более решительные меры к резкому ограничению, а затем и к ликвидации рабства в Дагестане. В марте 1861 г. предложения начальника Дагестанской области о запрещении отчуждать рабов не иначе, как целыми семьями, разлучать рабынь, вышедших замуж за представителей других сословий, с мужьями, а также детей с родителями были утверждены главнокомандующим Кавказской армии Барятинским и распространены на соседние Терскую и Кубанскую области. В 1865 г. кавказская администрация

³ В. И. Ленин, «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, — Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 173.

запретила продажу рабов в другие области с иным языком, обычаями.

К подготовке окончательной ликвидации рабства на Кавказе царские власти приступили в 1866 г. В Тифлисе был создан особый комитет по подготовке освобождения зависимых сословий Кавказа, состоящий из высших должностных лиц кавказской военно-гражданской администрации. Комитет собрал сведения из областей и округов о рабах, владельцах рабов, затем были разработаны правила освобождения рабов в различных частях Кавказа.

Дагестанские феодалы пытались провести освобождение рабов с максимальным сохранением своих привилегий, что им и удавалось. Владельцы рабов, убедившись в скором освобождении рабов, на условиях, разработанных официальными властями, решили провести освобождение «по обычаю», т. е. наиболее выгодно для себя, так как сумму выкупа и срок ее уплаты назначали сами владельцы. Число рабов, освобожденных «по обычаю», в 60-х годах XIX в. превышало три тысячи.

Тифлисский комитет утвердил правила освобождения рабов в Кумыкском округе. Рабы в возрасте от 12 до 50 лет должны были платить выкуп от 12 до 200 руб. В других частях Дагестана сумма выкупа была определена для взрослого раба от 100 до 180 руб., для рабыни — 100 руб., для несовершеннолетних обоюго пола — от 50 до 100 руб. Рабы оставались во временно-обязательных отношениях к владельцам с определением стоимости годовичного труда раба; от временно-обязательных отношений рабы могли отказаться, уплатив выкуп, причем из общей выкупной суммы, следуемой владельцу, вычиталась стоимость труда раба за период временно-обязательных отношений; для лиц женского пола освобождение от временно-обязательных отношений допускалось при выходе замуж, в том случае, если рабовладельцу вносился калым с вычетом стоимости временно-обязательного труда. На указанных выше условиях было освобождено в 1866—1868 гг. свыше полутора тысяч рабов. Всего в 60-е годы XIX в. было освобождено свыше четырех с половиной тысяч рабов.

Освобожденные рабы были приписаны к сельским обществам и снабжены специальными свидетельствами об освобождении. На восемь лет они освобождались от налогов и трудовых повинностей в пользу государства. Однако царское правительство не приняло мер к наделению рабов землей; значительная часть рабов, отпущенных на волю, фактически выбрасывалась на улицу. Поэтому естественно, что подавляющее большинство «освобожденных» рабов либо оставалось у прежних своих владельцев, либо попадало в кабалу к другим феодалам.

Тем не менее при всей половинчатости и непоследовательности освобождение рабов было положительным явлением. Раб, считавшийся материальной ценностью своего господина, превратился в личность, которую не могли уже безнаказанно убить или продать.

**Освобождение
чагар**

Крестьянская реформа в Дагестане коснулась и категорий крепостных крестьян — чагар, по своему хозяйственно-правовому положению стоявших близко к рабам.

В 1868 г. наместник Кавказа предписал должностным лицам Дагестанской области предоставить чагарам право свободного ухода с занимаемых земель, причем так называемое освобождение чагар от личной зависимости осуществлялось без выкупа. Количество чагар, освободившихся от личной зависимости в 60-х годах XIX в., составило около двух тысяч, но лишь очень немногие из них были наделены землей.

За редким исключением, чагары не могли пользоваться предоставленным им правом ухода от феодалов, ибо это было сопряжено с потерей недвижимого имущества. Однако в отличие от дореформенного периода феодалы уже не могли продавать, дарить, передавать чагар. Во всем остальном их положение осталось таким же тяжелым, как и до реформы. Об этом свидетельствуют многократные обращения «освобожденных» чагар в различные инстанции царского административного аппарата. Так, в 1871 г. бывшие чагары сел. Гелли Темирханшуринского округа подали жалобу с просьбой освободить их от бекского гнета. По поводу этой жалобы наместник Дагестанской области ответил, что геллинские чагары не составляют исключения в отбытии податей и повинностей.

Характеризуя значение реформы 60-х годов в Дагестане, необходимо отметить, что она является примером того, как половинчато, непоследовательно и уродливо могут проводиться крепостниками крестьянская и другие реформы.

Царское правительство, вынужденное стать на путь реформ в Дагестане, сделало все для того, чтобы провести их с максимальным сохранением привилегий местного господствующего класса, опираясь на который оно и впредь проводило политику экономического, политического и национального угнетения дагестанских народов.

Аграрная реформа в Дагестане не разрешила основного вопроса о земле. В руках местных феодалов и царской казны остался огромный земельный фонд. Реформа совершенно не коснулась мечетских земель.

«Освобожденные» крестьяне в правовом отношении остались тем же низшим сословием, находящимся в экономической и политической зависимости от царизма и местных

феодалов. Кавказская администрация царизма ничего не сделала для ликвидации зависимых отношений одних сельских обществ от других. Ограниченность крестьянской реформы 60-х годов в Дагестане ярче всего проявилась в том, что раяты и часть феодально-зависимых узденей оставались в кабале у беков до 1913 г. Однако, несмотря на ограниченный характер и уродливые формы ее проведения, крестьянская реформа в Дагестане все же имела положительное значение. В силу отсталости Дагестана крестьянская и другие реформы сыграли здесь более прогрессивную роль, чем в Центральной России, они ломали патриархально-феодальные отношения в экономике и быту горцев.

Освобождение рабов и части феодально-зависимых крестьян в количестве более 58 тыс. душ, ликвидация деспотической власти феодальных владетелей, в результате чего в стране установилась единая система управления, способствовавшая внутреннему сближению дагестанских народов, регламентация сельской жизни на единых началах безусловно сыграли важную роль в дальнейшем экономическом и политическом развитии Дагестана.

В результате проведения реформ были созданы определенные предпосылки для развития капиталистических отношений. Как и другие окраины, Дагестан постепенно стал вовлекаться в русло капиталистического развития России пореформенного периода, в ее общественно-экономическую жизнь. В пореформенный период в Дагестане произошли заметные социально-экономические сдвиги.

Г Л А В А V

АНТИКОЛОНИАЛЬНАЯ БОРЬБА ГОРСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

§ 1. АНТИКОЛОНИАЛЬНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ 60-х ГОДОВ

Рост классовых противоречий Проведенные самодержавием аграрная и административно-судебная реформы, как отмечалось выше, несмотря на их половинчатый характер, объективно способствовали экономическому и социально-политическому развитию края. Однако эти реформы не внесли существенных изменений в положение горского крестьянства, не облегчили его существования, не принесли, да и не могли принести социального и национального освобождения. Напротив, в период контрреформ, в связи с наступлением реакции в России, еще больше усилилась эксплуатация горского крестьянства. Это выразилось прежде всего в усилении в пореформенный период наступления самодержавия на права широких народных масс. Так, значительная часть земельных угодий крестьян была изъята колониальными властями и объявлена собственностью казны. Государственной собственностью отныне считались также все леса и целый ряд горных пастбищ, находившихся до этого в собственности одной или нескольких сельских общин. За казной были закреплены и права разработки недр области. Кроме того, немало земель было отобрано у сельских обществ под строительство укреплений, крепостей и штаб-квартир дислоцированных в Дагестане воинских частей, а также под пастбища и постой скота, принадлежащего царским войскам.

В то же время немало пастбищных и пахотных земель было передано в собственность местных феодалов, пожаловано офицерам и чиновникам кавказской администрации, а также выделено русским переселенцам в Дагестане.

Тяжелым бременем на трудящиеся массы ложились многочисленные и многообразные подати и повинности, вносимые самодержавию и местным феодалам. Следует особо

подчеркнуть, что феодальное сословие Дагестана, пользуясь поддержкой самодержавия и защитой царских штыков, безнаказанно присваивало земли крестьянских общин, вводило новые и увеличивало существовавшие ранее подати и повинности.

Законное недовольство народных масс вызывало и национальное угнетение. Управление горцами осуществлялось без всякого учета местных условий и сложившихся издавна народных обычаев. Во внимание принимались лишь интересы самодержавия и господствующего класса. По прихоти чиновников военно-бекского управления горцы могли быть подвергнуты наказанию, арестованы или административным путем сосланы в Россию. А малейшее недовольство или попытки выступить в защиту своих прав расценивались как антиправительственные выступления, бунт. В таких случаях, применяя принцип круговой поруки, администрация наказывала жителей целого селения.

Несмотря на жестокие репрессии по отношению к трудовому народу, классовая борьба все более и более обострялась, причем наибольшую активность в борьбе с феодалами проявляло горское узденство. Однако самодержавие, не вдаваясь в причины антифеодальных возмущений, жестоко подавляло выступления народных масс.

Если широкие народные массы, стремясь освободиться от социального и колониального угнетения, искали выхода в борьбе, то отдельные элементы стремились уйти от действительности и, оставив все «мирские дела», посвятить себя служению богу.

В этих условиях в Дагестане начали появляться различного рода религиозные секты, отвлекавшие народные массы от активной борьбы. Одной из таких сект была реакционная секта зикристов.

Движение зикризма и его реакционная роль

Первоначально движение зикристов возникло в Чечне в середине XIX в., а затем постепенно распространилось на Северо-Восточном Кавказе.

По идее зикристов, человек должен отрешиться от всего мирского, предаться строгому посту и созерцанию творца. Поминая непрерывно имя Аллаха («зикра» — букв. арабск. «вспоминание») и доводя себя до состояния экстаза бесконечными телодвижениями, зикристы стремились сосредоточить все свои мысли на идее бога. Когда таким образом посвятивший себя творцу якобы дойдет до высших пределов познания, то ему должно быть ниспослано свыше ясновидение.

Все это говорит о том, что секта зикристов не только не призывала горцев к активным действиям, но и отвлекала их от социальной и национальной борьбы. И не случайно,

что в период возникновения движения зикристов предводители антифеодальной и антиколониальной борьбы во главе с Шамилем вели с ним активную борьбу.

Оценивая роль секты зикристов, кавказская администрация доносила, что в ней «ни в отношении правительства, ни народной нравственности никаких вредных последствий не обнаружено». И тем не менее царская администрация принимала меры к ликвидации движения зикристов. Но борьба царизма с зикристами была бескровной и сводилась лишь к мерам предупреждения или к удалению из края наиболее активных последователей зикризма.

Широкие народные массы, за исключением отдельных лиц, не только не проявляли сколько-нибудь серьезного интереса к секте зикристов, но в отдельных случаях даже изгоняли зикристов из своих сел (например, в Кайтаго-Табасаранском и других округах). И естественно, бесплодное, оторванное от жизни течение зикристов не могло найти поддержку среди широких народных масс. Движение зикристов не отвечало интересам народа и по своей сущности было явлением реакционным. Его догмы мешали общественному и духовному развитию общества.

Движение за переселение в Турцию

В 60-х годах XIX в. на Северном Кавказе, в том числе и Дагестане, возникло движение за переселение в Турцию. Обычно принято считать, что это движение возникло в результате внешнего влияния. И действительно, проникавшие на Кавказ эмиссары Турции и протурецки настроенные феодалы и мусульманское духовенство вели разнузданную антирусскую пропаганду и сумели воздействовать на умы части горцев, внушая им, что царизм насильственным путем заставит кавказских мусульман отречься от своей веры и принять христианство. В то же время турецкие эмиссары убеждали мусульман Дагестана, что последние найдут хорошее прибежище в Турции, готовой принять всякого мусульманина—суннита.

Однако, признавая, что пропаганда зарубежных эмиссаров сыграла известную роль, было бы не совсем верно сводить все к этому и считать, что движение за переселение в Турцию возникло только в результате внешнего влияния. Совершенно очевидно, что пропаганда зарубежных эмиссаров не оказала бы сколько-нибудь заметного воздействия на умы горцев, если бы не внутренние социально-политические причины, побуждавшие горцев к переселению. Объясняя мотивы, толкавшие горцев оставлять насиженные места и покидать родину, добиваться разрешения переселиться в Турцию, начальник Дагестанской области доносил: «Вскоре после обложения жителей Темирханшуринского округа денежной податью стали являться с просьбами о доз-

волении выхода в Турцию жители не только тех селений этого округа, из коих постоянно были просящиеся, но из таких мест, откуда прежде не являлось подобных просьб».

Такой же характер носили и обращения горцев других округов области. Все это красноречиво свидетельствует о том, что причинами движения за переселение в Турцию наряду с религиозными мотивами и пропагандой зарубежных эмигрантов следует считать социальный и национальный гнет царизма.

Следует также отметить, что самодержавие не только не препятствовало переселению горцев в Турцию, но и в какой-то мере содействовало им в этом. Начальник Дагестанской области не раз докладывал, что «выход в Турцию людям, стремящимся туда», не возбраняется. Эту политику он мотивировал тем, что в области заметно увеличилось количество населения, а учитывая малоземелье в Дагестане, «сделалось необходимым выпускать в Турцию по временам известную долю населения».

Однако после того как в апреле 1865 г. Турция официально уведомила царское правительство о том, что она отказывается принимать выходцев с Кавказа без предварительного согласования с турецким правительством, кавказская администрация с 1867 г. в виде опыта установила «нормы ежегодного выпуска, по четверти процента всего населения, что в год составляло 250 семейств». Причем если ранее выезжавшие в Турцию горцы могли свободно продать принадлежащую им землю, то с 1867 г. царские власти запретили продажу земли, мотивируя это тем, что земля не является собственностью горца — крестьянина, а принадлежит казне. Кроме того, каждый горец, желающий переселиться в Турцию, должен был внести в казну единовременную денежную подать на десять лет вперед.

Эти меры царского правительства несколько ограничили поток переселенцев. Однако решающую роль в сокращении, а затем и прекращении переселения сыграло то, что переселенцы вместо предполагаемого земного рая в обетованной стране оказались в безвыходном положении: без крова и средств существования. Не выдерживая этих условий, горцы гибли тысячами и всеми силами стремились вернуться обратно в Дагестан. Однако это оказалось не легко. Царизм предпринял ряд действенных мер, чтобы воспрепятствовать горцам вернуться на родину. В частности, русским консульствам на Востоке было предписано «отказывать в помете паспортов уроженцам Кавказского и Закавказского края, перешедшим в турецкое подданство и желающим возвратиться в отечество, чтобы стать снова русскими подданными». Но, несмотря на это, небольшая часть горцев все-таки пробиравалась на родину. В связи с этим

начальникам губерний и областей Кавказа было дано указание, «чтобы проживающие в Турции горцы не были пропускаемы в наши пределы не только без паспортов от русского правительства, но и с паспортами, не визированными нашими консулами». В результате этих мер царизма горцы—переселенцы в Турцию фактически навсегда оказались за пределами родины.

Восстание в Андийском округе

Как уже указывалось выше, основная масса горского населения выражала свой протест против социального и национального гнета многочисленными антиколониальными выступлениями.

В 1860 г. восстали жители нагорной Чечни. Вскоре восстание перекинулось в соседствующий с Чечней Андийский округ Дагестанской области. Выступления жителей Андийского округа начались с убийства полковника местного гарнизона. В ответ на это начальник округа мобилизовал милицию, а также верных правительству лиц вместе с отрядом военного гарнизона, находившегося в его распоряжении, и направил их на подавление восстания. Царские войска окружали восставшие аулы и села. Восставшим было предложено прекратить вооруженное сопротивление и разойтись. Но повстанцы даже не приняли делегатов, а предводитель горцев Ома заявил, что им принята присяга не вступать с христианами в мирное соглашение и что вопрос может быть разрешен только саблём. После этого между правительственными войсками и повстанцами произошло сражение, в результате которого царские войска, не достигнув успеха, вынуждены были вернуться обратно. Тогда начальник округа спешно обратился к губернатору области, требуя для подавления восстания присылки дополнительных войск. Из Темир-Хан-Шуры срочно были переброшены в Андийский округ войска и дагестанская милиция с артиллерией. Повстанцы оказались в окружении и, несмотря на самоотверженную борьбу в течение нескольких месяцев, были вынуждены сложить оружие.

Восстание в Ункратле

Не успели отгреметь пушки в андийских горах, как вспыхнуло новое, гораздо большее по масштабам восстание в Ункратлинском обществе. Во главе восставших стал житель сел. Хварши Куракул-Магома.

Выступление ункратлинцев началось в январе 1861 г. Восставшие предприняли несколько удачных вылазок в Кахетию и Западный Дагестан, дошли до сел. Ботлих, совершили налет на лагерь трех рот Куринского пехотного полка, расположенный в тиндинском лесу. Вслед за этим к восставшим начали переходить жители селений Западного Дагестана. Восстание, по свидетельству начальника Дагестанской области, «грозило принять опасные размеры».

Чтобы не допустить дальнейшего распространения восстания в нагорном Дагестане, были подтянуты войска, военная и пешая милиция. Командному составу армии приказано было принять самые энергичные меры к разгрому восставших.

Горцы были окружены со всех сторон. Они сражались в трудных условиях зимы без всякой помощи со стороны. Запасы продовольствия и боеприпасов иссякли, и в марте 1861 г. повстанцы вынуждены были покориться. Однако Куракул-Магома с группой своих сподвижников не сложили оружия и в течение длительного времени продолжали бороться с царскими войсками. Жители аулов Западного Дагестана сочувствовали повстанцам, оказывали им сильную помощь. Но, будучи окружены царскими войсками, горцы не решались на открытое вооруженное восстание против царизма.

Царские власти жестоко расправились с восставшими. Наиболее активные участники восстания были казнены или арестованы и сосланы в Сибирь.

В начале 1862 г. ункратлинцы вновь восстали, но и это выступление было жестоко подавлено.

Закатальское восстание

Осенью 1863 г. начались волнения среди закатальских аварцев. Они были вызваны тем, что в Закатальском округе у дагестанцев была изъята часть земель, а на остальные земли начислены большие подати. Кроме того, жители Закатальского округа были встревожены тем, что в результате нажима властей некоторые мусульмане приняли христианское вероисповедание, а отказавшиеся принять христианство подвергались сильным гонениям.

Повстанцы Закатальского округа во главе с одним из предводителей восстания, Муртазали-Гаджи, сговорившись предварительно с жителями селений Западного Дагестана и заручившись их поддержкой, решили выступить против царизма.

Восставшие во главе с Муртазали-Гаджи напали на Белоканскую крепость, где стоял гарнизон царских войск. Завязался бой, в котором обе стороны понесли большие потери в людях.

Тем не менее овладеть крепостью восставшие не сумели, так как на помощь защитникам гарнизона из Темир-Хан-Шуры были направлены многочисленные царские войска с несколькими сотнями милиции. В результате под натиском превосходящих сил восставшие были вынуждены прекратить осаду и отступить.

Теперь царские войска начали наступление на повстанцев. К тому же жители Западного Дагестана не имели возможности поддержать закатальцев. В результате восстание

постепенно пошло на убыль и было подавлено превосходящими силами царских войск. Большое число активных участников восстания было сослано в Сибирь, а семеро руководителей — повешены.

«События в Закатальском округе, — писал начальник Дагестанской области, — возбудили в некоторых ближайших обществах Дагестана напряженное внимание, а кое-где и брожение умов до того сильное, что... начальник Среднего Дагестана сосредоточил в разных пунктах войска и деятельно следил со своими подчиненными за настроением умов населения, дабы оно не могло перейти в нарушение порядка или даже в открытое восстание. И хотя кое-где обнаружены были злоумышления, но они остались в бездействии, а главные виновники в них, равно как и участвовавшие прямо или косвенно в Закатальском восстании отдельные личности из Верхнего и Среднего Дагестана, были взяты беспрепятственно и подвергнуты наказанию».

**Вторичное восстание в Андийском округе.
Выступление гумбетовцев**

В период восстания в Закаталах волнения происходили и в Дагестане. Но меньше всего царские власти ожидали выступления со стороны андийцев. Во-первых, этот округ был слишком отдален от Закатал, а во-вторых, по мнению царских властей, жестокое подавление предыдущего выступления андийцев должно было послужить им «уроком». Но факт оставался фактом. Андийцы восстали вторично.

Царская администрация объясняла выступление андийцев тем, что в нагорном Дагестане распространился ложный слух, будто русские намерены всех оставшихся активных участников движения горцев под руководством Шамиля арестовать и сослать в Россию. Безусловно, эти слухи могли оказать известное влияние на горцев, тем более что в первое время после подавления движения Шамиля царские власти не трогали активных участников движения, а со временем под тем или иным предлогом стали выселять их в центральные губернии России. Но основной причиной выступления андийцев, как и жителей других округов Дагестана, была жестокая колониальная политика самодержавия.

Одновременно с андийцами восстали и жители Гумбетовского общества. Собравшись близ селения Шавдух, гумбетовцы приняли решение напасть на царское окружное управление в Ботлихе и на роту, стоявшую у аула Тлох. О своем решении гумбетовцы известили андийцев и чеченцев. Но последние не могли оказать им какую-либо помощь. Гумбетовцы предприняли нападения на укрепления в Чиркате, Тлохе и Ботлихе, но были разбиты царскими войсками.

Укрепление близ аула Ботлих

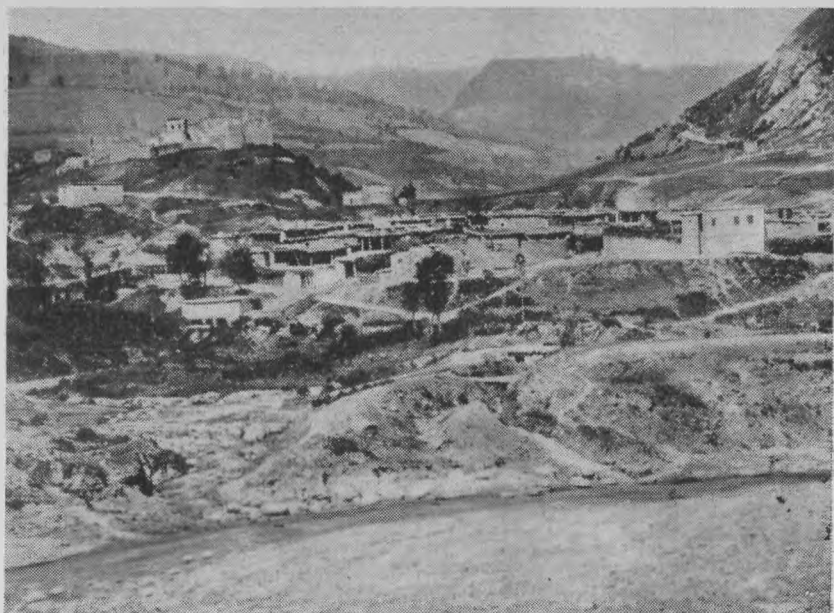
Выступления андийцев и гумбетовцев, действовавших неорганизованно, без какой-либо программы, были подавлены, а руководители и наиболее активные участники восстаний были арестованы и сосланы в Сибирь.

Восстание в Кайтаго-Табасаране

Волнения и стихийные выступления крестьян в 60-х годах XIX в. происходили также в равнинном и предгорном Дагестане. Наиболее крупным из них было восстание крестьян Кайтаго-Табасаранского округа.

Причин для волнения крестьян было более чем достаточно. Колониальные власти обложили жителей округа тяжелыми податями в пользу казны. У населения было отобрано значительное количество земель под постройку двух крепостей для гарнизонов. Начаты были работы по строительству укрепленных пунктов в нагорной части Кайтага. К тому же, пользуясь поддержкой самодержавия, местные эксплуататоры усилили феодальный гнет.

Восстание крестьян началось с выступления жителей магалов Каракайтага, Шурканта и Катагала. 4 июля 1866 г. повстанцы осадили окружной центр сел. Маджалис. На помощь восставшим стали прибывать подкрепления из других аулов. Однако в это время среди руководителей движения возник раскол. Те, которые были против продолжения активной борьбы, покинули ряды восставших и разо-

Аул Маджалис

шлись по своим домам. Этим воспользовалась царская администрация области. В Кайтаго-Табасаранский округ были подтянуты царские войска и местная милиция. Одновременно царские войска заняли все пути, соединяющие Кайтаг с соседними селениями Дагестана. Оказавшись в кольце царских войск, повстанцы Кайтага продолжали самоотверженную борьбу с намного превосходящими силами самодержавия. Видя упорство горцев, начальник Дагестанской области князь Меликов, лично возглавлявший борьбу с повстанцами, решил организовать убийство руководителя восстания Суттая. С этой целью в лагерь повстанцев был направлен наемный убийца, один из родственников Суттая. Ему удалось убить руководителя движения. Одновременно царские войска усилили наступление на повстанцев. Среди повстанцев начался разброд, что облегчило царским войскам борьбу с восставшими.

В итоге царские войска подавили восстание. Семь человек из числа руководителей восстания были повешены, более 200 семейств сосланы в Сибирь, причем казни и расправа над участниками восстания совершались в присутствии большого количества народа, специально сгонявшегося в Маджалис. Это делалось, по словам князя Меликова, для устрашения народа. С этой же целью было разорено и

сожжено дотла селение Шелохи, а население его сослано в Россию.

Однако жестокости царизма не принесли ему желаемых результатов. Мало того, все это, по словам начальника области, «отозвалось волнениями и беспорядками... в селениях Аварского округа».

Движение в Ашильте и Гимрах

Пока царские войска были заняты подавлением восстания в Кайтаго-Табасаранском округе, в защиту своих прав выступили жители сел. Ашильта и Гимры Аварского округа. Для подавления восстания к аулам были направлены царские войска, а также мобилизована местная милиция. Им удалось окружить повстанцев. Однако горцы продолжали сопротивление, хотя без поддержки соседних обществ повстанцы не могли рассчитывать на успех. К тому же им стало известно о подавлении восстания Кайтаго-Табасаранского округа.

В рядах восставших начался разброд. Теперь многочисленным царским войскам удалось без особого труда подавить восстание. Заняв сел. Ашильта и Гимры, царская власть, верная своим принципам, жестоко наказала участников восстания.

Второе восстание в Ункратле

После относительного спокойствия, через несколько лет, в 1871 г., вновь вспыхнуло восстание жителей Ункратлинского общества.

Начальник Дагестанской области предложил наibu Ункратля Гаджиеву взыскать причитающиеся с общества недоимки и, сверх того, принудить население к уплате по одному рублю с каждого двора. Весть об ожидающихся поборах, как и следовало ожидать, вызвала крайнее недовольство жителей Ункратля, которые договорились между собой отказаться от уплаты. В случае, если администрация прибегнет к применению силы, ункратлинцы решили оказать сопротивление. Обласканные царизмом богатеи донесли властям о решении общества. Но окружные власти решили принудить жителей Ункратля к уплате налогов во что бы то ни стало. С этой целью с отрядом милиции в селение Верхнее Хварши прибыл наib Гаджиев и стал взыскивать недоимки и налоги принудительным порядком. Тогда крестьяне Ункратля, как это вынужден был признать в своей телеграмме на имя царя наместник Кавказа князь Михаил, «по случаю взимания податей возмутились, убили своего наiba Гаджиева, затем двинулись вниз по Андийскому Койсу, желая распространить восстание».

Узнав о восстании в Ункратлинском обществе, начальник Дагестанской области стянул сюда войска и милицию, а также перебросил из Терской области воинские силы во главе с князем Мирским. Окружив Ункратль, царские вой-

ска начали наступление на восставших. Но они не только не могли сломить сопротивление повстанцев, но после упорных боев, продолжавшихся в течение двадцати суток, вынуждены были отступить к сел. Ботлих.

Кавказская администрация в срочном порядке перебросила против повстанцев значительные воинские силы. Под натиском намного превосходящих сил горцы вынуждены были отступить. Но даже оказавшись окруженными со всех сторон, повстанцы продолжали упорно сопротивляться. Тогда командующий войсками, имея целью внести разлад в ряды повстанцев, решил начать переговоры с восставшими. Эта задача была возложена на предателя Доногул-Магомеда.

Прибыв в лагерь повстанцев, Доногул-Магомед стал уговаривать повстанцев сложить оружие, обещая при этом, что восставшим не только будет сохранена жизнь и свобода, но они получают и ряд уступок со стороны правительства. Лишенные всякой помощи извне, восставшие поверили клятвам Доногул-Магомеда и согласились сложить оружие. Царские войска заняли селения повстанцев. Но свое обещание, как и следовало ожидать, не сдержали ни командующий русскими войсками, ни царский наиб Доногул-Магомед. По приказу администрации царские войска и отряд, возглавляемый наибом Доногул-Магомедом, приступили к расправе над населением. Они разрушали и сжигали целые села, чинили грабеж и насилия.

Генерал-адъютант князь Мирский телеграфировал военному министру, что возмущение в Ункратле окончательно усмирено, полторы тысячи жителей возмущившихся аулов выселены и следуют в Шуру, что князь Меликов признает необходимым переселение их во внутренние губернии России в наказание и в пример другим. На этом донесении царь собственноручно написал: «Слава богу, что так кончилось. Об отличившихся представить к награждению».

§ 2. ВОССТАНИЕ 1877 г.

Восстанию 1877 г. посвящено немало страниц в исторической литературе. Но, несмотря на это, вопрос о социальных корнях и характере восстания 1877 г. все еще остается одним из малоизученных вопросов истории Дагестана второй половины XIX в.

Прежде всего необходимо ясно представить социально-политическую обстановку, выяснить мотивы, побудившие горцев взяться за оружие, определить движущие силы, уяснить роль и степень участия различных сословий в восстании. Как уже указывалось, горцы Дагестана, оказав-

шились под двойным гнетом — самодержавия и местных феодалов, проявляли крайнее недовольство и готовы были на любые жертвы, лишь бы освободиться от непосильных платежей и повинностей, произвола и политического бесправия. Кроме того, горцы были осведомлены о подготовке царизма к фактическому их разоружению, что было одним из сильнейших факторов, побудивших горцев к решительной схватке с царизмом.

К восстанию 1877 г. примкнули и представители класса феодалов. Но их толкали на это совсем другие причины. Феодалы прежде всего стремились вернуть себе былые политические и экономические права, значительно урезанные царизмом. Будучи относительно обласканы царским правительством, феодалы тем не менее имели целый ряд претензий к царизму.

Надеясь вернуть себе ряд былых привилегий, феодалы оказались стихийно втянутыми в восстание, тем самым придав ему реакционный оттенок. Но на этом основании нельзя считать восстание 1877 г. феодальным бунтом. По широте охвата масс восстание является одним из крупнейших вооруженных выступлений народов Северо-Восточного Кавказа в конце XIX в.

Характеризуя причины восстания 1877 г., нельзя упускать из виду и религиозный фактор, которым умело воспользовалось духовенство, так же как и феодалы, примкнувшие к восстанию по своим соображениям.

На протяжении многих лет Россия, учитывая роль дагестанского духовенства в возбуждении религиозного фанатизма, который в Дагестане принимает политический характер, делала все возможное, чтобы ограничить поле деятельности представителей духовенства. В частности, царизм возлагал большие надежды на то, что не последнюю роль в ослаблении влияния духовенства сыграет ограничение шарната и замена его адатом. Действительно, если учесть, что дела по шарияту разбирало духовенство, что давало в его руки власть над народом, то ограничение действий шарната, а тем более замена его адатом, наносило сильный удар по экономическому и политическому положению мусульманского духовенства. Поэтому все действия самодержавия в этом направлении духовенство встречало в штыки. Именно боязнь лишиться экономических и политических привилегий объяснялась оппозиционность мусульманского духовенства к самодержавию.

Для достижения своекорыстных целей мусульманское духовенство, так же как и недовольная самодержавием часть феодалов, апеллировало к низам общества. С этой целью оно вело антирусскую пропаганду, пытаясь убедить народные массы, что все беды и невзгоды, испытываемые

горским крестьянством, являются результатом господства христианской державы.

Реакционный отпечаток на восстание наложила и протурецкая агитация. Турция, находившаяся на грани катастрофы, стремясь выйти из этого положения, старалась спровоцировать горцев Дагестана на восстание. С этой целью через своих эмиссаров она проводила среди горцев огромную пропагандистскую работу. Безусловно, что эта агитация не имела бы успеха, не будь у народов Дагестана веских причин к вооруженной борьбе с царизмом. В условиях тогдашней дагестанской действительности малейший повод мог вызвать всеобщее восстание.

Поводом к восстанию послужило то, что отряд царских войск избил до смерти четверых мужчин и троих женщин, жителей Гергебиля и Хвартукуни, направлявшихся в Хунзах для продажи абрикосов. В отместку за это группа вооруженных горцев из селений Гергебиль, Кикунни, Хвартукуни, Дарада, Мурада и Салты 29 августа 1877 г. напала на охрану Георгиевского моста. Только несколькими солдатам удалось спастись, добраться до Гуниба и сообщить о случившемся.

Начальник Гунибского гарнизона предпринял попытку подавить выступление горцев, но, не достигнув успеха, вынужден был запереться в крепости Гуниб. А в это время повстанцы, собравшиеся на поляне Аанада-Майдан, высказались за всеобщее восстание, избрали имамом Гаджи-Магомеда, сына согратлинского шейха, учредили совет имама и его наибов. По аулам были разосланы гонцы с призывом подняться на вооруженную борьбу. Вслед за этим почти все крупные села — Согратль, Телетль, Куяда, Ругуджа, Гидатль, Корода Гунибского округа восстали. Только сел. Чох не примкнуло к восставшим.

В восставшие общества имам Гаджи-Магомед назначает своих наибов и рассылает по Аварии и другим обществам Дагестана письма, призывавшие подняться на борьбу против самодержавия.

Между тем два отряда восставших напали на окружные линейные батальоны в Карахе и Голотле, а десятитысячные отряды повстанцев окружили Гуниб. Царские власти в срочном порядке стали перебрасывать в Гунибский округ войска. Начальнику нагорного отряда князю Накашидзе было приказано немедленно выступить к осажденному укреплению Гуниб и, соединившись с отрядом полковника Вайно-Оранского, совместно действовать против восставших. А начальнику Даргинского округа полковнику Тарханову и начальнику Казикумухского округа полковнику Чемберу было приказано, пополнив гарнизоны, собрав конную и пешую милицию из местного населения, нанести удар по резиденции

имама — Согратлю. Однако предпринятые областным начальством меры не имели успеха. Восстание ширилось, охватывая все новые и новые районы. Обеспокоенный начальник Дагестанской области князь Меликов обратился к командующему войсками Терской области генералу М. Смекалову с просьбой срочно двинуть войска из укрепления Ведено на Андийскую высоту для поддержания «спокойствия» в Западном Дагестане.

8 сентября 1877 г. к повстанцам присоединился направленный из Казикумуха для подавления восстания 8-тысячный отряд под командованием штаб-капитана Фатали-бека и ротмистра Абдул-Меджида. А вскоре восстал и весь Казикумухский округ. Восставшие арестовали все управление, окружили и взяли приступом крепость Кумух и уничтожили весь находившийся там гарнизон. В восстании казикумухцев приняли участие и феодалы. Правда, многие из них первоначально были против восстания и делали все от них зависящее, чтобы не допустить выступления кумухцев. Однако народные массы не только не прислушались к мнению феодалов, но и обвинили их в измене, после чего феодалы присоединились к повстанцам, а вскоре возглавили движение, провозгласив ханом в Кумухе отставного майора Джафар-хана.

Вслед за этим Джафар-хан разослал от своего имени воззвание во все общества Дагестана с призывом примкнуть к восставшим и обратился к турецкому султану с просьбой о помощи. Повстанцы Казикумухского округа, разделившись на два отряда, выступили. Один из них направился во главе с Джафар-ханом в Южный Дагестан, а другой под начальством Фатали-бека и Абдул-Меджида двинулся по направлению Цудахара и Куппы. К этому времени восстали цудахарцы, а вслед за ними и жители других даргинских сел. Восстали также урминцы, кулецминцы, хабенинцы и жители других аулов Темирханшуринского округа.

Во главе восставших горцев Даргинского округа стояли: в Цудахаре — Ника-Кад и Гази-Магомед-Ахмед Гаджиев, в Левашах — Бахмай-Гаджи-Магомед, в Куппе — Муртазали-Мама, в Сюрегинском участке — Магомед Бахмудов и Зухум-Гаджи Закарьяев, в Урахи — Албуриалхас. Царские войска под командованием князя Накашидзе оказались вынужденными отступить к Левашам. На помощь им из Темир-Хан-Шуры отправили отряд полковника Тер-Ассатурова.

Шеститысячный отряд повстанцев под командованием Фатали-бека намеревался выступить против правительственных войск, чтобы не дать отряду Накашидзе соединиться с отрядом Тер-Ассатурова. Повстанцы хотели привлечь на

Мост через Койсу близ аула Хаджал-Махи

свою сторону жителей Темирханшуринского округа и объединенными силами нанести удар по областному центру — Темир-Хан-Шуре.

Однако этому не суждено было осуществиться. Отряду полковника Накашидзе удалось соединиться с воинскими частями, посланными ему в помощь. Мало того, после кровопролитного боя под Левашами горцы вынуждены были отступить с большими потерями к сел. Хаджал-Махи, Куппе и Цудахару. Решающую роль в этом сыграло не только превосходство правительственных войск как в численности, так и в артиллерии, но и несогласованные действия отдельных отрядов повстанцев и неумелые и нерешительные действия их предводителя Фатали-бека. Горцы потеряли свыше 400 бойцов, был убит и Фатали-бек.

Царская администрация, хорошо понимая, что силы горцев не сломлены и борьба с повстанцами еще впереди, стала подтягивать новые воинские силы. В Дагестан было переброшено из Терской области два батальона Кабардинского пехотного полка, два батальона Кюринского пехотного полка и сотни казаков. Ожидалось прибытие войск из центральных губерний России и даже из Средней Азии. Между тем восстание все ширилось.

В сентябре, когда между повстанцами Центрального Да-

гестана и правительственными войсками шли бои под Левашинами, восстали горцы Южного Дагестана. Одними из первых выступили жители сел. Хап-Магомед-кала, а вслед за ними поднялись жители сел. Башлы, Каякента, Берикей, Маджалиса, Джемикента, Янгикента, Мулебков, Падара, Касумкента, Кураха, Ахтов и других сел Южного Дагестана. Причем и здесь примкнувшие к повстанцам феодалы встали во главе восставших. Во главе повстанцев Кайтаго-Табасарана стал провозглашенный удмием Мехти-бек. Движение в Кюринском округе возглавил провозглашенный кюринским ханом Мамед-Али-бек. Повстанцев Самурского округа возглавил провозглашенный ахтынским ханом Казии-Ахмед.

Спасаясь от гнева повстанцев, окружное начальство бежало в Дербент и Кубу. 15 сентября часть восставших горцев Южного Дагестана перешла Самур, сожгла хутор 94-го Ширванского полка, разгромила Худатскую и Яломинскую почтовые станции.

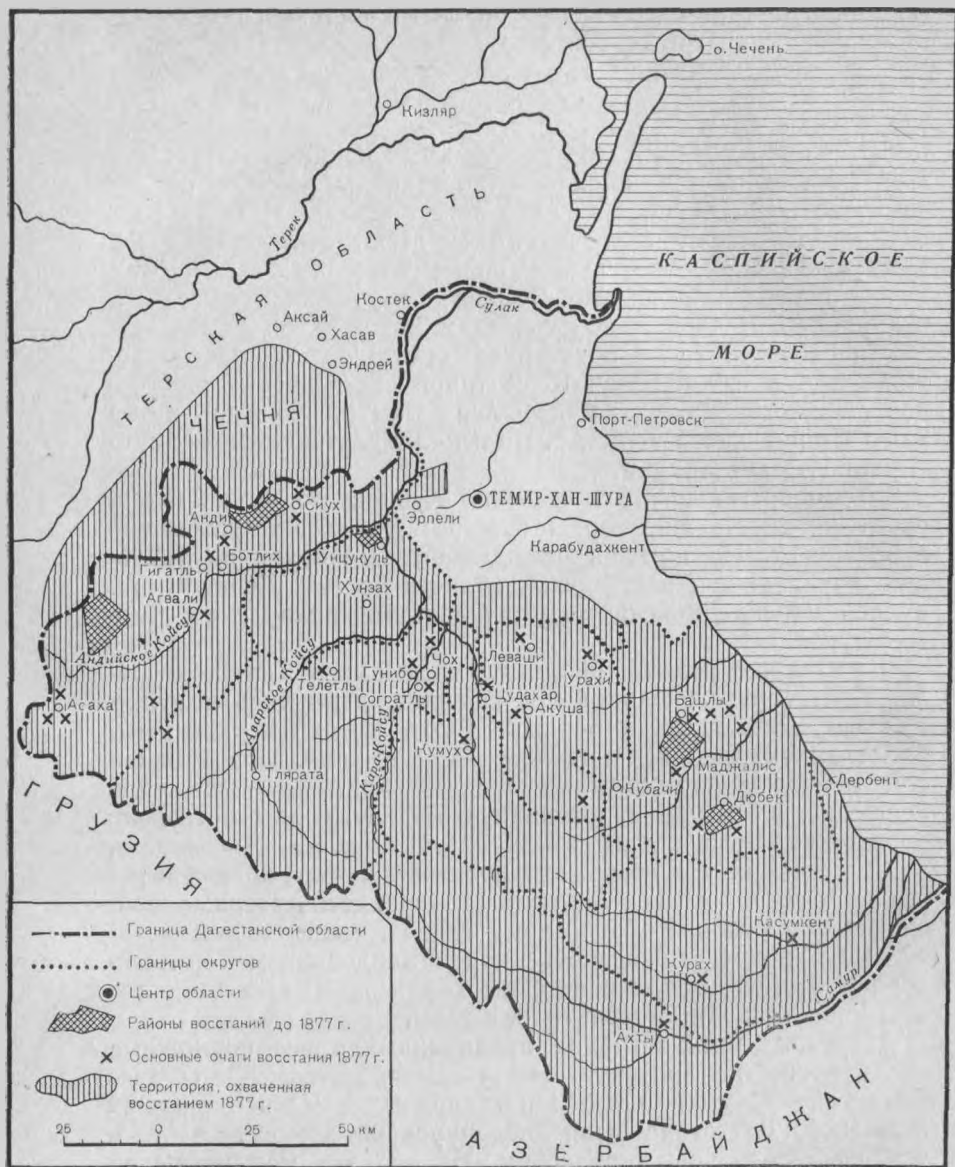
В это время восстали лезгины Кубинского уезда. Одновременно восставшие горцы Южного Дагестана блокировали Дербент. На помощь осажденному Дербенту по указанию начальника Дагестанской области из сел. Леваши двинулись царские войска под начальством полковника Тер-Ассатурова.

Восставшие решили опередить полковника Тер-Ассатурова. Кайтагцы, табасаранцы и кюринцы двинулись к аулам Каякент, Джемикент и Берикей. Сюда же направился и отряд казикумухцев под началом Джафар-хана. Под Каякентом между повстанцами и царскими войсками произошло сражение. Несмотря на отчаянную борьбу, горцы потерпели поражение и вынуждены были отступить к сел. Джемикент.

21 сентября у Джемикента произошла вторичная схватка горцев с отрядом Тер-Ассатурова. Правительственные войска, прорвав линию обороны повстанцев, подошли к Дербенту. Здесь подоспевшие войска под командованием Тер-Ассатурова совместно с дербентским гарнизоном смогли окружить повстанцев и оттеснить их в горы.

Царская администрация предпринимала все возможные меры, чтобы не допустить выступления жителей Западного Дагестана. С этой целью в пограничных с Чечней районах Западного Дагестана были дислоцированы воинские части и усилены гарнизоны укреплений. Но все эти меры царской администрации не предотвратили восстания в Западном Дагестане.

Одними из первых восстали гумбетовцы и каратинцы. Их выступление повлекло за собой и восстания других обществ. К середине сентября восстание охватило все Тиндальское наибство, 20 сентября к восставшим присоединились жители Багулалского и Ахвахского обществ, 21 сентября восста-

Антиколониальные выступления горцев 60-х годов и восстание 1877 г.

ли чамалалыцы. Восставшие, разделившись на две партии, начали наступление. Одна группа заняла Чамалинское ущелье, другая направилась вниз по Койсу на Ботлих.

Получив известия о движении восставших горцев, начальник округа сделал безуспешную попытку с помощью мобилизации милиции приостановить движение. Повстанцы, оттеснив милицию, заняли селения Нижнее Инхило и Муни. Близ сел. Инхило произошло первое крупное столкновение повстанцев с отрядом царских войск под начальством полковника Тихонова, пытавшегося удержать дорогу, соединяющую Западный Дагестан с Хунзахом. В результате столкновения царские войска отступили. В это время к повстанцам Западного Дагестана прибыл руководитель восстания в Чечне Али-бек для согласования совместных действий. Таким образом, к сентябрю 1877 г. почти весь Дагестан, за исключением Темирханшуринского округа, был охвачен восстанием.

Сосредоточив главные силы в урочище Дюз-Майдан, царские войска стремились закрыть повстанцам путь и не дать им возможности прорваться на равнину. Однако повстанцам Акуши удалось прорвать фронт царских войск и двинуться на Левашу. Сюда же направились отряды восставших кумухцев, согратлинцев, цудахарцев и хаджалмахишцев. В конце сентября они сделали отчаянную попытку прорваться через цепь царских войск, привлечь к восстанию жителей Темирханшуринского округа и напасть на областной центр — Темир-Хан-Шуру. Однако эта задача оказалась непосильной для повстанцев. В итоге они были вынуждены отступить. 29 сентября повстанцы, численность которых доходила до 20 тыс., близ сел. Кутиша встретились с царскими войсками, но не достигли желаемых результатов.

5 октября восставшие горцы сделали третью попытку прорвать оборону царских войск и пробиться в равнинный Дагестан. Сосредоточив главные силы у сел. Кутиша, повстанцы начали наступление против царских войск и с боями дошли до сел. Урма. Однако и на этот раз они не достигли успеха. Вторая партия горцев, укрепившаяся у аула Кутиша, под артиллерийским огнем правительственных войск также вынуждена была отступить.

Несмотря на поражения, которые отчасти объяснялись отсутствием артиллерии и тем, что у горцев не было командного состава и общее военное руководство фактически не осуществлялось, повстанцы не прекращали своих выступлений. Наоборот, движение ширилось, и к началу октября восстанием были охвачены почти все общества Дагестана.

Грандиозность движения парализовала деятельность правительственных войск. Единственный более или менее значительный нагорный дагестанский отряд под началом

князя Накашидзе находился у сел. Леваша с тем, чтобы охранять выход из Среднего Дагестана в равнинный Дагестан.

В большинстве случаев царская администрация в Дагестане была вынуждена ограничиваться охраной важных пунктов, имевших стратегическое значение для прикрытия центра Дагестанской области — Темир-Хан-Шуры.

Учитывая формы и размеры восстания, кавказское командование стало стягивать в Дагестан огромное количество войск. Сюда прибывали воинские силы из Терской области, Бакинской губернии, Красноводска и центральных губерний. Одновременно в Дагестан было переброшено огромное количество боеприпасов, снаряжения, артиллерии. Был разработан также общий план действий по борьбе с горцами во всех частях Дагестана. Согласно этому плану царские войска, начав наступление одновременно во всех частях Дагестана, должны были стремительным ударом занять важные стратегические районы, сломить сопротивление повстанцев и подавить очаги восстания в Дагестане.

С этой целью против горцев Кайтаго-Табасаранского округа должен был выступить особый отряд под командованием генерал-майора Комарова. Против восставших Среднего и Западного Дагестана должны были наступать несколько специально сформированных воинских частей: отряд под начальством генерал-майора Муравьева, который занимал Бурдункальский проход, между сел. Верхние Казанищи и сел. Ирганай; отряд под начальством майора Иванова, который находился у сел. Аймаки, на пути из сел. Гергебиль в сел. Оглы; близ сел. Губден был расположен Самурский отряд; в Кайтаге был сформирован особый отряд под командованием начальника 21-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Петрова. Кроме того, в Западный Дагестан были отправлены отряды под командованием полковников Тихонова и Квицинского. Все перевалы из Западного Дагестана в Темирханшуринский округ были заняты пешей и конной милицией и войсковыми частями.

По приказу командующего войсками Дагестанской области князя Меликова генерал-майор Комаров во главе многочисленного хорошо вооруженного войска 27 сентября выступил из Дербента в сторону сел. Хан-Магомед-кала. Сжигая аулы, истребляя беззащитное население, женщин, детей, царские войска 3 октября ворвались в сел. Башлы, а затем, после упорных боев заняли Хан-Магомед-калу, Янгикент, Великент, Маджалис. Отряды повстанцев, возглавляемые Мехти-беком, отступают через Уркарах в Калакорейш, а Джафар-хан со своим отрядом уходит в Табасаран и Кюринский округ.

Пребывание этого отряда в Табасаране и Кюре расши-

рило рамки движения повстанцев в Южном Дагестане. Для того чтобы открыть себе дорогу в Кюринский и Самурский округа, правительственные войска двинулись на Кайтаг. 25 октября отряд под командованием генерала Комарова занял сел. Дювек, которое было разорено и сожжено дотла. 28 октября Кайтагский отряд вторично занимает Башлы. Теперь для правительственных войск был открыт путь в Южный Дагестан.

Предвидя неминуемое поражение восставших, примкнувшие к повстанцам феодалы, надеясь спасти себя, стали на путь предательства. 2 ноября в Дербент к генералу Комарову явились с повинной кюринский хан Магомед-Али-бек и другие феодалы, а 3 ноября Аслан-бек ругуджинский. Измена феодалов нанесла сильный удар по рядам повстанцев. К 20 ноября 1877 г., после того как повстанцам был нанесен ряд поражений и истреблено 13 аулов, восстание в Южном Дагестане было подавлено.

Покончив с восстанием в Южном Дагестане, кавказское командование сосредоточило основные силы против повстанцев Западного Дагестана. В Ботлих и Хунзах были переброшены свежие силы из Терской области. Против восставших Каратинского наибства были направлены 7 рот Кюринского полка, две сотни казаков с артиллерией под командованием полковника Тихонова. Одновременно части под командованием генерала Смекалова, соединившись с другими отрядами, двинулись на подавление чамалинского восстания.

Повстанцы Западного Дагестана отчаянно сопротивлялись. В Гигатле, например, завязалась ожесточенная борьба и «каждую саклю, каждую пещеру приходилось брать после жестокого, большей частью рукопашного боя». Кровавое сражение произошло у сел. Агвали, которое защищали повстанцы под водительством Кура-Магомеда и Умма Дуева. Но и здесь горцы вынуждены были отступить.

К 16 октября царские войска заняли селения Агвали, Гигатль, Саситль, Цумада, Гакари, Хадара, Хуштада, Куанада, Теленбуца, Тиси и Тинди. На их жителей была наложена контрибуция. Вскоре после этого было подавлено восстание шароевцев и химоевцев.

После успешных операций в Западном Дагестане генерал-майор Смекалов, преследуя по пятам отступающих горцев, приблизился к Телетлю. 24 октября он окружил аул. После долговременной бомбардировки царские войска штурмом заняли селение. Руководитель телетлинцев, бывший прапорщик Муртазали, выдал в руки Смекалова руководителей повстанцев из низов — Тангоя, Лорсан-Хаджия и Маади. Умма Дуев успел бежать в Согратль. 25 октября Смекалов рапортовал командующему войсками Дагестан-

ской области князю Меликову о том, что Телетль «зажжен и разрушается; большая часть хуторов уничтожена».

После подавления восстания в Южном и Западном Дагестане основные силы царских войск были направлены против повстанцев Среднего Дагестана. 8 октября 1877 г. из Темир-Хан-Шуры в сторону Левашей вышел отряд правительственных войск, вновь сформированный из двух батальонов Кабардинского полка, одного Апшеронского, двух Дагестанских, двух с половиной батальонов Самурского и батальона Ширванского пехотных полков и др. Для борьбы с повстанцами было привлечено и большое число местных феодалов.

14 октября после сильного артиллерийского огня и концентрированного штурма царские войска заняли Хаджал-Махи и Куппу, а 17 октября правительственные войска подошли к Цудахару. Повстанцы превратили Цудахар в укрепление. На всех дорогах, идущих к селению, были устроены завалы, разрушены мосты. Сюда же были подтянуты силы повстанцев из Кумуха, Андалала и других селений. Объединенными силами восставших командовал Ника-Кади из Цудахара.

На рассвете 19 октября под защитой сильного артиллерийского огня царские войска начали наступление на Цудахар. Повстанцы были выбиты из завалов обоих берегов Койсу и загнаны в селение. Ширванскому полку удается занять проходы, связывающие Цудахар с Кумухом. Прижатые со всех сторон правительственными войсками, повстанцы решили защищаться насмерть.

Под прикрытием сильного артиллерийского огня царские войска штурмовали Цудахар. Повстанцы гибли, но не сдавались. Цудахарцы, по свидетельству капитана правительственных войск Вискунова, «защищались отчаянно, стреляя в упор и отражая атакующих кинжалами и шашками». К 20 октября Цудахара уже не существовало, от него остались только одни развалины. Ника-Кади — руководитель восставших — успел спастись бегством в Согратль. Как и следовало ожидать, взятие Цудахара — важнейшего стратегического пункта предопределило судьбу восстания. И действительно, вскоре царские войска беспрепятственно заняли Кумух. Командование наложало на кумухцев контрибуцию и принудило их поставлять рабочих для строительства дороги на Согратль.

Теперь непокорным остался один Согратль, последний оплот восставших. В Согратле находились руководители восстания: Абдурахман-Гаджи, Алибек-Гаджи, Умма-Гаджи Дуев, Дада Залмаев, Абдул-Меджид Фатаев и др. Все они были выходцами из низших классов.

2 ноября правительственные войска, пополнив свои силы

Развалины аула Цудахар

за счет резервов, подтянутых из Темир-Хан-Шуры, и местной милиции, окружили аул Согратль с трех сторон и после сильной артиллерийской подготовки начали его штурм. Горцы отчаянно защищались. На предложение сдаться «горцы отвечали проклятием и ругательством». Особенно упорствовали повстанцы, засевшие в оборонительной башне. Несмотря на свою малочисленность (их было около 200 человек), они не только не давали возможности царским войскам продвинуться, но и сами делали вылазки. Быстрым и решительным ударом им удалось оттеснить назад цепь 9-й роты Кабардинского полка. С 10 часов вечера до 2 часов дня продолжался бой у башни. Повстанцы защищались до тех пор, пока под ударами артиллерии башня не была превращена в огромную кучу камней, под которыми пашли свою могилу ее защитники. Аул Согратль был разрушен до основания.

Так закончилось восстание 1877 г. Царская администрация приступила к жестокой, бесчеловечной расправе с его участниками. Согласно приговору специально учрежденного военно-полевого суда, в Гунибе и в Дербенте были казнены через повешение руководители восставших: имам Гаджи-Магомед, Ннка-Кади, Аббас-паша, ротмистр Абдул-Меджид, Зубаир-бек, Абдул Гаджиев, Кази-Ахмед и другие,

всего 300 человек. Огромное число активных участников восстания вместе с семьями было арестовано; часть из них была выслана во внутренние губернии России на каторжные работы и постоянное жительство. Так, из Гунибского округа было выселено 1453 человека, из Казикумухского — 1441, а всего из восьми округов — 4875 человек.

Восстание 1877 г., хотя и было народным и в целом справедливым, так же как и предыдущие выступления народных масс в силу объективных условий было обречено на поражение. В поражении восстания немалую роль сыграло и то, что повстанцы не имели единого плана и лозунгов социального характера.

Восстание не было одновременным и повсеместным. Оно во многом носило стихийный характер, вспыхивая то в одном, то в другом обществе нагорного Дагестана. Поэтому командованию царской армии легко удавалось своевременно маневрировать и перебрасывать правительственные войска для подавления восстания из одного участка в другой.

Восставшие горцы были недостаточно хорошо вооружены, особенно учитывая наличие мощной артиллерии у правительственных войск. Кроме того, они не имели необходимых медикаментов, фуража для коней, продовольствия и т. п.

Оценивая восстание 1877 г., необходимо подчеркнуть, что попытка руководителей восставших создать теократическое государство имамат, возродить ханства была шагом назад по сравнению с теми формами, которые были созданы в Дагестане царской Россией. Стремление руководителей восстания в конце XIX в. создать государство, основанное на политической системе средневековья, могло только задержать экономическое и политическое развитие Дагестана. Идея шариатской монархии была безусловно идеей реакционной.

instituteofhistory.ru

Г Л А В А VI

ПРОНИКНОВЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ДАГЕСТАН

Россия в пореформенный период прочно стала на путь капиталистического развития.

Этот процесс капиталистического развития в России, как указывал В. И. Ленин, имел две существенные стороны: первая из них характеризовалась развитием капиталистических отношений в пределах данной территории, а вторая — расширением капитализма на другие территории «(отчасти совершенно не занятые и заселяемые выходцами из старой страны, отчасти занятые племенами, стоящими в стороне от мирового рынка и мирового капитализма)»¹.

Первую сторону процесса капиталистического развития в России В. И. Ленин назвал «развитием капитализма вглубь, вторую — развитием капитализма вширь». Развитие российского капитализма «вширь» обуславливалось погоней русской буржуазии за более высокой прибылью, которую она могла получить в уголках обширной российской территории, еще не втянутых в русло капиталистического развития. Основательно обобрав и разорив народ в центральных областях России, российские буржуи шли на восточные и северные окраины Европейской России, где они видели большие возможности «первоначального накопления», дававшие «сотни процентов прибыли»².

Кавказ, namного отстававший в своем социально-политическом развитии, представлял широкие возможности для развития капитализма вширь.

Рассматривая обе стороны процесса капиталистического развития, В. И. Ленин подчеркивал тесную связь между ними и называл Кавказ в числе тех окраин, на которые распространил свое развитие российский капитализм.

¹ В. И. Ленин, *Еще к вопросу о теории реализации*, — Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 85.

² В. И. Ленин, *Что такое «друзья народа»*, — Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 324.

Дагестан был одной из таких колониальных окраин, входивших в состав Кавказа, на которую распространялся процесс развития российского капитализма вширь.

Царских колонизаторов и русскую буржуазию привлекали как возможность расширить рынок для сбыта изделий своей промышленности в Дагестане, так и возможность получения дешевого сырья, в первую очередь за счет вывоза продуктов сельского хозяйства.

Это способствовало усилению экономических связей, росту товарности сельскохозяйственного производства, изменению структуры посевных площадей в земледелии.

Под влиянием развития капитализма вширь усиливался процесс имущественного и классового расслоения в ауле, возрастал удельный вес крестьянских хозяйств, прибегавших к продаже и найму рабочей силы.

Капиталистические отношения проникают в кустарную промышленность, начинается процесс перерастания домашней промышленности в мелкотоварное и мануфактурное производство. Зарождается фабрично-заводская промышленность.

§ 1. ИЗМЕНЕНИЯ В ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Рост аренды земель Развитие товарно-денежных отношений в Дагестане в пореформенный период оказало определенное влияние на характер феодального землевладения. С повышением спроса на продукты сельского хозяйства неизбежно возрастала значимость и самой земли как основного средства производства в области сельского хозяйства. Это хорошо поняли дагестанские феодалы, владевшие значительными земельными угодьями. Поэтому они стали широко практиковать сдачу своих земель в аренду крупным предпринимателям под пастбища, маренные плантации (до начала 70-х годов), эксплуатацию недр, крестьянам под посевы и т. д.

Землевладельцы Темирханшуринского округа уже в 60-е годы за сдачу в аренду обширных пастбищных угодий выручали до 35 тыс. руб. ежегодно.

В период расцвета мареноводства арендная цена на землю сильно выросла и доходила до 25—30 руб. за десятину пахотной земли на один посев. Но и после упадка мареноводства спрос на землю не падал.

Многие кумыкские феодалы сдавали земли в аренду плохо обеспеченным землей чеченцам под посевы хлебов, сенокос и т. п. В 1890 г. княжна Эльдарова сдавала 2 тыс. десятин земли на хуторе Туршунай, князь Алибеков —

2 тыс. десятин на хуторе Кобал-отар, княгиня Уцмиева — 663 десятины на хуторе Патимат-юрт и т. д. Арендная плата здесь в зависимости от качества земли колебалась от 12 коп. до 1,5 руб.

С развитием товарно-денежных отношений и возрастающим стремлением беков и других феодалов к увеличению денежных доходов им было выгоднее отдавать землю промышленникам — капиталистам, чем оставлять в пользовании местных крестьян. Поэтому нередко беки отнимали земли у крестьян и отдавали их в аренду посторонним лицам на более выгодных началах, продолжая, однако, взимать повинности с зависимого населения в прежних размерах.

В Кайтаго-Табасаранском и других округах широко практиковалась сдача владельческих земель под разработку недр, главным образом для добычи нефти.

В 1898 г. дворянин Витковский отдал в аренду для добычи нефти более 200 десятин в Кайтаго-Табасаранском округе. Сдача земли в аренду возросла на рубеже XIX—XX вв. в связи с притоком русских переселенцев в Дагестан и особенно на кумыкскую плоскость. Это вызвало резкое повышение арендной платы. Князь Казаналипов, например, в этот период повысил арендную плату с 1 р. 20 к. до 4 руб. за десятину. При несогласии дать такую цену он грозил согнать переселенцев с земли и сдать ее другим арендаторам.

В Дагестане в пореформенный период господствовали формы аренды земли, присущие капиталистическим производственным отношениям. Наиболее распространена была издольная и краткосрочная аренда земель. Эта форма аренды была характерна для пахотных и сенокосных угодий. Многие земли частных владельцев на территории Хасавюртовского округа, недалеко от ногайских поселений, сдавались в аренду из половины и одной трети урожая в пользу владельца. Преобладала аренда из одной трети, причем владелец давал съемщикам семена, которые потом возвращались ему при дележе урожая.

В местностях, где земля была менее урожайна, доля в пользу владельца понижалась. В степной местности Казийорт земли сдавались в аренду из одной пятой, а сено — из половины и одной трети. Денежная аренда здесь встречалась реже. В районе аула Баба-юрт практиковалась «скопщина», когда за аренду земли взимали $\frac{1}{10}$, а затем от $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{5}$ и даже $\frac{1}{3}$ урожая.

Князь Астемиров в Темирханшуринском округе сдавал свои земли из одной трети урожая, а под бахчи — по 10 руб. за десятину.

В Кайтаго-Табасаранском округе арендная плата также обыкновенно состояла из $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$ урожая, причем владе-

лец земли давал семена на приходящуюся ему часть. В результате арендатор платил не только долю урожая с арендуемой им земли, но и принимал на себя обязательство распахать для владельца $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$ нанятой им земли и посеять на ней семена владельца.

Аналогичные формы аренды земли имели место и в Кизлярском отделе Терской области, где издольная аренда носила название «черек». В селениях Б. Арешевка, Н. Серебряковка обычно сдавали в аренду пашню из $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{5}$ урожая в пользу владельца, сенокосы — из половины урожая.

С проведением железной дороги до Петровска в 1894 г. начинает все чаще встречаться денежная аренда, главным образом в местностях, расположенных у линии железной дороги (селения Карлан-юрт, Муцал-аул, Байрам-аул, Хасавюрт и др.). В ряде аулов к концу 90-х годов XIX в. нередки уже случаи долгосрочной аренды. Землевладелец Хасавюртовского округа Прянишников свои земли по р. Акташ к концу 90-х годов сдавал, как правило, в долгосрочную аренду по 3 руб. за десятину с обязательством расчистки их от кустарника. И девять переселенцев, поселившихся на этих землях на условиях долгосрочной аренды, за первый же год расчистили 40 десятин.

Частные владельцы земель, преимущественно представители дворянского сословия, своеобразно приспособляли свое хозяйство к требованиям капиталистического развития. Они повышали арендную плату за землю, в качестве важного условия аренды выдвигали создание и улучшение оросительной сети за счет арендаторов, расчистки земель от кустарников и т. д.

Аренда земли, таким образом, с одной стороны, была спутником феодально-крепостнических отношений в земледелии. Съемка земель из доли урожая на один срок не только связана с остатками крепостничества, но и сама является одной из его разновидностей. С другой стороны, аренда земли являлась необходимым условием и следствием проникновения капитализма в сельское хозяйство. Об этом свидетельствовал начавшийся переход от издольной аренды к денежной, от краткосрочной аренды — на один год — к аренде крупных участков земли на продолжительный срок.

Характерной чертой феодального землевладения на Кавказе и в Закавказье вообще и в Дагестане в частности было то, что сами землевладельцы своего хозяйства в крупных масштабах, как правило, не вели. В 1894 г. у частных владельцев Хасавюртовского округа под посевами всех видов культур было занято только 3841 десятин, или 0,2% всех частновладельческих земель.

Беки-землевладельцы не вели также крупного скотовод-

ческого хозяйства. Лишь незначительная часть землевладельцев разводила табуны лошадей, да некоторые из них занимались овцеводством.

Сокращение феодального землевладения Подавляющая часть владельцев-феодалов жила за счет аренды земель. Этим средств не хватало на то, чтобы вести роскошную, праздную жизнь, и многие прибегали к залoгу своих земель ростовщикам под проценты, попадали в безнадежную кабалу от ростовщиков и в конце концов вынуждены были продавать свои имения.

Крупный владелец бек Корчагский в 1877 г. заложил подполковнику Векилову свои земли за 22 тыс. руб. Князь Абдулмеджид Казаналипов в 1899 г. заложил 5800 десятин земли жителю Чир-юрта за 49 600 руб. В конце 90-х годов губденские беки Махмуд и Абдул-Гамид заложили жителю селения Б. Бойнак Касумхану Асельдер-оглы кутан Харуза 3720 руб. сроком на два года. В указанный срок взятая сумма и проценты не были уплачены, и ростовщик продолжал насчитывать проценты и эксплуатировать кутан. Через два года сумма ссудного процента достигла 1200 руб.; погасить эту сумму братья не смогли, и кутан был продан с торгов. Аналогичные случаи стали довольно частыми к концу 90-х и особенно в начале XX в., когда спрос на землю после проведения железной дороги namного возрос. Земля стала переходить в руки предприимчивых элементов из числа купцов, мещан, зажиточных крестьян-овцеводов.

Продажа земель феодалами наблюдалась на всей плоскостной части Дагестана. Так, в 1896—1897 гг. в Кайтаго-Табасаранском и Темирханшуринском округах 540 десятин наследницы полковника Тулаева перешло в руки А. С. Гензель, 720 десятин О. А. фон Бенкендорф — во владение трех купцов Тумаевых, 631 десятина Гебек-Бике Хан-Магомедкیزی — во владение пермского купца первой гильдии И. И. Любимова и т. д.

Ярким примером скопления земель в руках кулацкой верхушки из числа сельских общинников является скупка земель жителем сел. Утамыш Уста-Магомедом-оглы. Долгое время он был старшиной аула Утамыш и накопил небольшой капитал. Это позволило ему купить кутан «Дагу» у гимринского бека по частям; в марте 1876 г. он откупил одну часть этого кутана у своего компаньона за 233 руб.; в 1896 г. у него же откупил остальную часть кутана за 230 руб. Кроме этого, в 1893 г. Уста-Магомед купил еще часть кутана «Тав-Гадач» за 26 руб. у Магомед-Гаджиоглы, а другую, большую часть этого же кутана в 1894 г. купил у сыновей Абуя Темир-бека за 300 руб. Наконец, последнюю часть этого же кутана в 1896 г. получил за неплаченный долг (в сумме 150 руб.).

Таким путем происходило сокращение феодального землевладения, росло землевладение бессловное. Только в Хасавюртовском округе за 35 пореформенных лет (с 1865 по 1900) около 60% земель, ранее принадлежавших кумыкским феодалам, перешло в руки нарождавшегося класса сельской буржуазии.

Процессу перерастания сословного феодального землевладения в бессловное немало содействовала деятельность крестьянского поземельного банка, распространенная на Терскую и Дагестанскую области на рубеже XIX—XX вв.

Вначале здесь функционировало Донское отделение Крестьянского поземельного банка, а с 1903 г. — его Кавказское отделение. С помощью Крестьянского поземельного банка только за четыре года (с 1897 по 1900 включительно) было куплено крестьянами и мещанами, переселившимися из различных губерний России, в Хасавюртовском и отчасти Темирханшуринском округах у частных владельцев 12 637 десятин, на что банком им была выдана ссуда в размере 431 580 руб.; в Кизлярском отделе за это же время было куплено у частных владельцев 663 десятины, выдана ссуда в размере 15 220 руб. Но так как Крестьянский поземельный банк выдавал ссуды только крестьянам-переселенцам, а покупка земель совершалась в больших размерах торговцами, а также овцеводами из числа местного населения, то продажа земель в значительно больших размерах совершалась помимо Крестьянского банка. Крестьянским поземельным банком было установлено, что в Хасавюртовском округе с 1893 по 1900 г. включительно частными владельцами было продано без содействия банка около 55 тыс. десятин, и в Кизлярском отделе — более 3,5 тыс.

Хотя в Дагестане купля и продажа земли была затруднена в силу всяких ограничений царского правительства, наиболее зажиточные крестьяне, торговцы и другие предприимчивые элементы обходили эти ограничения и приобретали земли в собственность.

С проведением линии железной дороги этот процесс еще более усилился.

Таким образом, эволюция землевладения и землепользования в Дагестане в конце XIX в. характеризовалась, с одной стороны, ростом сдачи земель в аренду феодалами, повышением арендной платы и постепенным распространением капиталистической аренды земель за деньги и на более продолжительные сроки; с другой стороны, — концентрацией земель в руках нарождавшегося класса сельской буржуазии, перерастанием сословного феодального землевладения в бессловное. Эти процессы были несомненным результатом проникновения капиталистических отношений в сельское хозяйство Дагестана.

§ 2. ПРОНИКНОВЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ДАГЕСТАНА

Земледелие.
Развитие торгового земледелия

Вторая половина XIX в. характеризуется в области развития земледелия расширением посевов пшеницы, риса, кукурузы, внедрением новой культуры картофеля, до сих пор неизвестной в Дагестане. Так, посевы кукурузы возросли с 1884 по 1900 г. примерно в 4,5 раза. Посевы картофеля, появившегося в области в середине 70-х годов, с 848 четвертей в 1886 г. возросли к концу века до 2 тыс. четвертей.

В целом же земледелие не претерпело существенных изменений. Господствовали те же примитивные сельскохозяйственные орудия, прежняя система земледелия. Урожайность сельскохозяйственных культур, особенно в 90-е годы, резко падает. За последнее десятилетие века шесть лет были неурожайными, а разразившийся в 1899 г. голод нанес огромный ущерб экономике населения.

Господствующее положение в земледелии принадлежало возделыванию зерновых культур с преобладанием пшеницы. Посевы озимой и яровой пшеницы составляли среди всех полеводческих культур примерно две трети, далее шли посевы ячменя, кукурузы, проса и некоторых других культур. К началу 90-х годов XIX в. вся посевная площадь (вместе с Хасавюртовским округом) равнялась примерно 140 тыс. десятиц, что составляло лишь 4,3% всех земель области. Такое количество посевных площадей было явно недостаточно для обеспечения населения хлебом. Своего хлеба в горных округах населению хватало максимум на четыре месяца. При средней норме хлеба примерно 2 четверти зерна на душу в 1891 г. было получено по девяти округам Дагестанской области в среднем только по 0,54 четверти, в том числе в Даргинском округе — 0,14 четверти на душу, в Аварском — 0,24 и в Андийском — 0,33 четверти. Только жители Прикаспийской низменности получали достаточное количество хлеба.

Удельный вес пахотных земель на Прикаспийской низменности заметно увеличивается с переходом значительного количества феодальных земель в руки крестьян, торговцев и мещан. На посевах зерна специализировалась главным образом Кумыкская плоскость. По трем округам (Темирханшуринскому, Кайтаго-Табасаранскому и Кюринскому) средний ежегодный сбор урожая всех хлебов за пятилетие с 1886 по 1891 г. составил около 330 четвертей, а с 1894 по 1898 г., т. е. после открытия рельсового пути, — уже около 430 четвертей.

В Хасавюртовском округе посев хлебных культур рос еще быстрее. Посевные площади в этом округе с 1894 по

1900 г. увеличились в 1,5 раза. Ежегодный сбор урожая зерна составлял здесь в 1891—1895 гг. 104 399 четвертей, а с 1896 по 1900 г. — 147 184 четверти, т. е. увеличился на 40%. Хасавюртовский округ начинает производить товарный хлеб, сбывавшийся на местных базарах крестьянам, приезжавшим из окрестных горных мест, а также вывозившийся за пределы области. Только по железной дороге за 1895—1900 гг. со станции Хасав-юрт было отгружено более 1300 тыс. пудов хлебных грузов.

Повышение спроса на продукцию сельского хозяйства обуславливало необходимость улучшения земледельческой культуры. Развитие же земледелия на низменности затруднялось недостатком воды. Крупные реки — Терек, Сулак, Самур использовались недостаточно из-за неразвитости оросительной системы.

Крестьянское население Кумыкской плоскости, освободившееся от феодальной зависимости и получившее в надел землю, в 60—70-х годах проводит значительные работы по сооружению оросительных каналов. В 1866 г. была сооружена канава от р. Терек до р. Аксай, проходившая у аула Джаба-юрт, длиной в 21 версту; в 1867 г. — вторая оросительная канава от Сулака, выше аула Костек, шириной 6 сажень и длиной 70 верст. Она понесла воду по безводной степи к Аграханскому заливу и сыграла немалую роль. Жившие в степи кочевые ногайцы стали переходить к оседлому образу жизни. К середине 70-х годов XIX в. из 1300 семей ногайцев 350 жило уже оседло.

В конце 60-х годов была проведена оросительная канава от р. Рубас к г. Дербенту под названием Мусульманарчи. Было начато строительство большого канала от Сулака через Чир-юрт к Петровску, закончившееся только к концу XIX в.

Значительно большая работа по сооружению оросительных каналов осуществлялась в 70-х годах. В 1873—1874 гг. был построен канал Юзбаш-Сулак-татавул от Сулака, у сел. Бавтугай, до центра Кумыкской плоскости. Другим крупным каналом, реконструированным в 70-е годы, был Шабуровский. Он тоже проходил от Сулака в юго-восточную часть Кумыкской плоскости, имел много разветвлений и орошал свыше 21 тыс. десятин земли. В те же 70-е годы была сооружена третья водная система от Терека — Юзбаш-Терек-татавул (40 верст). Эта водная система могла орошать более 8 тыс. десятин.

Развитие оросительной системы обусловило приток населения в наиболее удобные для земледелия места. Стали появляться новые населенные пункты, увеличиваться ранее существовавшие, росли посевные площади.

Во второй половине XIX в. в связи с возросшими потребностями российского рынка широкое распространение получает техническая культура марены, которая разводилась здесь в ограниченных количествах еще в 30—40-е годы.

Развитие же текстильной промышленности в России в 40—50-х годах дало сильный толчок развитию марены в Дагестане с чисто промышленной целью. Особенно быстро росло производство марены после реформы 1861 г. в России, когда промышленность там стала развиваться невиданно бурными темпами.

В товарное производство марены вовлекалось наряду с феодалами-землевладельцами значительное число мелких собственников и других предприимчивых лиц из разных слоев населения, которые нанимали у владельцев землю за треть урожая и засеивали мареной большие пространства.

В Дербент стали прибывать купцы и фабриканты из-под Москвы. Обладая крупными капиталами, они не только закупали марену, но и входили в товарищество с ханами-землевладельцами, закладывали новые плантации. Вначале маренные плантации появлялись на землях, прилегавших к Дербенту, в Кубинском уезде, затем они стали возникать и быстро расти в Кюринском округе, Кайтаге, Табасаране и на Кумыкской плоскости. К началу 70-х годов XIX в. в одном Дербентском градоначальстве под мареной было занято до 15 тыс. десятин земли.

Марена из Дагестана вывозилась в двух направлениях: морем через Дербент и сухопутным путем через Кизляр до Астрахани, откуда она попадала на Нижегородскую ярмарку. В середине 60-х годов XIX в. только из Дербента ежегодно вывозилось свыше 300 тыс. пудов марены, а с 1846 по 1868 г. включительно количество вывезенной в Россию марены превысило 3,6 млн. пудов. Для переработки марены в Дербенте была тогда же построена краповая фабрика.

Развитие мареноводства, как культуры трудоемкой, требовало огромного количества рабочих рук. На маренные плантации стекались тысячи горцев Дагестана, которым необходимо было заработать деньги на уплату подымной подати и других налогов казне. На маренных плантациях Дербентского градоначальства и Кубинского уезда в начале 70-х годов работало от 85 тыс. до 95 тыс. рабочих.

Разведение марены в Дагестане положило начало развитию торгового земледелия. Оно нанесло первый ощутимый удар по натуральному хозяйству. В районах разведения марены оно быстро стало перерастать в хозяйство товарное со всеми присущими ему капиталистическими чертами.

Однако маренное производство, достигшее наивысшего развития к началу 70-х годов XIX в., быстро пало в связи

с изобретением химических красителей. Падение мареноводства причинило непоправимый ущерб экономике области. Население вынуждено было переходить от мареноводства к возделыванию других культур.

Развитие виноградарства и плодородства Развитие орошения, падение мареноводства вызвало рост садоводства и виноградарства. Для разведения садов и виноградников в приморском Дагестане было много преимуществ, и главное из них — благоприятные почвенно-климатические условия, а также улучшение средств сообщения с рынками. Виноградные и плодовые сады быстро росли, особенно с конца 80-х и в 90-е годы XIX в., главным образом на Прикаспийской низменности, в первую очередь в районах городов и важных административных и торговых центров. Быстро росло виноградарство г. Дербента.

С целью разведения садов, огородов, виноградников были наделены землей и жители других городов. Землю получали в первую очередь отставные чины русской армии, почетные граждане, торговцы и мещане.

В Темир-Хан-Шуре таким образом было выделено из городских фондов земель около 200 десятин. Значительная часть этой земли попала в руки предприимчивых лиц, которые насадили плодовые сады и занялись огородничеством с промышленной целью. Среди них выделялись сады князя Аргутинского-Долгорукова общей площадью 36 десятин, торговца К. Гаджи-Касым-оглы — 22 десятины. Всего к 1887 г. здесь существовало 33 хозяйства, занимавшихся исключительно выращиванием фруктов, плодов и овощей для рынка. В Хасавюртовском округе, и в частности в слободе Хасав-юрт, также быстро росло население и наблюдалось стремление к развитию садоводства, виноградарства и огородничества на земле, выделившейся из казенных фондов.

Таким образом, в районах Дербента, Темир-Хан-Шуры, Петровска и слободы Хасав-юрт наметилась специализация сельского хозяйства с преимущественным разведением садов, виноградников, огородов как для удовлетворения нужд возраставшего городского населения внутри области, так и для вывоза сельскохозяйственной продукции на российский рынок.

Самым крупным таким районом становится Дербент. Внимание жителей Дербента было обращено на культуру винограда после падения мареноводства в начале 70-х годов XIX в. Виноградарство в районе Дербента известно с очень давних времен, но оно не было тогда главным занятием жителей и до 70-х годов XIX в. не получило широкого распространения. Развитию виноградарства с промышленной целью мешало в те годы отсутствие рынков сбыта и удобных путей сообщения для вывоза его продукции. Единст-

венным путем вывоза было море. Но Дербент не имел гавани, погрузка производилась на рейде, и отправка винограда в Россию была крайне затруднена.

Виноделием же местное мусульманское население не занималось в силу религиозных обычаев. Согласно мусульманской религии, «правоверным» запрещалось готовить и пить вино. Мусульмане не только сами не давили вино, но считали большим грехом даже продавать виноград для выделки вина.

Однако падение мареноводства, катастрофически подорвавшее экономику города и окрестных мест, заставило местное население более интенсивно заняться виноградарством. Многие землевладельцы стали засаживать маренные плантации виноградной лозой. Только в 1879 г. было засажено виноградом 300 десятин. К середине 80-х годов виноградники Дербента занимали площадь, равную 1,113 десятины.

Расширение площадей под виноградными насаждениями особенно усилилось с проведением железной дороги. Наибольший прирост площадей виноградников наблюдался в конце 90-х годов и в начале XIX в. Если с 1886 по 1896 г. средний ежегодный прирост площадей виноградных садов равнялся 1%, то в последующие годы он увеличился до 6%.

Хотя основными садовладельцами являлись местные жители — мусульмане и их сады отличались небольшими размерами, в 80—90-х годах появляются и довольно крупные виноградные сады, принадлежавшие пришлым предпринимателям. Среди этих последних видное место занимали садоводы-армяне. Если у дербентских жителей-мусульман средний размер сада в 1896 г. был менее десятины, то у садовладельцев-армян он был более 3 десятин, а у девяти русских садовладельцев равнялся почти 5 десятинам.

Для развития виноградарства с промышленным значением была характерна концентрация садов в руках сравнительно крупных садовладельцев, которая осуществлялась посредством как закладки новых, так и покупки мелких садов у местного населения. В результате в 1886 г. в Дербенте было 1152 садовладельца, а площадь их виноградников составляла 113 десятин; к 1895 г. площадь садов возросла до 1251 десятины, количество же садовладельцев сократилось до 960.

Развитие товарно-денежных отношений, вовлечение в русло рыночных отношений населения Дагестана, повышение спроса на виноград и вино на российских рынках, расширение местного рынка заставили некоторую часть местного населения изменить свое отношение к развитию виноградарства и нарушить предписания шариата. Значительная часть мусульман начинает разводить и выращивать виноград для рынка, для приготовления вина.

Одним из первых крупных садовладельцев Дербента был Касум-бек Гайдаров. Он не только сам разводил виноград для выделки вина, но и охотно помогал советами жителям города, давал им бесплатно черенки винных сортов для посадки. И если раньше жители Дербента открыто не продавали винограда для приготовления вина, то теперь многие из них стали продавать даже сусло, приготовленное ими самими.

Другим характерным явлением в развитии виноградарства того времени была интенсификация виноградно-винодельческого хозяйства. Она состояла в разведении новых, наиболее урожайных винных сортов винограда, введения ряда усовершенствований в виноделии, в обработке и уходе за садовыми насаждениями. В середине 90-х годов XIX в. в Дербенте можно было встретить ряд крупных садовладельцев, вводивших в своих хозяйствах эти усовершенствования. Так, садовладелец Шахиджанов, имевший сад размером 16 десятин, часть лозы поставил на проволоку, вино готовил уже не примитивным способом, а с помощью усовершенствованных прессов. Другой садовладелец, И. М. Асвацатуров, имевший 18 десятин виноградника, имел огневой завод (для утилизации остатков от виноделия), хороший каменный подвал для хранения вина, тщательно ухаживал за садом и лечил его от грибковых болезней, которые были тогда страшным бичом виноградарства. Садовод-винодел К. А. Кочергин имел самый крупный сад в 20 десятин, разводил лучшие сорта винограда, получал высокие урожаи и лучшее по качеству вино. Таких крупных садовладельцев в Дербенте насчитывалось тогда около 20.

В 1885 г. в Дербенте было произведено вина в среднем по 162 ведра с десятины, в то время как среднее количество вина, производившегося на Кавказе в это время, составляло 136 ведер с десятины, а в европейской части России — 156 ведер.

Но, несмотря на определенные сдвиги в развитии виноградарства и виноделия, повышения его товарности, общий уровень этой отрасли хозяйства оставался низким. Основная масса садов сосредоточивалась в руках мелких садовладельцев. В 1895 г. 78,4% садов были размером менее одной десятины, 12,8% — от 1 до 2 десятин, садов площадью 5 десятин и более было лишь 2,5%. Мелким садовладельцам усовершенствованные методы ведения хозяйства были недоступны. Большинство не имело ни подвалов для хранения вин, ни бродилен, ни прессов. Сорта винограда были, как правило, случайные, сады часто поражались грибковыми заболеваниями, способ приготовления вина был самый примитивный. В 1896 г. в Дербенте имелся только один

фильтр и несколько прессов. Все это снижало качество вин и создавало благоприятную почву для широкой деятельности скупщика и ростовщика.

В 80—90-х годах значительно расширяются площади под плодовыми садами и виноградниками в Темирханшуринском округе, возникают большие сады, имевшие промышленное значение, в окрестностях Петровска и Темир-Хан-Шуры. Развитию виноградарства здесь способствовали сооружение порта и особенно проведение до Петровска в 1894 г. линии железной дороги. Значительно расширяется виноградарство в ауле Кумторкала. В этом ауле виноград скупался виноторговцами из Петровска и Темир-Хан-Шуры на сумму до 45 тыс. руб. в год. Старшина этого аула имел виноградный сад площадью 5 десятин. Большие виноградные сады (площадью 10—20 десятин) имели петровские садовладельцы Турпаев, Мирзаханов, Фараджев и др. Сады их были посажены правильными рядами, отличались тщательностью обработки; это были не только садовладельцы, но и виноторговцы, вырабатывавшие каждый по 6—7 тыс. ведер вина ежегодно.

Широкому распространению виноградарства в Хасавюртовском округе также способствовало проведение линии железной дороги. Только за десятилетие (с 1886 по 1896 г.) площадь под виноградными насаждениями здесь увеличилась в 2 с лишним раза. Наиболее крупные виноградарские хозяйства сосредоточивались в слободе Хасав-юрт. К 1896 г. общая площадь виноградных садов составляла здесь 78 десятин. Были сады, площадь которых превышала 10 десятин. Вино продавалось на местных базарах, но главным образом вывозилось за пределы области.

Значительные виноградные сады промышленного значения в 80—90-е годы возникают также на Прикаспийской низменности в Кайтаго-Табасаранском округе. Это сады В. С. Кривенко площадью 10 десятин, братьев Тумаевых (12 десятин), капитана Волкова (8 десятин), дворянина Лазарева (20 десятин), дербентских купцов Папаевых (11 десятин) и некоторые другие.

Самым же крупным виноградарским хозяйством в этом округе и в Дагестане в целом было имение графа И. И. Воронцова-Дашкова, возникшее в местности Геджух в середине 80-х годов. Местность эта была сплошь заболочена, покрыта кустарником и мелким лесом. Воронцов-Дашков купил эти земли у кайтаго-табасаранского бека Амир-Чопана Уцмиева, расчистил от кустарника и леса, осушил, подвел оросительную канаву от р. Рубас. К середине 90-х годов под виноградной лозой здесь было уже 80 десятин. В 1895 г. с 40 десятин плодоносящего винограда было получено около 7 тыс. ведер вина. Здесь к этому времени была хорошо

оборудованная винодельня, в ней располагались 40 бродилен, 3 прессы и другой инвентарь. В имении был построен обширный подвал на 20 тыс. ведер вина.

Имение отличалось прекрасными, высокоурожайными сортами винограда. Геджухские вина пользовались широкой славой и находили сбыт во многих городах России.

В 90-х годах заметно возрастает вывоз вина и винограда за пределы области. Так, если в 80-х годах из Дербента вывозилось морем примерно 20 тыс. пудов винограда в год, то к концу 90-х годов вывоз его увеличился в 2—2,5 раза. Вино и виноград вывозились из Дагестана на Нижегородскую ярмарку, в Казань, а с проведением железной дороги — в Ростов, Москву и другие города.

Благоприятные климатические условия способствовали разведению в Дагестане значительного количества плодовых насаждений. Плодовые сады играли немаловажную роль в хозяйстве многих горцев в ущельях Аварского койсу, богатых самыми лучшими фруктами. В ауле Гимры Аварского округа росли лучшие сорта персиков, достигавшие веса в 1 фунт.

Но до проведения железной дороги сбыт фруктов был значительно затруднен. Небольшое количество их сбывалось на местных базарах. На далекие расстояния могли вывозиться лишь сушеные фрукты, орехи да абрикосовые косточки. Свежие абрикосы, персики, черешня и другие нежные фрукты невозможно было перевозить на сколько-нибудь значительные расстояния, тем более на гужевом или вьючном транспорте. Лишь с проведением железной дороги стала возможна транспортировка таких фруктов. Темирханшуринский округ стал важным районом развития товарного плодоводства. Здесь возникли крупные плодовые сады, имевшие площадь 6, 7, 10 десятин и более. Сад князя Аргутинского-Долгорукова в 1885 г. имел площадь в 30 десятин, в этом саду выращивались главным образом груши и яблоки для вывоза. Разведением фруктов для продажи, правда, в значительно меньших объемах, занималось население в аулах Кафыркумух, Халимбек-аул и многих горных округах. Много фруктов для продажи выращивалось также в Хасавюртовском округе. Здесь получает значительное развитие и огородничество.

Плодоводство широко развивается и в некоторых благоприятных в климатическом отношении горных районах. Ярким примером этому служит аул Хаджал-Махи Даргинского округа. Самым крупным садоводом здесь был ротмистр Мусаев, плодовый сад которого площадью 7 десятин отличался высокой культурой обработки, лучшими сортами плодов. По его примеру многие хаджалмахинцы стали улуч-

шать породы деревьев, удобрять почву, выписывать семена и саженцы из России, проводить оросительные каналы и тому подобное.

Огородничество с промышленной целью развивалось преимущественно ближе к рынкам сбыта, к линии железной дороги. Здесь выращивали на продажу лук, помидоры, огурцы, морковь и другие овощи. Особенно заметное развитие получило огородничество в районе Дербента, Петровска и в Хасавюртовском округе. В Дербенте, например, площадь под огородами выросла с 5,5 десятины в 1886 г. до 100 десятин в 1900 г. Овощи вывозились за пределы области. По железной дороге с 1894 по 1899 г. овощей вывозилось ежегодно в среднем по 6,9 тыс. пудов. Овощи вывозились также морем, через Дербентский рейд и Петровский порт.

Скотоводство

Одной из ведущих отраслей сельского хозяйства, обеспечивающих благосостояние жителей гор, было скотоводство. По количеству скота Дагестан к концу XIX в. занимал одно из первых мест в России. В то время как в России на 1000 жителей приходилось 320 голов скота (без лошадей, ослов, мулов и верблюдов), а в Закавказье — 1676, в Дагестане на 1000 жителей приходилось 3895 голов. Согласно посемейной переписи 1886 г., в Дагестане насчитывалось крупного рогатого скота 442,092 головы, лошадей — 50 279, ослов и мулов — 34 442, овец и коз — 2 581 414 голов. Конечно, такое превосходство в количестве скота в Дагестане объяснялось преобладанием в области мелкого скота, который при сравнительных подсчетах не был приведен к одной условной единице. Крупный рогатый скот был, как правило, малорослый и малопродуктивный.

Поэтому даже в самые благоприятные годы наличного поголовья скота (при крайне ограниченных размерах доходов от других отраслей хозяйства) было недостаточно для обеспечения материального благосостояния населения. По расчетам экономистов, для обеспечения семьи горца среднего состава только питанием в течение года необходимо было иметь 100 голов овец, а в 1886 г., когда в Дагестане насчитывалось наибольшее количество скота за всю вторую половину XIX в., в среднем на один двор приходилось 35 голов овец.

Развитию скотоводства препятствовала ограниченность пастбищных земель, сенокосов. Особенно бедны были пастбищами Авартский и Даргинский округа. Жители этих округов вынуждены были арендовать и зимние и летние пастбища.

Обширными летними пастбищами располагали только Казикумухский, Гунибский и Самурский округа. Зато они не имели зимних пастбищ и вынуждены были на зиму пере-

гонять свой скот в Темирханшуринский округ, в Терскую область, а также в Тифлисскую и Азербайджанскую губернии.

Отгонная система скотоводства, издавна сложившаяся здесь, создавала огромные трудности для ведения хозяйства, была не под силу мелкому крестьянину, создавала прямую зависимость развития скотоводства от капризов природы. Наступление резкого похолодания, ураганы, снегопады на отгонных пастбищах вызывали массовый падеж скота, особенно овец.

Только в 1898 г. в результате непогоды, неурожая трав и хлебов в области пало более 40 тыс. голов крупного рогатого скота и 300 тыс. овец; нанесенный ущерб превысил 2 млн. руб. Вслед за этим от бескормицы и холодов в одном Андийском округе пало около 1300 голов крупного и более 11,2 тыс. голов мелкого скота, а в Гумбетовском участке 4 тыс. голов овец было снесено под обрыв вьюгой. Из-за отсутствия ветеринарной службы и надлежащих условий для развития скотоводства много скота погибало в результате эпизоотий.

Таким образом, повторившиеся почти подряд несколько неурожайных лет, различные стихийные бедствия и болезни скота, сокращение пастбищных земель в результате колонизаторской политики царизма привели к тому, что поголовье скота в области к концу XIX в. не только не возросло, а несколько сократилось. Если в 1886 г. в Дагестане насчитывалось 737 285,5 головы скота (в переводе на крупный рогатый³) и на 1000 жителей приходилось 1120 голов всех видов скота, то в 1900 г. скота стало 660 754,6 головы, а на 1000 жителей приходилось 948 голов.

Развитие товарного овцеводства

Со второй половины XIX в. все более растет потребность в товарной продукции овцеводства. Все больше шерсти идет на продажу, вывозится за пределы области.

Все это способствовало концентрации овец в руках немногих хозяйств, так как при существовавшей отгонной системе ведение овцеводческого хозяйства было нерентабельным в мелких хозяйствах. Этот процесс концентрации можно видеть на примере аула Уркабах, где в 1882 г. шесть-семь хозяев имели по 2—5 тыс. голов овец, а многие — по тысяче. В Уркарахском наибстве Кайтаго-Табасаранского округа в 1886 г. из 3935 дворов 3286, или 83,2%, вообще не имели овец, а в 42 хозяйствах насчитывалось 27 008 голов, или 56% всех овец этого наибства.

³ При переводе скота принят следующий коэффициент: лошадь — 1, крупный рогатый скот — 0,75, овцы и козы — 0,13, верблюды — 1,3, ослы и мулы — 0,5, свиньи — 0,2.

Согласно посемейной переписи 1886 г., в Кюринском округе более двух третей хозяйств совсем не имели овец, а 484 хозяйства, составлявших лишь 3,3% всех дворов округа, сосредоточили 54,2% всего поголовья овец, в том числе 121 хозяйство наиболее крупных овцеводов, составлявших менее 1% всех дворов, имело около 30% всего поголовья овец. Еще более высокая степень концентрации овец наблюдалась в Темирханшуринском округе. Здесь в Дженгутаевском участке 1,5% зажиточных дворов владели почти половиной поголовья овец всего участка.

В 90-е годы процесс концентрации еще более усиливается. Растет число хозяйств с тысячным поголовьем овец, одновременно увеличивается и количество хозяйств, не имеющих овец. По данным переписи 1886 г., в Кюринском округе был только один овцевод со значительным поголовьем (2,5 тыс. голов). Девять лет спустя число таких хозяйств выросло до 10, с поголовьем овец до 4 тыс. в каждом.

Крупные овцеводческие хозяйства появились также в других округах. В Темирханшуринском округе бывший генерал царской армии Парзулаев в ауле Чиркей имел до 30 тыс. голов овец и более 4 тыс. десятин пастбищной земли. До 18 тыс. овец имел крупный овцевод Нажмутдин Гоцинский в Андийском округе. В Казикумухском округе выделялись овцеводы Шихамиловы, имевшие к концу 90-х годов до 5—6 тыс. голов.

Ведение крупного овцеводческого хозяйства находилось в прямой зависимости от пастбищ. Поэтому в пореформенный период наблюдается стремление к покупке пастбищных мест отдельными овцеводами. Житель сел. Мекеги Даргинского округа Омар-Гасан-оглы в 1870 г. купил у карабудахкентского бека в Темирханшуринском округе 240 десятин пастбищной земли. Овцеводы Месяцевы купили в 90-х годах у владельца Панина кутан «Чобан-тюбе» площадью свыше 650 десятин. Овцевод из аула Чох Магомед-Галбаз Али-Гаджи-оглы приобрел в Темирханшуринском округе кутан «Айваз» площадью 1000 десятин; овцевод Гоцинский имел здесь же около 4 тыс. десятин пастбищных земель и т. д.

Несомненно, крупные овцеводческие хозяйства с поголовьем овец в несколько тысяч имели явно промышленное значение. Продукция их шла на рынок. Рост крупных овцеводческих хозяйств в пореформенный период способствовал и росту товарной продукции.

Появляется определенная категория хозяйств и со значительным поголовьем крупного рогатого скота. В 1886 г. в Кюринском округе насчитывалось 778 дворов, имевших крупного рогатого скота от 10 до 20 голов в каждом, и 64 двора, имевших более 20 голов. Так, житель сел. Кандик Гаджихан Магомед-Кутай-оглы имел в своем хозяйстве 100

голов крупного рогатого скота, 80 лошадей и 2500 овец. Житель сел. Уркарах Кайтаго-Табасаранского округа Магомед-Бумудыр-оглы имел 30 голов крупного рогатого скота, 32 лошади и 500 овец. Эти и подобные им хозяйства производили значительную товарную продукцию: шерсть, кожи, мясо и т. д., которые сбывались на местных базарах и вывозились за пределы области.

Только в 1892 г. из Порт-Петровска было отгружено 2732 пуда шерсти и 2386 пудов кожи, на сумму 29 497 руб. Товарность животноводства в дальнейшем возрастала. Если средняя ежегодная сумма реализованной животноводческой продукции в 1896—1899 гг. равнялась приблизительно 329,4 тыс. руб., то в следующее трехлетие она уже составила примерно 585,3 тыс. руб. Возрастал вывоз этой продукции за пределы области, особенно с открытием железнодорожного пути. Если в 1894 г. со станций Владикавказской железной дороги, расположенных на территории области, было отгружено 19,5 тыс. пудов шерсти, 15,8 тыс. пудов кож, то в 1895—1898 гг. ежегодно отгружалось 72,9 тыс. пудов шерсти и 22,2 тыс. пудов кож. Кроме этого, по железной дороге отправлялся на продажу также живой скот. В 1896—1900 гг. было отгружено из Дагестана 1542 головы крупного рогатого скота и лошадей и 2759 голов овец.

Но значительно большее количество продукции животноводства шло на рынок, минуя железную дорогу, непосредственно из горных округов в Баку, Нуху, Кубу и т. д. Много животноводческой продукции реализовалось через скупщиков прямо на зимних пастбищах или во время перегона скота.

Значительная торговля скотом велась и внутри области. Внутренний местный рынок расширялся как за счет увеличения городского населения, так и за счет роста беднейшей части населения, которая за неимением скота в своем хозяйстве какую-то необходимую долю этой продукции была вынуждена приобретать на местных рынках.

Только на базаре в сел. Ахты ежегодно продавалось скота на 110,5 тыс. руб. и шерсти на 135—140 тыс. руб. К этому следует добавить реализацию большого количества изделий кустарной промышленности из шерсти.

Усилившаяся концентрация овец в рассматриваемый период, рост товарности овцеводческого хозяйства были прямым показателем проникновения капиталистических отношений и в горное овцеводческое хозяйство области.

§ 3. РАССЛОЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ДАГЕСТАНСКОМ АУЛЕ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Капиталистическое расслоение аула

Капиталистические отношения, проникавшие в сельское хозяйство Дагестана в пореформенный период, способствовали разложению натурального хозяйства и перерастанию его в хозяйство мелкотоварное, являющееся экономической основой расслоения крестьянства.

В период развития капитализма это расслоение крестьянства приобретает новые черты.

Наиболее достоверные данные о расслоении крестьянства дают нам материалы посемейной переписи в Дагестане 1886 г. Эти данные показали, что к середине 90-х годов XIX в. в дагестанском ауле было налицо глубокое имущественное расслоение, уже с некоторыми элементами классового характера.

Все крестьянство распадалось на четыре основные группы. К первой группе относились безземельные хозяйства, почти не имевшие никакого имущества. Безземельные крестьяне не могли существовать за счет дохода от своего хозяйства. В Кюринском округе 10,2% всех хозяйств (1473 двора из 14 480) не имели земли и почти не имели скота.

Вторую группу составляли хозяйства малоземельные, имевшие менее 3 десятин пашни на двор. Таких хозяйств в Кюринском округе было 7479, или 51,6% всех дворов.

Эти крестьяне, имевшие средний состав семьи около пяти душ, также не могли полностью существовать за счет доходов от своего хозяйства. В этой группе в среднем на одно хозяйство приходилось по 1,4 десятины пашни, 2,9 головы всех видов скота (в переводе на крупный рогатый скот). Только незначительная часть этой группы (543 двора) имела небольшие по размерам плодовые сады, размером преимущественно менее 1 десятины. Значительная часть хозяйств этой группы должна была прибегать к сторонним заработкам.

Третью группу хозяйств составляли крестьяне, имевшие от 3 до 10 десятин пашни на двор. Таких хозяйств в Кюринском округе насчитывалось 4881, или 33,6%. Большинство их могло обходиться доходами от своего хозяйства только в урожайные годы. Однако 14% крестьянских дворов этой группы даже в урожайный год (каким был 1886-й) отпускали работников по найму.

Наконец, четвертую группу хозяйств составляли богатые крестьяне. Они имели по 10 и более десятин пашни и почти по 20 голов скота (в переводе на крупный рогатый) в среднем на двор. Таких хозяйств в Кюринском округе насчитывалось 181

валось 647, или 4,6% всех хозяйств округа. Эта последняя группа хозяйств сконцентрировала в своих руках 23,4% всех пахотных земель, почти 30% поголовья овец и значительную долю других видов скота.

Процесс расслоения крестьянских хозяйств наблюдался в Дагестане повсеместно. Данные переписи 1886 г. имеют материал о расслоении крестьянства на Кумыкской плоскости (в Хасавюртовском округе). Здесь 36% крестьянских хозяйств совсем не имели рабочего скота, 51% имели от 1 до 3 голов рабочего скота, 9% имели по 4 головы и 4% — по 5 голов и более. Как правило, у крестьян без рабочего скота не было и земли или было ее очень мало, и наоборот.

Здесь также имела место концентрация значительной доли рабочего скота в руках небольшой части зажиточных хозяйств. 13% крестьянских дворов (с 4—5 головами рабочего скота и более) сосредоточили в своих хозяйствах около 40% всего рабочего скота округа, а более трети хозяйств его не имели совершенно.

Процесс расслоения крестьянства наблюдался также и в нагорной части области. Об этом свидетельствуют данные по Дженгутаевскому участку Темирханшуринского округа, где видное место в экономике крестьянского хозяйства занимало овцеводство. В этом участке 82,9% хозяйств не имели овец совсем, 15% имели овец до 200 голов в каждом, а 42 зажиточных хозяйства, составлявшие 0,5% всех хозяйств участка, сконцентрировали в своих руках 22960 голов овец, что составило 32,4% всего поголовья овец участка.

Приведенные данные показывают, что расслоение крестьянства в Дагестанском ауле характеризовалось выделением незначительной группы богатого крестьянства, концентрировавшего в своих руках большую долю средств производства, в то время как основная масса крестьянства была лишена их даже в самых минимальных размерах.

Однако имущественное расслоение могло и не иметь капиталистического характера. Главным отличительным признаком наличия капиталистических отношений в сельском хозяйстве, как указывал В. И. Ленин, было применение наемного труда богатыми хозяйствами и продажа рабочей силы обедневшими, разорившимися крестьянами.

Наемный труд начинает широко применяться на территории Дагестана в 60-70-х годах в связи с развитием мареноводства, виноградарства, садоводства и т. д. В крупнейшем хозяйстве имени И. И. Воронцова-Дашкова в 1895 г. на сборе и давке винограда работали 1119 поденных рабочих и на обрезке лоз — 756. У многих крупных садовладельцев 50—100 и более рабочих не было редкостью.

Согласно данным переписи населения 1897 г., в Дагеста-

Применение наемного труда

не (вместе с Хасавюртовским округом) 4813 хозяйств, т. е. 3,4% всех хозяйств области, применяли наемный труд в виде найма постоянных работников. В Хасавюртовском округе из 4785 крестьянских хозяйств, подвергшихся переписи, постоянных наемных работников имели 246, или 5% всех хозяйств. Только в одном сел. Аксай 80 богатых крестьянских хозяйств держали 92 наемных работников.

Наемный труд в земледелии, конечно, не исчерпывался постоянными наемными работниками. При обработке виноградников широко применялся наем подневных и срочковых рабочих. Значительное число таких рабочих применялось и в зерновом хозяйстве, особенно во время уборки урожая. На подневные и срочковые работы часто нанимались обедневшие ногайцы, которые шли работать к садовладельцам Кизляра, а также в кумыкские селения.

Наемный труд в земледелии в горных районах не нашел широкого применения, хотя отдельные факты найма работников богатыми хозяйствами там тоже встречались. Только эксплуатация здесь была зачастую завуалирована сохранившимися пережитками патриархально-феодальных отношений.

К концу XIX в. уже нередко встречался наем чабанов крупными овцеводами. Обычно на 1000 голов овец нанимали 4—5 чабанов. При этом платили им в тот период, как правило, натурой. Опытному чабану кроме пищи, бурки, чарыков хозяин в конце года отдавал 20—25 голов овец. Согласно данным переписи 1897 г., в шести горных округах постоянных работников имели 1082 хозяйства. Большинство их использовалось крупными овцеводами. Отдельные крупные овцеводы в Хасавюртовском округе держали по 10 и более наемных батраков.

Итак, мы видим, что наем рабочей силы распространялся в основном в плоскостной части, условия оплаты труда еще во многом носили отпечаток старых феодальных, а порой еще и патриархально-родовых производственных отношений. Оплата за труд часто носила натуральную форму. Наем за деньги практиковался в Хасавюртовском, Темирханшуринском и некоторых других округах. Состоятельные хозяева сел. Акуша, например, нанимали батраков за 25—30 руб. в год на хозяйских харчах.

Таким образом, в конце XIX в. в дагестанском ауле было налицо классовое расслоение крестьянства. Подавляющая часть крестьянства была вынуждена добывать средства к существованию продажей рабочей силы. При этом вследствие специфических условий Дагестана большинство беднейшего крестьянства уходило на заработки за пределы области, ибо незначительное количество крупных богатых хозяйств и отсутствие развитой промышленности в области

не давали возможности использовать всю избыточную рабочую силу. Другая же, незначительная часть богатого и зажиточного крестьянства производила товарную сельскохозяйственную продукцию за счет эксплуатации наемного труда.

Такой процесс расслоения крестьянских хозяйств был типичным для крестьянства колониальных окраин. Класс сельской буржуазии складывался здесь сравнительно медленно, особенно в горных округах области. Это объяснялось наличием зависимых отношений, колониальной политикой царизма, неопределенностью земельных отношений, что препятствовало мобилизации земель, а также общим малоземельем. «Чем свободнее крестьянство, — пишет В. И. Ленин, — чем меньше давят на него остатки крепостного права..., наконец, чем лучше в общем и целом обеспечено крестьянство землей, тем сильнее разложение крестьянства, тем быстрее идет образование класса сельских предпринимателей-фермеров»⁴. На смену натуральному хозяйству приходит мелкотоварное крестьянское хозяйство.

В. И. Ленин указывал на существенное различие между натуральным мелкокрестьянским хозяйством и мелкобуржуазным крестьянским рыночным хозяйством. Под патриархальным мелкокрестьянским хозяйством, писал он, следует понимать хозяйство среднего крестьянина, позволяющее покрыть все его потребности (и производственные и личные) и дающее возможность не искать заработка на стороне. Крестьянские же хозяйства, стоящие выше этого уровня, т. е. хозяйства, в которых образуются значительные товарные излишки, «прямо относятся к мелкобуржуазным во всей своей чистоте». В свою очередь хозяйства, стоящие ниже среднего уровня, хозяйства недостаточные являются хозяйствами полупролетарскими и пролетарскими⁵.

Так, в Кюринском округе хозяйств натурального типа оставалось уже не более третьей части. А около 62% составляло крестьянство, в основном или частично жившее за счет продажи рабочей силы. Хозяйства же мелкобуржуазные, производившие товарные излишки на рынок, составляли здесь 4,6%. Таким образом, база натурального хозяйства была разрушена. Господствовало мелкотоварное крестьянское хозяйство, переживавшее процесс перерастания в хозяйство капиталистическое. Но процесс этот проходил по-разному в различных частях Дагестана. Если на плоскости в районах развития торгового земледелия этот процесс шел довольно интенсивно, то в большинстве горных округов можно было видеть лишь еле заметные его ростки.

⁴ В. И. Ленин, *Аграрный вопрос в России к концу XIX века*, — Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 130.

⁵ См. Ленинский сборник, XXXIII, стр. 18.

Возрастание роли денег в хозяйстве горцев Дагестана

Развитие товарно-денежных отношений, усилившиеся связи с рынком повышали роль денег в жизни местных феодалов.

Усиливалось их стремление окружить себя «величием» и роскошью, росло потребление продукции фабрично-заводской промышленности, дорогих украшений, что диктовало необходимость замены форм натуральной ренты денежной. Денежная рента стала быстро внедряться в районах, близлежащих к городам. Так, в Темирханшуринском округе натуральная рента была заменена многими феодалами денежной. Они стали взимать с овцеводов по 40 коп. с одной головы барана за пастьбу. За право продажи красных товаров бек взимал также дань — по 25 руб. в год. К 1890 г. все зависимое население Темирханшуринского округа, за исключением аула Гелли, платило бекам вместо натуральной денежную повинность. Натуральная повинность была заменена денежной также в 11 селениях Казикумухского округа, в двух селениях Кайтаго-Табасаранского и 9 селениях Кюринского округа. В результате к концу XIX в. денежные повинности отбывало приблизительно 50% всего зависимого населения области.

Возрастает в связи с этим и роль денег в крестьянском хозяйстве. Помимо натуральных податей местным феодалам все крестьянство с присоединением Дагестана к России было обложено денежной подымной податью. Крестьянство вынуждено было изыскивать деньги и продажей части продукции сельского хозяйства и посредством заработка на стороне. Усиливается отходничество.

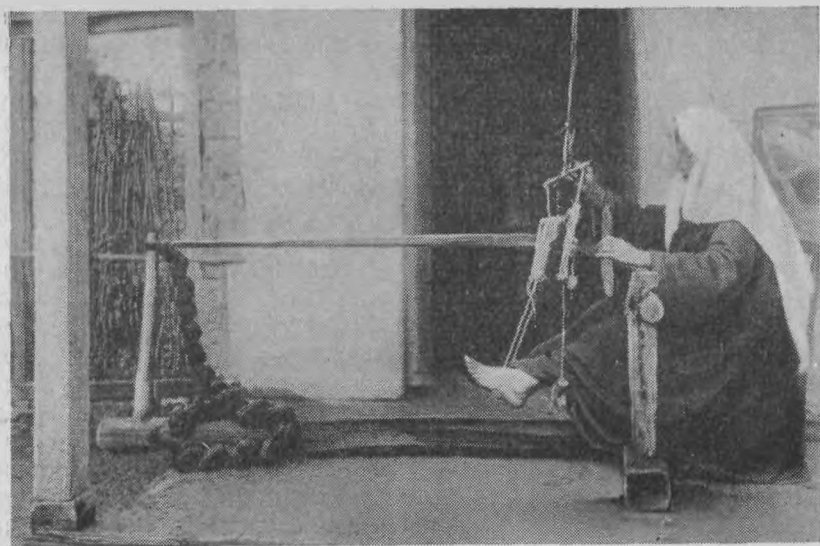
Таким образом, намечалось массовое вовлечение местного населения, прежде стоявшего, по выражению В. И. Ленина, в стороне от мирового рынка, в сферу товарного обращения. Это еще больше подтачивало прежние устои жизни, приводило к интенсивному разложению натурального хозяйства; денежное обращение вторгалось в веками господствовавший патриархальный быт горца.

§ 4. ПРОНИКНОВЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ДАГЕСТАНА

Кустарная промышленность

Во второй половине XIX в. в Дагестане было распространено более 30 видов кустарных промыслов. Кустарная промышленность играла большую роль в экономике крестьянского населения: она давала от одной пятой до половины валового дохода в бюджете отдельных крестьянских хозяйств.

Количество кустарей и ремесленников, по статистике того времени, колебалось в 90-е годы от 10 до 16 тыс.

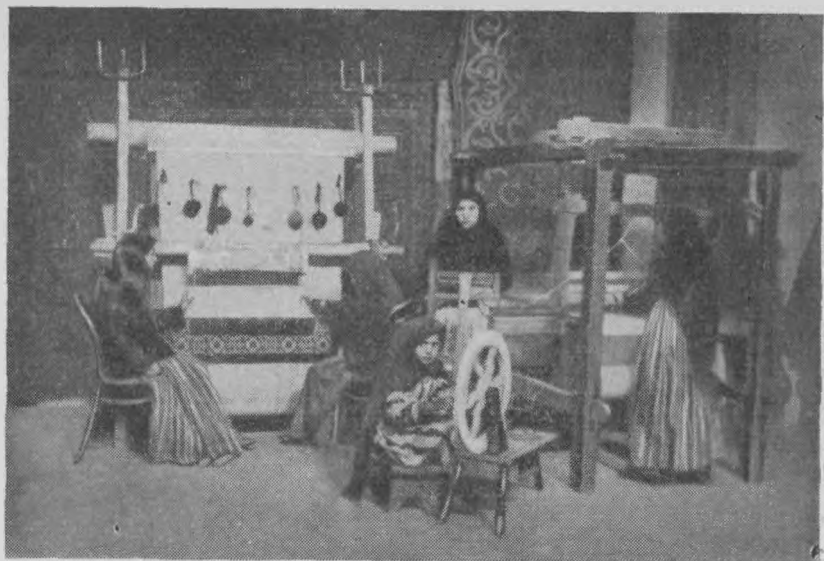
Женщина за ткацким станком

Фактически же кустарными промыслами было занято значительно больше народа, так как в свободное от сельскохозяйственных работ время к этим занятиям привлекались почти все члены семей, способные выполнять ту или иную работу.

Самыми распространенными как по числу привлекавшегося населения, так и по широте охвата территории области были промыслы по обработке шерсти. Для многих жителей нагорного Дагестана большим подспорьем в хозяйстве было производство кавказских наплечных бурок. Главными центрами бурочного производства были аулы Анди и Ажампы Андийского округа; в меньшем объеме производство бурок было развито также в Гунибском и Самурском округах (аулы Рикюани, Шотрода, Гогатль).

В связи с усилением рыночных связей производство бурок во второй половине XIX в. значительно возросло. Так, если в начале 70-х годов в Андийском округе ежегодно производилось до 8 тыс. бурок, к концу 70-х годов их производилось более 14 тыс., а в 1892 г. из этого округа было вывезено на продажу 53 511 бурок. Дагестанские бурки продавались в Баку, Кубе, Тифлисе и вывозились в Персию.

Другим, еще более распространенным промыслом была выделка различных сукон. Суконное производство было развито почти повсеместно, но наиболее выделялись Андийский, Даргинский и Казикумухский округа. В меньшем объеме

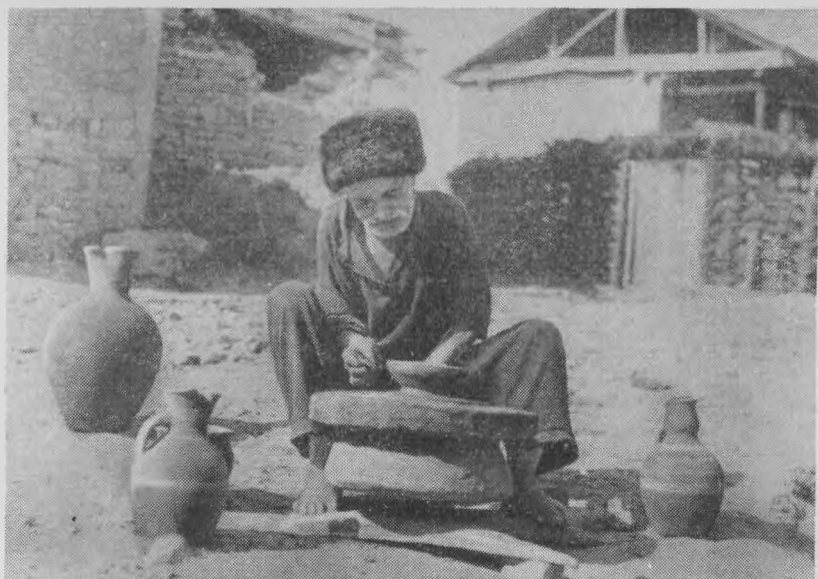

Ковроткацкий станок

сукно производилось также в Аварском, Кайтаго-Табасаранском и Хасавюртовском округах. Центрами суконного производства в Даргинском округе были аулы Акуша, Кутиша, Мекеги, Уллу-ая, Леуги, Усиша, Хаджал-Махи; в Казикумухском округе — аулы Вихли, Цовкра, Кунды, Кая, Чукни и Арчи; в Андийском — аулы Карата, Арчо, Тинди, Анчеик.

Сукна, вырабатывавшиеся в Дагестане («лезгинское сукно»), славились своим качеством. Особенно дорогое, тонкое сукно из верблюжьей шерсти вырабатывалось в ауле Хаджал-Махи; в Казикумухском округе делали белое сукно из первосортной шерсти и козьего пуха. Лезгинскими шальями славились аулы Карата и Кель. Основное количество сукна шло на продажу, часть употреблялась на пошив черкесок, изготовлением которых занимались главным образом женщины аула Кубачи и некоторых селений Хасавюртовского округа. Дагестанские сукна и черкески находили сбыт в Закавказье, а также в Персии и Малой Азии.

Распространенным промыслом по переработке шерсти было и ковроткачество. Ковры и паласы производились большей частью в Южном Дагестане (Самурском, Кюринском, Кайтаго-Табасаранском округах), а также в ряде селений Темирханшуринского и Аварского округов. Главными центрами коврового производства были селения Южного Дагестана — Микрах, Пиперкент, Ахты, Рутул, Гильяр, Магарамкент, Курах, Кабир, Куркент, Зизик, Вакаляр, Имапкул-

Производство гончарных изделий

кент, Орта-стал, Юхари-стал, Ашага-стал, Касумкент, Аликент.

На Кумыкской плоскости ковры изготовлялись в аулах Кумторкала, Параул, Эндрей, Каякент, а также в Верхних и Нижних Казанищах. Дагестанские ковры и паласы пользовались широким спросом и проникли даже на европейские рынки (в Англию, Францию и другие государства).

Наконец, из шерсти в Южном Дагестане (в аулах Цмур, Гапцах, Кашкент, Канциль, Алкадар, Курах, Икра, Куркент, Койсул) и на Кумыкской плоскости изготовлялись различные войлочные изделия (войлочные сапоги, ковры и т. п.).

Промыслы по обработке кож на Кумыкской плоскости были сосредоточены главным образом в аулах Аксай, Эндрей, Костек, в слободе Хасав-юрт, в Южном Дагестане — в Касумкенте, Карабудахкенте, Кабире, Цмуре и т. д. В Центральном Дагестане выделкой кож славился аул Корода, где этим промыслом были заняты почти поголовно все мужчины.

Хорошо было развито сапожное производство. По распространенности этого промысла дагестанцам принадлежит первое место на Северном Кавказе. В Кюринском округе жители отдельных селений жили исключительно за счет сапожного и тулупного промысла.

Обработкой кож и выделкой овчин занимались ногойцы.

Рукоятка пистолета работы кубачинских мастеров

Многие из них использовались в качестве наемной рабочей силы в кожевенном промысле у русских казаков Терской области.

Центрами гончарного производства по-прежнему были Балхар Джули, Испик, Сулевкент, Нижний Чиркей и Эрпели. Из-за ограниченности рынка сбыта и неудобства транспортировки гончарных изделий многие гончары после завершения полевых работ уезжали в соседние районы, в Чечено-Ингушетию, Осетию, Кабарду и работали там до начала полевых работ (примерно с октября до мая).

Отдельные жители аулов Сутбук, Куг, Куярин, Харадж специализировались по обработке камня, они изготовляли жернова для мельниц, надгробные камни и т. д.

Обработка дерева концентрировалась в Кюрийском округе (в аулах Чулат, Курчаг, Гогробкент, Ишхикент, Касумкент, Целягюн, Ружник, Келе, Чилик, Махмудкент, Берекенит), где выделялась деревянная посуда, и в ауле Унцукуль Гунибского округа.

Во второй половине XIX в. многие кустари, приспособившись к потребностям российского рынка, меняют ассортимент изделий. В частности, это наблюдается в промысле по обработке дерева. В связи с развитием курортов Кавказской Минводской группы унцукульские мастера стали изготавливать из абрикосового и кизилового дерева стеки, пожи для разрезания бумаги, пенельницы, пудреницы с

инкрустацией, пользовавшиеся большим спросом на кавказских курортах. Эти изделия отличались изяществом и хорошей отделкой и к концу XIX в. проникли на заграничный рынок — в Лондон, Париж и другие города.

Некоторые изменения претерпевают и промыслы по обработке металла — оружейный, кузнечный, ювелирный и некоторые другие. Дагестан на всем Кавказе издавна считался центром оружейного производства, которое сосредоточивалось в аулах Кубачи, Харбук и Амузги Кайтаго-Табасаранского округа. Известные оружейные мастера были также в сел. Нижние Казанищи и в селениях Карабудахкент, Икра.

Однако во второй половине XIX в. огнестрельное оружие Кубачей и других дагестанских аулов стало вытесняться оружием русского заводского производства. Поэтому начиная с 80-х годов многие кубачинцы переселялись в города Кавказа и России, где открывали свои мастерские по изготовлению чайных ложек, подстаканников, серебряных столовых приборов, портсигаров, мастерские по починке и ремонту металлических изделий. Население Кубачей к концу XIX в. резко сократилось.

Однако в целом кустарные промыслы по обработке металла продолжали существовать и развиваться. Совершенствовалось производство холодного оружия (кинжов, кинжалов и др.). Особые клинки изготовлялись оружейными мастерами Карабудахкента.

Широкое развитие получили ювелирные изделия. В 80—90-х годах изделия дагестанской кустарной промышленности пользовались широкой известностью далеко за пределами области. Отдельные изделия уже в 80-х годах попадали на заграничные рынки — в Иран, Малую Азию. В самом конце века изделия унцукульских и кубачинских мастеров проникли даже на крупнейшие международные рынки (в Париж, Лондон, Вашингтон и некоторые другие города Западной Европы и Америки).

В 1899 г. изделия дагестанских кустарей были представлены на промышленной и сельскохозяйственной выставке в Тифлисе. Из 757 экспонатов кустарного производства всего Кавказа, представленных на этой выставке, 175 экспонатов принадлежало кустарям Дагестана, 46 из них получили награды. Мастера-ювелиры из Кубачей, Казикумухского округа и других мест Дагестана в конце XIX в. представили свои изделия как на общероссийские промышленные выставки, так и на всемирные выставки во Франции, Англии, Турции, Иране. Работы только одного мастера из Кубачей (инкрустация по слоновой кости, буйволиному рогу и вороненому железу) были отмечены на всемирных выставках 7 золотыми и 11 серебряными медалями.

Классовая дифференциация кустарей, применение наемного труда

Во второй половине XIX в. среди кустарей наблюдается процесс классовой дифференциации. Особенно заметен он был среди кубачинских и унцукульских мастеров. Из

среды кустарей в этот период вырастают крупные предприниматели, имевшие свои златокузнечные и другие мастерские со значительным количеством наемных работников.

Разбогатевшие кустари широко применяли наемный труд. Отдельные семьи в Кубачах имели по три-четыре работника. Большинство таких мастерских сосредоточивалось в городах или крупных населенных пунктах, ближе к рынкам сбыта. Широко практиковалась эксплуатация так называемых подмастерьев, учеников. Нередко хозяин мастерской брал учеников сроком на три года; все это время ученики работали у него бесплатно, но на полном содержании мастера.

Подмастерье уже получал оплату. У унцукульских мастеров эта плата, например, была и помесячной и сдельной. Помесячно подмастерье получал на хозяйских харчах от 5 до 15 руб.; многие получали сдельно, в зависимости от объема выполненной работы. Кроме подмастерьев к мастерам позднее стали наниматься и обычные наемные работники. Как правило, это были разорившиеся кустари-бедняки, которые не имели средств, чтобы открыть самостоятельную мастерскую.

В 90-х годах прошлого века в кустарных мастерских городов области наемные работники и подмастерья составляли до 30—40% всех работавших в этих мастерских.

Наемный труд широко использовался и в сельских местностях области. В слободе Хасав-юрт в 1886 г. у 3 мастеров-бондарей было 10 наемных рабочих, 1 портной имел 15 подмастерьев, 1 сапожник — трех.

В сел. Эндрей Хасавюртовского округа в 1897 г. 8 кустарей (медников, горшечников и др.) держали 16 постоянных наемных работников, в ауле Костек 8 кустарей — 13 рабочих, в слободе Хасав-юрт 12 кустарей — 17 наемных работников.

Применение наемного труда в кустарной промышленности было прямым результатом проникновения в нее капиталистических отношений.

Еще одной характерной чертой развития капиталистических отношений в кустарной промышленности было разделение труда, которое выражалось в специализации кустарей на какой-либо одной операции.

Одним из характерных признаков перерастания домашней промышленности в мелкотоварное производство была организация производства не на собственном, а на покупном сырье и производство кустарных изделий на рынок.

Работа на покупном сырье способствовала специализации отдельных аулов и даже районов на производстве того или иного вида изделий. Характерно, что многие селения Даргинского округа славились производством лучших сукон. В то же время известно, что овцеводство в этом округе из-за ограниченности пастбищ было наименее развито. В Дагестане были даже такие селения, в которых вовсе не было овец, а изделия из шерсти производились в большом количестве, например аул Кубачи. Мастерицы аула Кубачи покупали шерсть за деньги в других селениях. В этом ауле изготовлялось ежегодно до 120 тыс. черкесок.

Покупка сырья была характерна и для промыслов по обработке кожи. Обработка козловых кож была широко распространена на Кумыкской плоскости. Скупкой и распространением кож занимались горские евреи. Они разъезжали по аулам, собирали сырые кожи или скупали их на ярмарках и сельских базарах. В слободе Хасав-юрт, например, обработкой кож занимались три семьи. Кожы они скупали на местном базаре и выделанные продавали там же. Часто они меняли половину выделанной кожи на целую невыделанную.

Выделка кож была широко распространена и в других селениях: в Аксае, Костеке Хасавюртовского округа и во многих селениях нагорного Дагестана. В сел. Корода все 470 мужчин аула занимались выделкой кож круглый год. Совершенно ясно, что обрабатывались покупные кожи.

Появление «рассеянной мануфактуры» Иногда в качестве организатора производства выступал лавочник-скупщик. Так, он скупал, например, шерсть и раздавал ее по селениям, где из нее приготавливали сукно, уплачивая за работу от 2 до 5 руб. за кусок или половину сырого материала.

Такая организация производства была уже более высокой ступенью развития промышленности, она была характерна для типа рассеянной мануфактуры. Это было явное перерастание товарного производства в более высокую стадию — в капиталистическую мануфактуру.

Скупщик-посредник, представлявший собой первичную, наиболее отсталую форму капиталистических отношений, превращается в скупщика-работодателя. В. И. Ленин писал, что «если... скупщик изделий начинает расплачиваться теми сырыми материалами, которые пужно «кустарю», то это означает очень крупный шаг в развитии капиталистических отношений»⁶. Скупщик отрезал кустаря и от рынка сбыта своих изделий и от рынка сырья и окончательно подчинял

⁶ В. И. Ленин, *Развитие капитализма в России*, — Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 367.

его себе. Кустарь превращался фактически в наемного рабочего, который, работая у себя на дому, создавал прибыль скупщику. В. И. Ленин назвал этот тип производства «...капиталистической работой на дому»⁷.

Такой тип производства наблюдался у кубачинцев-оружейников. Там в роли скупщика выступал обычно мастер-ложник. Он объединял весь процесс производства, давал заказы на все другие виды операций соответствующим кустарям.

Тип рассеянной мануфактуры имел широкое распространение в ковровом производстве. Не каждая мастерица могла заниматься производством ковров на собственные средства. Если в доме не было своих овец, на покупку шерсти требовались свободные деньги, причем вернуть их ковровщица могла не скоро. На изготовление одного ковра при ручном производстве требовалось от двух месяцев до года и более. Сбыт ковра тоже был делом не простым, требовал иногда много времени. Поэтому нередко ковровщицы вынуждены были брать сырье у скупщика. В Южном Дагестане, в частности, ковровое производство полностью находилось в руках скупщика, ибо в округе не было кредитных учреждений, и ковровщицы всегда попадали в кабалу к скупщику. Ежегодно в Кюринском округе производилось около 6 тыс. ковров на сумму 150 тыс. руб., но ковровщицам оставалось не более 5,5 тыс. руб., главная же прибыль шла в карман скупщику, а ковровщица за свой изнурительный труд зарабатывала не более 10—15 коп. в день.

Рассеянная мануфактура была, таким образом, характерна для кустарной промышленности конца XIX в.

Помимо рассеянной мануфактуры в Дагестане в конце XIX в. существовали и мастерские, где рабочие выполняли работу у хозяина мастерской. Такие мастерские существовали главным образом в городах Дагестана; многие разбогатевшие кустари открывали такие мастерские в других городах Кавказа и даже в России. Эти мастерские с наемными рабочими напоминали органическую мануфактуру.

Однако в Дагестане этот мануфактурный вид производства не перерос в промышленное производство. Здесь не было условий для такого перерастания. С конца XIX в. многие кустарные промыслы стали вытесняться изделиями промышленной продукции из России.

Обрабатывающая промышленность В пореформенный период с проникновением капиталистических отношений в экономику Дагестана начинает зарождаться обрабатывающая промышленность как неотъемлемая часть развивавшегося торгового земледелия. Промышленная обра-

⁷ Там же, стр. 368.

ботка сельскохозяйственных продуктов примитивным, кустарным способом существовала еще в дореформенный период (виноделие, винокурение и некоторые другие). Первым крупным предприятием обрабатывающей промышленности была краповая фабрика в г. Дербенте по обработке корней марены. Она была основана в 1863 г. В 1865 г. на ней было произведено 4704 пуда крапа, а в 1868 г. — уже 19,5 тыс. пудов. Но она просуществовала недолго. Фабрика закрылась в середине 70-х годов в связи с падением мареноводства.

До начала 90-х годов из предприятий обрабатывающей промышленности были созданы два спирто-коньячных завода в Дербенте, табачная фабрика, два пивоваренных завода и некоторые другие мелкие предприятия в городах области. В 1885 г. в трех городах Дагестана — Петровске, Дербенте и Темир-Хан-Шуре — насчитывалось 37 заводов, которые производили продукции на сумму 325 716 руб. Почти в таком же состоянии оставалась промышленность и к 1893 г., когда валовой выпуск ее составил 390 тыс. руб.

Главным пунктом развития винодельческой промышленности был Дербент.

В 80—90-х годах виноделие развивается также в Петровске, Темир-Хан-Шуре, слободе Хасав-юрт и имении Воронцова-Дашкова «Геджух». В 90-х годах резко возрастает производство вина в Петровске. Если в 1893 г. здесь было произведено вина 13 тыс. ведер, в 1894 г. — 25 тыс., то в 1895 г. — уже 40 тыс. ведер. Возрастает выделка вина и в целом по области.

Заметное развитие получило также винокурение. Первые два винокуренных завода появились в Дербенте в середине 80-х годов. К концу XIX в. возник еще ряд винокуренных и коньячных заводов. Только в Петровске в конце XIX в. насчитывалось шесть винокуренных заводов. Если в 1888—1891 гг. ежегодно в среднем выкуривалось в области 8 тыс. ведер спирта, то в 1894—1901 гг. — 15 тыс. Наряду с винокуренными и коньячными заводами сравнительно больших размеров существовали неусовершенствованные, кустарные, так называемые «огневые» заводы. К концу XIX в. в Дербенте таких заводов насчитывалось 45. Широкое распространение винокурения объяснялось большим спросом со стороны садовладельцев на винный спирт, употреблявшийся для сдобривания вин, а также необходимостью утилизации остатков виноделия.

В середине 90-х годов в Дагестане возникает новый вид обрабатывающей промышленности — консервирование. Центром консервной промышленности стал г. Темир-Хан-Шура. Приготовление консервов здесь было начато местным кондитером, получившим заказ на фруктовое пюре из Москвы.

Вслед за этим в 1896 г. в Темир-Хан-Шуре и аулах области московские предприниматели основали ряд консервоварочных предприятий. Фруктовое пюре из персиков, абрикосов, груш и яблок отличалось высокими вкусовыми качествами и имело широкий спрос в кондитерской промышленности. Это и дало толчок развитию консервирования в Дагестане. Но в первые годы консервирование производилось примитивным способом. Котлы для варки консервов устанавливались в тесных, непригодных дворах. Подготовка фруктов нередко производилась под открытым небом. Первым крупным фруктовоконсервным заводом в Темир-Хан-Шуре был завод Хизри Гаджиева, открытый в конце 90-х годов. В 1901 г. на нем приготавливалось 2 тыс. пудов консервов и 8 тыс. пудов пюре.

Фруктовые консервы и пюре очень скоро получили широкую известность. В 1898 г. заказы на них стали поступать из различных концов страны, а также из Польши, Финляндии и некоторых других мест.

Добывающая промышленность

Недра Дагестана богаты полезными ископаемыми. Однако во второй половине XIX в. они были очень слабо изучены, а известные в то время богатства эксплуатировались хищнически, без геологических исследований.

Уже в начале пореформенного периода из естественных выходов добывалась нефть самым примитивным способом. Как правило, нефть добывали откупщики, снимавшие нефтяные месторождения в арендное содержание. Добыча нефти производилась у аулов Берикей, Джемикент, Башлы в Кайтаго-Табасаранском округе и на землях шамхала тарковского в Темирханшуринском округе. Всего действовало 111 нефтяных колодцев. Из всех нефтяных колодцев в 1866 г. было добыто 34 т нефти, а в 1870 г. — 164 т. Среднегодовая добыча нефти с 1871 по 1880 г. составила 109 т, с 1881 по 1890 г. — 303, а с 1891 по 1900 г. снова упала до 130 т.

Кроме нефти велась также добыча серы. Месторождения серы рассеяны по всему Дагестану. В пореформенный период были известны Кхиутское, Могохское, Гиик-Салганское месторождения. Более всего разрабатывалось Кхиутское месторождение, открытое известным геологом Абигом в 1859 г. Вначале оно эксплуатировалось правительством, в 1867 г. было передано князю Эривосту, а затем много раз переходило к другим владельцам.

Аналогичная судьба была у ртутного месторождения, расположенного в Южном Дагестане.

Наиболее известными месторождениями соли были Туралинское во владении шамхала тарковского, в Улусском магале Кюринского округа, в сел. Конхидатль и Нижнее Энхело в Андийском округе.

В 60—70-х годах производилась также разработка горючих сланцев и торфа войсковыми частями для собственных нужд (Карадахское месторождение горючих сланцев возле Гуниба, Матлаское месторождение на Хунзахском плато и Казикумухское месторождение торфа). Примерная добыча горючих сланцев и торфа не превышала 2,5 тыс. т в год.

Только с 90-х годов предпринимаются некоторые шаги к расширению добычи полезных ископаемых (нефти, ртути, серы), привлечение внимания русских и иностранных капиталистов.

С 1882 г. до конца 90-х годов Кхиутское серное месторождение эксплуатировалось французской компанией. В 90-х годах здесь был построен небольшой завод для выплавки серы. С 1877 по 1893 г. на этом руднике было добыто 670 тыс. пудов серы. Сера добывалась также на Чиркатском серном руднике.

С 1893 г. начинают усиленно эксплуатироваться Хпекское и Галцахское ртутные месторождения. Они были куплены у казны местными предпринимателями — М. М. Далгатом и начальником Кюринского округа Асвацатуровым. В 1895 г. добыча ртути здесь находилась уже в руках товарищества русских предпринимателей «Кавказская ртуть», а с начала XX в. перешла к «Английскому синдикату минералов», который вывозил обогащенную руду в Англию. Работы велись кустарным способом.

В 1893 г. было начато глубокое разведочное бурение нефти в районе Берикея. В 1894 г. здесь возникли промыслы русских предпринимателей Козляковского, Любимова, Балабанова. В 1899 г. в Кайтаго-Табасаранском округе на участках «Тенсис-кутан», «Уллу-Иссису» и «Неут» общей площадью 2248 десятин действовало «Англо-русское нефтяное общество», производившее разведку, бурение и добычу нефти. Интерес к добыче нефти стали проявлять и местные предприниматели.

Добыча соли производилась по-прежнему самым примитивным способом.

В то же время откупщики произвольно устанавливали высокие цены на соль, что привело к вытеснению местной соли более дешевой привозной, которая доставлялась в Дагестан морем, а с 1894 г. — и по железной дороге. Поэтому соляной промысел, хотя и продолжал иметь важное значение в деле обеспечения местного населения, начиная с 80-х годов сокращался.

Если с 1881 по 1890 г. было добыто 14,6 тыс. т соли, то за следующее десятилетие — 10 тыс. т.

Добывающие отрасли промышленности, таким образом, не получили значительного развития в конце XIX в. Это

объяснялось прежде всего неразвитостью путей сообщения. Железная дорога прошла по Прикаспийской низменности только во второй половине 90-х годов прошлого столетия. Серьезным препятствием к развитию добывающей промышленности была слабая геологическая изученность недр Дагестана. К этому следует добавить, что развитие добывающей промышленности требовало вложения крупных капиталов, которыми местные предприниматели и торговцы не располагали. В Дагестане развитию добывающей промышленности мешали остатки феодально-крепостнических отношений, нерешенность земельно-правового вопроса. Царское правительство запрещало местному населению разработку недр или сдачу таких земель в аренду.

Для развития промышленности второй половины 90-х годов XIX в. было характерно укрупнение ее масштабов. В обрабатывающей промышленности, например (без рыбной), с 1896 по 1900 г. число рабочих в среднем на одно предприятие увеличилось в 2 раза, а выработка продукции в среднем на одно предприятие возросла почти в 5 раз. Это было результатом вытеснения более мелких, полукустарных предприятий крупными.

В 1899 г. в городах области насчитывалось (без рыбных промыслов) 44 промышленных предприятия с годовой продукцией 392 507 руб. Общее количество рабочих, занятых в промышленном производстве, согласно данным переписи населения 1897 г., составляло 1,3—1,4 тыс. Значительно большее число рабочих, около 7 тыс., было занято в промышленности, носившей сезонный характер, — рыбной, винодельческой, консервной. Наемных рабочих в различных отраслях народного хозяйства в Дагестане насчитывалось свыше четырнадцати с половиной тысяч.

§ 5. ВОЗДЕЙСТВИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОБЛАСТИ

Возникновение новых городов

Под влиянием капиталистических отношений, проникавших во все отрасли хозяйства, роль городов как административных и торговых центров в течение всего пореформенного периода непрерывно возрастает, усиливается приток населения в города.

В 1867 г. укрепления Темир-Хан-Шура и Петровское были преобразованы в города. К этому моменту в Темир-Хан-Шуре насчитывалось 2069 жителей, а в Петровске — 2203. Вместе с древним городом Дербентом в области теперь было три города с общим числом жителей 17,5 тыс.

К концу XIX в. население в городах области увеличилось в 2,5 раза. Особенно возросло население Петровска (почти в 4 раза) и Темир-Хан-Шуры (более чем в 6 раз). Петровск стал крупным транзитным городом. В 1898 г. через г. Петровск было ввезено в область различных грузов более 14 млн. пудов и вывезено из области более 8,3 млн. пудов. В порт ежегодно стали приходить сотни судов. К этому времени в Порт-Петровске действовали две табачные фабрики, крупная фабрика «Каспийская мануфактура», рыбный промысел, холодильник, различные мастерские, магазины, склады, винные погреба и много других заведений. Всего здесь насчитывалось 238 предприятий и различных торговых заведений. В Темир-Хан-Шуре в этот же период насчитывалось 285 различных предприятий и торговых заведений с годовым оборотом до 10 тыс. руб. каждое.

Город Дербент стал центром развития винодельческой промышленности. Развитие виноделия и винокурения вызвало развитие бондарного промысла. К началу 90-х годов в Дербенте было до 30 мелких бондарных кустарных производств. Сюда прибывают кустари-горцы и открывают свои слесарные, медные и другие мастерские. К концу века здесь насчитывалось 293 разные лавки, 26 виноградо-водочных заводов, было учтено 717 ремесленников.

Население города с 13,3 тыс. в 1868 г. возросло до 18,5 тыс. в 1899 г.

Значительно вырастает в эти же годы слобода Хасавюрт. По сравнению с 1865 г. население этого административного центра увеличилось более чем в 3 раза.

**Строительство
грунтовых и шоссе-
вых дорог**

Развитию товарно-денежных отношений, усилению экономических связей в значительной степени способствовало строительство грунтовых и шоссейных дорог на территории Дагестана со времени Кавказской войны. Был проложен почтовый тракт с 15 станциями, соединивший Дагестан с Терской областью и Бакинской губернией, длиной в 271 версту.

В 1861 г. трудами Апшеронского, Самурского, Ширванского и некоторых других полков была проведена шуринско-гунибская дорога через Кизлярский перевал и дорога через Куппинский перевал.

В 1861—1862 гг. силами войск с привлечением значительного количества местного населения были проложены дороги через Мурадинский перевал до Карадаха и от Карадаха через Хунзахское плато до аула Херахи, в 1863 г. — от аула Хосрех до аула Тлох. В 1869 г. было завершено строительство шуринско-петровской шоссейной дороги. В 90-х годах закончено было строительство аваро-андийской дороги, аваро-кахетинской и араканской дороги.

Глохский мост

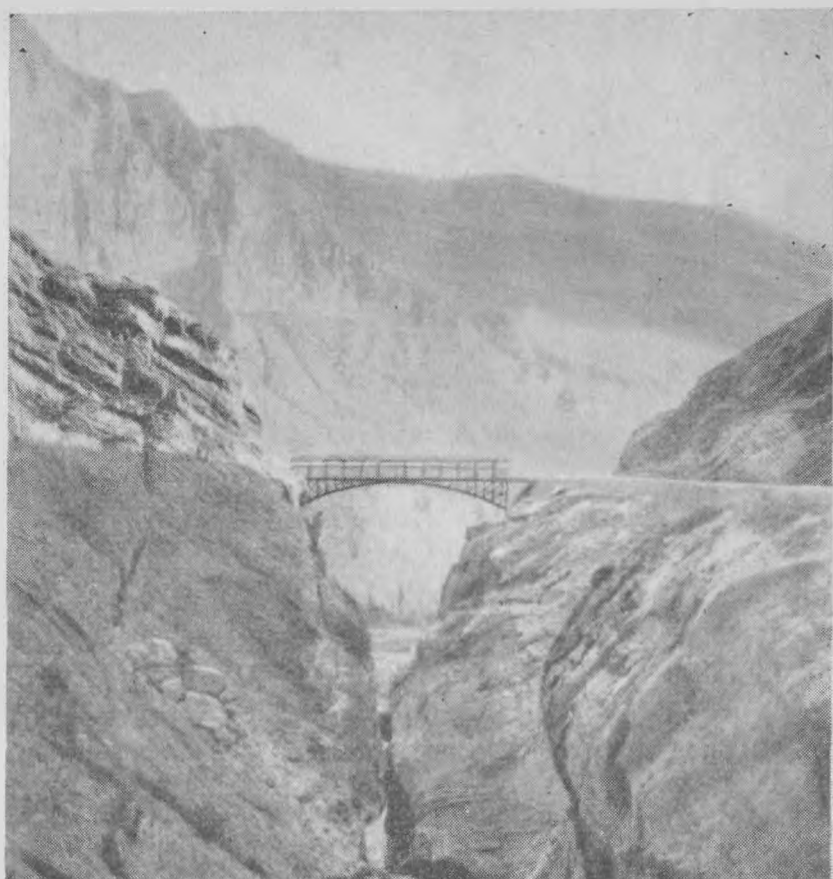
В эти же годы был сооружен ряд грунтовых дорог чисто экономического значения. Много шоссейных и грунтовых дорог, соединивших многие горные аулы между собой, было проведено силами самого населения. Это грунтовые дороги между аулами Ундукуль и Ишкарты, от Дешлагара через Башлы до Маджалиса, Маджалис—Великент, Ахты—Куба, от аула Анди до границ Терской области и многие другие. Сооружено было также много мостов, значительно облегчавших доставку продукции сельского хозяйства и кустарных изделий как на местные базары, так и за пределы области.

Самым же крупным событием, значительно повлиявшим на дальнейшее развитие экономики области, было проведение в 90-х годах железной дороги.

Вначале ветвь Владикавказской железной дороги была построена на Кумыкской плоскости до г. Петровска. Движение по ней было открыто осенью 1894 г. А в 1899 г. была построена дорога до Баку через Дербент. Движение по ней официально было открыто с 1 апреля 1900 г.

Эта железная дорога соединила Дагестан, с одной стороны, с центром России, а другой — с крупными промышленными центрами Кавказа — городами Баку и Грозным.

Железная дорога в короткие сроки оживила Прикаспий-

Георгиевский мост

скую низменность, повлияла на развитие экономики и всего Дагестана. На Прикаспийскую низменность большими группами стали прибывать переселенцы из различных губерний России, вблизи полотна железной дороги появились новые населенные пункты.

Все это способствовало усилению экономических связей, оживлению торговли, вовлечению в нее местного наиболее предприимчивого населения. В конце 60-х — начале 70-х годов оживляется торговля во многих селениях Дагестана. Особенно крупные торговые центры были расположены на Кумыкской плоскости; среди них выделялись Аксай, Костек, Эндрей и др.

Крупные торговые обороты совершали торговцы из Казикумуха, доставляя на местные базары хлеб, фрукты, тек-

стильные и шелковые товары, лес и другие предметы потребления. Целые селения из нагорного Дагестана производили на продажу бурки, сукна, хурджины, перевозили их вьюками в Кубу, Баку, Кахетию, а оттуда на тифлисский рынок. Другие сбывали продукцию садоводства (абрикосы, персики, груши, яблоки и др.) в Темир-Хан-Шуре, Петровске, Дербенте; торговцы из Темир-Хан-Шуры скупали виноград в Ботлихе и других горных аулах для выделки вина.

Развитие торговли вызывает бурный рост торгового сословия, в первую очередь в городах, ставших главными центрами торговли. Среди городского населения (в меньшей мере также и среди сельского) все отчетливее выделяется слой предприимчивых людей, специальным занятием которых становится торговля. Они, как правило, вырастали из среды зажиточных крестьян, предприимчивых кустарей. К 1886 г. в Дагестане (вместе с Хасавюртовским округом) насчитывалось 324 представителя купеческого сословия, к 1897 г. — 602, а в начале XX в. — более 800. Всего же к концу XIX в. торговлей в Дагестане было занято 10 350 человек, что составляло 1,8% населения области.

Рост торговли становится особенно заметен в 90-е годы, причем для последнего десятилетия XIX в. было характерно усиление вывоза товаров.

Если в конце 60-х годов средний ежегодный вывоз товаров через Петровскую таможенную заставу составил 103 341 руб., то в 1892 г. было вывезено товаров уже на 651 198 руб. Увеличивается вывоз товаров и из Дербента. На местных базарах меновая торговля все интенсивнее вытесняется торговлей денежной. Базары стали открываться во многих крупных аулах. Из земледельческих и садовых округов на них привозили семена на посев, фрукты, пеньковые изделия; женщины выносили свои сукна, ковры, паласы, готовые черкески; медники сидели со своей посудой; оружейники раскладывали кинжалы, шашки, пистолеты; овцеводы пригоняли на продажу овец. Одни меняли, другие покупали, третьи продавали. Только в Темирханшуринском округе в 1892 г. было продано скота и продуктов скотоводства на сумму 89 788 руб. и куплено хлеба на 146 477 руб.

Особенный толчок развитию торговли в области дала Владикавказская железная дорога. О ее значении красноречиво свидетельствуют следующие цифры:

	1866 г.	1869 г.	1892 г.	1895 г.
Вывезено товаров на сумму (руб.)	6 074	194 201	651 198	11 302 666

§ 6. КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 80—90-х ГОДОВ

В 80—90-е годы крестьянское движение было направлено главным образом против остатков феодальной зависимости и носило в силу этого антифеодальный характер. Оно выражалось в основном в подаче царской администрации прошений и жалоб на произвол феодалов, причем в этот период жалобы принимали все более настойчивый и организованный характер. Во многих жалобах и прошениях можно уловить нотки протеста и против нарождавшейся сельской буржуазии, в частности арендаторов-овцеводов.

Царскую администрацию в центре и на местах даже такая форма борьбы крестьян, как подача жалоб и прошений, отнюдь не устраивала. Крестьянам запрещали обращаться в вышестоящие инстанции, допрашивали и выискивали «подстрекателей», подвергали аресту поверенных и сажали их в тюрьмы. Раяты Кайтаго-Табасаранского округа писали в своей жалобе, что вследствие безграничного произвола беков они «сделались положительно нищими бродягами», не имеющими никакой собственности. А когда они хстят жаловаться, их бьют и лишают свободы, а двоих из них (Гаджи-Навруз-бека Гусейн-оглы и Магомеда Гусейн-оглы) посадили в тюрьму.

Несколько раз обращались с жалобами на произвол беков жители селений Северного Табасарана. В 1898 г. поверенные обществ были арестованы и посажены в тюрьму, где трое из них умерли. Не добившись удовлетворения жалобы, раяты обратились в суд, требуя освободить их от бекских повинностей, так как они не пользуются бекской землей. Когда и суд отклонил их справедливые требования и вынес решение в пользу беков, раяты выбрали поверенных для посылки к военному губернатору области. Но начальник Кайтаго-Табасаранского округа снова арестовал поверенных и посадил в маджалисскую тюрьму, а в аулы направил наиба с нукерами, которые насильственно взимали подати и повинности.

Такие репрессивные меры со стороны окружной и областной администрации еще более обострили классовые противоречия. Крестьяне поднимались на борьбу все с большей решимостью. Они уже не ограничивались подачей жалоб и прошений, а оказывали прямое сопротивление бекам, организовано отказывались выполнять повинности и платить подати.

Первыми такое организованное сопротивление оказали крестьяне сел. Ялах Самурского округа в 1883 г. Они отказались отбывать бекские повинности и не подчинились, когда их пытались привести в повиновение старшина аула и наиб

участка. В ответ на требование последних все крестьяне в количестве 63 человек явились в окружной центр Ахты и подтвердили там свой отказ нести повинности бекам. В случае применения насилия крестьяне собирались оказать сопротивление. Начальник округа обратился за помощью к военному губернатору, который издал приказ, требуя от ялахцев вернуться «к законному порядку и отбывать повинности». Объявить приказ крестьянам явился сам начальник округа. Но крестьяне снова заявили, что повинностей несут не будут, и в решении схода записали: «Требование начальства, изложенное в приказе, не выполнять». Крестьянское волнение в сел. Ялах, которое хотя и было подавлено вскоре силой оружия, еще раз показало организованность и твердую решимость крестьян во что бы то ни стало освободиться от бекского гнета.

В 90-х годах против бекского гнета было организовано выступление раят Кайтаго-Табасаранского округа. Почти все райаты Северного Табасарана в 1895 г., не получив удовлетворения по своим прошениям, отказались нести бекские повинности. Попытки «привести их в повиновение» силами местной администрации ни к чему не привели. Райаты отказывались выполнять бекские повинности, производили захват и распашку бекских земель, жгли их постройки на кутанах. Давая объяснение этим событиям, военный губернатор писал о результатах произведенных расследований: как показали поверенные жителей аула Фартиль, бек требовал работать на него 7 дней вместо положенных двух, посылая крестьян копать землю, очищать канаву и т. д. За отказ райатов выйти на работу он избил двоих из них.

В заключение военный губернатор вынужден был признать, что зависимое положение «действительно нельзя не признать тяжелым», и выражал тревогу по поводу того, что «неудовольствия между райатами и беками с каждым днем усиливаются». И действительно, волнения райат в 1897 г. еще более усилились, а в 1898 г. почти все райаты Кайтаго-Табасаранского округа категорически отказались выполнять бекские повинности. Волнения райат правительство усмирало вооруженными силами.

В 1900 г. в сел. Кадар Темирханшуринского округа по тем же мотивам (захват беком Узун-Гаджи лучших земель крестьян и отказ последних исполнять бекские повинности) произошло вооруженное столкновение крестьян с беком.

Естественно, все эти выступления оканчивались поражением крестьян, однако борьба крестьян Дагестана в конце XIX в. не была напрасной. Она подтачивала весь прогнивший строй царской России с ее колониальной политикой, господствовавшими полуфеодальными производственными отношениями.

Практическим результатом крестьянского движения этого периода было освобождение части зависимых крестьян от несения повинностей бекам и чанкам. От зависимых отношений в 80—90-е годы были освобождены жители сел. Шара, Курхи, Убра в Казикумухском округе, Нита, Накитль, Датун — в Аварском округе, десяти селений Улусского магала Кюринского округа, сел. Ишкарты Темирханшуринского округа и некоторых других. С 1883 по 1907 г. крестьяне 27 селений с десятитысячным населением полностью или частично освободились от несения повинностей бекам, казне или другим сельским обществам.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Г Л А В А VII

ДАГЕСТАН НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

§ 1. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДАГЕСТАНА В НАЧАЛЕ XX В.

Развитие капиталистических отношений в Дагестане

Хотя Дагестан в начале XX в. продолжал оставаться отсталой аграрной, патриархально-феодальной страной, капитализм развивался здесь заметными темпами. Процесс этот прежде всего шел на плоскости. Этому способствовало наличие здесь городов — центров капиталистического развития области.

Крестьянство в Дагестане все больше расслаивалось: на одном полюсе выделялась зажиточная верхушка — кулачество, на другом — масса безземельных и малоземельных, а также безвечных крестьян — деревенских пролетариев и полупролетариев. Кулаки, пользуясь материальной зависимостью от них остальной массы крестьянства, использовали в своих интересах земли сельских обществ, а также дешевую рабочую силу разорившихся односельчан, нередко бесплатно, под видом тухумной взаимопомощи. Расслоение крестьянства, хотя и в гораздо меньших размерах, наблюдалось и в горных районах, где ведущей отраслью хозяйства было животноводство.

Полеводство, садоводство, виноградарство, животноводство в Дагестане в начале XX в. принимают все более товарный характер.

Тем не менее старые производственные отношения сильно тормозили развитие производительных сил области. Сельское хозяйство Дагестана в целом продолжало оставаться экстенсивным. «Приемы обработки земли крайне несовершенны, а земледельческие орудия — первобытного типа», — сообщалось в официальных отчетах. Практиковались двухпольные севообороты, залежная система.

Хотя климатические и почвенные условия области требовали создания широкой оросительной сети, ирригация была развита слабо. В 1903 г., например, орошалось всего 50 643 десятины пашни, что составляло несколько более четверти всей площади пахотной земли. Борьба с сельскохозяйственными вредителями проводилась в крайне ограниченных размерах, в основном в состоятельных хозяйствах.

К 1 января 1905 г., по данным администрации, в области в частном владении, а также во владении сельских обществ, мечетей, городов и казны находилось 1298 тыс. десятин. Примерно 19,6% этой площади — 254 637 десятин принадлежало частным владельцам — бекам, чанкам и другим, составлявшим всего около 0,35% населения, 10,9% — казне, а сельским обществам (крестьянство составляло 93,5% населения области) — около 67,5% (876 530 десятин). Мечети имели 13 092 десятины, города — 13 106.

Самые лучшие и плодородные земли принадлежали бекам, владевшим иногда тысячами и десятками тысяч десятин, особенно в Темирханшуринском и Кайтаго-Табасаранском округах, а также казне. Казна захватывала землю сельских обществ и отдельных крестьянских хозяйств и сдавала ее в аренду крупными участками по 100—3000 десятин. Такие участки могли арендовать лишь помещики и кулаки. Последние, арендуя казенную землю, сдавали ее крестьянам в субаренду мелкими участками. В этих условиях крестьяне нередко платили арендаторам в десятикратном размере.

Крестьяне в Дагестане имели в среднем немногим больше одной десятины пашни на душу. Порой же на целое хозяйство приходилось 0,16—0,20 десятины земли. Большое число хозяйств было безземельным.

В начале XX в. значительно обострилось положение в ауле в связи с разрешением сословно-поземельных вопросов. В то же время рост крестьянского населения и, следовательно, числа едоков в крестьянских семьях, повышение цен на землю в связи с развитием товарно-денежных отношений и ростом промышленности и транспорта в области приводили ко все большему столкновению интересов сельских общин — с одной стороны, беков и казны — с другой.

На крестьянство давили многочисленные прямые и косвенные налоги, повинности. Это усиливало разорение крестьян, дифференциацию сельского населения. В ауле росли недоимки. Особенно тяжелым было положение феодально-зависимых крестьян — раят и зависимых узденей. Разорившиеся крестьяне искали заработков в кустарничестве, в отхожих промыслах.

В конце XIX — начале XX в., особенно в связи с проведением железной дороги и строительством в Дагестанской

области целого ряда промышленных предприятий — текстильной фабрики, бондарных, гвоздильного и других заводов, — некоторые виды кустарных изделий стали быстро вытесняться фабрично-заводскими изделиями. Например, в городах области широко распространились сукна московских фабрик. Но некоторые виды кустарного промысла — производство ковров, бурок, ювелирный, деревообделочный и др., — наоборот, получили толчок для своего развития в связи с большими возможностями сбыта и отсутствием конкуренции со стороны фабрично-заводской промышленности ввиду специфичности этих изделий. Кроме того, существование кустарных промыслов поддерживалось и такими факторами, как топографические особенности области, бездорожье, традиции и пр., препятствовавшими проникновению фабричных товаров в горы.

Среди кустарей и ремесленников в Дагестане в начале XX в. также наблюдалось значительное расслоение. Состояние кустарных промыслов имело большое значение для рабочего движения. В. И. Ленин указывал, что «успех рабочего движения зависит... не только от числа фабричных рабочих, а и от числа... *кустарей!*»¹.

Усиливается в описываемое время и отходничество. Если в 1896 г. на отхожий промысел ушли 41,6 тыс. дагестанцев, то в 1907 г. — уже более 84,5 тыс. Бурное развитие отходничества среди дагестанцев в начале XX в. объясняется ростом товарно-денежных отношений, расширением применения наемного труда в сельском хозяйстве плоскостного Дагестана, развитием в приморской части области промышленности и транспорта, большим спросом на рабочую силу в Бакинском и Грозненском нефтепромышленных районах и в других промышленно развитых местностях Кавказа. Все больший удельный вес начинает занимать промышленный отход. В условиях развертывания рабочего и крестьянского движения в стране отходничество способствовало росту политической сознательности дагестанцев.

В начале XX в. заметных успехов, главным образом благодаря притоку капитала и рабочей силы извне, добилась в Дагестане капиталистическая промышленность.

В конце XIX — начале XX в. российский капитализм вступил в последнюю, империалистическую стадию развития. Перерастание российского капитализма в империализм сопровождалось усилением процесса приобщения национальных окраин к общероссийской экономике. В. И. Ленин указывал, что в эпоху промышленного капитализма «колонии втягивались в обмен *товаров*, но еще не в капиталистиче-

¹ В. И. Ленин, *Что такое «друзья народа»...*, — Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 330.

ское производство. Империализм это изменил. Империализм есть, между прочим, вывоз капитала. Капиталистическое производство все более и более ускоренно пересаживается в колонии»².

Вывоз капитала на национальные окраины — колонии Российской империи был чрезвычайно выгоден русской буржуазии. Близость к богатым источникам сырья, наличие дешевой рабочей силы, возможность втридорога сбывать промышленные товары обеспечивали ей получение наивысших прибылей. В то же время приток капитала способствовал развитию производительных сил на окраинах, втягиванию их в общероссийское и мировое товарное обращение, распространению по всей стране единой экономической системы, росту национальной прослойки пролетариата, подъему освободительного движения.

Большую роль в экономическом развитии области играла железная дорога. По ней в Дагестан во все увеличивавшихся размерах поступала продукция русской промышленности и некоторые сельскохозяйственные товары. Из Дагестана же вывозились рыба, вино и виноград, фруктовые консервы и свежие фрукты, продукты животноводства и др. С 1902 по 1904 г. вывоз с дагестанских станций Владикавказской железной дороги увеличился с 15 с лишним млн. пудов почти до 31 млн. пудов, ввоз — с 5 с лишним млн. почти до 7,2 млн. пудов, а транзит через Порт-Петровск — примерно с 13,5 млн. почти до 15,5 млн. пудов.

Развитие железнодорожного транспорта, связавшего Дагестан с промышленными центрами страны, дало значительный толчок таким отраслям хозяйства, как рыбный промысел и производство консервов и вин, продукция которых получила отныне широкий доступ на внутренние рынки России. Добыча рыбы (сельди) с 1893 г., когда железная дорога была доведена до Петровска, по 1905 г. увеличилась с 53 тыс. до 2140 тыс. пудов. На сельдяных промыслах в путину собирались тысячи рабочих (в 1905 г., например, до 9 тыс.). Расширялось производство вин на базе дербентских (главным образом) и кумторкалинских виноградников, а также консервированных фруктов (в Темир-Хан-Шуре). Росли предприятия обрабатывающей и горнодобывающей промышленности.

Если в начале 1899 г. в городах области насчитывалось 44 промышленных предприятия (без рыбных промыслов) с годовой продукцией на 392 507 руб., то в 1905 г. имелось уже 54 городских промышленных предприятия, давших продукции на 1 372 717 руб. Действовали также десятки пред-

² В. И. Ленин, *Итоги дискуссии о самоопределении*, — Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 35.

приятый по добыче и обработке рыбы, по добыче нефти, соли и пр.

Царское правительство предоставляло широкие возможности для проникновения в страну иностранного капитала, который захватывал ключевые отрасли промышленности — топливную, металлургическую и др. Со своего капитала зарубежные дельцы получали огромные прибыли. Только за 1895—1904 гг. иностранные капиталисты вывезли из России свыше 830 млн. руб. золотом в качестве прибыли.

Иностранный капитал проник и в Дагестан. На Кхиутском серном руднике добычу некоторое время вела французская компания. В Кайтаго-Табасаранском округе близ Берикея на участках «Тенсис-кутан», «Уллу-Иссису» и «Неут» общей площадью 2248 десятин действовало «Англо-русское нефтяное общество», производившее разведку, бурение и добычу нефти. В 1902 г. правительство заключило договор с известной нефтяной компанией «Бр. Нобель», акции которой находились в руках капиталистов стран Запада, об аренде нефтеносных районов области, в том числе Берикейской казенной дачи. В 1904 г. только этой компанией было добыто 1 879 558 пудов. За каждый пуд компания платила казне по одной копейке при продажной цене на месте в 15—18 коп. Разработка месторождений нефти и других полезных ископаемых велась хищническими методами.

Приведенные данные свидетельствуют об однобоком, колониальном характере развития промышленности Дагестана. Развивались преимущественно те ее отрасли, которые поставляли продукты питания, промышленное сырье. Уровень технического оснащения промышленных предприятий, горных разработок, рыбных промыслов был крайне низким.

Развитию промышленности, а также транспорта и торговли в Дагестане способствовало расширение деятельности кредитных учреждений. Еще в 1901 г. в области не было этих учреждений. В 1907 г. оборот только Петровского отделения Северного банка составил свыше 25 750 тыс. руб. и Дербентского банка Малютина (открывшегося в 1903 г.) — свыше 950 тыс. руб.

Формирование рабочего класса в Дагестане

На базе развивавшихся в области промышленности и транспорта формировался и рабочий класс. По данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., в Дагестане можно было насчитать фактически не более 1300—1400 постоянных промышленных, строительных и транспортных рабочих. В 1905 г. этих рабочих было уже 9,5 тыс. Кроме того, в области было несколько тысяч рабочих-поденщиков и чернорабочих, десятки тысяч сезонных рабочих и батраков, кустарей и ремесленников.

В Баку, бывшем важной кузницей рабочих кадров, работали в 1905 г. 3,5 тыс. дагестанцев. Работали дагестанцы также в Грозном и других городах. Возвращаясь в родные аулы, они становились организаторами революционных выступлений крестьянства.

Рабочий класс в Дагестане складывался из пришлых русских рабочих и крестьян, отходников-дагестанцев и отходников из Ирана. Русские капиталисты (местная буржуазия только зарождалась) набирали рабочую силу прежде всего из русских губерний, поскольку эти рабочие обладали уже некоторой квалификацией, — текстильщиков из подмосковного фабричного района и Иваново-Вознесенска, бондарей из Рязани и Астрахани, рыбаков с Волги и т. д. Немаловажную роль при этом играла и национальная дискриминация. Поэтому постоянные кадры рабочих в Дагестане в промышленности и на транспорте состояли в основном из русских.

Русские составляли половину всех рабочих в промышленности и на транспорте Дагестана (все постоянные рабочие железной дороги, все бондари, две трети рабочих текстильной фабрики, половина рыбаков и др.), четвертую часть составляли дагестанцы (сезонные — на железной дороге, треть текстильщиков, до трети — в рыбной промышленности, горняки, рабочие фруктовоконсервной и виноградоводочной промышленности) и четверть составляли иранцы (около четверти рабочих рыбной промышленности, все грузчики в Петровском порту и на Дербентской пристани, чернорабочие в городах).

Положение рабочих Дагестана было очень тяжелым. Предприниматели обходили даже те куцые фабричные законы, которые существовали в царской России. Во всех отраслях промышленности и транспорта был широко распространен ручной труд. Охрана труда практически отсутствовала, фабричная и горная инспекция, а также местные власти поддерживали предпринимателей. На соляных промыслах, например, рабочим не выдавали спецодежду и соль разъедала кожу ног и рук. Отсюда большая текучесть рабочих на добыче соли. Из-за плохой охраны труда имели место несчастные случаи на нефтяных промыслах, в рыбной промышленности, на железной дороге. В 1904 г., например, на Владикавказской дороге пострадало 309 рабочих.

Рабочий день на предприятиях Дагестана был длительным. На текстильной фабрике работали 9 часов, на фруктовоконсервных предприятиях в Темирханшуринском, Даргинском и Аварском округах — 9—11, бондари и рыбаки — 18, грузчики в порту — 16—18, ремонтные рабочие телеграфа — 17 часов. На железной дороге были широко распространены сверхурочные работы.

Заработная плата на предприятиях Дагестана в среднем составляла 15—20 руб. в месяц (номинально). Фактически из-за штрафов, налагавшихся по самым пустяковым поводам, и других вычетов рабочие получали на руки 60—65% заработной платы. Женщины и дети на том производстве, где они принимали участие, работая наравне с мужчинами, получали меньшую заработную плату. Широко осуществлялась национальная дискриминация. Например, на сельдьяных промыслах за одну и ту же работу русские рабочие получали 18—20 руб. в месяц, дагестанцы — 12—15, иранцы — 5—7 руб.

На текстильной фабрике и на сельдьяных промыслах русских рабочих поселяли отдельно от мусульман — дагестанцев и иранцев. Этим предприниматели стремились разобщить рабочих, помешать их сплочению в единый пролетарский коллектив, росту их классовой солидарности и сознательности. Жилищные условия рабочих были крайне тяжелыми, особенно у рабочих-мусульман. На рыбных промыслах, например, казармы для мусульман являли собой вопиющее нарушение самых элементарных требований гигиены. На всех промыслах, не исключая более или менее благоустроенных Белиджинских, казармы были чрезвычайно перенаселенными.

На тонях Петровских вод, отстоявших от промыслов на 3—15 верст, имелись лишь камышовые шалаши и бараки, в которых жили неводные рабочие, едва защищенные от холода и ветра. Работали там исключительно дагестанцы или иранцы.

Рабочие, стиснутые жесткими рамками трудовых соглашений, находились полностью во власти предпринимателей и подрядчиков. Кратковременный, сезонный и напряженный характер работы, полная поддержка предпринимателей со стороны царских властей, недостаток опыта борьбы и наличие большой резервной армии труда часто мешали рабочим улучшить свое положение. Они не имели права даже покинуть работу, ибо тогда у них отбирался вид на жительство. На рыбных промыслах любого из рабочих распорядители в наказание за «непослушание» могли объявить нерадиво относящимся к работе, ленивым и оплачивать его труд половинной ценой.

Наиболее тяжелым было положение рабочих-иранцев, самой бесправной и забытой части рабочих Дагестана. Если завербованные русские рабочие получали оплату за проезд из России и обратно, то иранцы возвращались на родину за свой счет. Незнание языка, боязнь высылки в Персию административным путем, неграмотность — все это делало иранцев предметом бескрайнего произвола со стороны подрядчиков, предпринимателей и властей.

Следует отметить также, что массовые увольнения, проводившиеся предпринимателями в 1901, 1905, 1906, 1907 гг., приводили к острой безработице и еще большему обнищанию и голоду среди рабочих.

Положение рабочих Дагестана резко ухудшили кризисные явления в экономике страны. Так, становление империалистической стадии капитализма сопровождалось мощным экономическим кризисом 1900—1903 гг. Этот первый кризис империализма охватил и Россию. Он привел к закрытию тысяч предприятий и массовой безработице. В связи с сохранением сильных феодально-крепостнических пережитков действие кризиса в России было неизмеримо сильнее, чем в других капиталистических странах.

Кризис 1900—1903 гг. сразу же сказался на промышленности Дагестана. Сужение рынка в результате кризиса сковывало производство на текстильной фабрике «Каспийская мануфактура». В 1901 г. фабрика не работала в течение трех месяцев. В 1902 и 1903 гг. по сравнению с 1901 г. уменьшилось количество предприятий обрабатывающей промышленности в области, их производительность и число занятых на них рабочих.

Почти на 12,7 тыс. уменьшилось за два года число дагестанцев-отходников (в 1901 г. отходников было 76 336, а в 1903 г. — 63 612). И это не случайно. Например, в Бакинском нефтепромышленном районе, где работали тысячи отходников из Дагестана, в течение 1901—1903 гг. была выброшена за ворота предприятий почти треть рабочих. Царские власти выслали из Баку на родину около 15 тыс. безработных, значительную часть которых составляли дагестанцы. То же самое наблюдалось в Грозном, Ростове-на-Дону и других промышленных центрах, где работали дагестанцы. В Петровске и Дербенте — на железнодорожных станциях и пристанях — скапливались толпы безработных, бездомных и голодных людей.

Стремясь переложить тяготы кризиса на плечи трудящихся масс, капиталисты урезали заработную плату, удлиняли рабочий день, увеличивали интенсивность труда. Безудержно росли цены.

§ 2. ПРОНИКНОВЕНИЕ МАРКСИСТСКИХ ИДЕЙ В ДАГЕСТАН И СОЗДАНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ КРУЖКОВ И ГРУПП

В результате экономического кризиса 1900—1903 гг., а затем бедствий русско-японской войны в России, куда к началу XX в. переместился центр мирового революционного движения, развернулась мощная волна рабочих и кре-

стьянских выступлений. «Обуховская оборона» в 1901 г. в Петербурге, маевка в Баку, стачка и демонстрация в Батуми, а также всеобщая стачка рабочих Ростова-на-Дону в 1902 г., многотысячная демонстрация 27 апреля 1903 г. в Баку, первая всеобщая стачка бакинского пролетариата в июле 1903 г., всеобщая стачка рабочих юга страны, декабрьская забастовка бакинского пролетариата 1904 г., переход крестьянства России под влиянием борьбы рабочих к активным формам движения — все это революционизировало народные массы окраин, поднимало их на борьбу против социального и национального гнета.

Развитию рабочего и крестьянского движения в значительной степени способствовала консолидация социал-демократических сил в стране со второй половины 90-х годов. Созданный В. И. Лениным в конце 1895 г. Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и другие «Союзы борьбы» в промышленных центрах страны подняли социал-демократическое движение в стране на новую ступень.

Огромное значение для развития революционного движения в России имел II съезд РСДРП (июль—август 1903 г.), создавший марксистскую партию на тех идейных и организационных началах, которые были разработаны ленинской газетой «Искра». «Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года»³, — писал В. И. Ленин. Принципы равенства наций и права наций на самоопределение, провозглашенные в программе, принятой на съезде, и последовательно отстаиваемые большевиками в их борьбе с оппортунистами всех мастей и буржуазными националистами, явились величайшим стимулом в деле революционного подъема народных масс национальных окраин, основой для слияния в единый революционный поток борьбы народных масс центра и окраин России во главе с русским рабочим классом против власти помещиков и капиталистов.

Очень важным событием в политической жизни Кавказа явилось создание весной 1901 г. Бакинского комитета РСДРП ленинско-искровского направления во главе с В. Кецховели, А. Енукидзе и др. Бакинский комитет РСДРП развернул большую организационную и агитационно-пропагандистскую работу среди бакинских рабочих, в том числе рабочих-дагестанцев, помогал становлению социал-демократических групп в Дагестане.

В 20-х числах марта 1903 г. в Тифлисе состоялся первый съезд кавказских социал-демократических организаций,

³ В. И. Ленин, *Детская болезнь «левизны» в коммунизме*, — Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 6.

в котором приняли участие представители Тифлиса, Баку, Батума, Кутаиси и других городов. На съезде был создан Кавказский союз РСДРП, стоящий на позициях ленинской «Искры». В руководство союза — Кавказский союзный комитет были избраны видные социал-демократы — М. Цхакая, А. Цулукидзе, Б. Кнунянц, Ф. Махарадзе, а позднее А. Джапаридзе, С. Шаумян и др. Печатным органом комитета стала газета «Борьба пролетариата».

Образование Кавказского союзного комитета РСДРП привело к оживлению социал-демократической работы в крае. Наряду с укреплением уже сложившихся социал-демократических организаций Кавказский союзный комитет приступил к созданию новых организаций РСДРП.

Большое внимание Кавказский союзный комитет уделил промышленному центру на Северном Кавказе — Грозному, на предприятиях которого работало до 12 тыс. рабочих. При помощи Кавказского союзного и Бакинского комитетов РСДРП в Грозном в 1901—1903 гг. создаются социал-демократические кружки и группы. В конце 1903 г. в Грозный по указанию Кавказского союзного и Бакинского комитетов РСДРП переехал для партийной работы И. Т. Фиолетов (впоследствии — один из двадцати шести бакинских комиссаров).

Грозненская организация РСДРП оформилась тогда же, в 1903 г. Она твердо стояла на большевистских позициях и руководила всей революционной работой в Грозненском нефтепромышленном районе, а также — наряду с Бакинской организацией РСДРП — в Дагестане. Грозненская организация поддерживала тесную связь с Баку и Ростовом-на-Дону. (В Ростове в это время Донским комитетом РСДРП руководил профессиональный революционер-ленинец С. И. Гусев).

Создание и укрепление крупных организаций РСДРП на Кавказе имело благоприятные последствия для развития социал-демократического движения в Дагестане. Этому же способствовало и появление в области в начале XX в. пролетариата, сложившегося на промышленных и транспортных предприятиях области.

Царское правительство, учитывая политическую, экономическую и культурную отсталость Дагестана — следствие колониальной политики самодержавия, еще в конце XIX в. сделало область одним из мест ссылки своих политических противников. Из Петербурга, Москвы, Иваново-Вознесенска и других городов высылались в Дагестан под надзор полиции русские революционеры.

Работая в Петровске, Дербенте, Темир-Хан-Шуре учителями, счетными работниками и пр., ссылки завязывали связи с рабочими, организовывали кружки политического

самообразования, разъясняли события, происходившие в России, распространяли нелегальную литературу, поступавшую из других городов страны, из-за рубежа, способствовали формированию революционного мировоззрения передовых представителей рабочих и интеллигенции области. Зарождавшаяся в России социал-демократия уделяла большое внимание Дагестану, как области, находившейся между важными промышленными центрами Кавказа — Баку и Грозным. В Дагестан направляются представители социал-демократической партии, деньги, литература.

Так, в марте 1898 г. жандармерия в Петровске установила, что железнодорожный служащий Н. Попков, прибывший из Ростова-на-Дону, занимался пропагандой марксизма. После смерти Попкова в результате обыска были найдены документы, подтверждавшие его принадлежность к «Российскому социал-демократическому союзу», а также большое количество нелегальной литературы.

В начале XX в. в городах Дагестана появляются первые социал-демократические кружки. Так, в 1902 г. в Дербенте был создан с помощью бакинцев среди рабочих паровозного депо нелегальный социал-демократический кружок. Кружковцы получали листовки и нелегальную литературу из Баку и распространяли ее среди железнодорожников. Кружок постепенно рос, в него вовлекались все новые рабочие и служащие. Впоследствии члены кружка вошли в состав Дербентской городской социал-демократической группы.

В Петровске в 1903 г. были созданы два социал-демократических кружка: один — из рабочих депо станции Петровск-Кавказский, другой — из рабочих фабрики «Каспийская мануфактура». Первое время работу в кружках вели меньшевики, но влияние большевиков постепенно росло.

Социал-демократы Петровска устраивали сходки рабочих, постепенно переходили от узкой кружковой пропаганды к массовой политической агитации. Получая листовки из Астрахани, Баку, Тифлиса и других городов, они распространяли их среди рабочих и служащих, разбрасывали на улицах города. Так, в начале 1903 г. жандармы обнаружили в Петровске — в городском саду и в бондарном заведении Матюхина — 16 брошюр только что созданного Кавказского союза РСДРП. Листовки распространялись и среди солдат. В том же 1903 году власти вынуждены были заговорить о мерах борьбы с политическими выступлениями, о недопущении нелегальных собраний и изъятии листовок и воззваний, об ограждении войск от противоправительственной пропаганды.

Большой толчок развитию революционного движения в стране дала русско-японская война, начавшаяся в январе 1904 г.

Большевики Дагестана распространяли антивоенные листовки, разоблачавшие кровавый царизм, империалистические цели войны, своекорыстный «патриотизм» русской буржуазии и продажность царской администрации, воспитывали рабочих и всех труженников в духе интернационализма, призывали к борьбе против самодержавия. Так, еще в апреле 1904 г. полиция получила сведения о распространении прокламаций и пропаганде против самодержавия и войны в Петровском городском училище. Листовки распространялись также в промышленных заведениях города, на улицах. Большую помощь социал-демократам оказывали в этом учащиеся Петровского городского училища и ученики типографии А. Михайлова.

В Дагестане мусульманское население воинской повинности не несло (она была заменена особым воинским налогом), ибо царизм не доверял народам, которых он держал в колониальном положении. Но, нуждаясь в связи с войной в «пушечном мясе», власти обратились к горцам с призывом вступать в формируемый для действий на фронте конный полк. «Добровольцев» набирали, расходуя большие денежные средства и прибегая порой к принудительным мерам. Завербовывались в полк, как правило, бедняки, не имевшие другой возможности прокормить себя и близких.

Нахождение дагестанцев в составе русской армии способствовало развитию политического сознания горцев. Возвращаясь с фронта, они несли в аул идею борьбы с царским самодержавием.

1 мая 1904 г. социал-демократы Петровска организовали политическую демонстрацию против войны, против царизма. В городском саду собралось около 80 передовых рабочих города, в основном текстильщиков и железнодорожников. Выйдя колонной под красным знаменем на центральную Барятинскую (ныне Буйнакская) улицу, демонстранты устроили напротив торговых рядов (на том месте, где сейчас драматический театр им. М. Горького) митинг. Ораторы призывали рабочих к объединению и организованному выступлению против войны, уносившей десятки и сотни тысяч жизней. Раздавались возгласы: «Долой войну!», «Долой самодержавие!». Налетом конной полиции митинг был разогнан, зачинщики арестованы.

Летом, осенью и зимой 1904 г. распространение социал-демократических листовок в Петровске приняло большие размеры. Так, в начале сентября в городе распространялась прокламация Бакинского комитета РСДРП «Рабочий класс и холера». В ней говорилось о тяжелом положении рабочих, подвергавшихся бесчеловечной эксплуатации. Заканчивалась она призывом: «Долой самодержавие!». Листовки доставлялись не только из Баку, но и с Северного Кав-

каза и из Центральной России. Эти листовки разбрасывались на улицах города, на текстильной фабрике, табачной фабрике Мамедова, близ городского училища на Садовой улице (ныне ул. Маркова) и в других местах. Социал-демократы Петровска размножали получаемые из других городов прокламации на гектографе, а также печатали свои.

В конце 1904 г. в Дагестане с помощью бакинских и грозненских большевиков из разрозненных кружков начинают складываться социал-демократические организации. Первая организация РСДРП городского масштаба возникла в промышленном центре области — Порт-Петровске, где были сосредоточены основные предприятия и большая часть постоянных рабочих.

В Темир-Хан-Шуре — административном центре Дагестанской области, городе со слабой рабочей прослойкой, — в 1904 г. образовались социал-демократические кружки, в которые входили главным образом представители городской интеллигенции, учащиеся реального училища. Кружки постепенно распространяли свое влияние на солдат местного гарнизона, немногочисленных рабочих города. В конце 1904 г. в Темир-Хан-Шуре образовалась единая городская организация РСДРП. Официально она была утверждена вышестоящими социал-демократическими организациями как Темирханшуринская группа РСДРП в начале 1905 г. Признанными руководителями группы были Джелал Кормасов и Петр Ковалев.

Темирханшуринские социал-демократы организовали во второй половине 1904 г. «Кружок пропаганды среди крестьян», постепенно охвативший своим влиянием несколько пригородных селений. Кружок проводил разъяснительную работу, призывал крестьян к борьбе против феодальной зависимости, к невыполнению повинностей бекам и царским властям.

В 1904 г. значительно оживилась социал-демократическая работа в Дербенте, а также в Самурском и Кюринском округах. В Дербенте в социал-демократические кружки входили железнодорожники, городская интеллигенция. В конце 1904 г. здесь также возникла социал-демократическая организация. В 1905 г. была официально оформлена Дербентская группа РСДРП. В Самурском и Кюринском округах работу вели социал-демократы — лезгины, работавшие на нефтепромыслах и заводах Баку и приезжавшие периодически в родные аулы.

В 1904 г. влияние Бакинской и Грозненской организаций РСДРП в Дагестане еще более возросло. Среди рабочих-дагестанцев в Баку, которые, как отмечалось выше, периодически возвращались на родину и проводили разъяснительную работу среди крестьян, в 1904 г. значительным

влиянием пользовалась организация «Гуммет» («Взаимопомощь»), созданная при Бакинском комитете РСДРП специально для социал-демократической работы среди трудящихся-мусульман.

В конце 1904 г. социал-демократические организации на Тереке и в Дагестане объединились и образовали Терско-Дагестанский союз РСДРП во главе с Терско-Дагестанским комитетом РСДРП во Владикавказе (ныне г. Орджоникидзе). В состав Терско-Дагестанского союза РСДРП вошли Владикавказская, Грозненская, Минераловодская, Петровская, Дербентская, Кизлярская и Темирханшуринская организации РСДРП. Руководство в Терско-Дагестанском комитете РСДРП захватили меньшевики.

Засилье меньшевиков в комитете объяснялось тем, что комитет располагался в административном центре Терской области — городе с незначительной пролетарской прослойкой, меньшевистские же и либеральные настроения были особенно сильны среди интеллигенции. Но из терско-дагестанских организаций наибольшим влиянием в Дагестане пользовался не Терско-Дагестанский, а Грозненский комитет РСДРП ленинского направления.

Таким образом, в начале XX в. на Кавказе была создана разветвленная, охватывающая все промышленные центры сеть организаций РСДРП во главе с ленинским Кавказским союзным комитетом РСДРП. Дагестанские группы РСДРП входили организационно в эту сеть. С организационным оформлением социал-демократических групп в Дагестане работа дагестанских социал-демократов поднялась на новую, более высокую ступень. Усилилась пропаганда и агитация среди рабочих и служащих городов, стала шире разворачиваться работа среди горцев-крестьян. Влияние революционной социал-демократии, особенно в городах, заметно выросло. Все это дало возможность большевикам Дагестана лучше подготовиться к руководству массами в развернувшейся в 1905 г. первой русской буржуазно-демократической революции.

Накануне революции 1905—1907 гг. рабочее движение в Дагестане делало фактически свои первые шаги. В забастовках, небольших по масштабам и чисто экономических по характеру, рабочие стремились добиться улучшения своего материального положения, условий труда. Такими были, например, забастовки среди рабочих рыбных промыслов близ Петровска в июне 1902 г. Эти первые выступления рабочих в Дагестане проходили еще без социал-демократического руководства. В 1903 г. в бондарных заведениях Петровска, где работали в основном выходцы из Астрахани, имели место массовые забастовки, закончившиеся успешно. Петровские бондари поддерживали постоянный контакт с

Астраханью, и есть данные о том, что среди них уже в 1903 г. проводили работу астраханские социал-демократы.

Вело борьбу и дагестанское крестьянство, прежде всего наиболее закабаленная его часть — раяты и зависимые уздени. В селениях в районе Дербента раяты производили сплошную вырубку бекских лесов под свои пашни и сады, а также для приготовления древесного угля, предназначенного на продажу в города.

Раяты повсеместно отказывались от исполнения повинностей бекам. В 1904 г. отказались исполнять повинности бекам и чанкам крестьяне сел. Кадар Темирханшуринского округа. В 1903 г. отказались от несения натуральных повинностей раяты селений Марага, Мугатырь, Митаги, Гимейда, Зидьян, Бильгади и Дарваг Кайтаго-Табасаранского округа. В том же году поднялись крестьяне сел. Янгикент Кайтаго-Табасаранского округа. Они издавна пользовались правом пастбы скота и распашки земли на кутане «Палаш». Владелец же кутана Зубаир-бек Гарковский запретил янгикентцам пользоваться кутаном бесплатно. Тогда крестьяне захватили кутан и распахали его на площади в 160 десятин. Однако власти заставили крестьян уступить беку.

В 1903 г. произошло столкновение между жителями сел. Кафыркумух и беком, захватившим их пастбище. Волнения крестьян в этом году имели место и в других селениях. В 1904 г. крестьяне Кайтаго-Табасаранского округа отказались платить подати казне. Осенью 1904 г. в Дагестане произошел целый ряд столкновений между крестьянами и беками.

Стремясь избавиться от «беспокойного элемента», беки поднимали перед кавказской администрацией вопрос о выселении ископом веков проживавших на этих землях раят.

Под влиянием крестьянского движения власти все чаще вынуждены бывали задумываться над необходимостью разрешения сословно-поземельного вопроса в Дагестане. Они признавали, что «такое натянутое между беками и их раятами положение не может продолжаться долго» и что «представляется настоятельная надобность в скорейшем разрешении вопроса о поземельном устройстве населения области». При этом власти имели в виду передать крестьянам земли за выкуп и не в собственность, а в потомственное пользование.

В борьбе дагестанских крестьян остро ощущалось отсутствие политической организации, единого центра руководства аграрным движением. Немногочисленные социал-демократы вели работу в городах; областных крестьянских организаций не было. Рабочий класс, гегемон социальных революций новой исторической эпохи, накануне революции 1905—1907 гг. делал в борьбе против угнетения и эксплуа-

тации свои первые шаги. Отсюда стихийность и разобщенность крестьянского движения в Дагестане, предопределявшие его неуспех.

Выступления рабочих и крестьян против угнетения и эксплуатации оказывали влияние на воинские части, расквартированные в Дагестане. Так, в декабре 1902 г. волнения охватили Темирханшуринский гарнизон. Солдаты выставляли ряд требований об улучшении условий службы. Перепуганное начальство пошло на уступки.

§ 3. НАСТУПЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ В ДАГЕСТАНЕ (1905 год)

Начало революции 3 января 1905 г. на Путиловском заводе в Петербурге началась забастовка рабочих. Вскоре к ней присоединились другие предприятия столицы, и 8 января забастовка стала всеобщей. В ней участвовало 150 тыс. рабочих. Царское правительство решило потопить выступление рабочих в крови.

9 января царские войска расстреляли мирное шествие петербургских рабочих и их семей, направлявшихся с петицией о своих нуждах к резиденции Николая II — Зимнему дворцу. Эти кровавые события всколыхнули всю страну. Мощные забастовки и демонстрации протеста под лозунгом «Долой самодержавие!» охватили все крупные города страны: Петербург, Москву, Баку, Одессу, Киев, Харьков и др. В течение января—марта бастовало только промышленных рабочих 810 тыс. — в два раза больше, чем за все предыдущее десятилетие. В ходе стачек рабочие одновременно выдвигали и экономические требования.

Так началась в России первая буржуазно-демократическая революция. Народные массы нашей страны, в том числе ее национальных окраин, поднялись на борьбу с самодержавно-помещичьим строем.

В Дагестане волна рабочего движения поднялась не сразу за событиями в важнейших районах страны. Сказались экономическая отсталость области, немногочисленность и слабая организованность рабочих, недостаточная их опытность. Первые отклики имели место лишь в промышленном центре Дагестана — Петровске. В январе бастовали рабочие Петровского порта и депо станции Петровск-Кавказский. Обе забастовки прошли под экономическими лозунгами.

Петровская группа РСДРП проводила большую разъяснительную и организационную работу среди трудящихся города. В начале года она была уже довольно разветвленной. Ячейки РСДРП имелись на фабрике «Каспийская мануфактура», на станции Петровск-Кавказский, в порту, в

почтово-телеграфной конторе, среди рыбаков, бондарей, типографских рабочих, на табачных фабриках Михайлова и Мамедова, среди городских ремесленников. Были и военные ячейки РСДРП — в Аварском резервном батальоне, в артиллерийском парке. Без социал-демократической группы не решался ни один вопрос, касавшийся борьбы рабочих. В руководстве ее были рабочие-текстильщики Д. Атаев и И. Выродов, бондарь М. Есейкин, учительница О. Лопухина и др. Возглавлял группу (с февраля 1905 г.) студент В. Казаринов.

Петровские социал-демократы проводили работу не только среди русских рабочих, но и среди рабочих из коренных дагестанцев, среди местных крестьян.

Меньшей по численности, но тоже активной была Дербентская группа РСДРП. Здесь в социал-демократической работе принимали участие главным образом передовые железнодорожники, некоторые учителя, студенты высших учебных заведений страны, дербентцы по происхождению, солдаты.

Темирханшуринские социал-демократы проводили работу среди рабочих, интеллигенции, учащихся старших классов, солдат, крестьян ближайших аулов.

Значительную помощь петровским и дербентским социал-демократам оказывали бакинские большевики. А. Стопани — лидер бакинских большевиков — писал: «Работа в городе и в промысловых заводских районах, даже в некоторых уездах, ставится на широкую ногу: распространяем свое влияние даже на Дагестан (Дербент, Петровск)». В Петровск и Дербент направлялись из Баку партийные работники, литература.

В январе, после кровавых событий в Петербурге, петровские социал-демократы выпустили листовку «Ко всем рабочим и работницам», в которой призывали к забастовке солидарности с петербургскими рабочими. Особенно большую работу петровские социал-демократы развернули на фабрике «Каспийская мануфактура» — крупнейшем промышленном предприятии области. Они разъясняли рабочим смысл событий в Петербурге, положение в стране, позиции политических партий. Удалось организовать группу из нескольких десятков передовых рабочих и с помощью этой группы приступить к подготовке стачки. Чтобы убедить колеблющихся, решили написать петицию об улучшении своего положения министру внутренних дел. Петиция, как обычно, успеха не имела. Двоих же текстильщиков, относивших ее на почту, администрация фабрики рассчитала.

Царское правительство, напуганное развитием революции в стране, внимательно следило и за положением на национальных окраинах. 3 февраля департамент полиции

отмечал: «В Петровске Дагестанской области среди фабричных рабочих замечается брожение, могущее перейти в ближайшем будущем в забастовку». А в этот день забастовка на фабрике «Каспийская мануфактура» уже началась.

Текстильщики потребовали восстановления более высоких расценок 1901 г., возвращения на работу двоих уволенных товарищей. Под давлением забастовщиков директор восстановил уволенных и пообещал сообщить о других требованиях хозяевам фабрики.

14 февраля текстильщики вновь объявили забастовку. На этот раз помимо восстановления расценок 1901 г. рабочие потребовали увольнения ненавистных им прислужников администрации на фабрике, отмены обысков, уменьшения штрафов за брак и др. Почувствовав свою силу во время первой забастовки, текстильщики выступали теперь гораздо энергичнее. Они регулярно собирались для обсуждения хода забастовки. На митингах, которые организовывала фабричная ячейка РСДРП, текстильщики говорили о необходимости своей стачкой поддержать борьбу петербургских рабочих, поднять рабочих других предприятий области.

В стачке на фабрике активно участвовали как русские рабочие, так и рабочие-дагестанцы.

Напуганные выступлением текстильщиков, местные власти ввели на территорию фабрики войска. Но рабочие не приступили к работе. Только 18 февраля, после того как администрация удовлетворила почти все требования рабочих, забастовка прекратилась.

Под влиянием забастовки текстильщиков в Петровске выступили и рабочие табачной фабрики Мамедова, требовавшие увеличения заработной платы и сокращения рабочего дня. Между рабочими-табачниками и полицией произошло столкновение. Забастовка табачников закончилась неудачей.

Стремясь предотвратить дальнейшие выступления рабочих Петровска, власти перебросили в город три роты Самурского пехотного полка.

Забастовочное движение из Петровска перекинулось в Дербент. В феврале впервые бастовали рабочие Дербента: железнодорожники, строительные рабочие. В апреле объявили забастовку машинисты депо Дербент.

Забастовочная волна, подымавшаяся в Дагестане в январе—апреле 1905 г., вслед за забастовками промышленных центров страны, проходила под экономическими лозунгами, хотя рабочие сознавали, что их борьба является частью общероссийского революционного движения. Пролетариат области, не имевший ранее опыта массовой забастовочной борьбы, в ходе январско-апрельских стачек набирал этот опыт, спланивался, развивал свое классовое самосознание.

готовился к политическим выступлениям против самодержавного строя.

Стремясь ослабить революционную борьбу народных масс, царское правительство усилило провокации международных столкновений, направляя русских на евреев, сталкивая азербайджанцев и армян. 6—9 февраля 1905 г. в Баку с помощью буржуазных националистов власти организовали массовую армяно-азербайджанскую резню. Сознательная часть бакинского пролетариата во главе с большевиками выступила против резни. Бакинские события вызвали бурю негодования в стране. Бакинский погром, как писал В. И. Ленин, «удесятерил революционное настроение всех слоев против царизма»⁴. На Кавказе прокатилась волна митингов и демонстраций против провокаций царизма.

В феврале 1905 г. для борьбы с растущим революционным движением на Кавказе было восстановлено упраздненное в 1882 г. кавказское наместничество. Наместник царя И. И. Воронцов-Дашков получил чрезвычайные полномочия. Он стал проводить вероломную политику: усыплять бдительность народных масс обещаниями, незначительными уступками. В то же время наместник применял и жестокие репрессии. Стремясь сколотить блок царизма и буржуазии, он наметил провести в Кавказском крае некоторые буржуазные реформы.

Но революция шла на подъем.

12—27 апреля 1905 г. в Лондоне состоялся большевистский III съезд РСДРП, рассмотревший основные вопросы развернувшейся в России революции: о вооруженном восстании, о временном революционном правительстве, об отношении к крестьянскому движению, об отколовшейся части партии (меньшевиках) и др. Съезд наметил стратегический план революции, заключавшийся в том, что на первом этапе пролетариат, как вождь революции, в союзе со всем крестьянством, при изоляции буржуазии должен бороться за победу буржуазно-демократической революции: свержение самодержавия, установление демократической республики, ликвидацию всех остатков крепостничества. Полная победа буржуазно-демократической революции даст возможность пролетариату организовать, подняться политически, приобрести опыт политического руководства массами.

Но наряду с противоречиями между развившимся капитализмом и остатками крепостничества, породившими буржуазно-демократическую революцию, в России в начале

⁴ В. И. Ленин, *Предисловие к брошюре «Докладная записка...»*, — Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 334.

XX в. в связи с наступлением империализма обострился конфликт между возросшими производительными силами и буржуазными производственными отношениями. Поэтому задачи пролетариата не ограничивались буржуазно-демократическими преобразованиями. После победы буржуазно-демократической революции пролетариат должен был бороться за немедленное перерастание ее в революцию социалистическую.

Буржуазия была не в состоянии возглавить развернувшуюся в России революцию и довести ее до конца, ибо она была заинтересована лишь в некотором ограничении царизма, а не в ликвидации его. Царизм был нужен буржуазии, чтобы опираться на него в борьбе против пролетариата. Отсюда контрреволюционная роль буржуазии.

Русская революция была не верхушечной, а глубоко народной революцией, приведшей в движение все народные массы. Основным вопросом революции, обусловившим ее национальную особенность, был аграрный вопрос. И естественным союзником пролетариата могло быть только крестьянство — основная масса населения страны, стремившаяся к ликвидации остатков крепостничества, помещичьей и царской кабалы, к получению помещичьей земли.

Исходя из этого стратегического плана, съезд разработал и тактическую линию партии в развернувшейся революции. Главной и неотложной задачей была признана организация вооруженного восстания. Съезд отметил особую роль массовых политических стачек накануне и в ходе восстания, необходимость тщательной подготовки боевых сил пролетариата, выработки плана вооруженного восстания, а также обеспечения партийного руководства восстанием.

Съезд указал, что в результате победы народной революции и свержения царизма должно быть создано временное революционное правительство как орган революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Проводя линию на союз рабочего класса с крестьянством, на развертывание крестьянского движения, участники съезда выдвинули требование конфискации в пользу крестьян помещичьих, церковных, монастырских и удельных земель. Съезд призвал немедленно и повсеместно создавать крестьянские комитеты и проводить революционно-демократические преобразования снизу.

На съезде были осуждены оппортунистические взгляды отколовшейся части партии — меньшевиков по организационным и тактическим вопросам. Но, учитывая важность объединения всех сил пролетариата в революции, съезд признал возможным участие в работе партийных организаций лиц, примыкавших к меньшевикам, особенно рабочих,

но при условии, чтобы они подчинялись партийной дисциплине. Был принят первый параграф Устава партии о членстве в партии в формулировке В. И. Ленина.

Отмечая героическую революционную борьбу рабочих и крестьян Кавказа, съезд принял резолюцию «По поводу событий на Кавказе», написанную В. И. Лениным. В резолюции говорилось:

«Принимая во внимание:

1. что особые условия социально-политической жизни Кавказа благоприятствовали созданию там наиболее боевых организаций нашей партии;

2. что революционное движение среди большинства населения Кавказа как в городах, так и в деревнях дошло до всенародного восстания против самодержавия;

3. что самодержавное правительство посылает уже войско и артиллерию в Гурию, подготавливая самый беспощадный разгром всех важнейших очагов восстания;

4. что победа самодержавия над народным восстанием на Кавказе, облегчаемая иноплеменным составом тамошнего населения, будет иметь самые вредные последствия для успеха восстания по всей России, —

III съезд РСДРП от имени сознательного пролетариата России шлет горячий привет героическому пролетариату и крестьянству Кавказа и поручает Центральному и местным комитетам партии принять самые энергичные меры к наиболее широкому распространению сведений о положении дел на Кавказе путем брошюр, митингов, рабочих собраний, кружковых беседований и т. д., а также к своевременной поддержке Кавказа всеми имеющимися в их распоряжении средствами»⁵.

В книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции», в статье «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению» и в других работах В. И. Ленин всесторонне обосновал решения III съезда. Решения съезда и труды В. И. Ленина имели величайшее значение для деятельности большевистских организаций и борьбы народных масс России.

Меньшевики же, цепляясь за буржуазный характер революции, добивались руководства ею со стороны либеральной буржуазии и сближения пролетариата не с крестьянством, а с буржуазией. Они выступали против организации вооруженного восстания, против участия социал-демократии во временном революционном правительстве. Это объективно ослабляло революционное движение.

⁵ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», изд. 7, ч. 1, стр. 84.

**Рост рабочего
и крестьянского
движения
в области**

В канун 1 Мая большевики усилили свою деятельность. В стране поднялась новая волна политических и экономических забастовок. В Петровске, Дербенте, Темир-

Хан-Шуре устраивались нелегальные собрания рабочих и служащих, широко распространялись большевистские прокламации.

Петровская группа РСДРП с помощью бакинских социал-демократов организовала в день 1 Мая массовый праздничный митинг у горы Тарки-Тау, на котором присутствовало до двух тысяч рабочих, служащих, учащихся. Участники митинга требовали свержения царского самодержавия, установления демократической республики, 8-часового рабочего дня.

Митинг вылился в демонстрацию. Между демонстрантами и полицией произошло кровавое столкновение.

Петровские рабочие ответили на зверства властей политической забастовкой. Рабочие текстильной фабрики «Каспийская мануфактура» и бондарных заведений, всего до 1800 человек, прекратив 2 мая работу, потребовали немедленного введения 8-часового рабочего дня (что было и политическим требованием) и улучшения материального обеспечения. Капиталисты объявили локаут. Местные власти начали аресты активистов забастовки, многие из них были высланы. Войска заняли территорию фабрики.

Но, несмотря на репрессии, рабочие продолжали борьбу. Текстильщики образовали комитет, собиравший добровольные пожертвования в фонд забастовки. По инициативе рабочих-дагестанцев крестьяне окрестных селений (особенно Тарков) оказывали бастующим помощь продовольствием. Между рабочими и полицией происходили столкновения.

Ход забастовки обсуждался на тайных собраниях рабочих.

В результате массовой забастовки петровским бондарям удалось добиться некоторого улучшения своего положения. Положение же текстильщиков еще более ухудшилось.

Антиправительственные митинги состоялись в мае и в Дербенте. Таким образом, от экономических выступлений в январе—апреле 1905 г. рабочие Дагестана в мае перешли к политическим выступлениям. Это знаменовало рост сознательности и организованности рабочих, руководимых местными группами РСДРП.

Борьба городских рабочих оказывала большое влияние на крестьян, особенно тех селений, которые были расположены вблизи городов — Петровска, Дербента и Темир-Хан-Шуры. Несмотря на малочисленность, социал-демократические группы городов Дагестана предпринимали шаги к разрывыванию работы среди местного крестьянства. Основная

трудность в этой работе, в создании союза рабочего класса с крестьянством в Дагестане, заключалась в том, что рабочие в основном были русскими, а крестьяне — дагестанцами. Поэтому много сил у местных партийных организаций отнимала борьба за преодоление великодержавно-шовинистических взглядов — с одной стороны, и панисламистско-националистических, с другой.

Влияние Петровской социал-демократической организации чувствовалось в селениях Тарки, Альбурикент, Кяхулай, Кумторкала, Дербентской — в селениях Сабнава, Джалган, Хан-Магомедкала, Башлы, имени Геджух. Но особенно большую работу проводила среди крестьян Темирханшуринская социал-демократическая группа. Революционный «Кружок пропаганды среди крестьян», созданный темирханшуринскими социал-демократами в 1904 г., с первых же дней революции перешел к энергичной организаторской деятельности, к революционной агитации среди крестьян. Руководили кружком видные дагестанские революционеры, возглавлявшие в годы первой русской революции Темирханшуринскую группу РСДРП, — Джелал Коркмасов и Петр Ковалев.

В январе 1905 г., после петербургских событий, кружок выпустил прокламацию, призывавшую крестьян к захвату помещичьих земель и борьбе с самодержавием. В течение января—марта, в условиях роста революционного движения, кружок вырос численно и реорганизовался в так называемый Крестьянский центр.

IV конференция Кавказского союза РСДРП, состоявшаяся осенью 1905 г., в резолюции «О работе среди крестьян» рекомендовала взяться за немедленную организацию на началах широкого демократизма революционных крестьянских комитетов, не смешивая при этом таких организаций с социал-демократическими, а стремясь подчинить их последним. Вот такой революционно-демократической крестьянской организацией, не партийной, но подчиненной Темирханшуринской социал-демократической группе, и был Крестьянский центр. В его руководство помимо лидеров Темирханшуринской группы РСДРП входили представители ряда селений: Черив-Мурза Супиян-оглы из Атлы-боюна, Ибрагим-Хаджи из Дженгутая, Муртуза-Хаджи из Ахатля и др.

Крестьянский центр стоял за захват помещичьей земли, ликвидацию повинностей бекам, вооружение народа. Но, отражая непоследовательность крестьянства, испытывавшего к тому же давление со стороны реакционного духовенства, он на первых порах больше занимался составлением петиций кавказскому начальству с изложением крестьянских нужд. В марте 1905 г. Крестьянский центр впервые высту-

пил открыто. В Темир-Хан-Шуре произошло столкновение крестьян близлежащих аулов, руководимых Крестьянским центром, с беками — участниками совещания, созванного губернатором Дагестана, по вопросу о проведении выборов в булыгинскую думу, и их нукерами. Крестьяне требовали ликвидации феодально-зависимых отношений, раздела помещичьей земли.

В апреле 1905 г. Крестьянский центр организовал захват крестьянами селений Тарки и Атлы-боюн спорного с беками участка Кокрек близ Петровска. В этом выступлении участвовали две тысячи таркинцев и 168 атлыбоюнцев, мужчин и женщин, вооруженных огнестрельным и холодным оружием. Власти бросили на подавление выступления сотню Дагестанского конного полка.

Крестьянский центр выпустил ряд прокламаций о вооруженном выступлении атлыбоюнцев и таркинцев. Их мужественная борьба произвела большое впечатление на дагестанское крестьянство. Во всех окрестных аулах округа крестьяне были очень возбуждены. Начался массовый поджог скирд, принадлежавших бекам, разрушение их кутанов, порубка бекских лесов.

Напуганные массовыми волнениями крестьян, учитывая нарастание революционного движения, власти были вынуждены отступить. Спорный участок был уступлен крестьянам.

Крестьянский центр провел ряд совещаний крестьян в селениях. Так, на собрании крестьян сел. Капчугай выступавшие говорили о необходимости добиваться ликвидации бесправия крестьян, пресечения притеснений со стороны беков, когда последние забирали даже имущество умершего крестьянина, если у него не было наследника мужского пола, пуская по миру его вдову и дочерей-сирот (как раз такой случай имел место в те дни в Капчугае, где беком был князь А. Казаналипов, впоследствии один из лидеров дагестанских контрреволюционеров в период гражданской войны). Участники собрания постановили создать нелегальную организацию для борьбы с беками.

Такое же собрание было проведено в Кафыркумухе, где бек Д. Тарковский захватил все пастбища. Крестьянский центр и здесь создал нелегальную организацию, возглавившую борьбу кафыркумухцев.

Впоследствии Крестьянский центр стал охватывать своей работой не только Темирханшуринский, но и Аварский и Гунибский округа.

Волнения охватили и многие другие селения. Ликвидации феодально-зависимых отношений, уменьшения казенных податей требовали крестьяне сел. Кумторкала. Ширилось движение раят селений Джемикент, Великент, Татлар и других, расположенных недалеко от Дербента.

Волнения охватили также крестьян селений, расположенных близ Дербента в Кайтаго-Табасаранском округе. Крестьяне не только отказывались платить подати и исполнять повинности бекам, но и захватывали помещичьи земли, осуществляли массовую порубку лесов, поджигали бекские кутаны, вступали в столкновения с властями. Особенно активно выступали зависимые крестьяне селений Марага, Ерси, Деличобан, Хучни, Дарваг. Под влиянием выступлений зависимых крестьян на борьбу поднимались и свободные уздени селений Александркент (ныне Башлыкент), Джебванкент и Гапкэйкент Кайтаго-Табасаранского округа. Таким образом, крестьянские выступления в первой половине 1905 г. охватили значительную территорию Дагестана, главным образом плоскостную.

Учитывая колоссальное значение настроения солдат местных гарнизонов для развития революционного движения в области, социал-демократы развернули работу в воинских частях. Среди солдат распространялась нелегальная литература, прокламации. В связи с этим в начале 1905 г. полиция произвела аресты среди социал-демократов Петровска.

Борьба рабочих и крестьян Дагестана проходила под руководством все более усиливавшихся местных партийных организаций. Большевики добивались проведения в жизнь решений III съезда РСДРП. В связи с тем, что Терско-Дагестанский союзный комитет РСДРП, бывший меньшевистским по составу, мешал этому, Грозненская большевистская организация и руководимые ею дагестанские группы РСДРП 17 июня 1905 г. вышли из состава Терско-Дагестанского союза РСДРП. Этот шаг значительно усилил влияние большевиков в социал-демократических группах Дагестана, чему, учитывая важное месторасположение Дагестана, придавал большое значение Центральный комитет РСДРП. В июле Темирханшуринская группа РСДРП выпустила листовку с призывом к свержению царизма и борьбе за созыв Учредительного собрания. Эта листовка поступила в редакцию ленинской газеты «Пролетарий».

Развитие революционных событий в стране полностью подтверждало правильность решений III съезда партии. Волна революционного движения росла. Стаечная борьба пролетариата становилась все более упорной и организованной. Знаменитая забастовка иваново-вознесенских рабочих, длившаяся 72 дня, в ходе которой был создан один из первых Советов рабочих депутатов в стране, баррикадные бои рабочих Лодзи с войсками и полицией, массовые стачки рабочих Урала, латышских рабочих, политические забастовки на Украине, всеобщая забастовка в Грузии и особенно забастовки в Баку — июньско-июльские и всеоб-

шая августовская, сопровождавшаяся вооруженными столкновениями с войсками, волна крестьянского движения в Поволжье, на Украине, в Прибалтике, в Грузии, восстание на броненосце «Потемкин» и волнения в других частях армии и флота — все эти события находили живейший отклик в Дагестане.

Летом 1905 г. борьба рабочих в Дагестане продолжала развиваться. В авангарде движения шли железнодорожники. В июле многотысячный коллектив рабочих и служащих Владикавказской железной дороги объявил всеобщую стачку. Эта стачка была заранее подготовлена. 11 июля прекратили работу железнодорожники Минеральных Вод и Кавказской, 12-го — Тихорецкой и Грозного, 14-го — Дербента, 15-го — Баладжар, Ростова и Новороссийска.

Рабочие и служащие под влиянием большевиков требовали не только сокращения рабочего дня и повышения заработной платы, но и прекращения войны, отмены военного положения на Владикавказской железной дороге, свободы собраний, слова, печати, стачек и созыва Учредительного собрания.

Бастовавшие в дербентском депо выдвинули лишь экономические требования. Несмотря на острую безработицу в Дагестане, железнодорожники мужественно вели борьбу. Мастерские и рабочие дербентского депо потушили топки паровозов и объявили, что будут пропускать только почтовые, воинские поезда и составы с водой. Рабочие станции Петровск также выдвинули экономические требования, но забастовку не объявили. Это объяснялось слабостью работы большевиков среди дагестанских железнодорожников в этот период. Но сам факт присоединения дербентцев ко всеобщей забастовке рабочих и служащих Владикавказской дороги, проходившей под политическими лозунгами, и попытка петровцев говорили о растущей сознательности железнодорожников Дагестана.

Царские власти и правление дороги обрушились на забастовщиков с репрессиями. Было дано указание о выселении их из квартир и уголовном преследовании. Власти пытались использовать штрейкбрехеров, железнодорожные батальоны. Только на участок Грозный—Баку управление дороги затребовало 30 бригад этих батальонов. Станции были заняты войсками и полицией. В Дербенте депо и паровозы охранялись постами Гунибского резервного батальона. Но рабочие продолжали борьбу.

Хотя рабочие и служащие Владикавказской дороги не добились удовлетворения своих требований, июльская забастовка, первая политическая забастовка, охватившая всю дорогу, имела важнейшее значение для сплочения рабочих-железнодорожников.

Участники революционного движения 1905—1907 гг. (слева направо) Муртаза-Гаджи, И. Пучков, П. Ковалев, Н. Бабенко, Д. Коркмасов, Т. Темиров, А. Дибирова, Д. Атаев, Д. Магомедов

В дагестанском ауле обстановка продолжала накаляться. Даже простое повышение цен Темирханшуринским управлением на места на городском базаре вызвало волнение среди крестьян округа. В течение нескольких недель они бойкотировали базар, пока городское управление не вернулось к прежней расценке.

Выступления народных масс в Дагестане, естественно, находили отклик и в войсках. Летом 1905 г. дезертирство солдат приняло групповой характер. Дезертировали по пять-шесть человек, с оружием. В Петровске солдаты 21-й артиллерийской бригады отказались выполнять работы, которые они по положению не должны были делать. Не помогли и аресты «зачищников». Приказ начальства так и не был выполнен.

Стремясь отвлечь внимание горцев от революционного движения, власти усилили черносотенную, шовинистическую пропаганду, развернули кампанию по разжиганию межнациональной розни. В эту кампанию активно включились местные буржуазные и помещичьи круги. Усиленно скупалось и ввозилось извне оружие. Однако, несмотря на потуги националистов и царских властей, в Дагестане не произошло

столкновений на национальной и религиозной почве. Сорвалась и попытка властей отвлечь внимание народных масс булыгинской думой. В Дагестане это мероприятие царизма населением полностью игнорировалось.

Летом и осенью 1905 г. власти развернули кампанию за введение на Кавказе земских учреждений. Наместник царя Воронцов-Дашков добивался этим двух целей: заключить сделку с буржуазией и отвлечь народные массы от революции. Большевики разоблачали этот маневр царских властей, призывали к бойкоту земской кампании.

Основываясь на решениях III съезда партии, Кавказский союзный комитет предлагал местным партийным организациям: 1) разоблачая реакционные цели правительственных уступок, подчеркивать в пропаганде и агитации их вынужденный характер, с одной стороны, и безусловную невозможность для самодержавия дать удовлетворяющие пролетариат реформы — с другой; 2) пользуясь предвыборной агитацией, разъяснить рабочим и крестьянам истинный смысл подобных мероприятий правительства и доказывать необходимость для пролетариата и крестьянства созыва революционным путем Учредительного собрания на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов и пр.; 3) вести широкую агитацию среди крестьянства, чтобы сельские сходы, бойкотируя политику царских сатрапов на Кавказе, не посылали своих представителей на совещание.

Либеральная буржуазия и меньшевики выступали за участие в земской кампании. Так, II конференция кавказских меньшевиков предложила своим организациям принять в ней участие.

Хотя в Дагестане и не существовало земских учреждений, земские сборы делались регулярно. На совещании по обсуждению вопроса о земствах, состоявшемся в Темир-Хан-Шуре в конце мая 1905 г., четко обрисовалось полное пренебрежение интересами трудящихся масс области. Земские сборы за год составили 207 416 руб. Из этих средств на школы расходовалось всего 700 руб.

Следует отметить, что Темирханшуринская социал-демократическая организация в земской кампании заняла меньшевистскую позицию. Она не только не бойкотировала эту кампанию, но и приняла в ней самое активное участие. Под руководством Темирханшуринской группы РСДРП в кампании участвовал и Крестьянский центр.

Население Дагестана, опасаясь усиления налогового бремени в связи с введением земских учреждений, выступило против этого мероприятия. В ряде селений Даргинского округа — Хаджал-Махи, Кулла, Обеки-Махи и др. — произошли столкновения с властями. Начальник Даргинского

округа доносил заведующему полицией на Кавказе о явной недоброжелательности населения к земской реформе. Население, писал он, «не верит решительно никому из преданных правительству лиц. Принудительное введение земских учреждений несомненно вызовет среди населения сильное брожение». Земская кампания на Кавказе, в том числе в Дагестане, провалилась.

Всероссийская
октябрьская поли-
тическая стачка
и ее влияние на
Дагестан

В октябре 1905 г. в стране начался подъем революционного движения. Политическая стачка как специфически пролетарское средство борьбы была принята на вооружение всеми демократическими слоями русского населения.

В октябре рабочий класс России поднялся на всеобщую политическую стачку под лозунгами: «Долой самодержавие!», «Да здравствует демократическая республика!». Начавшись 7 октября в Москве, стачка за десять дней охватила всю страну. В ней участвовало до двух миллионов рабочих и служащих. В ряде мест стачка переросла в вооруженные схватки рабочих с войсками.

Напуганный всероссийской стачкой рабочих и служащих, Николай II опубликовал манифест, в котором народу были обещаны политические свободы, созыв Государственной Думы. Царизм стремился успокоить этим народные массы, отколоть от них колеблющихся, собраться с силами и разгромить революционное движение. «Октябрьский манифест», — писал В. И. Ленин, — знаменовал не прекращение борьбы, а уравнивание сил борющихся: царизм *уже не мог* управлять, революция *еще не могла* его свергнуть. Из этого положения с объективной неизбежностью вытекал решительный бой»⁶.

Большевики разоблачали царский манифест как ловушку, уготованную народу. Меньшевики же и российская буржуазия приветствовали манифест как начало «конституционной эры». В России стали создаваться партии октябристов, кадетов, выражавших интересы различных слоев буржуазии. Появились отделения этих партий и в Дагестане.

Обещая свободы, царизм в то же время готовился к решительной схватке с народом. Усилили свою деятельность различные черносотенные монархические организации. Черносотенные организации «Союза монархистов» были созданы и в городах Дагестана еще в июле—августе. Это были немногочисленные группки из чиновников, купцов, деклассированных элементов общества. Действовали они под ру-

⁶ В. И. Ленин, *Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России*, — Полное собрание сочинений, т. 19, стр. 367.

ководством полиции. Черносотенцы распространяли махрово-реакционные прокламации, терроризовали население слухами о готовящихся погромах, занимались слежкой за прогрессивно настроенными лицами.

«Дагестанский комитет партии монархистов», обосновавшийся в Петровске (на железнодорожной станции), выступал с нападками даже на такую умеренно-либеральную газету, как «Дагестан». Местные власти поддерживали черносотенцев.

Темирханшуринская группа РСДРП 30 марта 1906 г. выпустила листовку «Христианские подвиги», в которой разоблачала черносотенцев.

На Северном Кавказе в октябрьские дни большую активность и высокую организованность проявили железнодорожники. На собраниях представителей крупных станций в Ростове 13 и 20—29 октября был организован профессиональный союз рабочих и служащих Владикавказской железной дороги, в который вошли и железнодорожники Дагестана. Союз преследовал не только экономические, но и политические цели. Наряду с требованиями улучшения материального положения рабочих и служащих дороги союз добивался отмены военного положения, свободы собраний, сходов, союзов, организаций, слова, печати, неприкосновенности личности и жилищ, созыва собрания народных представителей страны с законодательной властью, избранного всем населением без различия пола, национальности и вероисповедания, «для выработки всех основных законов в интересах трудящихся классов», полной амнистии пострадавшим за так называемые политические и религиозные «преступления», неприкосновенности всех участников забастовок и восстановления в правах пострадавших за участие в забастовках и союзах. Железнодорожники требовали также устранения жандармской полиции от решения вопросов о приеме на работу и увольнении рабочих и служащих.

Союз служащих Владикавказской дороги вошел в состав Всероссийского союза железнодорожников. На всех больших станциях дороги были созданы районные отделения союза во главе с выборными бюро. Общее руководство деятельностью союза принадлежало Центральному бюро Ростова-на-Дону. Для решения важных общесоюзных вопросов Центральное бюро созывало собрания (съезды) делегатов от местных бюро. Союз пользовался огромной популярностью и влиянием среди железнодорожников.

По мере революционизирования железнодорожников усиливались раскольнические действия меньшевиков и эсеров. Раскольники из службы движения в Дербенте объявили о выходе из общего профессионального союза. Однако основная масса рабочих и служащих, вопреки расчетам предате-

лей, вскоре вновь активно включились в деятельность союза железнодорожников.

Рабочие и служащие Владикавказской дороги приняли активное участие во Всероссийской политической стачке. 12 октября забастовали рабочие депо Новочеркасск, 14-го — рабочие-железнодорожники Ростова, Тихорецка и Екатеринодара. Среди них распространялась листовка «Ко всем железнодорожным служащим и рабочим» за подписью «Союз служащих и рабочих Кавказских железных дорог», в которой содержались требования введения демократических свобод и 8-часового рабочего дня, ликвидации самодержавия, установления демократической республики. Листовка призывала к борьбе за эти цели всех железнодорожников Кавказа. 18 октября включились во всеобщую забастовку дербентцы. Они сняли местную администрацию, прекратили движение поездов, заняли телеграф.

В октябрьские дни в Темир-Хан-Шуре, Петровске и Дербенте проходили под руководством местных социал-демократических групп массовые митинги, демонстрации, собрания рабочих, служащих, учащихся под красными знаменами с надписью: «Да здравствует РСДРП!». Широко распространялись социал-демократические прокламации.

События в городах Дагестана и на железной дороге активизировали выступления крестьян. Усилилось их сопротивление домогательствам беков, в аулах все шире распространялись антиправительственные настроения. Так, 28 октября начальник Даргинского округа доносил заведующему полицией на Кавказе: «Общее настроение населения во всех отношениях постоянно беспокойное». Подобное положение наблюдалось и в других округах.

Сильные волнения охватили крестьян селений Чумлы, Карадаглы, Деличобан, Падар, Татлар и др. Кайтаго-Табасаранского округа, Ялах и Луткун Самурского округа, Буркихан и Аликент Кюринского округа. Наибольшего размаха достигла борьба крестьян в Северном Табасаране, где особенно ощущался земельный голод и гнет беков. В первых рядах движения были крестьяне таких крупных селений, как Марага, Дарваг. Движение возглавили отходники, возвращавшиеся главным образом из Бакинского нефтепромышленного района в связи с высылкой на родину безработных. Недаром власти отмечали в это время, что «жизнь в Баку и все тамошние события растлевающим образом действуют на пребывающих там лезгин».

Одной из форм крестьянской борьбы в Дагестане было партизанское, так называемое «абреческое», или «качагское», движение, особенно усилившееся с осени 1905 г. Развертыванию качагского движения способствовало и то обстоятельство, что население Дагестана в отличие от рус-

ских крестьян было почти поголовно вооружено. Значительную часть партизан составляли бежавшие из-под ареста участники аграрных волнений. Особенно крупными были действия качагов в Южном Дагестане — в Кюринском и Самурском округах, а также в Северном, близ границ Терской области. Действуя отрядами в несколько десятков человек, качаги (среди которых были и русские) сжигали бекские усадьбы и хозяйственные постройки, убивали помещиков, купцов, представителей царской власти, совершали внезапные налеты на рыбные промыслы, железную дорогу, воинские посты. Так, 31 октября качаги прервали движение поездов между станцией Манас и разъездом Уйташ (недалеко от Петровска), устроив на полотне дороги большой завал из камней. 15 ноября большой отряд качагов совершил нападение на станцию Белиджи. Перестрелка с охраной длилась около получаса. Из-за непрерывных нападений качагов в октябре 1905 г. на участке Петровск — Беслан прекращалось движение поездов. Жандармы затребовали для охраны этого участка войска.

Царские власти неоднократно отмечали, что крестьяне оказывают всемерную поддержку качагам. Крестьяне укрывали их в случае необходимости, снабжали продуктами питания, одеждой, обеспечивали ночлегом, передавали сведения о передвижении воинских частей. При такой поддержке качаги были неуловимы. Они располагали поддержкой и городских жителей, в частности Дербента.

В свою очередь качаги оказывали огромную помощь крестьянам. Несмотря на отказ крестьян от несения бекских и казенных повинностей в Северном и Южном Дагестане, в районах действий качагских отрядов власти опасались применять против непокорных силу. Качаги держали в страхе местную администрацию, помещиков, промышленников и купцов. Действия качагских отрядов облегчали захват крестьянами помещичьих кутанов, порубку лесов и пр. Экспроприированный у помещиков скот попадал в руки крестьян. Деньги, которые качаги получали в результате экспроприации, нередко шли крестьянам, в оплату за поставки качагским отрядам.

Действия качагских отрядов в Южном Дагестане сливались нередко с действиями качагов Северного Азербайджана в борьбе против карательных отрядов и бекских банд. В качагских отрядах Дагестана плечом к плечу сражались лезгины, азербайджанцы, табасаранцы, терекемейцы, кумыки, таты, русские.

Волнения охватили также крестьянство Хасавюртовского округа и Кизлярского отдела. 24 октября заведующий полицией на Кавказе сообщал заместнику, что в части Кизлярского отдела «настроение крайне возбужденное».

Революционное брожение постепенно охватило и воинские части, дислоцированные в Дагестане. Большую работу среди солдат проводили большевики. В конце октября при Темирханшуринской группе РСДРП образовалось военное бюро, в которое вошли два представителя от революционных солдат и один представитель от городской группы РСДРП. Военное бюро развернуло среди солдат активную агитационно-пропагандистскую и организационную работу, распространив свое влияние на весь гарнизон города. Уже через месяц бюро с представителями от частей стало по составу полностью социал-демократическим. В бюро имелся представитель Аварского резервного батальона, дислоцированного в Петровске. Кроме того, бюро поддерживало связь со стоявшим в Петровске 2-м батальоном Самурского полка.

Национально-освободительное движение

26—30 ноября 1905 г. в Тифлисе состоялась IV конференция Кавказского союза РСДРП. На конференции говорилось о назревании вооруженного восстания в стране, в связи с чем предлагалось создать бюро для подготовки и проведения восстания на Кавказе. Для успеха революционного движения, как подчеркивалось в решениях конференции, необходимо было добиваться сплочения вокруг пролетариата крестьян и солдат. Конференция решительно осудила участие в осуществлении реформ, предлагаемых правительством, отметив, что только путем вооруженного восстания народные массы могут добиться своих целей.

IV конференция Кавказского союза РСДРП, отстаивая ленинский принцип права наций на самоопределение, осудила буржуазно-националистический план автономии национальностей и призвала ко всемерному развертыванию национально-освободительного движения.

Решения IV конференции Кавказского союза РСДРП имели важное значение для работы местных партийных организаций, для подготовки народных масс к вооруженному восстанию.

Национально-освободительное движение на Кавказе, в том числе в Дагестане, в этот период развернулось прежде всего под влиянием активизировавшейся революционной борьбы рабочего класса. В. И. Ленин в «Докладе о революции 1905 года», отметив, что под влиянием революции «среди угнетенных народов России вспыхнуло освободительное национальное движение», подчеркнул, что «...в тогдашней России национальное освободительное движение поднималось в связи с рабочим движением...»⁷.

Первая русская революция сыграла огромную роль в

⁷ В. И. Ленин, *Доклад о революции 1905 года*, — Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 323.

подъеме национального самосознания народов Дагестана. На демонстрациях и митингах в Петровске, Темир-Хан-Шуре и особенно в многонациональном Дербенте рабочие, демократическая интеллигенция, учащиеся старших классов средних учебных заведений, студенты-дагестанцы, солдаты местных гарнизонов протестовали против национально-колониального гнета. В Дербенте учащиеся — азербайджанцы, армяне, горские евреи требовали преподавания их родных языков. Создаются национальные театральные кружки — армянские и азербайджанские, большое распространение получили издания на азербайджанском и армянском языках, например сатирический журнал «Молла Насреддин» демократического направления, издававшийся в Баку.

В Дагестане усиливается борьба против колониальной системы управления, в условиях которой вся власть в области была сосредоточена в руках царской военщины, опиравшейся на представителей местных феодально-клерикальных кругов.

Национально-освободительное движение в Дагестане имело два противоположных течения: наиболее сильное — революционно-демократическое, отражавшее интересы народных масс и руководимое большевиками и примыкавшими к ним передовыми представителями интеллигенции, и реакционное, националистическое, отражавшее интересы феодально-клерикальных и буржуазно-националистических кругов.

Национально-освободительное движение народных масс окраин страны, в том числе Дагестана, было важным союзником русского пролетариата в совместной борьбе против царизма, помещиков и буржуазии. Панисламисты и пантюркисты же стремились посеять вражду между дагестанскими и русскими народами, придать национально-освободительному движению антирусский характер, затемнить классовое сознание народных масс, использовать движение в интересах местной эксплуататорской верхушки. В то время как народные массы Дагестана открыто и нередко с оружием в руках выступали против самодержавно-помещичьего строя, феодально-клерикальные и буржуазно-националистические круги области вымаливали у царской администрации подачки.

В июне 1905 г. наместника царя на Кавказе И. Воронцова-Дашкова посетила мусульманская депутация из представителей зажиточных сословий. От Дагестана в нее входил дербентский бек Г. Векилов. Мусульманская депутация верноподданно просила у наместника отмены ограничений и затруднений, установленных для детей мусульман при приеме их в учебные заведения, открытия учебных заведений на родных языках, облегчения условий издания газет и журналов и поступления на государственную службу, введения земских учреждений, уменьшения налогового обложения. Специально

в отношении Дагестана была высказана просьба об отмене закона от 12 июня 1900 г., по которому все земли, составлявшие частную собственность отдельных лиц и обществ, были признаны казенными и обложены особой государственной оброчной податью. Одной из главнейших была просьба ускорить разрешение вопроса о дворянских правах мусульманских ханов и беков. Так, пытаясь воспользоваться революционным движением в стране, мусульманские националистические круги робко и униженно просили реформ. Широкие же народные массы Кавказа боролись за полную ликвидацию угнетения и эксплуатации, за самоопределение наций.

Местные националисты не ограничивались пропагандой среди взрослого населения. В духовных мусульманских школах воспитание учащихся велось в духе панисламизма и пантюркизма. Для этих целей буржуазно-националистическая интеллигенция Дагестана создала позднее «Общество просвещения туземцев-мусульман». Это общество пыталось охватить своим влиянием юношей мусульманского происхождения, стремившихся к светскому образованию. Недаром во главе общества стояли бек Казаналипов и другие представители эксплуататорских классов. Хотя общество и проводило определенную полезную работу по распространению грамотности, его классовые цели были чужды народным массам.

В годы первой русской революции духовенство в Дагестане усилило свою реакционную деятельность. Оно стремилось расколоть ряды трудящихся по религиозному признаку, затушевать социальные противоречия внутри религиозных общин. Усилилась пропаганда панисламизма, пантюркизма, призывы к переселению в «халифат» — Турцию. Панисламисты в Дербенте требовали введения мусульманского законоучения в светских учебных заведениях. Большую активность развили сионисты. Их организации в Темир-Хан-Шуре, Дербенте и Петровске, созданные еще в 1903 г., стремились охватить своим влиянием всех евреев в Дагестане, отколоть трудящихся-евреев от трудящихся других национальностей, отвлечь еврейские массы от революционной борьбы. В Дербенте еврейская буржуазия добивалась введения иудейского законоучения в Дербентском реальном училище для учащихся евреев. Сионисты в Дагестане были хорошо организованы и получали из-за рубежа помощь деньгами и литературой. Среди армян в Дагестане, особенно в Дербенте, пытались вести работу армянские националистические организации. Панисламисты и пантюркисты, армянские националисты, русские черносотенные организации старались разжечь националистические и шовинистические настроения в Дагестане. Панисламисты и черносотенцы стремились организовать армяно-азербайджанскую резню и еврейские по-

громы. Межнациональные столкновения в Баку, призывы бакинских азербайджанских и армянских националистов к «своим единоверцам» в Дагестане, подрывная работа националистов внутри области создавали среди населения тревожное настроение.

В этих условиях особое значение приобретала работа большевиков по распространению идей пролетарского интернационализма, дружбы народов. В Дербенте, Темир-Хан-Шуре, Петровске, многих селениях Кайтаго-Табасаранского, Самурского, Кюринского, Даргинского и других округов большевики через рабочих-отходников вели работу по разъяснению идей пролетарского интернационализма. Дербентская и Темирханшуринская группы РСДРП выпускали прокламации с протестом против межнациональных провокаций царских властей, с призывом к массам — не поддаваться на такие провокации. Местные социал-демократические деятели выступали на страницах легальных органов печати, издававшихся в Баку и на Северном Кавказе, со статьями и заметками, рассказывавшими о тяжелом положении населения Дагестана, разоблачавшими национально-колониальную политику царизма.

Важную роль в распространении принципов пролетарского интернационализма в Дагестане сыграло то обстоятельство, что пролетариат в Дагестане складывался с самого начала как многонациональный отряд рабочего класса страны. Работая бок о бок, рабочие разных национальностей — русские, аварцы, кумыки, лезгины, даргинцы, лакцы, табасаранцы и др. — благодаря деятельности большевиков быстро проникались идеями пролетарского интернационализма и становились опорой местных групп РСДРП в их разъяснительной работе среди многонационального населения Дагестана. И в том, что Дагестан в годы первой русской революции избежал ужасов межнационального кровопролития, особенно велика заслуга большевиков, а также передовых, сознательных рабочих. Усиление национально-освободительного движения играло важную роль в активизации революционной борьбы рабочих, крестьян и демократической интеллигенции в Дагестане.

**Борьба рабочих
и крестьян области
в ноябре 1905 г.**

В ноябре поднялась новая волна забастовочного движения в Дагестане. Бондари, работавшие в заведениях Петровска, потребовали сокращения рабочего дня до 10 часов, повышения сдельной оплаты труда, выделения для нужд рабочих нескольких больничных коек. Всего забастовало до 600 человек.

Забастовка бондарей отличалась особым упорством. Бакинский комитет РСДРП прислал в помощь местным социал-демократам, руководившим забастовкой, своих пред-

ставителей. Ежедневно в степи за городом происходили нелегальные собрания бондарей, на которых обсуждался ход забастовки, события в стране. Широко распространялись большевистские листовки. Забастовочная касса оказывала помощь нуждавшимся.

В ноябре по примеру связистов Центральной России бастовали служащие почтово-телеграфных контор Темир-Хан-Шуры и Петровска. В конце ноября — начале декабря в знак протеста против невыносимых условий работы бастовали рабочие типографии Михайлова в Петровске, требовавшие установления 8-часового рабочего дня вместо 11-часового, увеличения заработной платы на 20%, создания комиссии из рабочих и служащих для рассмотрения трудовых конфликтов и вопросов приема и увольнения, запрещения детского труда, материального обеспечения в случае потери трудоспособности. Бастующие отказались от посредничества фабричной инспекции. Бастовали также рабочие виноградо-винодельческих предприятий в имении И. Воронцова-Дашкова «Геджух» и рабочие Берикеевского нефтяного района, тесно связанные с рабочими Баку.

В ноябре под руководством социал-демократов в Петровске были созданы профессиональные союзы бондарей и текстильщиков. Объединились в профсоюз и почтово-телеграфные служащие Дагестана.

Ширились в Дагестане крестьянские волнения. В Темирханшуринском округе наиболее активно выступали крестьяне Тарков и его отселков — Кяхулая, Альбурикета, Шамхал-Термена. Вооружившись, они сожгли кутаны и порубили леса, принадлежавшие князю Тарковскому и захваченные беками Алыпкачевыми. Революционная борьба рабочих и крестьян оказывала свое влияние и на солдат. Эта последняя опора царизма заколебалась. В 1905 г. происходили волнения среди солдат Ширванского полка, расквартированного в слободе Хасав-юрт.

Под влиянием революционных выступлений рабочих, крестьян, демократической интеллигенции на борьбу поднимается учащаяся молодежь. Учащиеся подвергались жесткому надзору со стороны школьной администрации и властей. Им запрещалось чтение прогрессивной литературы, посещение лекториев, театров, организация кружков. Среди учащихся школ Дербента, Порт-Петровска и Темир-Хан-Шуры большую разъяснительную и организаторскую работу по поручению местных групп РСДРП проводили передовые студенты высших учебных заведений Петербурга, Москвы и других городов, вернувшиеся в Дагестан после закрытия вузов царским правительством. 23 ноября впервые в Дагестане вспыхнула забастовка среди учеников старших классов Дербентского реального училища. Забастовка была организована

Дербентской группой РСДРП. Реалисты требовали свободы собраний, равноправия и преподавания местных языков, права организации кружков, права ознакомления в ходе обучения с освободительным движением в России и др. Забастовка носила, таким образом, политический характер. Реалистов поддержали гимназистки. Властям с большим трудом удалось подавить забастовку.

**Декабрьское
вооруженное вос-
стание в стране
и его отражение
в Дагестане**

В декабре 1905 г. революция в России достигла наивысшего подъема. 7 декабря Московский комитет РСДРП организовал массовую политическую забастовку, с тем чтобы перевести ее в восстание. В Москве начались бои. Несколько тысяч рабочих, руководимых большевиками, сражались с превосходящими силами врага. Вооруженное восстание охватило также другие промышленные центры страны. Но царскому правительству удалось подавить эти выступления, используя их разрозненность.

Важные события в декабрьские дни развернулись на Северном Кавказе. Союз рабочих и служащих Владикавказской железной дороги, руководимый большевиками, в ночь с 7 на 8 декабря организовал всеобщую политическую забастовку. В Дербенте железнодорожники забастовали 10-го, в Петровске — 13 декабря. Дербентское и Петровское бюро союза железнодорожников с представителями от служб железной дороги, телеграфа, газового завода и льдозавода превратились в забастовочные комитеты, в органы власти на дороге, стали играть роль Советов рабочих депутатов. Они прекратили движение пассажирских и товарных поездов, а также эшелонов с регулярными войсками, взяли под свой контроль телеграф, денежные средства дороги. Комитеты заботились о материальном обеспечении рабочих и служащих, снабжении их продовольствием, топливом, водой, добились улучшения медицинского обслуживания. Были созданы и вооруженные отряды железнодорожников — боевые дружины.

Таким образом, власть в полосе отчуждения железной дороги впервые перешла полностью в руки рабочих.

В. И. Ленин писал о таких органах власти: «Эти органы создавались исключительно *революционными* слоями населения, они создавались вне всяких законов и норм всецело революционным путем, как продукт самобытного народного творчества, как проявление самодеятельности народа, избавившегося или избавляющегося от старых полицейских пут... Они действовали, как власть... Они конфисковывали деньги старого правительства (железнодорожные стачечные комитеты на юге) и обращали их на нужды нового, народного правительства, — да, это были, несомненно, зародыши но-

вого, народного, или, если хотите, революционного правительства»⁸.

Огромную помощь железнодорожникам Дагестана оказывали грозненские и бакинские железнодорожники. Петровское отделение союза, например, находилось под сильным влиянием Грозненского отделения и нередко действовало по указанию последнего. Грозненцы посылали в Петровск своих представителей, литературу. Такую же помощь, особенно Дербенту, оказывала мощная Бакинская организация РСДРП, насчитывавшая в своих рядах тысячу человек.

Дербентский забастовочный комитет железнодорожников действовал в тесном контакте с городской группой РСДРП. На станциях дагестанского отрезка Владикавказской железной дороги, как и на других станциях дороги, в дни забастовки проходили митинги, на которых часто выступали местные, а также бакинские и грозненские большевики. Широко распространялись большевистские листовки.

Меньшевики, либеральные попутчики вносили раскол в ряды рабочих, стараясь помешать перерастанию забастовки в вооруженное восстание. Все это было на руку властям, стремившимся выиграть время, чтобы собраться с силами и подавить забастовку. За Минеральными Водами и Баладжарами полиция перерезала телеграфные провода. Связь с Ростовом и Баку была прервана. Но ни правительственные угрозы, ни действия полиции, направленные на срыв забастовки, не ослабили борьбу рабочих. На участке от станции Тихорецкая до Владикавказа и Грозного руководство борьбой перешло в руки минераловодцев. Мобилизовали все свои силы и железнодорожники Дагестана.

Царские власти усиливали репрессии. Начались налеты полиции и войск на станции, обыски, аресты, попытки организации межнациональных столкновений.

Всеобщая забастовка в Ростове-на-Дону, начавшаяся 7 декабря по призыву Совета рабочих депутатов, с 13-го числа переросла в вооруженную борьбу. Опорным пунктом рабочих стал пригород Ростова — Темерник. Здесь была создана хорошо вооруженная боевая дружина. Но из-за предательских действий меньшевиков, окопавшихся в Донском комитете РСДРП, выступление дружины затянулось и царские войска предприняли наступление на Темерник. Восемь дней ростовские дружинники и прибывшие им на подмогу дружинники Таганрога выдерживали артиллерийский обстрел.

Получив сообщение о подавлении вооруженного восстания в Москве, ростовские рабочие организованно прекратили

⁸ В. И. Ленин, *Победа кадетов и задачи рабочей партии*, — Полное собрание сочинений, т. 12, стр. 317.

борьбу. Прекратили забастовку и другие отделения Союза рабочих и служащих Владикавказской железной дороги. Петровцы и дербентцы приступили к работе почти последними на дороге (петровцы — с 26-го, а дербентцы — с 28 декабря). Всего рабочие дороги бастовали 24 дня.

Власти обрушили на железнодорожников жестокие репрессии. Несколко сот человек было уволено, многие попали под суд. Станции были заняты войсками. Рабочих лишали всех прав, за ними усилилась жандармская слежка. Так закончилась декабрьская политическая забастовка железнодорожников — передового отряда рабочего класса Северного Кавказа, — оказавшая огромное влияние на народные массы края.

После подавления декабрьской политической забастовки большевики, преодолевая сопротивление раскольников-меньшевиков, эсеров, либералов, проводили большую работу среди железнодорожников, разъясняя им причины поражения московского восстания, вселяли в рабочих уверенность в успех борьбы, призывали готовиться к вооруженному выступлению. В. И. Ленин, разоблачая врагов революции, писал: «Нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие, нужно было разъяснять массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы»⁹.

В целом революционное движение в Дагестане в 1905 г. не переросло в вооруженное восстание из-за отсутствия единого партийного и боевого центра в области и недостатка в большевистских силах, что не позволило большевикам широко охватить влиянием рабочих, а также крестьян, солдат, демократическую интеллигенцию, из-за недостаточного размаха и разрозненности выступлений, из-за недостаточной связи рабочего и крестьянского движения в области, из-за наличия больших национальных и религиозных предрассудков, подогревавшихся феодально-клерикальными, буржуазно-националистическими и великодержавно-шовинистическими кругами.

§ 4. ОТСТУПЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ

(1906 — середина 1907 г.)

Большевики Дагестана в условиях отступления революции

После поражения вооруженного восстания в стране в декабре 1905 г. — кульминации первой русской буржуазно-демократической революции — началось отступление революции, медленное, с боями. В первой половине 1906 г., когда спад революции четко еще не определился, большевики ис-

⁹ В. И. Ленин, *Уроки московского восстания*, — Полное собрание сочинений, т. 13, стр. 371—372.

ходили из возможности нового вооруженного восстания в стране и строили на этом всю практическую работу. Большевики были единственной партией, не павшей духом от поражения декабрьского вооруженного восстания. В то время как попутчики отходят от революции, большевики развертывают напряженную работу по укреплению партийных организаций, по сплачиванию рабочих рядов, по созданию союза рабочего класса с крестьянством, по подготовке нового вооруженного восстания.

В Дагестане в начале 1906 г. большевики активизировали свою деятельность. Они вели большую переписку между организациями, проводили нелегальные сходки рабочих, служащих, крестьян, солдат, учащейся молодежи, распространяли революционную литературу, листовки. 15 февраля Темирханшуринская группа РСДРП выпустила листовку «Братья, товарищи и граждане!», в которой призывала к свержению царизма путем вооруженного восстания.

Дагестанские социал-демократические организации после прекращения декабрьской политической забастовки железнодорожников и многочисленных арестов, произведенных властями в декабре 1905 и январе 1906 г., прилагали огромные усилия для пополнения своих рядов, для повышения активности рабочего движения. Например, Петровская организация РСДРП оказывала помощь приезжим представителям партии из других городов, высланным социал-демократам, поддерживала связь с Баку.

В Терско-Дагестанский комитет РСДРП от Петровской социал-демократической группы входили Д. Атаев и Я. Петренко. На квартире у последнего хранились печать и бланки Терско-Дагестанского комитета РСДРП для работы в Петровске и его районе. Партийная библиотека хранилась в доме Д. Атаева в Гур-Гур-ауле на окраине Петровска. Там же проходили заседания руководства Петровской группы РСДРП.

В апреле 1906 г. в Стокгольме состоялся IV (Объединительный) съезд РСДРП. На этом съезде произошло формальное объединение большевиков и меньшевиков в единую партию.

В. И. Ленин и большевики, идя на объединение, были убеждены, что революционные марксистские принципы в конечном итоге восторжествуют, что меньшевики в партии будут изолированы и влияние большевиков будет решающим. Объединились большевики с меньшевиками и в Терско-Дагестанском союзе РСДРП, причем большевики стали пользоваться большим влиянием, чем прежде. Комитет начал оказывать помощь социал-демократическим организациям Дагестана.

Большую деятельность развернул Бакинский комитет РСДРП. В Дагестане широко распространялись бакинские большевистские листовки, призывавшие к вооруженному восстанию, большевистские газеты — «Бакинский рабочий», «Коч-Девет» («Призыв») на азербайджанском языке, «Рядовой».

Уделяя большое внимание подготовке национальных кадров революционеров из дагестанцев, Бакинский комитет РСДРП создал в 1906 г. социал-демократическую группу «Фарук» («Поборник справедливости»), проводившую работу специально среди рабочих-дагестанцев в Баку и в Дагестане. Руководил группой большевик Кази-Магомед Агасиев. «Фарук» был организован по образцу бакинской социал-демократической группы «Гуммет», в которую входили до этого передовые дагестанцы, работавшие на предприятиях Баку. Как и «Гуммет», группа «Фарук» являлась филиалом Бакинской организации РСДРП. В нее входили представители почти всех народностей Дагестана. Основной базой группы «Фарук» был район Баилов (Биби-Эйбат). Группа организовывала забастовочные выступления рабочих-дагестанцев на различных предприятиях Баку.

Буржуазно-националистические элементы, проникавшие в «Фарук», вели подрывную работу среди рабочих-дагестанцев, пытались мешать забастовкам, организуемым этой группой. Группа под руководством Кази-Магомеда Агасиева вела беспощадную борьбу против этих элементов. Выезжая на родину в Дагестан, члены группы проводили в аулах большевистскую пропаганду, готовили массы к вооруженной борьбе.

Наместник царя на Кавказе писал: «Под влиянием общеимперского революционного движения в последнее время замечаются последствия социал-демократической пропаганды и среди мусульман; так, в отдельных местностях крестьяне отказываются отбывать повинности в пользу беков, а равно, по некоторым сведениям, в состав разных революционных кружков ныне входят и татары¹⁰, чего еще недавно почти вовсе не наблюдалось».

Большевики проводили среди многонационального населения области большую работу по воспитанию в духе пролетарского интернационализма. Под влиянием революционного движения в России в борьбу против угнетения и эксплуатации вовлекаются и выходцы из Ирана, десятки тысяч которых работали в прикаспийских местностях, в Азербайджане, на Северном Кавказе, в том числе в Дагестане. Большую работу проводили среди них большевики, иран-

¹⁰ Так царские власти именовали на Восточном Кавказе азербайджанцев и кумыков. — *Ред.*

ские революционеры. С конца 1906 г. в Петровске образовалась крупная организация иранских революционеров, распространявшая воззвания, собиравшая деньги и готовившая людей для революционной борьбы в Иране.

Рабочее и крестьянское движение в Дагестане в 1906 г.

В 1906 г. революционная борьба рабочих в Дагестане продолжалась. В феврале волнения охватили рыбные промыслы братьев Тушмаловых. В марте забастовали рабочие бондарных заведений Петровска. 24 апреля вновь поднялись на забастовку рабочие текстильной фабрики «Каспийская мануфактура». Текстильщики протестовали против ухудшения условий труда и сокращения части рабочих. Им удалось добиться 9-часового рабочего дня.

1 мая в Петровске состоялась демонстрация рабочих под красными флагами. Между полицией и демонстрантами произошло кровавое столкновение. С 14 по 31 мая в Петровске бастовали рабочие-табачники, кумыки по национальности. Забастовка проходила под руководством социал-демократов. Активная борьба табачников, говорившая о росте сознательности среди местных рабочих, принесла им успех: были улучшены условия их труда.

Летом и осенью состоялся ряд забастовок рабочих Берикее-Каякентского нефтепромышленного района, бондарей. Как нефтяники, так и бондари требовали улучшения условий и повышения оплаты труда.

В городах Дагестана и окружных центрах проходили массовые митинги и собрания рабочих, служащих, солдат, учащейся молодежи. Так, 18 июня в Петровске за садом Фельшау (ныне парк им. Ленинского комсомола) местная организация РСДРП с участием бакинских социал-демократов провела митинг. Большая сходка рабочих под руководством социал-демократов состоялась 2 октября в садах на восточной окраине Петровска. 9 июля крупную сходку рабочих, служащих и учащейся молодежи организовала Дербентская группа РСДРП. Собирались на митинги и солдаты гарнизонов окружных центров.

Рабочее движение в Дагестане в 1906 г. все же не имело такого размаха и силы, как в 1905 г., в частности забастовки носили уже только экономический характер.

В 1906 г. в Дагестане, как и во всей стране, усиливается революционное движение крестьян. Крестьянский центр, в работе которого стали принимать деятельное участие Махач Дахадаев и Магомед-Мирза Хизроев, постепенно распространил свое влияние на нагорные округа. Листовки с призывом к вооруженному восстанию стали находить и в далеких горных аулах Гунибского, Аварского и Андийского округов. Выступая перед крестьянами селений Гимры, Унцукуль, Верхний Каранай, Махач Дахадаев призывал к захвату ка-

зенных земель, неуплате податей, к борьбе за ниспровержение самодержавного строя. В результате власти отмечали среди горского крестьянства «брожение умов». Таким образом, в борьбу втягивался и нагорный Дагестан. Однако наибольшую активность проявляли феодально-зависимые крестьяне — раяты и зависимые уздени.

31 мая 1906 г. Темирханшуринская и Петровская группы РСДРП провели в Тарках конференцию крестьян селений Тарки, Агач-аул, Альбурикент и Кяхулай, на которой обсуждался ход революционной борьбы в стране и в Дагестане. Конференция призвала население области к борьбе за свержение самодержавия. Участники Таркинской конференции добились освобождения арестованных представителей Темирханшуринской группы РСДРП, прибывших в Петровск на объединенную партийную конференцию Темирханшуринской и Петровской групп РСДРП.

Летом 1906 г. в сел. Кумух — центре Казикумухского округа — возник так называемый «Комитет 27-ми», руководимый видным революционным деятелем и просветителем Саидом Габиевым. Комитет был создан для организации борьбы крестьян. Власти разгромили комитет, и Саид Габиев на пять лет был выслан из Дагестана.

Борьба против беков охватила большинство селений Кайтаго-Табасарана. Раяты всех 40 селений Табасарана — Чумлы, Каякента, Берикей, Джемикента, Падара, Татлара, Карадаглы, Великента, Салика, Деличобана, Усемикента, Хучни, Гимейди, Дарвага и др. — полностью прекратили отбывание повинностей бекам. По распоряжению высшей в крае власти повинности все же были взысканы, что в некоторых селениях сопровождалось вооруженным сопротивлением властям.

В антифеодальное движение постепенно вовлекались и в основном малонаселенные, зависимые поселения Кюринского округа. По примеру аликентцев, буркиханцев и зизикцев поднимались жители Газаркента, Койсуна, Магарамкента, Целягюна, Бюльбюлькента, Испига, Зограбкента, Буткента, Хтуна, Вартатилы, Куркента и др.

В 1906 г. в революционном движении участвовали и свободные крестьяне. В апреле против местного гарнизона из казаков Кубанского пластунского батальона выступили жители сел. Хунзах. Весной того же года четыре селения приставства Улусского магала Кюринского округа — Арабляр, Белиджи, Нюгды и Молла-Халил — отказались взять в аренду казенные земли. Жители сел. Тарки порубили часть спорного с беками Геллинскими леса и вывезли 700 арб дров. Из-за земельного участка произошло вооруженное столкновение таркинцев со стражниками крупнейшего барановода Н. Гоцинского.

Широкой волной разлилось в Дагестане качагское движение, активно поддерживаемое крестьянскими массами. 12 января 1906 г. качаги разобрали рельсы на мосту через р. Сулак. 16 января они прогнали стражу с моста через р. Рубас. 22 января было совершено нападение на охрану моста через р. Самур. Нападения качагов на охрану железной дороги и рыбных промыслов происходили почти ежедневно. Качагство изнуряло местные органы власти, правительственный аппарат, что существенно помогало революционному движению в Дагестане.

Отмечая важность партизанской борьбы для общенародного революционного движения против царско-самодержавного строя, В. И. Ленин указывал на необходимость подчинять партизанские выступления главным средствам революционной борьбы пролетариата, если даже «в силу слабости и неподготовленности нашей организации можем отказаться в данной местности и в данный момент от партийного руководства этой стихийной борьбой»¹¹.

Следует, однако, отметить, что в общей массе качагов имелись и отдельные мародеры, причем некоторые из этих мародеров были связаны с местной полицией.

Качагское движение локализовалось в основном в северной и южной частях плоскостного Дагестана, в районах, где была наиболее развита борьба крестьян. Уже в 1907 г. это движение почти совершенно прекратилось в связи со спадом революции и жестокими репрессивными мерами, принятыми царскими властями.

Работа большевиков среди солдат. В 1906 г. под влиянием борьбы рабочих и крестьян усиливается революционное брожение и в царской армии. Большевики стремились завоевать армию на сторону революции, ибо от этого во многом зависел успех революции. К тому же революционная работа в войсках была борьбой за укрепление союза рабочих с крестьянством, ибо большинство солдат рекрутировалось из деревни.

Восстание Самурского полка В 1906 г. революционное брожение охватывает гарнизоны Дагестана. В горных крепостях Хунзаха, Левашей, Гуниба возникли социал-демократические ячейки. Под влиянием массового революционного движения начинается разложение не только в регулярных частях, но и в сотнях добровольческого Дагестанского конного полка, несшего полицейскую службу. В результате дезертирства в сотнях оставалось по 30—50 сабель.

Члены военных организаций при Темирханшуринской и Дербентской группах РСДРП, члены Петровской группы и

¹¹ В. И. Ленин, *Партизанская война*, — Полное собрание сочинений, т. 14, стр. 9.

социал-демократы в горных гарнизонах проводили разъяснительные беседы среди солдат, широко распространяли революционные прокламации, в том числе присылавшиеся из Петербурга, Москвы, Тифлиса, Баку и других городов. Особенно большая работа проводилась военным бюро при Темирханшуринской группе РСДРП, образовавшимся в октябре 1905 г. Преодолевая сопротивление меньшевиков, бюро установило связи со многими гарнизонами (в Темир-Хан-Шуре, Петровске, Левашах, Хунзахе, Чир-юрте) и железнодорожной военной охраной. Почти ежедневно военное бюро выпускало прокламации.

Широко распространялась среди солдат дагестанских гарнизонов газета «Рядовой» — нелегальный орган военной организации при Бакинском комитете РСДРП. Газета вела борьбу с процаристскими настроениями среди солдат, пропагандировала общность интересов народа и армии, сообщала о революционных выступлениях в различных районах страны, в том числе и в Дагестане.

Под влиянием разъяснительной работы большевиков в частях армии, расположенных в Дагестане, начинаются волнения. В апреле 1906 г. волнения охватили Темирханшуринский резервный батальон. Солдаты потребовали улучшения своего положения и принятия мер против проявлений национальной розни. Последнее требование имело огромное значение в условиях многонационального Дагестана. Власти с трудом подавили это выступление.

Большое влияние деятельность большевиков оказала на солдат 83-го Самурского пехотного полка, имевшего штаб-квартиру в урочище Дешлагар (ныне Сергокала). Части этого полка несли полицейскую службу попеременно в различных местах края — в Дагестане, Баку, Кусарах (Северный Азербайджан) и др. Героическая борьба рабочих Баку, железнодорожников Дагестана, крестьян произвела на самурцев большое впечатление. У самурцев устанавливаются прочные связи с бакинской социал-демократической организацией, растет их политическое сознание.

Начинаются волнения, революционные выступления. В ноябре 1905 г. в 1-м батальоне полка, находившемся в Баку, произошли волнения на экономической почве. 2 декабря самурцы организовали политическое выступление. В этот день в Баку состоялась мощная вооруженная демонстрация солдат Бендерского полка и других частей, расквартированных в городе. Демонстрацию охраняли артиллеристы стремя орудиями. Солдаты Самурского и Сальянского полков, а также казаки 2-го Хоперского полка, посланные на подавление демонстрации, отказались стрелять в своих товарищей. В феврале 1906 г. самурцы помешали бакинским властям подавить выступление военных моряков.

В марте 1906 г. в 1-м и 2-м батальонах Самурского полка в Дешлагаре происходили новые волнения. Вскоре 1-й батальон перебросили в Тихорецкую, вывели и 2-й батальон, а из Баку в Дешлагар прибыл 3-й батальон. Здесь же находились 6-я рота полка, подсобные мастерские и полковая учебная команда. К этому времени в Самурском полку с помощью Бакинского комитета РСДРП была создана революционная организация. Часть этой организации (30—40 человек) находилась в составе дешлагарского гарнизона. Возглавляли ее унтер-офицер Федот (Феодосий) Самойленко, отставной унтер-офицер мастеровой старшего разряда Федор Нога, рядовой — писарь Яков Голубятников (Одринский), рядовой Петр Чаусов, запасной рядовой Федот Яковенко и др.

Военно-революционная организация поддерживала связь с Бакинским комитетом РСДРП и, можно предполагать, с дагестанскими социал-демократическими организациями. Через почтальона И. Савина в Дешлагар из Баку пересылались большевистские листовки и газеты. Эти листовки и газеты вкладывались в корреспонденцию и периодические издания, которые присылались в полковую библиотеку из Баку.

Революционная группа проводила среди самурцев широкую пропаганду, распространяла листовки и нелегальную литературу. В лесу, недалеко от Дешлагара, устраивались тайные сходки солдат. Группа готовила самурцев к открытому вооруженному выступлению совместно с рабочими и крестьянами Дагестана, а также солдатами других гарнизонов против самодержавия.

Когда царское правительство разогнало I Государственную Думу, это вызвало бурное негодование народных масс, армии. Армия состояла в основном из крестьян, одетых в солдатские шинели, и во многом жила настроениями деревни. Поэтому отношение солдат к разгону Думы отражало настроения многомиллионных масс крестьянства, ждавших от Думы разрешения аграрного вопроса.

Весть о разгоне Думы пришла в Дешлагар 14 июля. Негодование солдат было столь бурным, что революционная группа решила поднять гарнизон на вооруженное восстание. Таким образом, мотивы выступления самурцев были политическими. Это подчеркивалось и в официальных донесениях в особый отдел департамента полиции.

Восстание охватило весь гарнизон, за исключением реакционно настроенной учебной команды. Всего восставших насчитывалось 500—600 человек. Самурцы захватили крепость и слободу Дешлагар, заняли почтово-телеграфную контору, оружейный склад, гауптвахту. Они освободили арестованных, разоружили учебную команду, передав ее

винтовки нестроевым, организовали охрану крепости и слободы, выслали разведку, попытались установить связь с другими частями Дагестанской пехотной дивизии (в которую входил и Самурский полк). Однако восставшие проявили роковую медлительность, ограничились оборонительными мероприятиями.

Восстание крупной воинской части вызвало переполох в Тифлисе и Петербурге. Военное командование на Кавказе быстро стянуло под Дешлагар все имевшиеся в его распоряжении свободные силы. Уже 18 июля на станцию Буйнак (ныне Уллубиево) прибыли из Дербента три роты Гунибского резервного батальона, подтягивались рота Апшеронского полка, пулеметная полурота, взвод артиллерии, две роты из Грозного. Из Темир-Хан-Шуры направлялись три сотни Дагестанского конного полка и даже из Тифлиса — стрелки. В карательный отряд были выделены также пять рот Ширванского полка (Темирханшуринский резервный батальон не послали, учитывая, видимо, его «ненадежность», проявившуюся во время апрельских событий). Таким образом, численность карательного отряда значительно превышала силы восставших. К тому же этот отряд имел в своем составе конницу, артиллерию и пулеметы. Начальником карательной экспедиции был назначен известный своей жестокостью генерал Бауэр. Цель похода тщательно скрывалась от солдат. Приближение огромного карательного отряда вызвало панику среди части самурцев. Реакционно настроенные унтер-офицеры вели подрывную работу изнутри. Революционная группа не сумела удержать под своим влиянием солдат. Полк сдался карателям.

Власти свирепо расправились с самурцами. К следствию привлекли весь гарнизон. Семеро руководителей восстания временным военно-полевым судом были приговорены утром 29 июля к расстрелу. Наместник утвердил приговор. Двоим из них — Петрову и Бабошкину — удалось бежать. Пятеро — Самойленко, Чаусов, Голубятников, Нога и Яковенко — 1 августа в 4 часа дня были расстреляны. 232 солдата были отданы под суд. Многих из них сослали на каторгу, заключили в арестантские отделения, сдали в дисциплинарные батальоны и т. д. Среди жителей слободы Дешлагар был произведен обыск с целью выявления казенного оружия. В полку была установлена усиленная жандармская слежка.

Восстание Самурского полка закончилось поражением из-за отсутствия крепкого большевистского руководства, незначительности пролетарской прослойки в полку, недостаточной подготовленности восстания, отсутствия тесной, живой связи с другими гарнизонами, социал-демократическими организациями, рабочим и крестьянским движением в области. Серьезнейшей ошибкой самурцев была проявленная ими мед-

лительность, склонность к выжидательной и оборонительной тактике. Вместо решительного наступления в сторону промышленных центров со значительным рабочим населением для соединения с рабочим и крестьянским движением, с другими революционно настроенными воинскими частями, восставшие ограничились захватом крепости, проведением митингов и совещаний да робкими попытками установления связи с другими частями.

Следует отметить все же, что восстание Самурского полка произошло в период общего отлива революции, в условиях, когда местные социал-демократические организации подверглись разгрому полицией. Военная организация при Темирханшуринской группе РСДРП, сильно ослабленная после подавления апрельского выступления Темирханшуринского резервного батальона, помочь самурцам ничем не могла.

Восстание Самурского полка было одним из крупнейших революционных выступлений войсковых частей в России и высшей точкой солдатских волнений в Дагестане в период первой русской революции. Оно заронило в солдатских массах области мысль о присоединении к революционному народу, а горцы воочию убедились в возможности совместной с солдатами борьбы с самодержавием. В этом — огромное значение восстания.

В связи с волнениями в армии кавказская администрация усилила надзор за солдатами, особенно из бывших рабочих и отходников. В Дагестане было дано указание «о принятии решительных мер к недопущению могущих возникнуть среди солдат волнений».

Но деятельность большевиков среди солдат Самурского полка и революционное брожение в его частях продолжались. Так, в начале августа волнения охватили 3-й батальон Самурского полка, несший охрану станции Тихорецкой, тот самый батальон, который был инициатором восстания в Дешлагаре. В октябре жандармы вновь установили факт распространения в Дешлагаре газеты «Рядовой». В обнаруженном экземпляре было опубликовано письмо «Восстание в Дешлагаре» за подписью «Унтер-офицер Самурского полка».

Революционное брожение наблюдалось и в других воинских частях. В Петровске происходили волнения в артиллерийской части. Суд приговорил «виновных» к заключению в дисциплинарный батальон. В 82-м Дагестанском полку в Петровске были обнаружены революционные листовки. В полку были произведены аресты.

В 1906 г. в революционном движении активно участвовала учащая молодежь. В Темир-Хан-Шуре ученики реального училища помогали социал-демократам в распространении прокламаций, организации митингов. Летом в Петров-

ске в знак протеста против издевательств со стороны администрации забастовали ученики бакинской школы торгового мореплавания. В ноябре состоялась всеобщая забастовка учащихся в Дербенте. В связи с упорным характером стачки администрация учебных заведений вынуждена была пойти на уступки.

Выборы в I Государственную Думу Одним из маневров царского правительства, предпринятых с целью отвлечения масс от революции, был созыв «законодательной» Думы. Избирательный закон от 11 декабря 1905 г. обеспечивал господство в Думе помещикам и буржуазии. Доступ рабочим в Думу затруднялся многочисленными барьерами. Представительство рабочих, например, было в 40 раз меньше, чем представительство помещиков (по отношению к общей численности тех и других). Многочисленные категории рабочих были вообще лишены избирательных прав. Фактически более половины населения страны было лишено всех избирательных прав.

Выборы в Думу были многостепенными. В Дагестане, например, сельские общества должны были выбирать делегатов на участковые сходы, участковые — на окружные, окружные — в областное избирательное собрание, и только последнее выбирало из своей среды депутатов в Государственную Думу.

Буржуазия, либеральные попутчики обманывали народ, заявляя, что с помощью Думы можно добиться осуществления народных чаяний. Так, в либеральной газете «Дагестан» критика «бюрократии» сопровождалась упованием на манифест 17 октября, на Думу. Газета призывала к участию в выборах в Думу, которую изображала как панацею от всех бедствий страны. Большевики считали Думу лучшим средством для разрешения вопросов революции. Большевики же разоблачали маневры царизма, призывали к бойкоту Думы. Они развернули в период выборной кампании широкую разъяснительную работу среди населения. Темирханшуринская группа выпустила ряд прокламаций, направленных против Думы. 7 марта в листовке «К гражданам!» темирханшуринские социал-демократы выступили с разоблачением царского манифеста 17 октября и лжедемократического характера проектируемой царизмом Думы.

Выступая в листовках и на нелегальных митингах против Думы, темирханшуринские социал-демократы приняли тем не менее активное участие в предвыборных собраниях, а также в выборах в Думу на их первых стадиях. Как писал о тех днях лидер Темирханшуринской группы РСДРП П. Ковалев, это делалось «для выяснения политических симпатий населения». На предвыборных собраниях и митингах члены Темирханшуринской группы РСДРП, в частности

Махач Дахадаев, требовали демократических свобод, наде-ления крестьян землей за счет беков и казны и др.

Большую активность проявляли представители местной националистической интеллигенции — инженер З. Темирханов и др. и либеральной — врач, мелкий нефтепромышленник и издатель газеты «Весь Кавказ» М. Далгат и др. Однако социал-демократы пользовались наибольшей популярностью на предвыборных собраниях, хотя их взгляды нередко были недостаточно политически зрелыми.

Участвовали в предвыборных собраниях и петровские социал-демократы. Так, еще 27 декабря 1905 г., выступая на собрании, организованном кадетами, руководитель Петровской группы РСДРП В. Казаринов произнес речь, в которой разоблачил маневры буржуазии, пытавшейся спасти царизм. Эту речь он закончил словами: «Долой Государственную Думу! Да здравствует Учредительное собрание!». Социал-демократы Дербента также вели агитацию среди горожан и крестьян против участия в выборах в Думу. Полицейстер Дербента в одном из своих донесений срыв выборной кампании в Дагестане считал результатом деятельности членов РСДРП.

Крестьянство Аварского, Андийского, Гунибского и Казикумухского округов совершенно отказалось от участия в выборах выборщиков. В остальных округах в выборах приняла участие лишь часть избирателей.

Вследствие бойкота выборов значительной частью населения области, в частности после внушительной народной демонстрации против выборов в Думу, состоявшейся перед зданием Темирханшуринской городской управы 26 мая, областное избирательное собрание признало себя неправомочным и отказалось от выборов в Государственную Думу. Таким образом, выборы в Думу от Дагестана не состоялись.

Летом 1906 г. власти усилили репрессии против социал-демократических организаций. Полиции удалось выследить почти всех ведущих деятелей местных групп РСДРП. Дербентская, Петровская и Темирханшуринская организации РСДРП были раскрыты, их руководящие деятели — арестованы. Особый комитет Владикавказской железной дороги вынес постановление о роспуске организаций, не разрешенных в установленном порядке, о запрещении собраний и митингов, ношения оружия рабочими и служащими, о выселении уволенных из квартир, принадлежавших дороге.

Репрессии правительства вызывали негодование рабочих и крестьян. Многочисленная толпа женщин Темир-Хан-Шуры и окрестных аулов устроила в городе демонстрацию протеста. Участницы демонстрации ворвались в дом губернатора, но были оттуда выбиты прикладами и ногайками.

Темирханшуринская группа РСДРП выпустила ряд ли-

стовок с протестом против репрессий. Ярво выраженный большевистский дух этих листовок красноречиво свидетельствует о том, что, несмотря на жесточайшие репрессии и большие потери в работниках, Темирханшуринская социал-демократическая группа стояла в этот период на правильных позициях.

Среди либеральных попутчиков революции репрессии власти посеяли панику. Часть отчаявшихся интеллигентов прибегает к террору. В Петровске образуется организация эсеров во главе с Г. Трунным. В нее вошли почтово-телеграфные служащие, учащиеся Петровской электротехнической школы и даже один из работников полиции. В декабре 1906 г. петровские эсеры приступили к проведению индивидуального террора. Они убили полицмейстера города Вржесниовского, готовили убийство помощника начальника Бакинского губернского жандармского управления в Дагестанской области ротмистра Кумского. Эсеры рассылали по почте угрожающие письма представителям власти, собирали среди населения денежные средства. Тактикой индивидуального террора эсеры отвлекали народные массы от подлинно революционной борьбы, в то же время давая повод для травли настоящих революционеров-большевиков.

Небольшие группы эсеров имелись и в других городах Дагестана, а также в воинских частях. Значительным влиянием пользовались эсеры в Хунзахском гарнизоне. Некоторые меньшевистски настроенные члены Петровской группы РСДРП поддерживали эсеров и даже принимали участие в террористических актах. Но большевики Дагестана, Махач Дахадаев резко отрицательно выступали против эсеров.

Деятельность большевиков Терек и Дагестана

Оставшиеся на свободе после волны репрессий члены дагестанских социал-демократических групп продолжали свою деятельность. В городах и других населенных пунктах Дагестана собирались сходки рабочих, солдат, учащихся. Дербентская организация РСДРП сумела в этих тяжелых условиях даже пополнить свои ряды. В ноябре 1906 г. она насчитывала 100 организованных членов, в основном из железнодорожников. Дербентские социал-демократы проводили работу и в местном гарнизоне — Гунибском резервном батальоне. В городе была создана подпольная типография.

В ноябре 1906 г. во Владикавказе состоялась под руководством видного деятеля большевистской партии Ноя Буачидзе конференция Терско-Дагестанского союза РСДРП. В работе конференции принимали участие 13 делегатов: 5 — от Владикавказа, 4 — от Грозного, 3 — от Пятигорска и Минеральных Вод и 1 — от Дербента. Было рассмотрено положение на местах. Решался вопрос о перенесении комитета Терско-Дагестанского союза РСДРП из Владикавказа в

Грозный — промышленный центр края со значительным числом рабочих.

В 1907 г. оживилась деятельность Петровской организации РСДРП, которую с конца 1906 г. возглавил видный деятель большевистской партии Иван Васильевич Малыгин. Группа установила связи с Петербургом, Москвой, Баку и другими крупными городами страны, получала оттуда литературу. Под руководством Петровской группы состоялся ряд забастовок рабочих и служащих города.

Местным социал-демократическим группам в Дагестане приходилось внимательно следить за всеми событиями в стране, происками царизма, стремившегося любыми средствами расколоть народные массы, задушить революцию.

В начале 1907 г. царское правительство созвало II Государственную Думу (I Дума была распущена 8 июля 1906 г.). В условиях четко определившегося спада революционного движения в стране большевики приняли решение участвовать в выборах в Думу. Эта тактика была рассчитана на использование всех легальных возможностей для укрепления связей партии с народными массами.

Социал-демократические группы Темир-Хан-Шуры, Петровска и Дербента выпустили ряд листовок с протестами против разгона царским правительством I Думы и с призывом к массам участвовать во II Думе, отдавая свои голоса подлинным революционерам. При обсуждении вопроса о тактике терско-дагестанских организаций РСДРП в кампании по выборам во II Думу на конференции Терско-Дагестанского союза РСДРП в ноябре 1906 г. во Владикавказе делегаты-большевики выступили против предложенного меньшевиками блока с кадетами. Прошло решение, предложенное меньшевиками: если не будет возможности провести социал-демократа, вступать в соглашение с кадетами и поддерживать их ставленников.

Все же выборы во II Думу в Дагестане, состоявшиеся в феврале 1907 г., прошли при низкой активности избирателей. Крестьянство Дагестана в общем пассивно отнеслось к этому мероприятию, проводимому царским правительством. Но ненависть горцев к царизму проявлялась и в период этой выборной кампании. Так, в Даргинском округе в связи с выборами произошли волнения среди крестьян ряда селений.

В 1907 г. рабочее движение в Дагестане шло на убыль. Сказывались усталость, потеря активистов в результате репрессий властей, падение численности рабочих. С закрытием в начале 1907 г. фабрики «Каспийская мануфактура» — вследствие кризисных явлений в экономике страны и конкуренции со стороны бакинской текстильной фабрики Г. Тагиева — пролетариат Дагестана поте-

**Выступления
народных масс
Дагестана
в 1907 г.**

рял один из самых многочисленных и боеспособных своих отрядов.

В марте и апреле бастовали рабочие бондарных заведений Дагестана, требовавшие улучшения своего материального положения. Среди бондарей проводили работу социал-демократы Дагестана и Астрахани. В апреле под руководством Петровской группы РСДРП бастовали приказчики магазинов.

Самыми крупными в этот период в Дагестане были забастовки грузчиков Петровского порта и моряков Каспийского торгового флота. Первая забастовка моряков судов, находившихся в Петровском порту, вспыхнула 5 марта из-за незаконного увольнения одного из кочегаров. Администрация порта и правление пароходного общества вынуждены были уступить. 10 марта на Каспии разразилась всеобщая забастовка моряков торгового флота. Забастовка носила экономический характер и проходила под руководством Бакинского комитета РСДРП. В забастовку включились и команды 15 судов, стоявших в Петровском порту, — около 300 человек. Всего на Каспии забастовало 7 тыс. моряков.

Правление обществ «Кавказ и Меркурий», «Надежда», «Восточное пароходство» и других, которым принадлежали корабли, охваченные забастовкой, а также царские власти приступили к осуществлению репрессий против непокорных моряков: они были списаны с судов, порты и пристани были заняты войсками. С помощью штрейкбрехеров власти предпринимали попытки сорвать забастовку, но моряки, руководимые большевиками, держались твердо.

Бастовавших моряков поддерживали рабочие всех промышленных центров на Каспии. 18 апреля в Баку в знак солидарности забастовали 25 тыс. рабочих. В Петровске местная группа РСДРП проводила сбор пожертвований в пользу бастующих. 13 апреля, в разгар забастовки моряков, началась всеобщая стачка грузчиков Петровского порта (иранских азербайджанцев по национальности). Свыше тысячи грузчиков потребовали прекращения издевательств со стороны царских властей и улучшения своего материального положения.

Всеобщая забастовка моряков торгового флота сковала судоходство на Каспии. Прекратилась доставка нефти и хлопка в центрально-промышленные районы России. В портах скопились грузы. Замерло судоходство и на Волге. Текстильная промышленность России стала работать с перебоями. Капиталисты несли миллионные убытки. Самоотверженная полуторамесячная борьба каспийских моряков, поддержанных рабочими других профессий, увенчалась успехом. Власти вынуждены были уступить.

Всеобщая забастовка моряков, а также портовых груз-

чиков была последним значительным выступлением пролетариата Дагестана в период первой русской революции. Хотя забастовки носили экономический характер, в условиях отступления революции они имели важное значение для сплочения пролетариата и усиления позиций большевиков.

Под влиянием борьбы моряков и портовых рабочих в Дагестане поднялась новая волна выступлений крестьян против беков и царских властей в феодально-зависимых селениях Агач-аул, Кумторкала и др. Волнения происходили и среди крестьян других селений Темирханшуринского округа, селений Ялах и Луткун Самурского округа и почти всех селений Кайтаго-Табасаранского округа.

Продолжались в 1907 г. волнения и среди солдат и учащейся молодежи. Большая антиправительственная организация (до 200 человек) была создана среди солдат Хунзахского гарнизона, в котором революционную работу вели сосланные сюда черноморские моряки — участники восстания под руководством лейтенанта Шмидта. Организация была раскрыта царскими властями. Волнения охватили солдат 255-го Аварского резервного батальона в Петровске, 21-ю артиллерийскую бригаду, части Темирханшуринского гарнизона, среди которых широко распространялись большевистская газета «Рядовой» и большевистские листовки.

3 июня 1907 г. царское правительство распустило II Государственную Думу и издало новый закон о выборах в Думу. Депутаты социал-демократов были арестованы и сосланы. Период первой русской революции в России окончился.

* * *

Первая русская буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. потерпела поражение. Это произошло по целому ряду причин. Рабочему классу страны в ходе революции не удалось создать прочного союза с крестьянством. Наиболее крупные выступления крестьян имели место уже после подавления рабочего движения в основных промышленных центрах страны. Крестьянство действовало недостаточно организовано, разрозненно, нерешительно. Среди крестьян господствовали еще процаристские настроения, они находились под влиянием эсеров, кадетов, возлагали надежды на Государственную Думу. Не было дружного революционного натиска на царизм и со стороны народных масс национальных окраин, силы которых расплылись буржуазно-националистическими партиями.

Несмотря на ряд крупных революционных выступлений в армии, большинство солдат остались верными царскому правительству и помогали ему душить революцию.

Ведущей силой революции был рабочий класс. Но рабочие действовали недостаточно дружно и одновременно.

Из-за отсутствия единого центра по руководству восстанием в стране вооруженные выступления рабочих были разрозненными, носили местный характер.

Не было единства и в РСДРП. Большевики боролись за всемерное развертывание революции, за свержение царизма путем вооруженного восстания, за укрепление союза пролетариата с крестьянством, за изоляцию либеральной буржуазии, за создание временного революционного правительства из рабочих и крестьян. Меньшевики выступали против большевиков. Действуя как агентура буржуазии в рабочем движении, они раскалывали рабочий класс, ослабляя тем самым его силы, мешая ему полностью и до конца выполнить его роль гегемона революции и привести революцию к победе.

Тем не менее в результате революционной борьбы народным массам удалось добиться впервые в истории страны, хотя и на короткое время, политических свобод, вырвать у царизма первое общероссийское представительное учреждение — Государственную Думу, которую большевики использовали как легальную трибуну для разоблачения самодержавия и буржуазных политических партий. Добились улучшения условий труда, повышения заработной платы отдельные отряды пролетариата. Крестьянство добилось отмены выкупных платежей, понижения цен на землю.

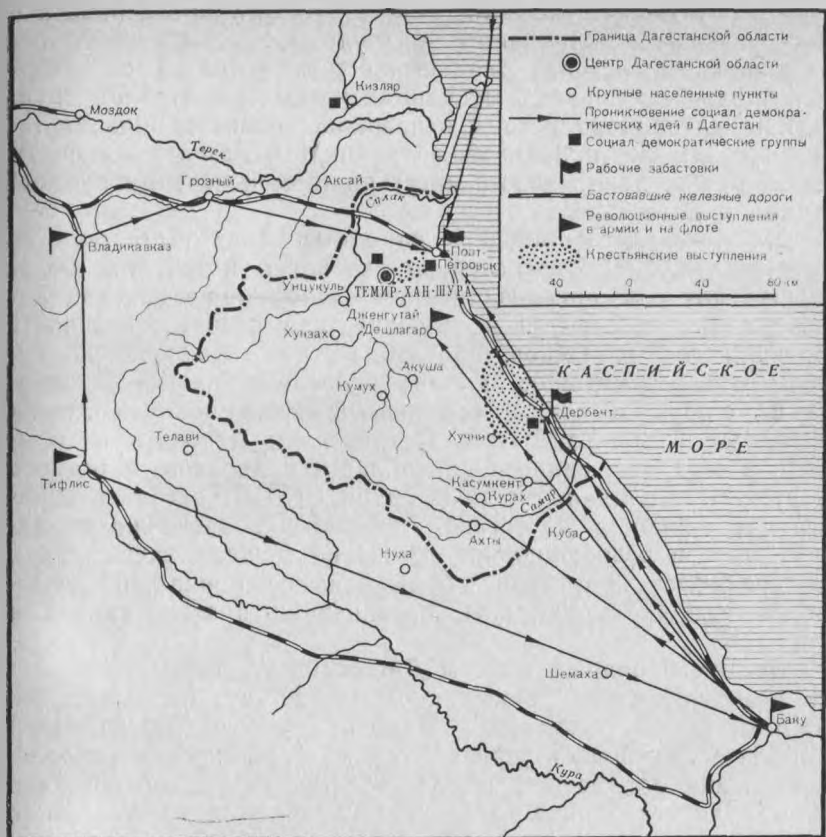
Важнейшим результатом революции 1905—1907 гг. было накопление народными массами и большевиками ценнейшего опыта революционной борьбы, что в значительной степени облегчило последующую борьбу народных масс за освобождение от эксплуатации и угнетения, за установление диктатуры пролетариата.

Революционное движение в Дагестане было органически связано с борьбой народных масс страны и целиком зависело от ее перипетий. Рабочие, крестьяне, солдаты, демократическая интеллигенция области внесли свой вклад в общенародную борьбу против царско-помещичьего строя. В период наступления революции (1905 г.) рабочие провели 22 забастовки, в которых приняли участие 14,9 тыс. человек.

В период отступления революции (1906 — середина 1907 г.) в Дагестане состоялось 17 забастовок с 4,4 тыс. участниками.

Борьба народных масс Дагестана имела некоторые особенности. На ход революционного движения в Дагестане наложила свой отпечаток политическая, экономическая и культурная отсталость области. Дагестан не имел тяжелой промышленности, в которой сосредоточивается передовая часть рабочего класса, пролетариат был молод, немногочислен, национальная прослойка в нем была невелика.

С другой стороны, горцы Дагестана не были охвачены процаристскими настроениями в такой степени, как русские

Революционные выступления в Дагестане в 1905—1907 гг.

крестьяне, и были сравнительно хорошо вооружены. Это превращало каждое активное выступление горцев в вооруженное и позволяло им вести энергичную партизанскую борьбу. Но в то же время к горцам Дагестана можно полностью отнести слова В. И. Ленина о том, что в революции 1905—1907 гг. «крестьяне действовали слишком распыленно, неорганизованно, недостаточно наступательно, и в этом заключается одна из коренных причин поражения революции»¹². Не было единого центра руководства крестьянским движением в области.

На борьбу с беками и царскими властями поднимались в годы революции в основном раяты и зависимые уздени, свободные крестьяне принимали недостаточно активное уча-

¹² В. И. Ленин, *Доклад о революции 1905 года*, — Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 322.

стие в движении. Создание союза русского пролетариата с дагестанским крестьянством затруднялось здесь наличием еще значительных национальных и религиозных предрассудков, подогревавшихся мусульманским духовенством, буржуазными националистами и великодержавными шовинистами. По тем же причинам затруднялись взаимовлияние и связь между дагестанским крестьянством и частями русской армии в Дагестане.

На руководстве борьбой народных масс Дагестана со стороны РСДРП отрицательно сказались недостаток большевистских сил, организационная слабость местных социал-демократических групп и теоретическая неподготовленность большинства их членов, противодействие меньшевиков деятельности большевиков. В этих условиях попытки установления широкого контакта между социал-демократическими группами Темир-Хан-Шуры, Петровска и Дербента не привели к созданию единого для области партийного и боевого центра. Вне влияния местных групп РСДРП осталась и какагская борьба в Дагестане. Активному вовлечению народных масс в революционное движение мешали здесь эсеры, либеральные попутчики, буржуазные националисты, феодально-клерикальные силы, организации правых партий в городах.

Все же народным массам Дагестана удалось в результате революционного движения 1905—1907 гг. несколько облегчить свое положение. Рабочие многих предприятий добились улучшения условий труда и жилищных условий, повышения заработной платы, облегчения паспортного режима для отходников из русских губерний и др. Улучшило свое положение и дагестанское крестьянство. Под давлением революционной борьбы горцев целый ряд земельных споров между сельскими обществами и беками был решен в пользу первых. Вскоре (через четыре с половиной года) была отменена феодальная зависимость крестьян-раят и зависимых узденей от беков.

В целом революция 1905—1907 гг. оказала огромное влияние на развитие Дагестана. В годы революции были заложены основы прочного союза русского рабочего класса с дагестанским крестьянством, ибо горцы благодаря опыту, накопленному в борьбе, и росту политической сознательности стали понимать, что только под руководством русского пролетариата они смогут добиться осуществления своих вековых чаяний. Вместе с братскими народами нашей страны народные массы Дагестана боролись и в последующие годы за освобождение от эксплуатации и угнетения, за установление власти трудящихся.

Революция 1905—1907 гг. явилась генеральной репетицией Великой Октябрьской социалистической революции.

Г Л А В А VIII

ДАГЕСТАН В ПЕРИОД СТОЛЫПИНСКОЙ РЕАКЦИИ И НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА (июнь 1907 — июль 1914 г.)

§ 1. НАСТУПЛЕНИЕ РЕАКЦИИ И УСИЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КОЛОНИАЛЬНОГО ГНЕТА

Разогнав 3 июня 1907 г. II Государственную Думу и издав новый, еще более реакционный закон о выборах в Думу, правительство нарушило свои же обещания, данные в царском манифесте 17 октября 1905 г., о том, что все законы могли издаваться лишь с согласия Государственной Думы. Поэтому разгон II Думы и введение нового избирательного закона являлись фактически государственным переворотом.

В. И. Ленин, большевики предвидели неизбежность этого переворота. Еще в феврале 1907 г. в статье «Близкий разгон Думы и вопросы тактики» В. И. Ленин писал: «Разгон Думы более, чем вероятен: он неизбежен именно потому, что мы переживаем, по существу дела, вовсе не конституционный, а революционный кризис... Глупо играть в конституцию, когда ее нет. Глупо закрывать глаза на то и умалчивать о том, что сочтены дни даже теперешней русской „почти что конституции“, что неизбежна отмена избирательного закона и возврат к полному самодержавию»¹.

Государственный переворот 3 июня 1907 г. знаменовал собой конец первой русской буржуазно-демократической революции и начало столыпинской реакции.

После поражения революции царизм обрушил на народные массы град репрессий. Запрещение политических партий, профсоюзных организаций, оппозиционных газет, массовые аресты, казни, ссылки — все это было характерно для периода разнузданной реакции.

¹ В. И. Ленин, *Близкий разгон Думы и вопросы тактики*, — Полное собрание сочинений, т. 15, стр. 70, 72.

Особенно жестоким преследованиям подвергалась партия большевиков. В результате волны правительственных репрессий в ноябре 1907 г. были разгромлены ведущие партийные организации страны — в Петербурге, Москве, на Урале и Юге. Бакинский комитет партии, под фактическим руководством которого работали дагестанские группы РСДРП, устоял.

Царское правительство и капиталисты повели наступление на завоевания рабочего класса — ведущей силы революционного движения в стране. Массовые локауты, ухудшение условий труда, снижение заработной платы, увеличение рабочего дня были повсеместными явлениями. Репрессиям подвергались также крестьянство, активно боровшееся в годы революции за землю, прогрессивная интеллигенция, передовая учащаяся молодежь.

Положение на окраинах было таким же, как и в центре страны. 7 июня 1907 г. царский наместник на Кавказе И. Воронцов-Дашков в телеграмме губернаторам приказал усилить репрессии против участников революционного движения.

В декабре 1907 г. было создано «Кавказское районное охранное отделение». В городах, в том числе в Темир-Хан-Шуре, Петровске и Дербенте, был значительно увеличен штат полиции. По указанию царя на Кавказ перебросили дополнительно 12 батальонов пехоты.

В аулы направлялись экзекуционные отряды, расправлявшиеся с «непокорными». Власти арестовывали уверенных сельских обществ за «неосновательные жалобы». 21 июня 1908 г. в Аварский округ была вызвана рота пехоты для подавления ожидавшихся на аграрной почве волнений в некоторых сельских обществах Аварского и Андийского округов. Тюрьмы Дагестана были переполнены.

Царские власти осуществляли репрессии и экономическое порядка. В 1908 г. в Терской области было объявлено распоряжение об увольнении с работы всех горцев, в том числе дагестанцев-отходников. На Тереке был закрыт ряд газет демократического и либерального направления, в том числе газета «Весь Кавказ», часто публиковавшая материалы по Дагестану. В Баку за «крайне вредное направление» был закрыт журнал «Молла Насреддин», распространявшийся и в Дагестане.

Полиция усилила слежку за передовыми рабочими, студентами. После того как в начале 1911 г. ряд высших учебных заведений России был закрыт из-за волнений среди студентов, полиция Темир-Хан-Шуры, Петровска и Дербента стала собирать сведения о политической неблагонадежности студентов, возвращавшихся в Дагестан. Используя колониальный аппарат военно-народного управления, местные

власти Дагестана приступили к осуществлению жестоких репрессий против групп РСДРП.

В условиях правительственных репрессий проходили и выборы в III Государственную Думу. Новый избирательный закон был еще более реакционным, чем прежний. Правительство стремилось сколотить блок самодержавия и буржуазии. По новому закону и без того незначительное представительство крестьян и особенно рабочих намного урезалось, а представительство помещиков и буржуазии резко увеличивалось. Новым законом царизм повел наступление и на национальные меньшинства страны. Многие из них — народы Кавказа, Средней Азии, Сибири — были объявлены политически незрелыми, и их избирательные права были еще более урезаны. Так, если во II Думу население Кавказа избрало 29 депутатов, то в III Думу оно имело право избрать лишь 10 депутатов. Депутатами не могли быть лица, не знающие русского языка. Этот ценз также ущемлял интересы народных масс национальных окраин.

Дагестанская область и Закатальский округ, составлявшие IV избирательный округ Кавказского края, могли послать в Думу лишь одного депутата, в то время как в I и II Думы от Дагестана и Закатальского округа избирались по два депутата. Выборы от крестьян, как и ранее, были четырехстепенными (сельские сходы — участковые сходы — окружные сходы — областное избирательное собрание). Русские участвовали в выборах отдельно от коренных дагестанцев, по так называемой русской курии. Это было сделано с целью разобщить русское население и коренных дагестанцев в ходе важной политической кампании. Значительная часть населения Дагестана отказалась участвовать в выборах черносотенной Думы, проявляя тем самым неприязнь к мероприятиям, проводимым царизмом.

§ 2. ЭКОНОМИКА ОБЛАСТИ

Сельское хозяйство В экономике области сельское хозяйство по-прежнему занимало ведущее место — в нем было занято около 95% населения. В описываемое время в сельском хозяйстве наблюдалось некоторое развитие производительных сил. Количество земли, находившейся под разными угодьями, в 1913 г. по сравнению с 1907 г. возросло более чем на 80 тыс. десятин. За это время несколько повысилась урожайность и ассортимент сельскохозяйственных культур. В сельском хозяйстве Дагестана, особенно в плоскостной его части, все шире применяются железные плуги, конные молотилки, бороны, косы. Усовершенствованные сельскохозяйственные орудия прежде всего внедрялись на

Количество голов скота (в переводе на крупный рогатый скот) на тысячу чел. населения

Количество хлеба на душу населения (в четвертях в переводе на пшеницу)

плоскости Дагестана, в особенности в селениях, примыкающих к железной дороге.

Площади под фруктовыми садами и виноградниками также возросли. Если в 1908 г. виноградниками было занято 3087 десятин, то в 1911 г. — 4500. Растет товарность виноградарства. Часть урожая плодовых садов идет на рынки центральных городов России. Несколько увеличилось количество орошаемых земель. Наблюдается постепенный переход к трехпольной системе севооборота.

В области животноводства также имели место отдельные нововведения: производятся опыты по рациональному кормлению скота, ведется некоторая работа по улучшению племенного состава скота, создается ветеринарная служба.

На положение дагестанского крестьянства определенное влияние оказывало переселенчество из русских и украинских губерний.

Всячески поощряя безземельных и малоземельных русских крестьян к переселению на окраины страны — в Сибирь, на Кавказ, в Среднюю Азию, царское правительство, как указывал В. И. Ленин, стремилось избавить их «от соблазна созерцания помещичьих латифундий».

После проведения Владикавказской железной дороги переселенцы широким потоком хлынули на Кавказ из русских и украинских губерний.

Проводя переселенческую политику, власти совершенно не считались с фактом малоземелья и безземелья местного

крестьянства. В то же время правительство обманывало и переселенцев, которым оно обещало всевозможные блага. Земли не хватало, ибо значительная часть ее находилась в руках местных и русских помещиков и капиталистов, интересы которых правительство тщательно охраняло. Власти были вынуждены признать, что переселенцам выделялись безводные, заболоченные и нездоровые участки. Получившим участки власти не создавали условий для их освоения. Не хватало поливной и питьевой воды, материала для возведения жилищ и хозяйственных построек, кормов для скота и т. д.

Тем не менее количество переселенцев быстро росло. В 1907 г. на Северном Кавказе насчитывалось уже около полутора миллионов безземельных переселенцев.

Многие переселенцы в Дагестане окончательно разорялись и возвращались в родные края, где пополняли ряды батраков и городских рабочих, или переселялись в Азербайджан. Так, в 1903 г. только из Чир-юрта, где проживало 36 семей переселенцев, переехали в закавказские губернии 24 семьи. Но на место уехавших непрерывно поступали новые группы русских крестьян. Столыпинская аграрная реформа еще более усилила приток переселенцев в Дагестан. К 1915 г. в одном Хасавюртовском округе их насчитывалось более 23 тыс.

Местное население переняло от русских ряд передовых культурных навыков полеводства, садоводства, огородничества и т. д. Переселенцы явились пионерами в применении усовершенствованных сельскохозяйственных орудий и машин. Однако, несмотря на некоторое развитие производительных сил, сельское хозяйство продолжало оставаться отсталым и примитивным.

Причинами отсталости были колониальная политика царского правительства, сохранение в течение длительного времени феодальных отношений, которые служили тормозом на пути развития экономики, невыясненность правовых основ землевладения и землепользования, а также отсутствие всякой работы по размежеванию земель и др.

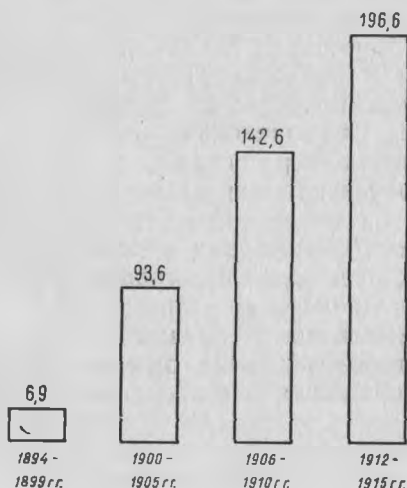
Дополнительный источник существования населения находило в кустарных промыслах и отходничестве. В 1915 г. в кустарных промыслах было занято 132,5 тыс. человек, а выработка всей продукции составила 6392,5 тыс. руб. в довоенных ценах. Но подавляющее большинство кустарей не порвали связи с сельским хозяйством. Включение Дагестана в общероссийский торговый оборот привело к падению местной кустарной промышленности. В частности, сукна московских фабрик, выдвигаемые по образцу местных, стали вытеснять последние.

Проникновение капиталистических отношений в Дагестан

находило выражение в росте промышленного и сельскохозяйственного отходничества в различные области и города империи (Баку, Тифлис, Грозный, Ростов). В 1913 г. в Дагестане насчитывалось 93 тыс. отходников, т. е. больше половины трудоспособного мужского населения области. Большинство отходников были выходцами из наиболее бедных горных округов Дагестана — Андийского, Казикумухского, Самурского.

По сравнению с другими областями России в Дагестане отходничество было распространено гораздо шире. Как указывал В. И. Ленин, отходничество было вообще явлением прогрессивным.

Отходничество способствовало втягиванию горцев в русло современной общественно-экономической жизни. Отходники, побывавшие в крупных промышленных центрах, проходили школу революционного воспитания, несли революционный дух в дагестанскую деревню и тем самым способствовали пробуждению сознания крестьянских масс Дагестана.

Среднее ежегодное количество овощей и бахчевых, вывозившихся из Дагестана (тыс. пудов)

В рассматриваемый период дальнейшее развитие получили товарно-денежные отношения в хозяйстве области. Расширились рыночные связи внутри Дагестана, а также с другими районами страны, чему способствовало строительство железной дороги и развитие каспийского пароходства. Значительное развитие обрабатывающей промышленности, базировавшейся на местном сельскохозяйственном сырье, стимулировало развитие товарно-денежных отношений в

сельском хозяйстве, рост товарности сельскохозяйственного производства и торгового земледелия. В Дагестане наблюдается усиление сельскохозяйственной специализации отдельных районов.

В полеводстве и животноводстве все больше стал применяться наемный труд.

Значительно расширяется аренда земли, особенно на плоскости. В 1909—1910 гг. только в Хасавюртовском округе было сдано в аренду около 60 тыс. десятин. Царская казна ежегодно сдавала в аренду большое количество пастбищ-

ных земель сельским обществам и крупным скотоводам. С ростом аренды земли растет арендная плата. Арендные цены были различны в зависимости от качества и вида земли. В этот период изменяется и характер аренды. Капиталистическая долгосрочная аренда все больше вытесняла краткосрочные формы аренды. Сельская верхушка, кулаки использовали субаренду для эксплуатации бедных крестьян, которые арендовали у них мелкие пахотные участки и сенокосы.

Феодальные формы землевладения постоянно сокращались, росло бессловное землевладение. Часть феодальной земли переходила в руки сельской буржуазии, торговцев, купцов, промышленников. Многие беки закладывали свои земли под ссуды банкам и частным лицам. Нередко заложенные имения за неуплату долга продавались с торгов. Развитие товарно-денежных отношений и проникновение в экономику капиталистических отношений способствовало превращению земли в предмет свободного товарного обращения. Буржуазная частная земельная собственность на плоскости постепенно вытесняла феодальную.

Крестьянская реформа 1913 г.

Царское правительство, не желая ущемлять интересы дагестанских феодалов, преднамеренно затягивало вопрос об освобождении раят и части узденей от феодального гнета. Около полувека понадобилось царским властям для подготовки реформы в Дагестане. За это время было создано несколько десятков комиссий, подкомиссий, совещаний и т. д.

Революционные события 1905—1907 гг. настолько напугали царские власти, что они заговорили о необходимости ликвидации зависимости крестьян от беков. В этом отношении интересно признание царского наместника Воронцова-Дашкова, который писал, что немедленная отмена зависимых отношений «может создать почву для успокоения в местностях, охваченных крестьянскими волнениями, и предупредить возникновение таковых же волнений в прочих частях Кавказа».

Ожесточенная борьба дагестанских крестьян убедила царское правительство в том, что дальнейшее сохранение зависимых отношений раят и узденей от беков весьма опасно. В 1908 г. наместник создал в Тифлисе «особое совещание», которое обсудило вопрос о прекращении зависимых отношений и решило, что не следует выкупать земли, находящиеся в пользовании крестьян, а нужно выкупать отбываемые ими повинности, определив их стоимость и современные размеры путем обследования на месте. Начальникам округов и податным инспекторам Дагестана было поручено выяснить существующие повинности крестьян бекам по каждому селению в отдельности, перевести их на деньги, при-

вести размер повинностей в соответствие с количеством их земли.

Руководство работой начальников округов и податных инспекторов было возложено на специальную «временную областную комиссию», созданную в Темир-Хан-Шуре под председательством военного губернатора в составе начальников округов, податных инспекторов и представителей от беков и зависимых крестьян. Результаты работы комиссии по определению повинностей и их оценка были проверены специальной комиссией из трех человек, командированной наместником Кавказа, а затем окончательно обсуждены комиссией в присутствии беков и крестьян. Временная комиссия 1908 г. определила также количество зависимых селений и число дымов в них. Результаты временной комиссии по определению количества и оценка феодальных повинностей крестьян в пользу беков легли в основу дальнейшей деятельности высших властей царизма на Кавказе по отмене крепостнических отношений в Дагестане. Канцелярия наместника составила два проекта: «О прекращении зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам Дагестанской области и Закатальского округа», «О поземельном устройстве поселян Дагестанской области и Закатальского округа». Эти проекты были многократно обсуждены на заседаниях совета наместника в 1910—1912 гг.

В 1912 г. вопрос о реформе обсуждался в «Межведомственном совещании» в Петербурге, затем проекты были внесены в Государственную Думу. Проект о землеустройстве «затерялся» в Государственной Думе и не был утвержден. А проект «Закона о прекращении зависимых отношений поселян Дагестанской области и Закатальского округа к бекам и кешкелевладельцам и об утверждении в их местностях установлений по крестьянским делам», одобренный IV Государственной Думой, был утвержден Николаем II.

Одновременно были утверждены «Правила о прекращении зависимых отношений поселян Дагестанской области и Закатальского округа к бекам и кешкелевладельцам», в которых излагались условия ликвидации зависимых отношений крестьян. В первой статье «Правил» указывалось, что «зависимые поселяне Дагестанской области и Закатальского округа всех разрядов (раяты, уздени, кешкелеплательщики) с 1 января 1913 г. освобождаются от всех повинностей».

В специальном «Расписании причитающегося бекам вознаграждения за отменяемые повинности», приложенном к закону от 7 июля 1913 г., была определена выкупная сумма, следуемая бекам с крестьян по каждому селению в отдельности. При этом выкупная сумма выдавалась бекам единовременно из государственного казначейства. На крестьян возлагалась обязанность погашать выкупную сумму путем

ежегодных равных взносов в течение 20 лет начиная с 1 января 1913 г. В законе указывалось, что крестьянам предоставляется право досрочного погашения выкупных платежей. Крестьяне должны были выплатить бекам в общей сложности более 302 309 руб.

Сущность реформы заключалась в том, чтобы заставить крестьян выкупить ежегодные феодальные повинности в десятикратном размере. Установленный размер выкупных платежей был очень чувствителен для обнищавших крестьян Дагестана. В среднем по области каждый крестьянский дым должен был выплатить за отменяемые повинности более 23 руб.

Закон от 7 июля 1913 г. создал в Дагестане институт мировых посредников в количестве 20 человек и Дагестанское областное присутствие по поселянским делам. Институт мировых посредников являлся одним из орудий самодержавия, призванных реализовать реформу 1913 г. Мировые посредники назначались военным губернатором Дагестана исключительно из числа царских чиновников и местных беков.

Сумму «вознаграждения», выплаченную бекам из казны, крестьяне начали погашать с 1913 г. ежегодными взносами. Погашение производилось путем обложения каждого крестьянского дыма специальным налогом, взимание которого проводилось в том же порядке, что и взимание государственных налогов.

В результате реформы 1913 г. 70 тыс. крестьян 95 селений были освобождены от податей и повинностей в пользу беков. Реформа 1913 г. не коснулась земельного устройства, ибо земельный вопрос вообще не был решен. Внесенный в IV Государственную Думу проект положения, по которому за крестьянами предлагалось закрепить земли, находящиеся в их фактическом пользовании, не был утвержден.

Крайне запутанные земельно-правовые отношения, отсутствие какой бы то ни было работы по размежеванию земли, дальнотемелье, совместное пользование пастбищными и сенокосными участками безусловно были на руку местным бекам и царскому правительству, которые, пользуясь всем этим, продолжали под разными предлогами захватывать крестьянские земли.

Беки все еще оставались юридическими собственниками земель, находившихся в пользовании «освобожденных» крестьян. Беки, царская казна и мечети сохраняли в своих руках огромное количество земли — более 487 800 десятин, или 32%, а крестьяне, составлявшие более 95% населения, имели 1 081 080 десятин, или 68% общего количества земли. На каждого феодала в среднем приходилось около 74 десятин, а на крестьянина — 1,6. Если учесть, что в Дагестане около 75% всех земель составляли пастбищные

и лесные участки, то на каждого крестьянина в среднем приходилось не более 0,3 десятины пашни.

Таким образом, реформа 1913 г. не отвечала чаяниям крестьянских масс Дагестана. В результате сохранения феодального землевладения и гнета самодержавия положение крестьян оставалось исключительно тяжелым. Малоземелье и безземелье, приводившие к закабалению крестьян феодалами, тяжесть выкупных платежей, многочисленные прямые и косвенные налоги и натуральные повинности государству, отсутствие каких-либо политических прав вели к деградации крестьянского хозяйства.

Однако реформа 1913 г., несмотря на ее непоследовательность и ограниченность, имела и положительное значение. Ликвидация крепостнических отношений и в связи с этим освобождение более 70 тыс. крестьян от феодальных повинностей опосредствовали развитию капиталистических отношений в Дагестане.

Промышленность Промышленность Дагестана, тесно связанная с общероссийской экономикой, испытывала на себе все перипетии в развитии последней. Несчастья, обрушившиеся на народные массы в результате наступления столыпинской реакции, сопровождались ухудшением их материального положения в результате начавшейся в конце 1907 г. тяжелой экономической депрессии, граничащей с кризисом. В 1907—1909 гг. наступил новый мировой экономический кризис, который затронул также и Россию.

Крупные капиталисты объединялись в тресты и синдикаты, стремясь переложить все тяготы кризиса на плечи народных масс. В промышленности ухудшались условия труда, увеличивалась безработица. Лишь в 1909 г. в промышленности началось некоторое оживление, перешедшее в 1910 г. в подъем. Этому способствовали техническая реконструкция капиталистических предприятий, возросший спрос на сельскохозяйственные машины, инвентарь, стройматериалы и искусственные удобрения со стороны помещичьих и кулацких хозяйств, укрепившихся в результате столыпинской аграрной политики. Изменения в промышленности Дагестана (на примере городских предприятий) в описываемый период можно видеть из таблицы (см. стр. 273).

Положение на транспорте Дагестана — железнодорожном и морском — полностью отражало положение в экономике страны.

В экономике области важнейшую роль играла рыбная промышленность, прежде всего добыча сельди. Продукцию рыбных промыслов Дагестана потребляли до 40 млн. жителей европейской части России, икра вывозилась и за границу.

Год	Количество промышленных предприятий	Производи- тельность их (в руб.)	Количество рабочих	Выработка на одного рабочего (в руб.)
1906	56	1 245 459	1 520	830
1907	56	455 800	600	760
1908	60	412 580	510	809
1909	93	542 412	548	990
1910	95	1 305 954	767	1 708
1911	100	2 325 134	1 200	1 771
1912	98	2 111 248	1 615	1 300
1913	72	2 417 041	1 151	2 100

В то время как рыбная и обрабатывающая промышленность успешно развивалась, горная промышленность (добыча нефти, соли) свертывалась. Особенно резко снизилась добыча нефти в 1908 г. в связи со значительным падением цен на нее.

Если в конце XIX и первые годы XX в. господствующее положение в промышленности, на транспорте и в оптовой торговле занимал русский капитал, то в рассматриваемый период в промышленности его значительно вытеснил азербайджанский капитал. Армянский капитал занял видное место в промышленности и торговле Дербента. Иностранный капитал господствовал в горнодобывающей промышленности, некоторое время держал в своих руках текстильную промышленность. Но постепенно он был вытеснен из текстильной промышленности и стал терять свои позиции в горнодобывающей. Местный капитал, постепенно набирая силу, стал играть ведущую роль в виноградо-водочной, а позднее — в кожевенной и оружейной промышленности.

Несмотря на то что промышленность в Дагестане была в целом слабой, монополистические тенденции ощущались и здесь. Росли акционерные общества в горной промышленности, виноградо-водочной, бондарной, рыбной.

Все более важную роль в жизни Дагестана играли торговля и кредит. В результате ликвидации феодально-зависимых отношений натуральные повинности были заменены выплатой определенных денежных сумм. Это, в частности, дало значительный толчок развитию товарно-денежных отношений, оживило торговлю. Развитие торговли, рост местного предпринимательства способствовали развитию кредитной системы.

В рассматриваемый период все большую роль в экономике области стал играть банковский капитал. В 1908 г., например, в условиях промышленного застоя в стране и некоторого падения промышленного производства в области оборот только Петровского отделения Северного банка со-

ставил 3,5 млн. руб. В городах Дагестана к 1912 г. возникли первые кредитные и ссудо-сберегательные товарищества.

Заметную роль в экономике области играет в эти годы торговля. В горных округах она еще во многих случаях остается меновой. Но роль денег быстро растет. В 1913 г. в области насчитывалось 2135 торговых лавок, в основном мелких. Но были и крупные воротилы торгового капитала, в том числе местнонационального, купцы первой гильдии.

Некоторые сдвиги в развитии промышленности, транспорта и торговли в Дагестане нашли свое отражение в росте городов и городского населения. В 1897 г. в городах проживало 5,2% всего населения области (в дореволюционных границах), а в 1913 г. — 11,1%.

Развитие промышленности в Дагестане сковывалось колониальной политикой царизма. Разработке недр ставили препоны феодальные права на землю, которые поддерживал царизм. Феодально-зависимые отношения до 1913 г. мешали притоку рабочей силы в промышленность. Слабое развитие капиталистических отношений в ауле — одно из следствий колониальной политики царизма — приводило к тому, что внутренний рынок для промышленности в Дагестане был слишком узким. Большой помехой в развитии экономики была и дискриминация местной рабочей силы, осуществлявшаяся русскими и иностранными предпринимателями при посредстве царских властей.

§ 3. ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ И НОВЫЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ

**Деятельность
большевиков
в Дагестане**

Несмотря на большие потери, понесенные летом 1906 г., дагестанские социал-демократические группы (в Петровске и Дербенте) продолжали свою деятельность и после поражения революции. Поддерживая контакт с грозненскими большевиками, с Бакинским комитетом РСДРП, руководствуясь указаниями последнего, они укрепляли свои ряды, вовлекали новых членов из числа передовых рабочих, вели разъяснительную работу среди населения, распространяли листовки и другие нелегальные издания.

В Терско-Дагестанском союзе РСДРП ведущую роль к этому времени играла грозненская большевистская организация. Постепенно терско-дагестанские партийные организации стали очищаться от пантюркистских, панисламистских и оппортунистических элементов типа А. Цаликова, И. Гайдарова и др.

В ноябре 1907 г. состоялась пятая конференция Терско-Дагестанского союза РСДРП, разработавшая тактику мест-

ных партийных организаций в условиях разгула черносотенной реакции. Преобладающее влияние большевиков в Терско-Дагестанском союзе РСДРП предопределило и характер принятых резолюций. Конференция предложила местным партийным организациям укреплять свои ряды, теснее связаться с профессиональными союзами, организовать новые. Перед местными партийными организациями была поставлена задача бороться с анархическими течениями в рабочей среде, вести разъяснительную работу в войсках и создавать военно-революционные организации, использовать суд над социал-демократической фракцией II Государственной Думы для пропаганды социал-демократических идей. Конференция приняла решение об установлении более тесного контакта Терско-Дагестанского союза РСДРП с большевистским Центральным комитетом РСДРП.

Самой крупной из социал-демократических организаций Дагестана была Петровская группа РСДРП, во главе которой с конца 1906 до 1911 г. стоял видный деятель большевистской партии, впоследствии один из двадцати шести бакинских комиссаров — Иван Васильевич Малыгин. Группа поддерживала тесную связь с Бакинским комитетом партии, Петербургом, Москвой, Астраханью, Владикавказом, где работал С. М. Киров, Грозным, Тифлисом и другими крупными центрами страны, получала оттуда руководящие указания, нелегальную литературу и пр. В свою очередь Петровская группа оказывала помощь социал-демократам Темир-Хан-Шуры и особенно Дербента, немногочисленным ячейкам РСДРП и отдельным социал-демократам в гарнизонах Хунзаха, Дешлагара, на рыбных промыслах и в некоторых крупных селениях Южного Дагестана. Таким образом, Петровская группа РСДРП играла роль общedaгестанского партийного центра. В Петровской группе РСДРП большевики работали в одной организации с меньшевиками. Однако они твердо придерживались принципиальных позиций по важнейшим вопросам теории и практики, проводили в жизнь ленинскую линию.

В работе среди населения Петровская организация РСДРП (а также Дербентская) опиралась на ссыльных революционеров. Местные власти ходатайствовали перед вышестоящими инстанциями о прекращении высылки в Дагестан активных участников революционного движения. Военный губернатор области писал в особый отдел канцелярии наместника: «Находя пребывание в Петровске подобных лиц крайне нежелательным, прошу испросить соизволения наместника о том, чтобы лица, высылаемые под надзор полиции, впредь не направлялись бы в Петровск ввиду того, что в этом городе скопляется много рабочих, число которых достигает 4000 человек, и что подобный вредный элемент

может породить в среде рабочих беспорядки». С такой же просьбой местные власти обращались по поводу высылки революционеров в Дербент.

Петровские большевики распространяли в городе и рассылали в другие организации бакинскую газету «Рядовой», печатные прокламации Бакинского и Грозненского комитетов РСДРП. В Петровске распространялась нелегальная литература: работа Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» и др.

Группа проводила разъяснительную работу среди рабочих, демократической интеллигенции, учащихся, солдат Петровского гарнизона, крестьян близлежащих аулов. Среди рабочих-дагестанцев и жителей селений Тарки, Альбуригент, Кяхулай разъяснительную работу по поручению группы вел большевик Д. Атаев. После ареста И. Малыгина в 1911 г. руководство в Петровской группе было захвачено меньшевиками, и в 1912 г. группа распалась.

Дербентская группа РСДРП, действовавшая под руководством Петровской группы, состояла в основном из железнодорожников. Группа работала среди рабочих и служащих железной дороги, рыбаков, рабочих немногочисленных городских предприятий, интеллигенции, учащейся молодежи, солдат Гунибского резервного батальона.

Большую работу среди солдат проводили темирханшуринские социал-демократы. Они распространяли бакинские большевистские газеты «Рядовой» и «Рабочий», большевистские листовки, брошюры. В Южном Дагестане социал-демократические ячейки были созданы в Касумкенте, Буткенте, Шихкенте и некоторых других селениях бакинскими рабочими — лезгинами, выходцами из Самурского и Кюринского округов. Большую работу по созданию этих ячеек и активизации их деятельности провел в 1908—1909 гг. один из создателей социал-демократической группы «Фарук» при Бакинском комитете РСДРП Кази-Магомед Агасиев.

Следует отметить, что в годы реакции Петровская и Дербентская группы РСДРП проводили большую работу среди рабочих-иранцев, работавших на сельдяных промыслах, грузчиками в Петровском порту и на Дербентской пристани, чернорабочими в городах. Петровские и дербентские социал-демократы поддерживали нелегальные контакты с организациями иранских революционеров — «муджахидов», которые имели свои центры наряду с другими портовыми городами Каспия также в Петровске и Дербенте. Эта деятельность петровских и дербентских социал-демократов была большим подспорьем в борьбе иранских революционеров.

Репрессии властей против групп РСДРП в годы столыпинской реакции, естественно, подорвали и значительно

ослабили деятельность местных социал-демократов. После распада в 1912 г. Петровской группы социал-демократическая деятельность в Дагестане временно почти замирает.

Рабочее движение В период реакции условия труда на предприятиях промышленности и транспорта в Дагестане были крайне тяжелыми. Об охране труда предприниматели, как правило, не заботились. Рабочий день на рыбных промыслах и в Петровском порту доходил до 16—18 часов. Заработная плата в среднем составляла 15—20 руб., в то время как стоимость лечения в больницах в сутки доходила до 2,5 руб. Подавляющее большинство рабочих в Дагестане болело малярией, но пользоваться лечебницами они не могли. Очень тяжелыми были и жилищные условия. Локауты, безработица, особенно в период промышленного застоя и кризиса, постепенный рост цен на предметы первой необходимости еще более ухудшали положение рабочих в Дагестане.

С целью создания видимости заботы о рабочих царское правительство создало еще в 1882 г. фабричную инспекцию. Эта инспекция должна была следить за соблюдением предпринимателями фабричных законов: закона 1882 г. — о найме детей и рабочем времени для них, закона 1886 г. — о штрафах, расчетных книжках и др., 1897 г. — о рабочем дне (в 10,5 часа), 1903 г. — об ответственности предпринимателей за увечья и о фабричных старостах, страховых законов, изданных в 1912 г. Фабричные инспекторы должны были следить за техникой безопасности на предприятиях. Однако на практике фабричные инспекторы, как правило, поддерживали предпринимателей, а не рабочих.

В годы реакции значительно ухудшилось положение работавших в Баку рабочих-дагестанцев, главным образом лезгин из Самурского и Кюринского округов и табасаранцев из Кайтаго-Табасаранского округа. За участие в революционных выступлениях бакинского пролетариата многие из них подверглись арестам и высылке в Южный Дагестан. Репрессиям подвергались они и за участие в профессиональных организациях (Биби-Эйбатское отделение союза нефтепромышленных рабочих, состоявшее почти сплошь из дагестанцев, насчитывало свыше 2 тыс. человек). В условиях экономического кризиса 1908—1909 гг. локауты и высылка тяжело отражались на положении рабочих-дагестанцев. В первую четверть 1909 г. из Баку были высланы 12,5 тыс. безработных, значительную часть которых составляли дагестанцы.

В период реакции забастовочное движение в стране резко ослабло. Забастовки рабочих Дагестана проходили в значительно более скромных масштабах, чем в период первой революции, причем они носили только экономический харак-

тер. Со второй половины 1907 по 1909 г. бастовали рабочие табачных фабрик Мамедова и Михайлова в Петровске, бондари Петровска и Дербента. Этими забастовками руководили большевики Д. Атаев, И. Маскин и др. Рабочие требовали повышения заработной платы и улучшения условий труда. Бондарям порой удавалось добиться некоторого улучшения положения. Большую помощь петровским и дербентским социал-демократам в организации забастовок оказывали Бакинский, Грозненский и Астраханский комитеты РСДРП.

В 1910 г. в связи с оживлением, а затем и подъемом промышленности рабочее движение в Дагестане, как и по всей стране, вновь начинает расти. В. И. Ленин писал: «Полоса *полного* господства черносотенной реакции кончилась. Начинается полоса нового подъема. Пролетариат, *отступавший* — хотя и с большими перерывами — с 1905 по 1909 год, собирается с силами и начинает переходить в *наступление*»². Вслед за рабочим классом на борьбу поднимаются все народные массы, переставшие бояться диких репрессий царизма.

Усиливают свою борьбу бондари Дагестана, объявлявшие забастовку весной и осенью каждого года. Эти забастовки, становившиеся из года в год все более организованными, возглавляли стачечные комитеты, в которые входили социал-демократы и передовые рабочие.

Осенью 1910 и в сентябре 1911 г. под руководством петровских социал-демократов и иранских революционеров бастовали грузчики Петровского порта. Волнения охватили железнодорожников, рабочих вновь пущенной в 1910—1911 гг. текстильной фабрики «Каспийская мануфактура».

Особенно заметным рабочее движение в стране стало с 1912 г., со времени Ленского расстрела. В крупных промышленных центрах начались массовые стачечные выступления.

Напуганное ростом рабочего движения, царское правительство издало в 1912 г. страховые законы. Это было большой уступкой со стороны самодержавия, шагом вперед в улучшении положения рабочих, несмотря на ограниченность законов (страхованием охватывалась лишь четвертая часть рабочих промышленности, страховые средства в значительной степени составлялись из взносов самих рабочих). В Петровске были организованы две больничные кассы: одна — на фабрике «Каспийская мануфактура» и другая — объединявшая рабочих нескольких местных предприятий. В обеих кассах состояли членами до тысячи рабочих. Петровские большевики широко использовали больничные кассы для разъяснительной работы среди рабочих, взаимопомощи на

² В. И. Ленин, *Начало демонстраций*, — Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 74.

Участники рабочих забастовок на фабрике «Каспийская мануфактура»

случай стачек, для распространения нелегальной литературы, большевистских газет «Правда» и «Звезда».

В январе 1912 г. в Праге состоялась VI Всероссийская партийная конференция, избравшая большевистский Центральный Комитет во главе с В. И. Лениным и Русское бюро ЦК — практический центр по руководству революционной работой в России. Решения Пражской конференции сыграли большую роль в правильной политической ориентации трудящихся, в деятельности большевиков.

Дальнейший подъем рабочего движения в стране в 1912 г. наложил свой отпечаток и на рабочее движение в Дагестане. Здесь в январе 1912 г. состоялась мощная забастовка бондарей под руководством стачечного комитета во главе с И. Маскиным, И. Котровым и др., имевшего своих уполномоченных во всех бондарных мастерских. Благодаря высокой организованности и стойкости рабочих (забастовка продолжалась семь недель) им удалось добиться улучшения своего материального положения.

Весной 1914 г. состоялись и забастовки на текстильной фабрике, среди бондарей Петровска, рыбаков сельдяных промыслов Дербента и Кайтаго-Табасаранского округа. Летом вспыхнула забастовка моряков Каспийского торгового флота, охватившая и Петровский порт. Всего с середины 1907 г. по середину 1914 г. в Дагестане было 23 забастовки, в которых участвовало до 8800 человек. Активное участие принимали рабочие-дагестанцы в забастовочном движении в Баку в октябре 1913 и летом 1914 г.

Крестьянские выступления

Наряду с рабочим движением в описываемый период усиливаются волнения среди крестьян. Стихийная борьба многонационального дагестанского крестьянства проявлялась в разнообразных формах. Крестьяне буквально забросали органы царского административного аппарата жалобами. Подача коллективных жалоб имела определенный мотив социального протеста. Нередко крестьяне десятки селений подавали совместные жалобы в различные инстанции, вплоть до царя. Сущность почти всех жалоб сводилась к одному — протесту против усиления двойного гнета.

Все чаще наблюдались случаи самочинного захвата крестьянами бекских земель, скота, потравы хлебов, покосов и лугов беков, многие из которых бежали в города. Особенно распространенной формой протеста крестьян были массовые отказы нести феодальные подати и повинности в тех округах, где еще сохранялись крепостнические отношения.

Широкая волна крестьянского недовольства прокатилась по Дагестану в 1908—1909 гг. В ряде аулов произошли вооруженные схватки крестьян с царскими войсками и ме-

стными беками. Особенно большой размах приняло движение в Кайтаго-Табасаранском округе. Местные власти не сумели его подавить. В округ направился военный губернатор Дагестана, который лично руководил подавлением крестьянского движения.

Однако борьба крестьянских масс продолжалась. Об этом свидетельствует вынужденное признание директора канцелярии наместника царя на Кавказе, который писал в 1910 г., что «главное Кавказское начальство и местная администрация стараются не допустить произвольного уклонения крестьян от исполнения своих обязательств, но их вмешательство, как показал опыт, бессильно... и движение среди поселян Дагестана продолжается».

В 1913 г. в Дагестане вспыхнуло движение горских масс, известное под названием антиписарского. В сельских обществах Дагестана делопроизводство велось на арабском языке. Царская администрация вынашивала планы замены арабского письмоводства русским. Сама по себе такая замена была бы явлением прогрессивным, ибо она приобщала местное население к русской культуре, но в конкретных условиях того времени она явилась лишь показателем усиления национального гнета. Население Дагестана реагировало на эту реформу как на меру, затрагивающую интересы народа и ограничивающую его права.

Причину движения нельзя видеть исключительно в агитации кадиев и мулл, как это старались представить царские власти. Конечно, духовенство было очень недовольно реформой и развернуло против нее яростную агитацию, так как реформа подрывала как материальную базу духовенства, так и его влияние на народ. Население же видело в реформе новый шаг на пути насаждения в Дагестане ненавистных ему царских порядков, на пути еще большего вмешательства царской администрации в дела сельских обществ. Недаром участники движения требовали удаления не только писарей, но и мировых посредников, под контроль которых царская власть ставила дагестанский аул. Содержание писаря ложилось тяжелым бременем на бедные селения. Поверенные девяти селений Самурского округа в прошении на имя наместника в марте 1914 г., перечислив новые расходы обществ, писали: «Столь крупных и непредвиденных расходов вышеназванные общества при всем своем желании никоим образом нести не могут вследствие своего крайне плачевного экономического состояния». Далее они указывали, что «в течение семи месяцев жители этих селений не имеют никакого заработка и пребывают в крайней нужде, дети и женщины ходят полуголодными».

Наиболее сильное сопротивление реформе было оказано в горных округах, где население находилось в особенно тя-

желом экономическом положении и где духовенство пользовалось большим влиянием. Указ о введении в Дагестане русского писмоводства был издан в апреле 1913 г., но до ноября недовольство открыто не проявлялось. В ноябре 1913 г. была послана депутация к наместнику с просьбой об отмене реформы. После этого случаи подачи прошений на имя военного губернатора и наместника об отмене реформы участились. В январе 1914 г. селения Казикумухского и Аварского округов выбрали поверенных и послали их в Тифлис и Петербург, но в Петровске эти поверенные были арестованы, что вызвало еще большее недовольство населения. В феврале—марте начались серьезные волнения в Хунзахе, Нижних Казанищах, Гимрах, Унцукуле и др. Население отказывалось собирать деньги на содержание писаря, забирало книги с записями на арабском языке, отобранные администрацией у кадиев, изгоняло назначенных писарей. 12—13 марта горцы из Аварского и Гунибского округов, к которым присоединялись по пути жители фяда аулов, двинулись к Темир-Хан-Шуре, но перед городом были остановлены Дагестанским конным полком и двумя ротами Новобаязетского пехотного полка. Навстречу горцам выехал военный губернатор, но уговоры его не достигли цели. Только вечером 14 марта властям удалось отеснить многотысячную толпу от города, а утром—рассеять ее. В ряде селений были поставлены войска, содержание которых легло на население тяжелым бременем, многие горцы были преданы суду и высланы за пределы Кавказского края.

Но ни маневры, ни репрессии не могли остановить движение. Летом 1914 г. оно перекинулось в Даргинский, Самурский и Кюринский округа. Царское правительство отступило. Сначала было приостановлено введение русского писмоводства в горных округах, а затем, после начала мировой войны, реформа была окончательно отменена.

Г Л А В А IX

ДАГЕСТАН В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ФЕВРАЛЬСКОЙ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1914 — июль 1917 г.)

§ 1. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ДАГЕСТАН

Начало войны Война, вспыхнувшая летом 1914 г. между империалистическими группировками, была войной за передел мира и сфер влияния.

Царизм, вступая в мировую войну, кроме территориальных притязаний и стремления к новым рынкам сбыта преследовал цель использовать военную обстановку, чтобы задушить революционное движение в стране, приобретающее перед войной все больший размах.

Летом 1914 г. волна стачечного движения охватила рабочий класс Петербурга, грандиозная стачка рабочих-нефтяников вспыхнула в Баку. В июле 1914 г. началась всеобщая забастовка в Москве. Почти во всех крупных промышленных центрах России — Ростове, Киеве, Харькове, Риге, Иваново-Вознесенске, Тифлисе, Херсоне и ряде других городов рабочие также забастовали. Волна стачек докатилась и до национальных окраин.

Война между империалистическими хищниками тяжелым бременем легла на плечи трудящихся. Положение рабочего класса непрерывно ухудшалось. Росла дороговизна, усиливалась эксплуатация — удлинялся рабочий день, увеличивались штрафы. Многие миллионы трудящихся были мобилизованы в армию и отправлены на фронт. Мобилизация прошла и в городах Дагестана: Порт-Петровске, Темир-Хан-Шуре, Дербенте. В армию было призвано много русских рабочих — текстильщиков, бондарей, железнодорожников, портовиков.

Опасаясь всеобщего народного недовольства, царская администрация не призывала в армию коренное население Дагестана. Взамен обязательной воинской повинности жите-

ли области — мусульмане были обложены особым налогом. Дагестанцы служили в армии лишь на добровольных началах. Два дагестанских конных полка, участвовавших в войне, были сформированы из «добровольцев». Офицерский состав полков состоял из представителей феодальной знати. При наборе всадников-добровольцев особое внимание обращалось на политическую «благонадежность». В конных полках служило немало крестьян, преимущественно из нагорного Дагестана, которые были вынуждены идти на военную службу из-за тяжелых условий жизни.

Дагестанские конные полки, находившиеся на фронте, несли значительные потери и требовали постоянного пополнения. Между тем формирование запасных сотен конных полков уже с конца 1915 г. проходило с большими трудностями. Для привлечения добровольцев им неоднократно увеличивалось денежное пособие, их семьи освобождались от налогов и повинностей, а в некоторых округах сельские общества выделяли семьям добровольцев участки земли. С той же целью власти пытались играть на национальных чувствах дагестанцев, восхваляя их воинственность и храбрость. Но, несмотря на все старания властей, к концу войны приток добровольцев почти прекратился.

Упадок народного хозяйства, положение трудящихся

С началом войны в промышленности и сельском хозяйстве Дагестана стала остро ощущаться нехватка рабочей силы. Русские рабочие, прибывшие из центральных промышленных районов России, были отправлены на фронт. Полноценной по квалификации замены из среды местного, еще только формирующегося пролетариата не было, что не могло не сказаться на объеме промышленной продукции. Ряд мелких предприятий закрылся из-за дороговизны сырья или его отсутствия. Отдельные предприятия работали с меньшей нагрузкой. Например, число рабочих на текстильной фабрике «Каспийская мануфактура» уже в 1915 г. сократилось по сравнению с 1913 г. на одну четверть, а в 1916 г. — наполовину; на столько же сократилась и валовая продукция фабрики.

Многие предприятия стали работать на оборону. Почти вся продукция промышленности области шла на удовлетворение нужд армии. Темирханшуринский военно-промышленный комитет отнес к числу работающих на оборону 84 предприятия. Сюда вошла почти вся промышленность Дагестанской области: мукомольные, кожевенные, консервные предприятия, а также рыбные промыслы и карликовые кустарные мастерские, производившие различные предметы военного снаряжения.

В сельском хозяйстве Дагестана дело обстояло еще хуже. Три года подряд, включая первый год войны, были крайне

низкие урожаи зерновых, трав и фруктов. В связи с войной сельское хозяйство лишилось наиболее работоспособной части крестьян, так как кроме вступления в конные полки крестьяне уходили на заработки в города. Так, в 1914 г. из Даргинского округа ушло 6500 отходников, на следующий год их число увеличилось до 12 200. Начавшийся уже в первые месяцы войны упадок сельского хозяйства и промышленности Дагестана продолжался в течение всего военного периода. В Даргинском и Кайтаго-Табасаранском округах, как писал податной инспектор, экономические результаты 1914 года получились ничтожными. Только в первый год войны высеивание хлебов в Дагестане сократилось на 34 426 четвертей. Посевная площадь в 1917 г. по сравнению с 1913 г. сократилась на 30%. Острая нехватка хлебопродуктов в условиях военного времени принимала угрожающий характер, так как возможности их получения извне резко сократились. В связи с этим большие размеры приняла спекуляция хлебом. Пользуясь усиленным спросом на зерно со стороны военного ведомства и населения, хлеботорговцы непрерывно взвинчивали цены.

Животноводство также находилось в упадочном состоянии. Только за 1914 г. в Темирханшуринском и Кайтаго-Табасаранском округах число овец сократилось соответственно на 34 и 22%. В Кюринском округе за 1914 г. поголовье крупного рогатого скота уменьшилось на 60%, в Гунибском — за 1914—1915 гг. — на 40%. В целом по области только за 1914 г. количество крупного рогатого скота уменьшилось на 14 925 голов. К концу войны по сравнению с 1913 г. число овец и коз в области сократилось на 34,9%.

Резко сократилось также поголовье лошадей. Только в 1914 г. для нужд армии было реквизировано 10 тыс. голов. За время войны поголовье лошадей в Дагестане упало на 32%.

Разруха народного хозяйства Дагестана во время империалистической войны сопровождалась резким понижением и без того низкого уровня жизни трудящихся. С первых же дней войны в Дагестане ощущалась острейшая нехватка продовольственных и промышленных товаров. Пользуясь этим, торговцы безнаказанно устанавливали спекулятивные цены на предметы первой необходимости.

В сельских округах Дагестана была такая же дороговизна, как и в городах. Спекулянты скупали у крестьян продукты, а затем, в наиболее трудные моменты, выбрасывали их на рынок по очень высокой цене или перепродавали интендантству.

В связи с резко возросшей дороговизной положение трудящихся особенно ухудшилось в 1916 г. По сравнению с довоенным временем цены почти на все продукты выросли

в 5—6 раз. Местные власти не принимали серьезных мер к прекращению спекуляции, а призывы к торговцам довольствоваться «умеренными барышами» оставались безрезультатными. Оброчная повинность в 1915 г. была увеличена на 11%, поземельный налог на крестьян — на 50%; на столько же был увеличен квартирный налог в городах. В целом прямые и косвенные налоги за годы войны возросли в 1,5—2 раза. Во время войны были установлены новые повинности — охрана телеграфных линий, военно-конская повинность и др.

В апреле 1916 г. военный губернатор Дагестана был вынужден признать, что «земледельцев беспокоит рост прямых налогов, ремесленников — дороговизна и трудность получения необходимых им самим материалов, служилый класс — все возрастающая дороговизна жизни, которая становится не под силу даже лицам, получающим сравнительно хорошее содержание, и обездоливает малоимущие семейства».

Известно, что только в исключительно трудных обстоятельствах горец решался на продажу своего земельного участка, преодолевая вековую приверженность к мюльку, нередко являвшемуся символом почитания памяти предков. И все-таки, как свидетельствуют факты, безвыходное положение вынуждало крестьян продавать земли, а сельская буржуазия, несмотря на очень высокие цены (до 3 тыс. руб. за десятину), концентрировала земли в своих руках.

Введение новых повинностей и рост налогов наряду с усилением эксплуатации трудящихся вызывали большое недовольство. С каждым годом росла сумма недоимок. По Темирханшуринскому округу, к примеру, она составила 37 185 руб., по Кайтаго-Табасаранскому — 28 тыс. руб. Аналогичное положение было характерно и для других округов Дагестана.

В политическом обзоре за 1915—1916 гг. военный губернатор Дагестанской области был вынужден, хотя и в весьма осторожных выражениях, признать, «что есть много людей, которые вследствие дороговизны жизни чувствуют тяжесть войны, утомлены ею и иногда бывают от них слышны пожелания, чтобы война скорее окончилась».

Рост революционного и национально-освободительного движения Трудящиеся Дагестана, испытывавшие усиливающийся социальный и национальный гнет, проникались сознанием, что только в результате активной революционной борьбы можно добиться своего освобождения от эксплуататоров и угнетателей. Само известие о начале войны трудящиеся Дагестана встретили с глубоким недовольством. Так, на фабрике «Каспийская мануфактура» был созван митинг, на котором, вопреки расчетам управляющего фабрикой, ожидавшего проявления патриотических чувств, рабочие единодушно заявили: «Война нам не нужна, потому что трудовому

человеку она не принесет ничего, кроме цепей, костылей и трех аршин земли».

В своем отчете за 1914 г. военный губернатор, выражая опасения в отношении деятельности в Дагестане «социал-демократов из мусульман», писал: «Озлобленный, голодный народ особенно восприимчив ко всякой пропаганде».

Социал-демократические группы, имевшиеся на фабрике «Каспийская мануфактура», на бондарных предприятиях, в порту, на железнодорожных станциях Дербент и Петровск-Кавказский, разъясняли причины и характер войны. Антивоенная пропаганда проникла и в среду населения аулов, особенно вблизи городов.

Сохранение спокойствия в Дагестане приобретало для царизма в годы войны исключительно большое значение, так как открытие военных действий на Кавказском фронте сделало Дагестан стратегически очень важной территорией. В июле 1914 г. Дагестанская область была объявлена на положении чрезвычайной охраны, а 12 августа того же года здесь было введено военное положение.

Пытаясь остановить формирование классового самосознания трудящихся масс, царские власти резко усилили репрессии. В годы войны значительно увеличилось число заключенных и высланных за пределы области в административном порядке. Любое высказывание против войны признавалось опасным для «общественного порядка и спокойствия» и строго каралось. Широкое распространение получила практика наложения на крестьян административных взысканий за подачу «ложной» жалобы на начальника участка, «неосновательного» прошения, за «ложное» обвинение старшины своего селения. Одним из средств борьбы против крестьян, высказывающихся против войны, служило выселение в Сибирь якобы за шпионаж в пользу Турции.

Как свидетельствуют архивные документы, обстановка, сложившаяся в Дагестане в 1915 г., внушала царским властям очень серьезные опасения. В области, в частности в Дербенте и Петровске, штат полиции был удвоен. В различных пунктах Дагестана были размещены воинские части для подавления возможных выступлений трудящихся.

После года войны В. И. Ленин писал, что «революционный кризис в России налицо»¹. Наблюдался бурный рост стачечного и революционного движения пролетариата, шло брожение в широких народных массах.

Начало 1916 г. ознаменовалось новым революционным подъемом. По всей стране усилилось стачечное движение. К осени 1916 г. большевистские организации столицы и про-

¹ В. И. Ленин, *Поражение России и революционный кризис*, — Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 26.

винций, укрепив свои ряды, повели еще более широкую агитацию и пропаганду. Грандиозные стачки и политические демонстрации рабочих происходили в Петрограде, Москве, Киеве, Баку, Царицыне и других крупных городах. Революционный подъем наблюдался также среди крестьян.

Оценивая обстановку, сложившуюся в России в 1916 г., В. И. Ленин писал: «Не напрасно падут миллионы жертв на войне и из-за войны. Миллионы, которые голодают, миллионы, которые жертвуют своею жизнью в окопах, они не только страдают, но и собирают силы, размышляют об истинных причинах войны, закаляют свою волю и приходят к все более и более ясному революционному пониманию»².

Эти мудрые ленинские слова полностью применимы к трудящимся Дагестана. В Дагестане, как и во всей России, 1916 год стал годом резкого обострения классовых противоречий. Империалистическая война была важнейшим фактором в формировании революционного сознания угнетенных народов. Вместе с народами других национальных окраин народы Дагестана включались в общероссийскую борьбу против царского самодержавия. При этом совместная борьба против общего врага — царизма еще теснее сплотила дагестанские народы с русским народом.

21 мая 1916 г. рабочие самого крупного промышленного предприятия в Дагестане — фабрики «Каспийская мануфактура» объявили забастовку, требуя увеличения заработной платы. Правда, через два дня рабочие приступили к работе на прежних условиях, «но все они заявили, что если через две недели им не будет увеличена плата, то они вновь прекратят работу». С 4 по 7 июня фабрика снова была охвачена забастовкой. 6 июня в забастовке участвовали 374 человека, в том числе много женщин. Полиция арестовала трех рабочих фабрики: Абрама Скрипникова, Мамед-Наги Гаджиева и Евдокию Климову. В те же дни была проведена забастовка на консервном заводе Мавраева в Темир-Хан-Шуре.

В июне забастовали рабочие типографии Михайлова в Петровске. Они требовали увеличения заработной платы на 20%. В середине августа 1916 г. рабочие бондарного предприятия акционерного общества «Рыбак» объявили забастовку, в которой приняли участие 129 человек. Она была вызвана тем, что администрация предприятия не обеспечила бондарей хорошим лесным материалом, в результате чего снизились их заработки. Забастовка продолжалась два дня.

В феврале 1916 г. в Баку состоялись демонстрации протеста против роста дороговизны. Под непосредственным влиянием этих демонстраций в Дербенте прокатилась волна

² В. И. Ленин, *Речь на интернациональном митинге в Берне*, — Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 234.

стихийных выступлений населения, названных в телеграмме военного губернатора области «отголоском бакинских беспорядков». Губернатор ходатайствовал о возвращении в Дагестан кубанских казачьих сотен в «целях предупреждения возможности возникновения в портовых городах беспорядков».

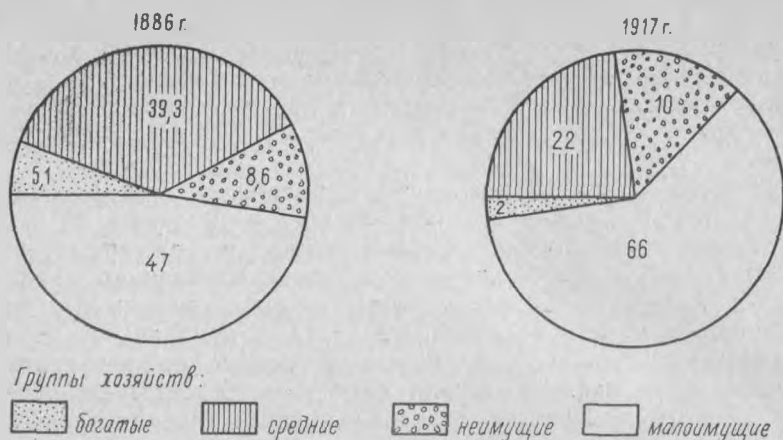
Особенно напряженным стало положение на Кавказе летом 1916 г., после издания закона от 25 июня 1916 г. «О привлечении реквизиционным порядком на время настоящей войны освобожденных от воинской повинности инородцев империи». Согласно этому закону мусульмане, достигшие 18-летнего возраста, могли быть призваны на принудительные работы и зачислены в особые рабочие роты. Вскоре после издания закона наместник докладывал императору, что на Кавказе «назрело и возрастает настроение, крайне опасное для государственных интересов».

Принудительное привлечение крестьян к оборонным работам и реквизиция лошадей привели к антиправительственным выступлениям трудящихся Дагестана. Так, летом 1916 г. в сел. Аксай Хасавюртовского округа произошло открытое выступление крестьян против властей, вызванное очередной реквизицией лошадей и подвод для нужд армии. О событиях в Аксае было доложено военному министру и главнокомандующему Кавказской армией. В ответ последовало распоряжение «беспощадно» расправиться с жителями Аксае, «дабы неповадно было другим».

Положение в районе Аксае стало очень напряженным. В Аксай стекались жители окрестных селений. В связи с этим начальник области просил направить в его распоряжение войска с орудиями и пулеметами. На подавление аксаевцев были брошены три роты солдат и казачья сотня. Войска жестоко расправлялись с населением. Насчитывалось много убитых и раненых, 22 крестьянина были преданы военно-полевому суду. В селении для «успокоения» жителей была оставлена рота солдат и казачья сотня, которых аксаевцы должны были обеспечить продовольствием. Населению Аксае запрещалось носить оружие.

Волнения в Аксае отражали напряженную политическую обстановку во всем Дагестане. Власти требовали все большего количества войск для «усмирения» населения. Многочисленные архивные документы этого периода свидетельствуют об участившихся случаях неповиновения крестьян распоряжениям администрации, об открытых антивоенных выступлениях на сходах, отказах населения выполнять различные повинности военного времени.

В Дагестане, как и во всей империи, в 1916 г. под влиянием большевистской пропаганды и агитации возросла политическая активность трудящихся. В период первой мировой

Соотношение различных групп крестьянских хозяйств
(по переписям 1886 и 1917 г.)

войны в Дагестане шел ускоренный процесс формирования классового мировоззрения крестьян и обострения классовых противоречий в ауле. Крестьянские массы в результате непосильных тягот войны, реквизиций, дороговизны и увеличения налогов приходили к полному обнищанию. 9,4% крестьян вовсе не имели посевов, а 77,6% крестьянских дворов имели не более одной десятины на хозяйство. В то же время кулацкие хозяйства, составлявшие примерно 3% всех крестьянских хозяйств, сосредоточили в своих руках до 20% крестьянских земель. Лучшие земли принадлежали эксплуататорской верхушке аула, а трудовое крестьянство владело неудобными, террасными землями.

Безовечные крестьянские хозяйства составляли в этот период 81,7%. В то же время группа, составлявшая 2,9% всего количества хозяйств, владела 58,7% общего поголовья овец. Четыре пятых хозяйств Дагестана не имели лошадей.

Ярко выраженная классовая дифференциация, резкое усиление колониального гнета и эксплуатации со стороны национальной буржуазно-помещичьей верхушки — все это заставляло народные массы еще активнее включаться в борьбу с царским самодержавием и местными угнетателями.

В январе 1917 г. по всей России прокатилась грандиозная волна забастовок. В годовщину 9 января в Петрограде, Москве, Баку, Нижнем Новгороде бастовало около $\frac{2}{3}$ всех рабочих. Революционное движение разрасталось с большой быстротой. По всей стране происходили массовые политические демонстрации.

В Дагестане с начала 1917 г. также наблюдался интенсивный революционный подъем. В январе рабочие фабрики «Каспийская мануфактура» выступили с требованием увеличения заработной платы и добились уступки со стороны администрации. В том же месяце по требованию рабочих администрация была вынуждена вновь повысить оплату труда. В начале февраля заставали 150 рабочих бондарного завода общества «Рыбак».

Хозяйственная разруха, нехватка продовольствия, бессмысленные жертвы войны, произвол, взяточничество, притеснения определили революционную ситуацию по всей стране. Ликвидация царизма и выход из войны стали исторической необходимостью, осознаваемой многомиллионной массой трудящихся в центре и на национальных окраинах. Большевистские лозунги о превращении империалистической войны в гражданскую и о поражении своего империалистического правительства в войне получили общенародное признание и стали программой трудящихся на пути к освобождению от социального и национального гнета.

§ 2. ДАГЕСТАНСКАЯ ОБЛАСТЬ В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

В феврале 1917 г. русский пролетариат при активной поддержке крестьян, одетых в солдатские шинели, под руководством партии большевиков сверг царизм. Буржуазно-демократическая революция победила. Гегемоном революции выступил рабочий класс, руководствовавшийся большевистскими лозунгами.

Весть о свержении царизма глубоко всколыхнула народные массы Дагестана. В городах проходили демонстрации рабочих и солдат, а во многих аулах состоялись собрания джамаата. В городах возникли Советы рабочих депутатов, а в гарнизонах — Советы солдатских и офицерских депутатов.

11(24) марта 1917 г. на собрании рабочих Порт-Петровска был создан Совет рабочих депутатов, в состав которого вошли представители рабочих городских промышленных предприятий.

Воспользовавшись слабой организованностью рабочих, их политической незрелостью, отсутствием большевистской организации, крепких и стойких руководителей, меньшевики и эсеры взяли руководство Советами в свои руки. Президиум Совета возглавил меньшевик Фонштейн. Несколько позднее был организован Совет солдатских и офицерских депутатов Порт-Петровского гарнизона под председательством меньшевика Немсадзе. В апреле были организованы

Советы рабочих депутатов в Дербенте и Темир-Хан-Шуре. Председателем Дербентского Совета рабочих депутатов стал меньшевик Метревелли.

Советы не проводили никакой политической работы, не стремились к организации народов Дагестана в единую политическую силу, не имели своей программы применительно к условиям Дагестана и всю деятельность ограничивали призывами поддерживать во всех отношениях Временное правительство.

Одновременно с Советами в городах области появились профсоюзные организации рабочих и служащих. За короткий срок в одном только Порт-Петровске были созданы профсоюзные организации почтово-телеграфных служащих, рабочих рыбных промыслов, бондарей, текстильщиков, железнодорожников, грузчиков, строителей, учителей, врачей, кустарей и ремесленников.

В Дербенте возникла крупная профсоюзная организация, возглавлявшаяся большевиком Д. Пугиным, поддерживавшим непосредственную связь с ЦК РСДРП(б), которая сыграла большую роль в установлении Советской власти в Дербенте.

Наряду с Советами рабочих и солдатских депутатов и профессиональными союзами в городах Дагестана были созданы органы Временного правительства — гражданские исполнительные комитеты, мусульманские комитеты.

Кроме местных органов Временного правительства в Порт-Петровске, Дербенте и Темир-Хан-Шуре по-прежнему действовали городские думы и управы. Продолжали оставаться на своих местах и старые царские чиновники. В телеграмме из Касумкента в Темир-Хан-Шуру говорилось, что начальник округа «убеждает окружающих в возможности сохранения старого строя и в оскорбительной форме обещает перевешать всех приверженцев нового правительства». Дагестанский областной исполком даже командировал делегацию во главе с председателем исполкома З. Темирхановым в Тифлис с просьбой об оставлении на посту губернатора области. Члены особого Закавказского комитета Харламов и Пападжанов в телеграмме от 2 апреля 1917 г. Дагестанскому областному исполкому требовали «не касаться деятельности членов судебного ведомства и, в частности, никого из них не смещать».

Таким образом, Февральская революция существенных изменений в положение трудящихся Дагестана не внесла. «Произошла только незначительная смена административных лиц. Вместо старых названий появились кое-какие новые названия»³.

³ Г. К. Орджоникидзе, Избранные статьи и речи, 1911—1937 гг., стр. 56.

Были образованы местные органы Временного правительства: 9 марта 1917 г. — временный гражданский исполнительный комитет Дагестанской области в Темир-Хан-Шуре, а 22 марта — областной совет. О своем возникновении областной совет телеграфно сообщил Временному правительству и Всероссийскому исполнительному комитету.

Областной совет стремился проводить в жизнь все, что требовала феодально-клерикальная верхушка, национальная буржуазия, которая привыкла раболепно служить царизму. Исполнительный комитет областного совета посылал на подпись военному губернатору Дагестанской области генералу Ермолову все свои распоряжения. Только за его подписью они и получали силу.

Исполнительный комитет областного совета, состоявший в большинстве своем из помещиков, дворян и буржуазии, не мог создать иной формы управления краем, кроме угодной Временному правительству. Внутри исполнительного комитета шла ожесточенная борьба. По целям и средствам борьбы в комитете определились четыре основные группировки: 1) сторонники Временного правительства, поддерживаемые большей частью русской буржуазии и интеллигенции; 2) миллитисты — часть клерикалов и местная буржуазия, главным образом торговая, идеалом которой была национальная независимость; 3) клерикальная группа во главе с Гоцинским, идеалом которой была шариатская монархия под протекторатом Турции; 4) социалистическая группа во главе с Махачем Дахадаевым и Д. Кормасовым с большевистским и революционно-демократическим направлением в работе. В основном борьба шла между последними двумя группами, т. е. между клерикалами и социалистами⁴.

⁴ Классовой линии контрреволюционеров нужно было противопоставить классовую линию большевиков, которая отвечала бы интересам пролетариата, беднейшей части горского крестьянства и революционно-демократической интеллигенции. Эту роль в определенный промежуток времени играла социалистическая группа вместе с теми большевиками, которые находились в городах и аулах Дагестана, и той частью революционно-демократической интеллигенции, которая группировалась как вокруг Агитационно-просветительного бюро, так и в особенности вокруг социалистической группы.

Социалистическая группа сложилась примерно в мае 1917 г. и была распущена в феврале 1919 г. на первой Кумторкалинской областной конференции большевистских организаций Дагестана. На этой конференции большинство деятелей социалистической группы было принято в большевистскую партию.

Социалистическая группа была очень слаба и малочисленна и могла опираться только на городских рабочих, на крестьянскую бедноту ряда равнинных аулов и на немногие ячейки, организованные в горах.

Деятельность социалистической группы можно разбить на два этапа. Первый этап — с момента ее создания до Октябрьской революции, и второй — с Октябрьской революции до ее роспуска.

Социалисты входили в состав комитета не потому, что они были истинными попутчиками Временного правительства, а потому, что они стремились, пользуясь всеми возможностями, своими последовательно революционными действиями подорвать изнутри антинародный орган власти.

Вскоре исполнительный комитет сформировал свои комитеты на местах. Доступ в них был широко открыт клерикалам и представителям местной буржуазии. В окружные и сельские исполкомы почти повсюду были избраны муллы, царские старшины, судьи и полицейские. Такой состав исполкомов вполне обеспечивал соблюдение интересов Временного правительства.

В создавшейся обстановке, при малочисленности большевистских сил, органам Временного правительства удавалось в большинстве случаев вводить в Советы своих представителей. Но в отдельных местах, где большевистское влияние было более сильным, в состав Советов входили большевики.

Большевикам и большевистски настроенным представителям местных революционных сил в ряде случаев удалось убедить горцев в пагубности действий областного исполнительного комитета и мобилизовать их против буржуазии и клерикалов. 26 марта 1917 г. областной исполком, обсудив поступившие из различных округов области требования трудящихся-горцев «об устранении начальников округов, их помощников, начальников участков и старшин», т. е. о ликвидации царской администрации, решил: «Устранить теперь же всех начальников участков. Для управления округами и организации комитетов образовать в каждом округе ко-

На первом этапе деятельности социалистической группы большинство ее членов во главе с М. Дахадаевым и Д. Коркмасовым проводило исключительно большую работу по сколачиванию революционно-демократических сил и размежеванию классовых сил, по организации бедноты в деле завершения революционно-демократического преобразования в Дагестане. Острые борьбы было направлено на ханов, беков, собственников земли и особенно против шариятистов, как главной опасности в данной обстановке.

По своему составу и политическим взглядам социалистическая группа была неоднородной. В группу входили большевики, левые эсеры и независимые социалисты.

Социалистическая группа вместе с большевиками в конкретной исторической обстановке, которая сложилась тогда в Дагестанской области, возглавила революционно-демократическую часть общества рабочих и беднейшую часть крестьянства и вела беспощадную борьбу с силами контрреволюции, за победу Советской власти в Дагестане, за торжество идей большевистской партии. Группу возглавляла та часть интеллигенции, которая вышла из народа, тесно была связана с беднейшей частью крестьянства и получила еще в 1905—1907 гг. революционную закалку в кругах пролетариата и передовой интеллигенции России.

В своей активной революционной деятельности социалисты и большевики опирались на созданный союз рабочих и земледельцев.

миссариат из двух лиц: представителя областного исполнительного комитета и представителя местной военной организации. В тех округах, где нет воинской части, просить ближайшую воинскую часть о командировании в окружной комиссариат своего представителя».

Вскоре после революции в Дагестан прибыл назначенный Временным правительством областной комиссар Гайдаров, который приступил к созданию нового правительственного аппарата. Комиссар осуществлял в области административно-полицейскую власть и проводил в жизнь политику Временного правительства. Однако деятельность комиссара в этом направлении была малоуспешной, и фактически власть Временного правительства в Дагестане распространялась только на города с их ближайшими окрестностями. В округа и города области посылались или избирались на местах комиссары, подчинявшиеся комиссариату области. Вместо городских общественных управлений были образованы на основании постановления Временного правительства от 17 апреля 1917 г. городские думы.

Ожесточенная идеологическая борьба между подлинно революционными силами и представителями Временного правительства постепенно клонилась в пользу сторонников большевистской линии, и Временное правительство с его империалистическими тенденциями не пользовалось в Дагестане никакой популярностью. Народы Дагестана не доверяли комиссару Гайдарову, потому что он был ставленником Особого Закавказского Комиссариата и верноподданнически исполнял волю буржуазного Временного правительства, не считаясь с интересами трудящихся-горцев.

Вместо Гайдарова на должность комиссара Временного правительства был назначен Далгат, которому областной исполнительный комитет отвел очень скромную роль в политической жизни области.

Г Л А В А Х

КУЛЬТУРА И ПРОСВЕЩЕНИЕ XIX — НАЧАЛА XX в.

§ 1. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ДЕКОРАТИВНОЕ ИСКУССТВО

**Поселения
и жилища.
Архитектура**

В дагестанских поселениях XIX в. можно проследить многовековую эволюцию, которую они претерпели под воздействием социально-экономических, природно-географических, политических и иных факторов, и заметить большие изменения, происшедшие уже именно в XIX в. в результате присоединения Дагестана к России, падения роли военного фактора и проникновения капиталистических отношений в экономику края.

Специфичность, местные особенности обнаруживаются только между поселениями разных зон. Внутри же зон, сколько бы этнических единиц ни населяло зону, налицо очевидное единство расселения, форм поселений, их группировки и т. д.

С другой стороны, поселения дагестанцев независимо от зональной расположенности и этнической принадлежности обнаруживают много общих черт, сложившихся в результате генетического единства, общности исторических судеб и сходности социальных и общественных процессов, происходящих на всей территории Дагестана.

Как и ранее, принципы расселения дагестанцев (тип заселения) также различаются в зависимости от зональности. В первую очередь это зависит от рельефа зоны. На плоскости поселения располагаются на ровных площадях, в предгорье — на склонах холмов, в горах — на гребнях гор, плоских вершинах, речных террасах долин, даже скальных основаниях. При этом надо отметить, что ряд факторов, влиявших на выбор места поселения, учитывался во всех без исключения зонах. Это прежде всего необходимость водного источника и оборонительный фактор.

Нередко недоступность и неприступность поселений была обусловлена и соображениями экономии земли. Стремление культивировать любой подходящий клочок земли диктовало застройку поселения в труднодоступных, скалистых местах, на крутых склонах, скалах.

С исчезновением военной опасности новые селения располагаются на указанных администрацией местах, доступно и гораздо более свободно. В старых аулах застройка сползает с крутизны на более доступные отлогости, за пределы прежних фортификационных ограждений. Эти последние повсеместно разрушаются. Поэтому в старых селениях древнейшая часть всегда оказывается самой верхней.

Немаловажную роль при выборе места поселения играла и его ориентация. В Дагестане обязательной является солнечная ориентация, которая прежде всего обусловлена экономическими соображениями (использование солнечного тепла для сушения, вяления, экономии топлива, откуда сложившаяся традиция обогреться на солнце, и т. д.).

С развитием сельского хозяйства многие отселки и хутора, отпочковавшиеся в предыдущую эпоху от старых селений, вырастают в крупные аулы, и их хозяйственная зависимость от селения кончается. Они становятся самостоятельными селениями, хотя и сохраняют специальное название, свойственное отселку.

Форма поселений XIX в. непосредственно зависит от зонального расселения. Соответственно зонам мы находим горизонтальное расположение домов поселения на плоскости и вертикальную зональность в горах. В последних можно встретить поселения как просто скученные, так и террасообразные. Иногда встречаются и поселения плоскогорного типа, расположенные на ровной площадке высокой горы. И в XIX в. планировка в строгом смысле этого слова не было, однако некоторые элементы системы в расположении общественных мест (годекан, мечеть, водоразборная будка, место игрищ и пр.) и даже частных построек были. Общесельский годекан по возможности располагали в центре села, здесь же и на примыкающих к аулу склонах или садах было место игрищ. Центральная мечеть была обычно на общесельском годекане, кладбище и культовые места — на краю селения.

На протяжении XIX в. форма поселения претерпела значительные изменения. Прекращение междоусобиц, разложение родственных коллективов и пр. обусловили распространение селений вширь на свободные окраины и внедрение в горных аулах горизонтальной зональности.

В течение почти всей первой половины XIX в. в связи с войной, особенно в нагорном Дагестане, многие аулы, а вместе с ними памятники архитектуры и искусства были

стерты с лица земли. Целые территории оказались оголенными. Некоторые аулы, например, не успев отстроиться, вновь разрушались. Таким образом, строительная деятельность второй половины XIX в. отделена от всей предыдущей по крайней мере полувековым перерывом. Кроме того, Дагестан к этому времени уже был окончательно присоединен к России. Естественно поэтому огромная разница в строительстве второй половины XIX в. по сравнению со всем, что было прежде.

После окончания войны страна начинает интенсивно застраиваться, особенно в предгорьях и на равнинной территории. Вместо уничтоженных аулов на новых местах создаются новые большие аулы.

Возникает ряд аулов — крупных специализированных очагов строительного ремесла (аварские аулы Согратль, Телетль, Ансалта и др.). Здесь готовятся кадры наследственных бродячих ремесленников-профессионалов. Строительство в основном переходит в их руки. Местное население выполняет лишь подсобные работы. Мастера владеют уже новой техникой, они повсеместно становятся проводниками нового стиля в архитектуре и новых приемов обработки материалов. Из России, Грузии и Азербайджана в горы впервые проникают пила, рубанок, а затем и оконное стекло, переплеты, скобяные изделия, железные печи и т. п.

Еще один фактор оказывает значительное влияние на архитектуру. Вырубка лесов на топливо, для строительных целей и для освобождения участков под пахоту и покосы в XIX в. принимает по военно-стратегическим соображениям характер планомерного уничтожения леса, и к середине XIX в. страна оказывается окончательно превращенной в горно-пустынную зону, с ничтожными островками кое-где сохранившихся лесов.

В архитектуре в связи с этим дерево еще больше вытесняется камнем. Господствующим архитектурным элементом становится арка, и широкое применение аркад придает строительным конструкциям легкость. Каменная кладка в руках профессионалов достигает совершенства. В лучших зданиях — мечетях, богатых домах — стены делаются из идеально притесанных камней, насухо, без раствора, так что швы становятся почти невидимыми. Лицевой поверхности придается эффектная фактура (бороздами, штрихами, точками).

Расширение сельскохозяйственного и ремесленного производства при относительно свободной теперь застройке ведет к расширению служебных помещений. Повсеместно возникает двор, хотя бы карликовый, в условиях горного рельефа дворники нередко делаются крытыми, чем выгадывается дополнительная площадь плоской крыши над двором.

Аул Губден

В плоскостной части получает большое распространение одноэтажное жилище со службами вокруг двора, обнесенного навесом — галереей. Во дворе устраивается летний очаг и иногда печь для чуреков.

Исчезновение постоянной военной угрозы радикально изменяет и облик самого жилого дома. В Дагестане, как и на всем Кавказе, возникает сначала в равнинной и предгорной части, а затем и везде в горах жилище открытого типа с галереями, лоджиями, балконами и навесами. Лоджии прогибаются и в старых домах. Теперь в теплую половину года жизнь горца протекает в открытых помещениях. Здесь производится выделка шерстяных тканей, войлоков, ковров и пр. В торце галереи или лоджии устраивается пристенный очаг. Подобные же галереи и навесы делаются при мастерских гончаров, медников, ювелиров, кожевников и пр., так что производственные помещения в основе мало чем отличаются от жилых.

В послевоенный период происходит дальнейшее дробление и дифференциация жилых помещений. Так во второй половине XIX в. окончательно оформляется дом как жилище современной малой семьи.

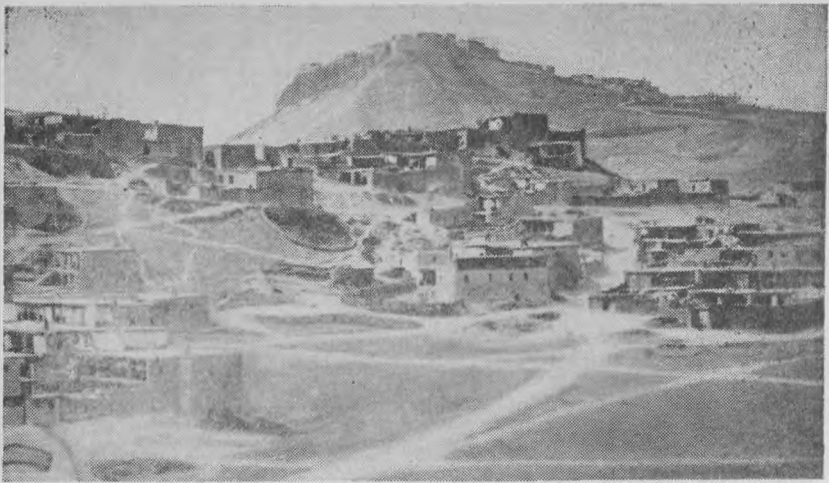

Аул Гергебиль

В доме среднего достатка обычной становится трехчастное деление: одна комната с пристенным очагом — наследница старых традиций — служит зимой повседневной жилой комнатой и спальней. Другая — парадная комната, тоже с камином, с выставкой нарядной, не употребляющейся обычно посуды и красивых вещей. Между этими комнатами — «коридор» (т. е. сени, служащие также кладовой и летней кухней). Все помещения объединяются галереей, причем в ней располагаются входы во все помещения.

Применение стекла позволяет делать окна большего размера, что становится особенно необходимым с развитием придомного ремесленного производства. Вместе с тем благодаря окнам и пристенному очагу с дымоходом жилище становится светлым и чистым. Особой чистотой и нарядностью, даже в горах, отличаются парадные, гостевые комнаты. В отдельные богатые дома начинает проникать городская обстановка.

Таким образом, мы видим, что с присоединением к России происходят значительные сдвиги в домостроительстве. Вместе с тем жилище отражает быстрый процесс классового расслоения. Возникают отличные по качеству и иногда прекрасные по архитектуре «дворцы» крупных барановодов (дома Нахибашева и Мамалау в сел. Чох, дом Кочаева в сел. Кумух и пр.).

Аул Уркарах

По мере объединения страны начинает изживаться господство местных типов жилища. Немалую роль в этом сыграли и бродячие профессионалы-строители, обслуживающие большие территории. Ареал типа становится более широким и расплывчатым. Один и тот же тип столба и планировки традиционной «старой» жилой комнаты охватывает теперь, например, обширную территорию — Кумыкскую плоскость, предгорье и горные аварские районы — от Карабудахкента до Гумбета.

Однако пока это лишь тенденция. Многовековые традиции не исчезают внезапно. Напротив, даже постройки нашего века часто обнаруживают поразительную приверженность местным традициям, что, конечно, полностью соответствует незакопченности процесса этнической консолидации в Дагестане.

Во второй половине XIX в. в Дагестане происходит подлинный расцвет архитектурного искусства. Обновления в архитектуре не вызвали утери местных народных традиций, а в сочетании со столь присущим народам Дагестана чувством выразительной, строгой и монументальной формы привели к своеобразному ренессансу архитектуры.

При взгляде на горный аул, раскинувшийся грандиозным амфитеатром, зрителя поражает прежде всего композиционная и стилистическая связанность всей массы аульной застройки в одно нерасторжимое целое. Каждый дом может быть из этой общей ткани изъят и рассмотрен в отдельности лишь условно. Художественные средства при этом остаются

Селение Игали

до предела простыми: противопоставление гладей каменных стен глубоким воздушным лоджиям с тоненькими деревянными столбами или с легкими аркадами. Благодаря рельефу местности фасады зданий обычно имеют снизу мощную цокольную часть, и это придает пропорциям легкость и силу: все устремляется ввысь.

Яркий расцвет архитектуры длится, к сожалению, недолго. Уже в начале XX в. намечаются тенденции, ведущие к художественному упадку. Они начинаются с домов богачей. Здесь преследуются цели представительности. Особенно роскошными делаются входные порталы с применением мотивов городской классики: профилированных тяг, медальонов и пр. Стремление выделиться и противопоставить отдельное сооружение соседям ведет к подчеркиванию симметрии, к разрыву композиционного единства. В архитектуру проникает вычурность и дурной вкус. Она становится многословной и дробной. Ее самобытность теряется. Примером могут служить великолепные по техническому выполнению, но некрасивые дома богачей в сел. Старый Чиркей (ныне больница, школа, правление колхоза) и многие другие.

Складывается архитектура растущих городов Дагестана — Темир-Хан-Шуры, Дербента, Порт-Петровска. Церкви, жилые особняки, а иногда и складские и производственные сооружения в городах часто строятся аульскими каменщиками-

ми со всем присущим им мастерством. По колориту же архитектуры это обычные южнорусские провинциальные города.

Одежда и украшение народов Дагестана В натуральном в своей основе хозяйстве народов Дагестана XIX в., как и ранее, важное значение имело домашнее производство тканей, шедших на изготовление одежды для семьи и частично на продажу. Среди тканей домашнего изготовления первое место занимало сукно.

Лучшей шерстью для изготовления сукна считалось осенняя, причем полученная не путем стрижки, а путем выщипывания. Сукна высшего качества дагестанки делали из верблюжьей шерсти, которую приобретали в Ногайской степи, в Астрахани и Закавказье.

В ряде районов Дагестана, особенно в его плоскостной части, изготавливались ткани и из хлопка и конопли, для чего имелась довольно прочная сырьевая база.

Шелковые ткани производились главным образом в обществах Нижнего Кайтага, Губдена и в некоторых других селениях предгорного и плоскостного Дагестана. Они изготавливались в ограниченном количестве и шли главным образом на большие головные платки.

Техника обработки шерсти и хлопка была несложной. Сперва шерсть или хлопок перебирали, расчесывали на специальном гребне, потом приступали к прядению на веретене и прялке. Процесс обработки конопли и приготовления пряжи из нее был несколько сложнее и длительнее. Сначала ручным способом заготавливали волокна для прядения и сучения, а затем приступали к сучению с помощью прялки и веретена; пряжу особым образом обрабатывали в горячей зольной воде, мыли в речке, крахмалили мукой. Подкрахмаливали мукой и пряжу из хлопка. В ткачестве применялась сновальня. Она представляла собой не очень массивную, четырехугольную деревянную раму (длина — 190 см, ширина — 160 см). Для прикрепления нити на каждом из брусьев вбивалось по 24—25 гвоздевидных колышков. Снятая со сновальни пряжа шла на ткацкий станок. Ткали на горизонтальных станках, представлявших собой либо прямоугольную деревянную раму (для сукна длина — 3—3,5 м, ширина — 1—1,5 м), либо деревянный каркас на четырех ножках, также прямоугольный (для шелковых, хлопчатобумажных тканей длина — 2,5—3 м, ширина — 95—100 см) или треугольный, напоминающий остов горской арбы (для конопляных тканей длина боковых брусьев — 150 см, а перекладины — 70—80 см). Имелись и другие разновидности станков. Ткала горянка, сидя либо на самом станке, либо на табуретке.

Снятое со станка сукно тщательно мыли и уваливали, затем сушили на открытом воздухе. Готовая ткань из хлоп-

ка и конопля тщательно отбеливалась. Все виды тканей могли подвергаться крашению. В качестве красящего материала широко использовали марену, кору дуба, ореха, ольхи, кожуру лука, бузину, сажу из дымохода, медный купорос и т. д. Применялись закрепляющие средства. Начиная со второй половины XIX в. в дагестанские аулы проникают анилиновые красители.

Несмотря на архаическую технику, применявшуюся в ткацком деле, женщины Дагестана благодаря кропотливому труду и опыту, накопленному многими поколениями, достигли большого мастерства и искусства в выделке тканей всех видов.

Особенно большой прочностью, тщательностью отделки, изяществом отличались изделия из шерсти. Дагестанские сукна, известные преимущественно под названием «лезгинские шали», пользовались заслуженной славой и находили широкий спрос не только на всем Кавказе, но и в Центральной России, в Иране, Малой Азии и во многих других странах.

Немаловажное значение в изготовлении одежды имели и другие женские ремесла. Женщины повсеместно занимались выделкой вязаной обуви. Своим мастерством узорного вязания чулок и носков особенно отличались женщины Южного (лезгинки, табасаранки, рутулки, цахурки, агулки) и Западного Дагестана (аварки). Дагестанские женщины занимались также тканьем и плетением всевозможных поясов, шнуров, галунов. Описывая занятия кумыков, исследователи отмечали, что «жены их ткут прекрасные галуны, тесьмы, шнурки, известные на всем Кавказе».

Материалом для изготовления одежды наряду с тканями домашнего изготовления частично служили овечьи шкуры и войлок.

Однако все эти материалы и изделия домашних промыслов далеко не удовлетворяли культурно-бытовых потребностей дагестанцев. В значительной мере они пользовались также привозными тканями, которые шли преимущественно на нательную одежду (главным образом на рубашки), бешметы, женские платья, платки. Феодалы шили одежды из дорогих тканей: бархата, парчи, атласа, тафты, муслина и т. д.

С присоединением Дагестана к России усиливается приток русских товаров, в том числе тканей, при этом расширяется их ассортимент, что способствует постепенному вытеснению персидской торговли. Наряду с дорогими тканями, шедшими на удовлетворение спроса состоятельных слоев общества, в этот период появляются и дешевые — ситец, бязь, нанка, «чадра» (синяя материя типа бязи), более или менее доступные простым горцам.

Традиционные черты одежды дагестанцев формировались в течение многих веков.

Одежда народов Дагестана, несмотря на его этническую пестроту, была в своей основе однотипна по покрою, материалу, способам украшения на всей территории края, что отражало как общность происхождения многих народов, так и этнические, исторические и культурные связи между дагестанцами.

Обычную нательную одежду мужчин составляли туникообразная рубашка и простого покроя штаны «на выпуск». Поверх рубашки носили бешмет, сшитый на подкладке, в талию, с длинными узкими рукавами, с высоким стоячим воротником, с нашивными нагрудными и боковыми внутренними карманами. В цельнокроенный в своей основе бешмет у талии вшивалось по бокам и сзади несколько узких, расширяющихся книзу клиньев, образующих своеобразные фалды. Бешмет считался легкой верхней одеждой, в которой горец мог ходить дома, выйти на улицу, работать в поле. Шили бешмет как из сукна домашнего производства, так и из привозных тканей: сатина, шелка, тафты, атласа и т. д. Поверх бешмета в прохладную погоду, а при приеме гостей и посещении общественных мест — в любое время мужчины надевали «чепкен», «чуху» (черкеска). Шили ее преимущественно из местного домотканого сукна. Богатые горцы шили нарядные чепкены из сукна белой овечьей или верблюжьей шерсти, а также из привозных фабричных тканей.

Чепкен имел в основном тот же покрой, что и бешмет. Но по сравнению с бешметом чепкен делался шире и длиннее (ниже колен) с широкими и длинными рукавами, которые для удобства слегка отворачивались. Чепкен имел и открытый грудной вырез, откуда выглядывал бешмет. На груди с двух сторон имелись нашивные карманы с мелкими отделениями для газырей (3—10 с каждой стороны), а ниже

Горцы в национальной одежде

Горец в шубе

тали в боковых швах — внутренние карманы.

Позднее газыри, потеряв роль ружейных патронов, служили только украшением. Чепкен застегивался на самодельные пуговицы и петли из шнура. По бокам, почти у подола чепкена, а также у рукавов оставались разрезы, куда вшивались узкие, плетенные из шелковых и золотых ниток галуны. Полы чепкена, его рукава, нагрудные и внутренние карманы обшивались тесьмой. Сверху чепкен перетягивался узким ременным поясом с несколькими накладными чеканными металлическими пластинками, пряжкой и подвесками-бляшками. Спереди на поясе висел кинжал. Чем состоятельнее был горец, тем наряднее и богаче были его пояс и кинжал.

Необходимым элементом верхней одежды являлась овчина шуба, которую дагестанец надевал зимой поверх бешмета, а иногда и черкески. Шубы имели несколько разновидностей. Одни из них были приталенные и расклешенные, с обычными рукавами; другие — длинные, носимые внакидку, с длинными ложными рукавами; третьи — без рукавов, с большой пелериной, нередко спускающейся ниже пояса. Распространение той или иной формы шубы зависело чаще всего от климатических условий отдельных зон. Наиболее нарядные шубы делались из овчин белых барашков — мерлушек. Феодалная знать Дагестана носила дорогостоящие шубы из привозных русских мехов — хорьковые, горностаевые и др.

Верхней одеждой, защищавшей от дождя, холода и ветра, служила у горцев наплечная бурка — «ямучу», «варси» — двух видов: небольшая, узкая, в виде войлока из низкокачественной шерсти и не имевшая швов; такая бурка была необходима путнику-пешеходу, пастуху, земледельцу. Бурка второго вида была намного шире, больше по размеру, мохнатая, из шерсти лучшего качества. Эта бурка была сшита у плеч и предназначалась для всадника. По всему Кавказу и за его пределами славилась андийские бурки. Они изготовлялись в обществах андийской этнической группы из высококачественной длинной черной шерсти с особым

блеском. Такую шерсть давала выведенная здесь андийская порода овец. Покупая у андийцев готовые бурки, состоятельные горцы перешивали их по своему вкусу и богато украшали золотыми и серебряными галунами.

Обувь горцев Дагестана была весьма разнообразна. Жители многих обществ, особенно лакских и даргинских, считались прекрасными мастерами кожевенно-обувного дела. Выделялась своим многообразием вязаная шерстяная и войлочная обувь. Зачастую по обуви, носимой повседневно, можно было безошибочно определить принадлежность горца к тому или другому обществу.

Самыми распространенными видами обуви были вязаные шерстяные узорчатые носки, легкие сафьяновые сапоги — «маси», башмаки на кожаной или деревянной подошве, позднее и кожаные галоши. Повсеместной рабочей обувью были «чарыки» из сыромятной или дубленой кожи, носимые с домоткаными обмотками вместо голенищ или ноговиц. Их шили просторными, так как в них подкладывали для удобства и тепла мягкое сено или мягкую подсушенную траву, и нередко надевали чарыки поверх шерстяных носков или обмоток.

В горных районах население широко пользовалось войлочными сапогами на толстой войлочной же подошве, а также особого вида вязаной шерстяной обувью типа чулок, толстой и плотной вязки, на подошве, с загнутыми вверх носками. Дагестанская феодальная знать носила и кожаную обувь типа русских сапог.

Головным убором служила мохнатая овчинная папаха. Состоятельные горцы шили папахи и из дорогого бухарского каракуля. До середины XIX в. была распространена высокая папаха, околыш которой несколько суживался кверху. Позднее донышко папахи вместо меха стали делать из сукна.

Принадлежностью головного убора дагестанцев был и башлык, который они носили поверх папахи, отправляясь в путь в непогоду или в холодное время. Башлыки шили чаще всего из домотканого сукна, нарядные — из белого. Башлык украшали галуном, вышивали золотом и серебром.

Девушка из Балхара в национальной одежде

Непременным дополнением к мужской одежде было оружие, а основным видом его был кинжал, который носило все мужское население, достигшее совершеннолетия. В комплект вооружения входили также шашка, кремневое ружье, пистолет. Чем богаче был дагестанец, тем роскошнее было его оружие. Самое дорогое и нарядное изготовлялось по особому заказу.

Женская одежда отличалась большим разнообразием. В то время как мужской костюм был, за некоторыми исключениями, единым для всех горцев, костюм горянки имел много этнических локальных особенностей. Нательную одежду женщины составляла длинная рубаха двух видов — туникообразного покроя и типа платья, состоящего из лифа и пришитой к нему широкой (из четырех-восьми полотнищ) юбки до пят. Под рубаху надевали узкие шаровары, почти такие же, как мужские, или широкие штаны (у табасаранцев, дербентских азербайджанцев, части лезгин, кумыков).

Рубаха туникообразного покроя у ряда дагестанских народов, в основном аварской и даргинской групп, служила и верхним платьем. Это платье-рубаха подпоясывалась либо широким матерчатым поясом в виде полотенца, либо кожаным поясом с большими металлическими пряжками и нашитыми поверх него монетами. У ряда народов (лезгин, табасаранцев, кайтагцев, кумыков и др.) поверх рубахи надевалось платье, которое шилось в талию.

Парадным платьем у женщин было «къабалай». В отличие от других видов платья «къабалай» имело двойные рукава — нижние узкие до кисти и верхние широкие и длинные, спускавшиеся значительно ниже кистей. На поясе все платья застегивались на металлические пряжки. Нарядные платья-рубахи и платья шили из дорогих шелков. Подол, полы, пояс, рукава и грудь богатые женщины часто отделывали металлическими украшениями или серебряными и золотыми галунами, а менее богатые — тесьмой. Многие женщины делали на платье художественную вышивку золотыми и серебряными нитками.

Верхней зимней одеждой женщины в нагорном Дагестане являлась овчинная шуба, которая, как и мужская, имела несколько разновидностей: накидки с длинными ложными рукавами; шубы с небольшим шалевым воротником; шубки-накидки без рукавов с большой (до пояса) пелериной; обычные шубки с короткими (чуть ниже локтя) рукавами, в талию, с глубоким грудным вырезом. Полы, иногда и подол шуб, рукава оторачивались мехом. Оторочка, пелерина, воротники делались из меха более высокого качества.

Распространение той или иной формы шубы, длина ее зависели главным образом от климатических условий местности и условий жизни женщины. Первые два вида шубы

Женщины в национальных головных уборах:

1 — андийка, 2 — гидатлинка, 3 — кванадинка, 4 — агулка, 5 — балхарка,
6 — даргинка

были распространены в нагорном Дагестане, ареал же бытвания последнего типа был гораздо уже. В предгорье и на плоскости шубы носили лишь пожилые женщины, остальные зимой пользовались той же одеждой, что и летом, но на зиму их шили из темных тканей, на подкладке и на вате.

Женщины из среды феодалов носили шубы из дорогих русских мехов, крытые бархатом, плюшем, с широкой оторочкой из того же меха на рукавах, полах и подоле, украшенные галуном. Жены состоятельных узденей чаще шили шубы из шкур белых барашков с парчовой отделкой вместо галунов.

Женщины, как и мужчины, носили главным образом самодельную обувь, те же вязаные шерстяные узорчатые носки и чулки, мягкие сапоги и сапоги из сафьяна, кожаные галоши, нарядно расшитые войлочные сапоги и башмаки. При-

обретение того или иного вида обуви также зависело от климатических условий и социальной принадлежности женщины. Если в горах женщина чаще носила толстые шерстяные носки или чулки на толстой же подошве, сапоги (кожаные и войлочные), то на плоскости основными видами обуви были тонкие шерстяные носки, сафьяновые чупаки, башмаки и галоши.

Наибольшим разнообразием в отношении покроя и подбора расцветок ткани отличалась «чухта» женщины Дагестана — один из основных элементов ее головного убора. Она имела многочисленные варианты, свойственные не только различным народностям, этнографическим группам, но и группам селений в пределах одной этнической территории и даже отдельно взятого общества.

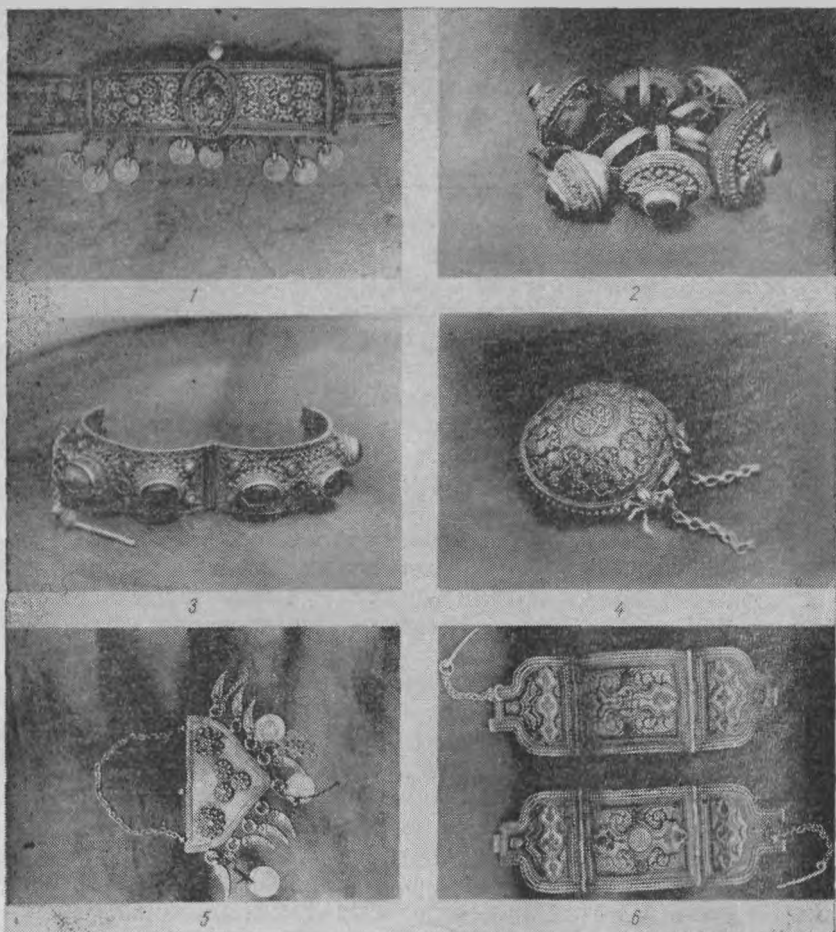
Иногда чухта представляла собой подобие мешочка, сшитого только вдоль и совершенно открытого снизу и сверху. В шитую часть мешочка убирались распущенные косы, она прикрывала верхнюю часть лба и спускалась на спину. К височной части пришивались длинные ленты, которые обвивали голову и завязывались на затылке.

В других случаях чухта имела вид повязки почти квадратной формы, которая сверху прикрывала косы; иногда ее делали в виде своеобразного капюшона и пришитого к нему длинного полотнища на подкладке, иногда чухта представляла собой чепец с мешочком для кос. Были и другие разновидности чухты.

Самыми оригинальными по своей форме были чухты общества Анди и Ботлих. Чепцы чухты той и другой группы туго набивались шерстью, образуя спереди высокий корпус. Чепец ботлихской чухты в отличие от андийского круглого чепца имел четырехугольную форму с рогообразными выступами на верхних углах и большими висячими кольцами на них. Шили чухту из разноцветных кусков ярких тканей (шелка, парчи, кашемира) в строго определенном сочетании цветов. Налобную часть чаще всего делали из черного атласа или сатина; куски самых ярких тканей шли на височную и теменную части, а также на нижнюю часть полотнища или мешка, свисающего на спину. К чухте женщины пришивали обычно большое число различных амулетов и талисманов. Поверх чухты носили либо обычный платок, либо покрывало в форме широкого и длинного полотнища.

Лучшие шелковые платки и шали, так же как дорогие ткани, поступали из стран Востока, особенно из Индии и Персии, а позднее и из России. Они пользовались большой популярностью у местного населения.

На виски женщины выпускали длинные локоны, спускавшиеся до пояса (позднее — пейсы), а на лбу оставляли челку. Старинной одежде горянок соответствовали и укра-

Женские украшения:

1 — пояс «камал», 2 — кольца, 3, 6 — браслеты, 4, 5 — медальоны.

шения, преимущественно серебряные; золотые встречались очень редко и только в среде феодалов. Большое место занимали украшения, пришиваемые к головному убору — чухте: налобные, теменные, височные и др. В ходу были и украшения, составлявшие дополнения к костюму: разнообразные кольца, серьги (в том числе и крупных размеров), браслеты, бусы, пояса, нагрудники и передники из монет, всевозможные подвески и т. д. Эти украшения изготовляли главным образом местные мастера-серебряники.

В заключение следует отметить, что в своей основе костюм у народов Дагестана, несмотря на этнические разли-

чия, был однотипным на всей территории. Эта общность особенно характерна для мужской одежды, которая, за исключением некоторых видов обуви, почти не имеет локальных вариантов и этнических различий.

В силу ряда исторических причин женская одежда больше сохраняла былые родо-племенные различия в культуре каждой народности в целом. В женской одежде менее, чем в мужской, были нивелированы местные особенности, значительно больше сохранились архаические черты. Женщина была изолирована от внешнего мира, от влияния внешней среды, почти не выезжала из своего общества. Девушку редко выдавали замуж в другое общество, а тем более в иноэтническую среду. Для мужской части населения, напротив, издавна была характерна большая подвижность. Длительные перекочевки со стадами жителей гор на плоскость зимой и, реже, жителей плоскости в горы летом, длительное обитание их в иноэтнической среде, обмен товарами на дальних базарах, получивший развитие на основе географического разделения труда, хозяйственной специализации населения отдельных зон, неизбежно приводили как к заимствованию отдельных элементов одежды, так и выработке единых ее форм. Те же процессы наблюдались и в результате отходничества.

Многие формы и характерные черты одежды XIX в. у народов Дагестана своими корнями уходят в глубокую древность. В соответствии с изменением культурных потребностей, эстетических запросов и уровня социально-политической жизни и костюм дагестанца претерпевал некоторые изменения. В основных своих чертах народный костюм дагестанцев был сходен и с костюмом других народов Кавказа, что свидетельствует о формировании кавказского «горского костюма» в условиях многовековых тесных историко-экономических связей, в условиях культурного взаимовлияния всех этих народов.

Общей почти для всех народов Кавказа является, например, мужская одежда — бешмет, черкеска, папаха, башлык, мягкие сафьяновые сапоги, бурка и т. д. Традиционное дагестанское женское платье «къабалай» аналогично чеченскому платью «гъаблие», осетинскому «къаба», кабардинскому «боцбей», адыгейскому «сей», балкаро-карачаевскому «чебкен» и т. д.

Сравнение одежды народов Дагестана с одеждой других народов Кавказа позволяет говорить и о степени взаимосвязей отдельных народов. Кумыки, ногайцы и даргинцы находились в сравнительно более тесном культурном общении с народами Северного Кавказа (чеченцами, ингушами, осетинами, кабардинцами, балкарами, карачаевцами, черкесами и т. д.). Народы же Западного и Южного Дагестана

(аварцы, лакцы, лезгины, цахуры, табасараны, агулы и т. д.) находились в более тесном общении с народами Закавказья — грузинами (аварцы, лакцы, цахуры), азербайджанцами (лезгины, табасаранцы, рутулы, цахуры и др.) и т. д.

После присоединения Дагестана к России, с развитием торгово-экономических связей горцев с русскими, особенно с возникновением русских переселенческих пунктов в Северном Дагестане, основанием русских крепостей, а также меновых дворов на Кавказской линии, стала проникать в массу трудящихся-горцев и русская одежда.

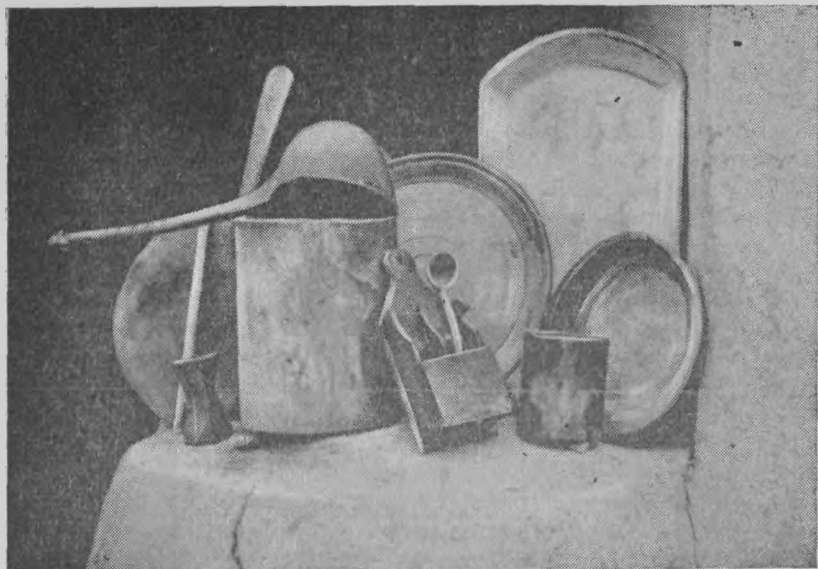
Пища

Со второй половины XIX в. в связи с увеличением привоза изделий русской фабрично-заводской промышленности, а также с приобщением дагестанцев к русской культуре происходили изменения и в пище горцев. Больше стало употребляться жидкой пищи, картофеля, томатов, капусты и других овощей. Горцы Дагестана заимствовали от русских и способы засолки овощей, приготовления кондитерских изделий и т. д. Но в основном жители области, конечно, продолжали потреблять исконно дагестанские продукты, приготовляя из них национальные блюда. Основными продуктами, идущими на приготовление пищи, по-прежнему оставались продукты земледелия — пшеница, ячмень, просо, полба, бобовые, рис — и продукты животноводства — мясо, масло, молоко и др. Большим подспорьем в питании населения, особенно плоскостного Дагестана, являлись садовые и огородно-бахчевые культуры.

Главные продукты питания горцы производили у себя, в своем хозяйстве. Пшеница и ячмень, которые были представлены несколькими сортами, в том числе и весьма древними, перерабатывались на муку и крупу. Хлеб готовился разных видов из кислого и пресного теста: в виде плоских чуреков, лавашей из тонко раскатанного теста. Его пекли в специальных надворных или комнатных печах «корюк» (кор), тандыр, а также на специальном щитовидном глиняном круге — садже. Зимой выпекали хлеб в камине — в горячей золе. Эти же способы применялись и для выпечки разнообразных пирогов — «чуду», а также всевозможного печения — «пахлава», «гюлеме», «шуре» и др.

Из различных видов мяса самым ценным считалась баранина, затем говядина. Потреблялось и мясо домашней птицы и дичь, которой были богаты дагестанские леса и степи. Употребление конины в пищу было распространено лишь у ногайцев и частично у кумыков. Рыбу, несмотря на ее обилие, ели сравнительно редко. Свинину горцы Дагестана, как и все другие народы, исповедующие ислам, не употребляли.

Коровье и буйволиное молоко шло в пищу в сыром и кипяченом виде, из него готовили сметану, кислое молоко,

Кухонная утварь

простоквашу, айран и творог, масло. Из козьего и овечьего молока делали сыр, который хранили либо в рассоле мелкими кусками в бурдюках, либо завернув большие круги в специальную траву и солому. В питании дагестанцев сыр и творог играли существенную роль.

Самыми распространенными и любимыми блюдами всех народов Дагестана были хинкал с мясом, заправленный кислым молоком и чесноком, супы «шорпа» с рисом, лапшой, крупой, с тыквой, с фасолью и др., пельмени и вареники — «кюрзе» с начинкой из мяса, творога, тыквы, сыра, ливера, из молока с яйцами, из крапивы с яйцами и орехами, всевозможные пироги «чуду», каши и т. д. Праздничными блюдами были «долма», плов, шашлык, широко известные на всем Востоке. В особенно торжественных случаях на стол подавались и бараны, ягнята и куры, зажаренные целиком.

Из напитков наиболее древними и распространенными являлись буза — брага (в горах ее разновидность — мачча с добавлением меда), джаба — род вина, но кипяченого; из сладких безалкогольных напитков наиболее известными были цикнай, муселлес — кипяченый виноградный сок, известный на всем Востоке шербет — мед, разбавленный водой, и тач — своеобразный кислый напиток из пшеницы и пшеничной муки (у лезгин).

Употреблялись и напитки, заимствованные у других народов. Одним из таких напитков был чай. Чай и сахар благодаря торговле с Востоком проникли в Дагестан очень рано. Но чай был доступен только феодальной знати и состоятельным крестьянским семьям.

Кухонная утварь народов Дагестана была деревянной, медной и керамической. Медная утварь (котлы, кувшины, тазы, блюда, подносы) подвергалась лужению. Состоятельные горцы, прежде всего феодальная знать, широко пользовались медной чеканной утварью и привозной фарфоровой и фаянсовой посудой. В бедных же семьях утварь состояла главным образом из деревянных и керамических предметов. Ложки и вилки делались из дерева. Постепенно, по мере укрепления международных связей и особенно после присоединения Дагестана к России, сюда проникли привозная посуда и другие предметы домашнего обихода.

Декоративное искусство

На территории Дагестана во второй половине XIX в. продолжают бытовать локальные школы по художественной обработке металла, камня, дерева, ковроделию, гончарному производству и другим видам народных промыслов. В этих очагах сохраняются и развиваются индивидуализированные художественные формы.

И это явление вполне закономерно. Надо учитывать, что территория Дагестана, его природно-географические и экономические условия мешали широкому обобщению и единению образов. Однако широкое распространение определенных художественных форм уже началось в конце XIX и начале XX в.

В конце XIX в. территория Дагестана по насыщенности художественных промыслов занимает первое место на Северном Кавказе.

Характерно, что в конце XIX в. в тех селениях, которые окончательно специализировались по определенным видам художественных промыслов, уже выделились отдельные мастера-профессионалы. На развитие народного декоративного искусства начинает оказывать влияние личность мастера.

Все это способствовало сильному развитию дагестанского орнаментального искусства и профессиональных навыков. На этом новом этапе мастер ставит перед собой новую задачу. Он стремится покрыть орнаментом всю поверхность предмета. В форме предмета и в орнаменте его декоративная сторона берет верх над функциональной. И орнамент и художественная форма приобретают некоторую экспрессию. Уже ушло в прошлое то время, когда красивым считался спокойный узор, предельно органично связанный с конструктивной логикой вещи, всецело ей подчиненный, как и

пропорции самого предмета. У мастеров второй половины и конца XIX в. художественная форма не совсем подчинена функциональной стороне создаваемой вещи. А к последним годам XIX в. в этом отношении мастер часто теряет чувство меры. Отмеченная выше характерная черта особенно хорошо прослеживается в орнаментике изделий народных мастеров конца XIX в. в подавляющем большинстве точно датированных.

В дагестанском орнаментальном искусстве начиная с эпохи средневековья бытуют четыре типа орнамента: повествовательный, геометрический, ленточный и растительный. Во второй половине XIX в. эти типы орнамента, кроме повествовательного, хорошо локализируются в определенных районах территории Дагестана. Так, растительный орнамент широко распространен в кубачино-даргинском нагорье. Он встречается в металлообработке, в резном камне и дереве. Геометрический орнамент распространен в южнотабасаранском резном дереве и камне. Ленточный орнамент широко бытует в Северном Табасаране, в частности в резном дереве и камне. Такое явление безусловно надо считать результатом влияния отмеченной выше узкой специализации отдельных селений по определенному виду художественных промыслов.

Особую роль в развитии орнаментального искусства дагестанцев сыграли в этот период такие очаги камнерезного искусства, как селения Уллуая, Бакни, Судбук на территории даргинцев; селения Чох, Обох, Ругуджа на территории аварцев; селения Кумух у лакцев; селения Костек, Андрей-аул у кумыков. Такое же значение имеют в развитии деревянной резьбы во второй половине XIX в. такие селения, как Хурик и Харац в Табасаране, селения Инхело, Голотль, ругуджинские и куядинские хутора в Аварии; даргинские селения у верховья р. Уллучая (общество Каттаган).

Самыми значительными центрами оружейного дела и ювелирного искусства во второй половине XIX в. были Кубачи, Кумух, Унцукуль. Бесперывным потоком отправлялось в это время в центральные города России (особенно в Петербург и Москву) дагестанское оружие, богато украшенное серебром и позолотой: шашки, пистолеты, кинжалы. Ими снабжались целые гвардейские части и отряды русской армии. Имена некоторых дагестанских мастеров были известны Александру II.

Дагестанские шашки, кинжалы, пистолеты теперь покрываются роскошным узором по всей поверхности ручек и ножен. Увеличивается выпуск парадного оружия, большую роль стало играть золото и насечка по железу, слоновой кости. Все больше распространяется сочетание в одной работе различных видов техники, композиционных схем, моти-

вов, материалов. Вводятся вороненое железо, слоновая кость, рог, перламутр, эмали.

Узор измельчается, но отмеченное сочетание позволяет мастеру выделять в композиции орнамента основные мотивы. В орнаменте все еще сохраняется сдержанность, цельность. Создаются классические образцы кубачинского орнаментального искусства. В ювелирном искусстве широко применяются зернь, филигрань, цветные стекла, скань и перегородчатая эмаль.

Во второй половине XIX в. расширяется производство ковров. Ковровое производство развивается теперь не только у лезгин и табасаранцев. В Аварии ткут двусторонние безворсовые ковры «туруты». У лакцев распространяется производство валяных узорных войлоков, у кумыков производятся «арбабаши» с врезанным, вшитым узором (селения Казаниша, Дженгутай, Эрпели, Кумторкала). В сел. Тлярата ткуются шерстяные циновки.

Весьма заметно оживляется в рассматриваемый период гончарное ремесло. В Балхаре по традиции продолжают больше насыщать орнаментом верхнюю половину и «лицевую» сторону сосудов. Продолжает применяться ангобированная роспись. Широко используется темно-красная ангоба с различными оттенками и белая ангоба.

Балхарская керамика выходит на широкий общедагестанский рынок. В орнаментации изделия заметно стремление уплотнить или обогатить узор, стремление к большому разнообразию мотивов геометризованного абстрактного узора. Характерны жирные линии, сплошная заштриховка. Сулевкентские мастера развозят свои изделия в кумыкские села, в Чечню и другие районы Северного Кавказа. Сулевкентцы применяют в декоре лепнину вместе с поливой (глазурь цветная и бесцветная), рельефный узор чередуется с росписью.

Своеобразное развитие и специфичные художественные формы наблюдаются в лепной глиняной орнаментике на фасадах и внутри жилища

§ 2. ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА

В XIX в. дальнейшее развитие получает устное поэтическое творчество народов Дагестана. События XIX в. обогатили все жанры фольклора: героические сказания, исторические и лирические песни, сказки, анекдоты, пословицы и поговорки.

Наибольшего расцвета достигли исторические песни, с особенной яркостью отразившие героические события в жизни горцев. Они содержат богатый материал об острой

социальной борьбе, политических конфликтах, военных столкновениях. В них народ дает свою оценку действительным фактам, событиям.

В исторических песнях нашли отражение события и факты периода русско-кавказской войны, восстания 1877 г. и антифеодальной борьбы. Ярко воспеты в них героизм, воинская слава, боевые дела, любовь горцев к своему краю, отчому дому. Высокий патриотизм в этих песнях переплетается с социальным обличением феодалов, представителей духовенства.

События первой четверти XIX в. описываются в исторических песнях аварцев «О разорении Мехтуллы», даргинцев «Про поход Ермолова в Акушу в 1819 г.», лаксов «О Курахской битве» и т. д. Композиционно эти песни состоят из двух частей. Первая часть — повествование о событиях, реальных явлениях. Вторая часть содержит эмоциональный элемент и выражает отношение певца, исполнителя, к погибшим героям. Песни перечисляют подвиги, дела реально существовавших лиц и повествуют о конкретных исторических событиях. Эпически величаво даны образы героев, защищающих крепость (песня «О Курахской битве»), отстаивающих хосрехские укрепления (песня «О битве 1820 года у селения Хосрех»).

Мужеству горцев противопоставлена жестокость неприятелей, разрушающих селения, уничтожающих все живое. Главнокомандующий царскими войсками на Кавказе генерал Ермолов выступает в горских песнях как обобщенный тип жестокого завоевателя, врага-захватчика. О его злодеяниях «народная память сохранит молву до тех пор, пока мир не разрушится» («Про поход Ермолова в Акушу в 1819 г.»).

Особенно много исторических песен о борьбе горцев Дагестана и Чечни под руководством Гази-Мухаммеда, Гамзатбека, Шамиля. Таковы аварские песни — «Поход Гази-Мухаммеда в Хунзах», «О погибших в Тарках», «Устаз из Яраги», «О взятии Ахульго», «О взятии Чоха», «О боях за Салты», даргинские песни — «Вуршлинский бой», «Гибель хунзахских князей», «Убиение Гамзата», лакские песни — «Шамиль», «Песня, сложенная девушкой из Турчи в год пленения Шамиля» и др. Некоторые песни посвящены храбрым наибам Шамиля — Хаджи-Мурату, Бук-Магомеду (аварская песня «О Хаджи-Мурате из Хунзаха», кумыкская песня «О Хаджи-Мурате», лакская песня «Хаджи-Мурат в Аксае», даргинская и лакская песни «О Бук-Магомед-Казикумском»).

В XIX в. появляются народные произведения об исторических событиях, авторство которых уже можно установить. Так, Магомед-беком из Гергебиля была сочинена поэма «Пленение Шамиля», посвященная последним событиям

Кавказской войны. Это первая историческая песня, авторство которой установлено точно. Произведение создано после окончания Кавказской войны. Автор поэмы — участник многих сражений горцев — взволнованно рассказывает о последних событиях войны, стремится выявить причину поражения Шамиля. Среди исторических песен периода Кавказской войны встречаются и такие, в которых отразилось мировоззрение феодалов и их приближенных. Таковы песни «Гибель хунзахских князей», «Убиение Хамзата», «Шайх и Аглар», в которых осуждаются действия руководителей восставших горцев.

В середине XIX в. в фольклоре горцев особенно заметно прослеживается антифеодалная тема. Так, в период правления последнего казикумухского хана — Аглара у лаксов было сложено много преданий о жестокости, коварстве и разгульной жизни Аглара. О зверском отношении хана к женщинам рассказывается в песне «Курклинские девушки», о жестокости по отношению к обездоленным — в произведении «Песня Камы». Другая лакская песня, «Давди из Балхара», повествует о коварстве хана, заманившего к себе любимца Балхара Давди и отравившего его. Проклиная хана и его приближенных, народ оплакивает последние минуты страдающего Давди и его смерть. Глухой протест против хана, звучавший в этой песне, обретает ясные очертания в другой лакской песне — «Песня Шагумилава Ильяса».

По композиции, изложению событий особое место в фольклоре народов Дагестана занимают кумыкские исторические песни — «Дели Осман из Аксая», «О Казбеке», «Об Абдуллатипе». В отличие от аварских, даргинских, лакских исторических песен здесь не указываются исторические события, послужившие причиной возникновения данных произведений. Главное внимание сосредоточивается здесь на описании поведения героя в исключительно тяжелых обстоятельствах. В песне «Дели Осман из Аксая» дан образ мужественного и смелого любимца народа — Дели Османа. Он схвачен царской администрацией по наущению местных богачей и должен быть сослан в Сибирь. Дели Осман смело идет на лишения и невзгоды, презирает опасность.

Целый цикл исторических песен посвящен событиям второй половины XIX в., в частности самоотверженной борьбе горцев против колониальной политики царизма. Значительная часть исторических песен этого периода посвящена событиям 1877 г. Таковы аварские песни «О сожжении аула Согратль», «О Джават-хане», лакские — «Оборона Цудахара», «О восстании 1877 г.», «О Джафар-хане» и др. В этих произведениях воспеваются мужество, отвага повстанцев, оплакиваются погибшие, рассказывается о горестях и печа-

лях простых горцев, потерявших родных и близких в этой борьбе, рисуются картины разорения и уничтожения целых аулов.

События 1877 г. послужили причиной появления многочисленных лирических песен, составляющих цикл песен о неволе. В центре песен о неволе стоит образ героя, угнанного в Сибирь царскими сатрапами. Часть песен о неволе возникла по мотивам переписки участников восстания 1877 г., сосланных в Сибирь, с их родственниками, оставшимися дома. Песни о неволе описывают мрачную тюремную обстановку. Узник жаждет обрести волю. Он уподобляет себя вольной птице, посаженной в клетку, волку, заваленному обвалом. Нередко узник предстает в песнях как сирота-одиночка. У него нет родных, брата, жены, детей. В известной лакской песне «Что за пыль на дороге» узников сравнивают с птицами, у которых сломанные крылья. Часть песен о неволе построена в форме обращения узника к друзьям с просьбой проведать его родных и передать о нем весточку.

Уход горцев на заработки в XIX в. послужил причиной появления нового цикла лирической поэзии — песен об отходниках. Их можно разделить на две категории: песни, которые создавались родственниками и близкими людьми отходников, и песни самих отходников, находящихся вдали от родных мест. Для песен об отходниках характерна тема разлуки. Лирический герой в них — девушка. В песне, построенной в форме обращения к отходнику, девушка давала клятву свято сохранить любовь и верность возлюбленному. Она просила его в знак преданности взять с собой ее шаль, глаза и сердце, умоляла вернуться поскорее, не терзать ее душу и выражала надежду на скорую встречу в родном ауле. Песни отходников разрабатывали тему тяжелой жизни людей вдали от родины. Задавленный и приниженный нищетой, отходник шлет проклятия миру, где нет справедливости. Он протестует против социального неравенства и называет свою жизнь «каторгой»:

Вор сидит шесть месяцев,
А убийца — шесть лет.
О кустарь, за что же ты
Всю жизнь на каторге?..

В XIX в. значительно расширяется круг песен, затрагиваются вопросы социального неравенства. Рисую обездоленное положение бедняка, его незавидную долю, нищенское существование, с одной стороны, и обеспеченную и пресыщенную жизнь людей наживы, эксплуататоров, феодалов, представителей духовенства — с другой, песни протестуют против социального неравенства, несправедливости. Презре-

ние к людям наживы и к богатству, накопленному нечестным путем, — характерная черта песен этого цикла. Народ проклинал таких людей и противопоставлял им образ героя, благородного, честного, мужественного, располагающего к себе всех обездоленных тружеников, бедняков.

В XIX в. продолжают бытовать прозаические жанры устного народного творчества горцев. Так же, как и раньше, широко распространены сказки — о животных, волшебные и бытовые. Проникновение капиталистических отношений в Дагестан, социальное расслоение аула во второй половине XIX в. дают толчок развитию жанра бытовых сказок. Возникают новые бытовые сказки о богатом и бедном, о торговцах, об отходниках, о царских чиновниках. В них народ смеется над глупым богачом, жадным торговцем, осуждает несправедливых царских чиновников, превозносит бедняка, труженика. Как классовые враги простых горцев выступают и представители духовенства. Антирелигиозная струя в дагестанском фольклоре со второй половины XIX в. заметно усиливается.

Представители народа в произведениях фольклора горцев превосходят служителей религии умом, находчивостью, деловитостью, трудолюбием.

Большое место в фольклоре горцев занимает анекдот. Насреддин, Заллал-Киши, Кара-Гиши, Акул-Али — излюбленные персонажи дагестанских анекдотов, остроумные весельчаки, добродушные по отношению к простому люду, злоязычные и едкие, когда речь идет о представителях господствующего класса («Каждый горец под своей папайхой герой», «Самая большая радость Акул-Али» и др.). В многочисленных анекдотах высмеивается скупость, жадность мулл («Ошибка в кринке»), ложные клятвы («Баран муллы») и т. д.

По следам исторических событий в XIX в. складываются предания. Многие предания посвящены Шамилю и его храброму наibu Хаджи-Мурату, другие повествуют о действиях отдельных отрядов горцев против врага, о защите аулов, о борцах, поднявших голос протеста против гнета местных феодалов, о зверствах и жестокостях последних ханов, беков. Обычно предания строятся на основе достоверных фактов, которые народная фантазия окружает ореолом романтики и героики. Отсутствие летописей происходивших событий (за исключением некоторых хроник того времени) делает этот материал исключительно ценным.

Афористический жанр устного народного творчества горцев пополняется пословицами и поговорками, возникшими вместе с другими жанрами фольклора в XIX в. Это прежде всего антирелигиозные пословицы. В них нет ни одного положительного образа представителя духовенства.

В образе муллы воплощены самые низменные человеческие качества. Он — носитель всего отрицательного. Мулла нечестен, жаден, упрям, безнравствен («Подал руку мулле, проверь кольцо: цел ли камень», «Глухому не страшно, мулле не стыдно», «Самое упрямое животное — мул, самый плохой человек — мулла», «Легко стать муллой, труднее стать человеком»).

Пословицы и поговорки — свод этических норм и моральный кодекс горцев. Одни пословицы воспевают мужество, любовь к родине, мятежный дух, свободолюбие, независимость («Отважный — воевать, трусливый — торговать», «Побежденный снова рвется с победителем бороться», «Чем без чести жить-корпеть, лучше с честью умереть», «Коль близок враг, то битва вернее, чем молитва», «Скамья недорогая, но ты — на ней; корона золотая, но ты — под ней»).

Развитие капиталистических отношений, стремление к наживе и богатству во второй половине XIX в. могли породить следующие пословицы: «И недруг — брат твой, если ты богат, а если беден — брат тебе не брат», «Глупец к богатству мира стремится, мудрец — к познанию мира». Среди отходников могли возникнуть пословицы: «В родной долине лучше прахом быть, чем на чужбине падишахом быть», «Твой край и твой сад — твой рай и Багдад».

Творческая энергия народов Дагестана долгое время проявлялась преимущественно в сфере устного поэтического творчества. На протяжении многих веков фольклор горцев был единственной формой познания и образного отражения действительности.

Период становления и расцвета дагестанской национальной письменной литературы — XIX век. В письменной художественной литературе преобладала поэзия, которая развивалась в двух направлениях: светском и феодально-клерикальном. До конца XIX в. эта литература бытовала исключительно в рукописной форме и распространялась любителями — переписчиками книг. Старательные, скромные переписчики и переплетчики, мастера своего дела, писали книги ясным, изящным почерком и не оставляли о себе никаких сведений. Переписанные книги ценились очень дорого, так как этот труд отнимал много времени, порой несколько лет. Наряду с рукописными книгами местных авторов имели хождение рукописные книги арабских, персидских, турецких поэтов, филологов, философов и богословов.

Вместе с рукописной светской художественной литературой развивалось и устное творчество поэтов-профессионалов. Из фольклорной среды вырастают певцы, приобретающие известность своей индивидуальной творческой манерой исполнения и создания произведения. Все эти поэты были одновременно и певцами. Их книгой и печатным станком

являлась народная память, которая и сохранила до наших дней жемчужины поэзии этих певцов. В XIX в. создавала свои произведения целая плеяда прославленных дагестанских поэтов. Немногие из них оставили после себя записанные произведения. Большинство же произведений сохранилось в памяти народа.

Родоначальником кумыкской поэзии считается Ирчи Казак. Родился он в 1830 г. в Муслим-ауле в семье бедного землепашца Татар-хана. Он недолго учился у аульского муллы. Нужда вынудила его пойти работать на землях шамхала. В эти годы он начинает складывать песни и петь под собственный аккомпанемент на агач-комузе. С юных лет Ирчи Казак приобрел широкую известность как поэт-импровизатор. Его стали приглашать на свадьбы, праздники. Услышав о его таланте, шамхал приглашает его к себе. Ирчи Казак становится придворным поэтом шамхала и выступает перед знатью.

Ирчи Казак рано познал подневольный труд и в своих ранних песнях отразил страдания народа. В «Песне погонщика волов на пахоте» он говорит: «Чужую землю пашем на равнине... мученья мы неслыханные терпим». Бессилие бедняка перед богатым, бесправное, униженное положение труженика находит отражение в его песнях. Он посвящает песни размышлениям о достоинстве и чести и превозносит чувство собственного достоинства простого горца, прославляет неумущих храбрецов, позорит «высокородных» богатых трусов.

Тот не мужчина, кто голову прячет,
Если он видит беду над собой,
Тот не мужчина, кто ноет и плачет,
Если кончается гибелью бой...
Словно скакун, по вершинам летящий,
Словно клинок, беспощадно разящий,
Если живет в тебе дух настоящий,
Гордым и сильным должен ты быть!

Находясь при дворе шамхала, Ирчи Казак воочию убедился в ничтожестве и низости властителей и их приближенных. Он подвергает «знатнейших по крови» язвительному смеху. Знать не простила ему таких вольностей, и, когда Ирчи Казак принял участие в похищении для своего друга Атабая любимой им девушки-рабыни из дворца шамхала, он подвергся преследованию и был сослан в Сибирь. Настроения Ирчи Казака противоречивы. Он то надеется вызвать сострадание у своих преследователей, обращается с просьбой о заступничестве к жене шамхала, княгине Райханат, то с отвращением говорит: «Мне у ханов прощенья просить неохота». В своеобразных стихотворных письмах-

посланиях — «Как я мог предвидеть коварство ханов», «Осень голубая, как марал», «Письмо из Сибири», — созданных в годы ссылки, он описывает бесправное положение народа. Здесь, в ссылке, Казак ощущает себя одним из многих, к кому так беспощадна жизнь.

Ирчи Казак вернулся домой в 1861 г. На Кумыкскую плоскость в этот период уже проникли капиталистические отношения. Богатство, денежный мешок стали мерилom человека. Труженик остался так же бесправен, как и раньше. Разрушение вековых понятий о чести, достоинстве поразило Ирчи Казака. Он видит ложь и фальшь современного ему общества, в его произведениях появляются нотки критики социальной несправедливости. Расширение кругозора поэта приводит к появлению сатирических произведений в его творчестве. В пору наибольшего расцвета своего таланта Ирчи Казак был предательски убит,

Прославленный лезгинский поэт Етим Эмин родился в 1838 г. в ауле Ялджух в семье кадия. Обучался у арабиста Ага-мирзы-Эфенди. Етим — буквально «сирота», «обездоленный» — псевдоним поэта. Етим Эмин был образованным для своего времени человеком, писал на трех языках: лезгинском, азербайджанском, арабском. К концу жизни Эмин впал в большую нужду и, не отличаясь крепким здоровьем еще с детства, тяжело заболел. Он умер в 1884 г.

Первые произведения Эмина — любовная лирика. В своих стихах он любит красоту и благородство женщины, выступает против многоженства. Он стремится проникнуть в духовный мир любимой. Образы его героинь многообразны и даны в традиционном восточном стиле. Творчество Эмина проникнуто мотивами личных невзгод. Вместе с тем он глубоко сочувствует труженику, описывает его горести и думы. В зрелый период своего творчества Эмин создает стихи философского характера. Усиление национально-колониального гнета царизма, тяжелое положение бедноты в условиях унижающей достоинство человека феодальной эксплуатации вызывают у Эмина слова протеста.

Личное горе, тяжелая болезнь, жизненные невзгоды, сопровождавшие поэта до самой смерти, не сломили волю Эмина. Хотя его предсмертные стихи — это крик о помощи, боль измученного сердца, он не чувствует себя одиноким, ибо «не видящих света в мире тоже немало». Поэзия Етима Эмина оказала огромное влияние на всю последующую лезгинскую лирику. Он внес в лезгинское стихосложение разнообразные размеры стиха, новые ритмы и форму.

Очень популярным даргинским поэтом был Батырай-Омар-оглы. Он родился в 1831 г. в сел. Урахи в семье нукера. Батыраю достались от отца небольшой надел земли, пара быков и конь. Труд на этом клочке земли не принес

ему достатка. Всю жизнь Батырай оставался беден. Он полюбил Аминат, девушку из влиятельного рода. Но родные не хотели отдать ее за простого землепашца. Батырай увез любимую тайком и только через год добился согласия на брак. Умер Батырай в 1902 г. в Ая-Махи.

Складывать песни Батырай начал с пятнадцати лет. Он стал известен как певец-импровизатор и искусный игрок на чунгуре. В творчестве Батырая ясно прослеживается три цикла песен: героические, любовные и бытовые. Батырай-Омар-оглы создает эпический образ стойкого героя, бесстрашного, волевого бунтаря. Независимость и смелость, честность в дружбе и презрение к трусу, любовь к родине и равнодушие к смерти, сочувствие к угнетенному и ненависть к врагу, к угнетателю воплотились в образе его безымянного храбреца.

Герой Батырая сказочно величав: в тени его оружия укрывается целое войско, и грудь его коня служит надежной защитой каравану. Поэт рисует трагическую судьбу героя, бросившего вызов царским порядкам:

...Кремневку точит ржа,
Конь хороший в западне.
А прославленный храбрец
Сослан в царскую Сибирь.

Значительное место в творчестве Батырая занимает любовная лирика. И здесь он очень близок к народной поэзии. Его любовные песни — своеобразный вызов обществу, ревностным блюстителям адата. Батырай часто разъезжал по аулам, слагал стихи на пирушках и, по свидетельству современников, никогда не повторял спетого один раз. В цикле стихов «О жизни» Батырай выступает как умудренный жизненным опытом горский земледелец. Он стремится к воле, к свободе. Ему претит жадный богач, перед которым приходится кланяться.

Современник Батырая даргинский певец Сукур Курбан (1848—1922) всю жизнь провел в скитаниях. От рождения слепой, Сукур Курбан выступал на различных праздниках, состязаниях. В своих произведениях он поднимает проблемы социального неравенства и свободы чувств. В его стихах виден протест против душливой атмосферы царского самодержавия. Выступая против произвола богачей и бесправия своего народа, он зовет народ к свободе. В произведении «Бедная девушка» горянка обличает социальную несправедливость, осуждает существующие порядки. Устами горянки Тамары певец проклинает хана, мать, родившую «такого мерзавца», отца, воспитавшего жестокого и коварного сына. Неравный брак и свобода любви — лейтмотив замечательной

поэмы «Проданная Меседу». Вопреки воле дочери отец и мать Меседу выдают ее замуж за старого хана. Меседу не хочет мириться с этим и уходит к своему возлюбленному, бросая вызов обществу.

Мастер-златокузнец Мунги Ахмед (1843—1915) родился в знаменитом ауле народных умельцев Кубачах. Как и многие другие золотых дел мастера, он в поисках заработка побывал во многих странах. Бывал он и во Франции. Среди своих земляков Мунги Ахмед прославился как певец. Он обладал хорошим голосом, и ни один праздник на селе не обходился без его участия.

Мунги Ахмед известен как поэт, который записывал свои песни поперек священных сур в Коране. Когда местный мулла объявил его «осквернителем священной книги крамольными песнями», Мунги Ахмед заклеил его песней, осуждающей служителей мечети. В творчестве Мунги Ахмеда большое место отведено образу ремесленника. Сам мастер-ювелир, Мунги Ахмед воспел труд гравера, ювелира. Порой его стихи окрашены грустными тонами. Тяжела жизнь отходника вдали от дома, но на родине даже хороший златокузнец живет впроголодь. «Шесть лет работы на чужбине, а с семьей только шесть дней» — такова жизнь отходника. В своих произведениях Мунги воспевает женщину Дагестана. Восхищение нравственной чистотой горянки, возвеличение ее добродетелей — доброты, честности, целомудрия — одна из тем стихотворений Мунги Ахмеда.

Тема отходничества поднимается и в творчестве другого дагестанского поэта, Мухаммеда Гаджиева (1826—1898). До нас дошли очень немногие образцы его творчества, но и по ним мы можем судить о Гаджиеве как о сложившемся поэте. Одна из тем его творчества — любовная лирика.

Широкой популярностью у современников пользовался аварский поэт Магомед Эльдарилав (1855—1882). Он родился в сел. Ругуджа. Учился в ауле Батлаич, затем — в Чохе. По преданиям, Эльдарилав полюбил дочь чохского наиба и из-за нее был отравлен. По другим версиям, влюбившаяся в него девушка по совету знахарей дала ему «присушку», которая оказалась ядом.

Эльдарилав — первый аварский поэт, который считал занятие литературной деятельностью достойным всяческого уважения. Он всегда сам исполнял свои стихи и этим объяснял свою популярность. В своем творчестве он проводит идеи равенства, верности в любви. Любовь поэта к жизни, ко всему земному, к земным радостям и гордость за свою профессию певца — вот что привлекает в его стихотворениях. Правда, поэт не поднялся до прямого протеста против социального неравенства, но противоречия тогдашней жизни нашли объективное отражение в его творчестве.

Большой популярностью среди своих современников пользовался аварский поэт Тажутдин (Чанка) (1866—1908). Мать его Хатун была известной исполнительницей причитаний и певичей. Тажутдин учился у известных арабистов аулов Унцукуль, Ирганай, Ашильта, Чиркей. Он стал учителем медресе в родном ауле. Тажутдина называют «учителем Махмуда», так как прославленный впоследствии поэт Махмуд из Кахаб-Росо учился у него.

Тажутдин хорошо знал устное народное творчество. Мать сумела привить сыну любовь к поэзии, и он рано познал красоту песни. Первое его произведение — «Гулишат» было посвящено возлюбленной из соседнего аула Ках. Он подписал его своим первым именем Чанка.

Произведения Тажутдина были рассчитаны не на пение, а предназначались для чтения, что знаменует собой новый этап развития художественного творчества горцев во второй половине XIX в. Тажутдин вводит в аварскую литературу новый жанр — элегию. Вобрав в свои стихотворения все ценное, что было в народных произведениях — плачах. Тажутдин создал произведения, полные глубокой лиричности и душевных переживаний.

Интересные страницы в дагестанскую поэзию XIX в. вписали женщины-горянки — Анхил Марин и Патимат из Кумуха, посвятившие свое творчество любовной лирике.

Большое место среди поэтов Дагестана занимает Махмуди Курклинский (1860—1912). В своих стихотворениях Махмуди Курклинский высмеивает служителей культа, представителей чиновничьего аппарата царской администрации. Поэт видит высокомерие, чванство представителей господствующей верхушки и делает их объектом едкой иронии в своих произведениях.

В конце XIX в. в Дагестане творила целая плеяда поэтов — Магомед-Эфенди Османов, Юсуп Муркелинский, Гасан Алкадари, Гасан Гузунов и др. Их отличает высокий уровень образования, знание многих восточных и русского языков. Эти поэты побывали в разных странах, городах, видели жизнь других народов и стремились посеять у себя на родине семена просвещения. Много сил они отдали организации школ и введению светского образования. Для них характерна широта интересов, знание философии, природоведения, астрономии, географии, этнографии, фольклора, восточной классики. В их стихах сильнее, чем у других поэтов, заметны элементы дидактики, морали.

Конец XIX — начало XX в. характеризуется ростом народного самосознания, приобщением горцев к культуре русского народа. Возникает печатная литература. Но устная лирика еще долго остается выразителем души народа, его эстетической школой.

В литературе начала XX в. нашли свое отражение общественно-политическая борьба, рост классового самосознания масс. Видным представителем дагестанской поэзии этого периода был Махмуд из Кахаб-Росо (1873—1919). Вынужденный покинуть родину, Махмуд длительное время скитался по Закавказью. В годы первой мировой войны он участвовал в карпатском походе русских войск. В этот период Махмуд пишет свою известную поэму «Мариам». Махмуд из Кахаб-Росо известен как поэт-лирик. В талантливых, полных ярких образов и сравнений стихах и песнях Махмуд горячо ратовал за право горской женщины на свободное человеческое существование, поднимал свой голос против патриархальных устоев в семейных отношениях. Песни Махмуда близки устному народному творчеству и до сих пор популярны в народе. Однако издание произведений Махмуда было осуществлено лишь после установления Советской власти в Дагестане.

Тяжелая, беспросветная жизнь горцев дореволюционного Дагестана, в частности лезгин-отходников, нашла отражение в творчестве Гаджи Ахтынского (ум. ок. 1914 г.). Гаджи Ахтынский долгое время работал на нефтяных промыслах в Баку и на себе испытал тяготы жизни рабочего-нефтяника до революции. О жизни рабочих, об их борьбе против эксплуататоров и рассказывал в своих стихах поэт-рабочий.

Крупнейший дагестанский поэт — «Гомер XX в.» — Сулейман Стальский (1869—1937) начал слагать стихи в зрелом возрасте. Но уже в ранний период творчества С. Стальский выступает как подлинный выразитель и защитник интересов горской бедноты, из среды которой вышел и сам поэт. В стихах, относящихся к 1909—1917 гг., — «Слово о мулле Рамазане из аула Векеляр, торговавшем в голодный год гнилой кукурузой», «Судьи», «Муллам», «Муллы», «Купцы-чиновники», «Погибни, старый, мертвый мир!» — поэт клеймит невежественных, ленивых, жадных мулл, наглых купцов, чиновников, продажных судей, рассказывает о горькой доле трудящихся при царизме.

Призывно звучат слова стихотворения С. Стальского:

Проспись, трудящийся народ!
Нас время грозное зовет —
Зовет, чтоб мы бойцами стали.

К 90-м годам XIX в. относится начало творческой деятельности другого виднейшего представителя дагестанской поэзии, народного поэта Дагестана Гамзата Цадасы (1877—1951). Уже в первых произведениях Цадасы звучат социальные мотивы. В «Стихах о харчевне» поэт зло высмеивает местного торгаша, открывшего харчевню, чтобы разбогатеть путем обмана крестьян. Обличительно звучит концовка

стихотворения, направленная против сельской верхушки, наживающейся за счет обмана и эксплуатации бедняков:

К чему мне богатство, добытое всюду,
Где подлость царит, где неволя тяжка?
Завидовать мелкой душонке не буду,
Что нагло жиреет за счет бедняка.

В предреволюционные годы происходит перелом в сознании Г. Цадасы, он отказывается от своего духовного сана. Этот перелом нашел отражение в творчестве поэта. Цадаса выступает с рядом произведений, в которых обличает реакционное духовенство. В стихотворении «Дибир и хомяк» (1915 г.) Г. Цадаса зло высмеивает жадность духовенства, его паразитический образ жизни.

Всего известно более полутора десятков стихотворений, созданных Г. Цадасой до 1917 г.

В первые годы XX в. начал свой творческий литературный путь Саид Габиев (1882—1963), известный не только как поэт и публицист, но и как автор ряда исторических исследований. С. Габиев писал стихи, еще будучи учеником ставропольской гимназии. В годы первой русской революции Габиев переводит на лакский язык русские революционные песни «Замучен тяжелой неволей», «Похоронный марш». Видный дагестанский просветитель и революционер в стихах дореволюционных лет гневно обличает царизм, зовет трудящихся-горцев к борьбе за свободу, против социального и национального угнетения.

В стихотворении «Когда бы...» (1909 г.) поэт писал:

Сгори дотла, Романовых господство!
Когда бы до того я дожил дня,
Чтоб стало ты добычею огня!

В 1907—1917 гг. С. Габиевым были написаны также стихотворения: «Джейран», «Весна», «Друзьям», «Поэту», «Подмастерье», «Горные потоки» и многие другие, вошедшие впоследствии в сборник его произведений, вышедший в 1927 г. под названием «Звуки лакской чунгури». Ряд произведений Саида Габиева, в том числе его повести и рассказы, были опубликованы на страницах издававшейся им в Петербурге в 1912—1913 гг. газеты «Заря Дагестана».

К концу первого десятилетия XX в. относятся первые известные произведения замечательного даргинского поэта-сатирика Азиза Иминагаева (1885—1944). В стихах дореволюционного периода А. Иминагаев в острой сатирической форме разоблачал мулл-туняядцев, высмеивал их жадность и обжорство, гневно осуждал продажных судей-взяточников. Картину полной лишений жизни рабочего до революции рисует поэт в стихотворении «Жизнь рабочего» (1911 г.).

Кумыкский писатель-просветитель Нухай Батырмурзаев (1880—1919) — автор повестей «Несчастливая Хабийбат» (1910 г.), «Давуд и Лайла» (1912 г.) и «Гарун и Зубайдат, или несчастная Джанбике» (1914 г.) — призывает дагестанцев к просвещению, обучению в школах девушек-горянок. В 1916 г. он вместе с сыном Зейналабидом создает просветительский литературно-театральный кружок под названием «Танг Чолпан» («Утренняя звезда»). Позднее, в 1917 г., Н. Батырмурзаев начал издавать журнал под тем же названием.

Еще в дореволюционные годы пришли в литературу видные представители дагестанской советской поэзии — народные поэты Дагестана А. Магомедов, Т. Хурюгский, а также Рабадан Нуров, Гарун Саидов и многие другие. Однако их произведения, так же как и произведения других дагестанских поэтов до революции, за редким исключением, не могли увидеть света. Они становились достоянием масс главным образом путем изустной передачи, так как переписывать их могли немногие. Существовавшая с 1902 г. в Темир-Хан-Шуре типолитография до революции издавала в основном книги религиозного характера. Исключение составляли упомянутые выше повести Н. Батырмурзаева и отдельные произведения некоторых других авторов.

§ 3. НАУКА

Коренные социально-экономические и политические изменения, происшедшие в Дагестане в XIX в., имели огромное влияние на развитие научной мысли в стране.

После 60-х годов, с окончанием военных действий в крае, создались особенно благоприятные условия для приобщения народов Дагестана к передовой русской культуре. На смену ученым, воспитанным в традициях арабоязычной литературы, приходят ученые, получившие образование в русских светских школах и находившиеся под сильным влиянием русской и европейской науки.

Нередко ученые Дагестана обладали весьма разносторонними научными интересами, занимаясь изучением одновременно естественных и гуманитарных наук. Многие из них в то же время занимались и литературной деятельностью.

Среди известных нам ученых первое место по праву принадлежит Мухаммеду Тахиру ал-Карахи. Известный арабист, историк и правовед Мухаммед Тахир ал-Карахи получил образование в местной мусульманской школе и совершенствовал свои знания у алимов Дагестана. В течение ряда лет он был кадием в различных обществах Аварии, затем пять

лет служил секретарем Шамиля. Свой основной труд он посвятил движению под руководством Шамиля и завершил его в 1856 г. Источниками «Хроники» Мухаммеда Тахира служили не личные впечатления автора, а устные рассказы самого Шамиля и окружающих его лиц.

Сочинение Тахира пользовалось большой популярностью. Многочисленные списки ходили по рукам почти во всем Дагестане. В конце XIX в. труд Тахира стал известен и русским кавказоведам, которые сделали попытку перевести и издать его. Но царская цензура, зачислив «Хронику» в разряд крамольных мусульманских книг, запретила ее издание.

Можно без преувеличения сказать, что «Хроника» Мухаммеда Тахира является одним из ценнейших источников, наиболее полно освещающих борьбу горцев Дагестана и Чечни в первой половине XIX в. Однако, отмечая несомненные достоинства труда Тахира, нельзя забывать, что автор излагает события в свете взглядов руководителей движения.

Мухаммед Тахир является также автором свыше десяти поэтических произведений, написанных на арабском языке и в основном посвященных той же борьбе горцев.

В 1870 г. Мухаммед Тахир составил записку об основах отчуждения собственности по назру, обнаружив глубокое знание мусульманских юридических сочинений.

Другой крупный ученый Дагестана — Довлет Мирза Шихалиев родился в 1811 г. в сел. Эндрей, где и провел большую часть жизни, занимаясь научной деятельностью. Его основная работа — «Рассказ кумыка о кумыках» — посвящена изучению происхождения кумыков, их истории, кумыкско-русским взаимоотношениям. В работе широко освещаются хозяйство и быт, общественный строй, классовые и сословные отношения в Кумыкии. Даже в наши дни труд Шихалиева не утратил своей научной ценности.

Большой вклад в дагестанскую науку внес языковед М. Хандиев. Образование он получил в Аварии. Изучил арабоязычную литературу и восточные языки. Здесь же он стал изучать русский язык. Был преподавателем аварского языка и составил руководство по аварскому языку. Одновременно он выучился свободно говорить и писать по-русски, составил для аварского языка азбуку и хрестоматию. «В ней, — отмечает П. К. Услар, — много переведено с русского, между прочим, весьма удачно сказка Пушкина о золотой рыбке».

Разносторонне образованным для своего времени человеком был и Абдулла Омаров. Родился он в сел. Куркли. Первоначальное образование получил в Казикумухе. Затем совершенствовал свои знания у различных алимов. Однако полученное образование не удовлетворяло юношу. Он ясно

понял преимущества светского образования, которое давалось в русской школе.

Вопреки желанию отца А. Омаров поступил в русскую светскую школу в Темир-Хан-Шуре, где изучил русский язык и ознакомился с русской культурой. А. Омаров оказал большую помощь П. К. Услару в изучении лакского языка и составлении лакской азбуки на основе русской графики.

В 1867 г. в «Сборнике сведений о кавказских горцах» А. Омаров издал два этнографических очерка: «Воспоминания муталима» и «Как живут лаки», в которых дал описание материальной и духовной культуры, быта и нравов лаков и подверг резкой критике примечетские школы и ханское управление.

Следует особо подчеркнуть, что данная А. Омаровым критика местного мусульманского духовенства и ханского управления тесно связана с его общественно-политической деятельностью, подчинена интересам экономического и культурного сближения Дагестана с Россией и просвещения народа. Кроме того, А. Омаров собрал и издал в своем переводе на русский язык «Казикумухские (лакские) народные сказания» и перевел с арабского на русский несколько трудов дагестанских ученых.

Известным этнографом и фольклористом был Айдемир Черкеевский. Он родился в сел. Черкей в семье Амирхана — известного поэта и богослова и сподвижника Шамиля. Айдемир обучался у отца и других известных в то время богословов. После подавления движения горцев он поступил на русскую военную службу в Темир-Хан-Шуру, где изучил русский язык. С 1863 г. он помогал П. К. Услару в изучении аварского языка, в составлении аварской азбуки на основе русской графики и грамматики аварского языка. С 1865 г., когда была открыта школа в Хунзахе, А. Черкеевский стал преподавателем этой школы. Он был одним из активных пропагандистов русской культуры в Дагестане и системы обучения Услара и много сделал для сбора и популяризации фольклора аварцев. Им были собраны и изданы аварские песни, сказки и басни.

Крупным деятелем национальной культуры был и Магомед-Эфенди Османов. Он родился в сел. Аксай в богатой семье. Отец его был кадием мусульманского эскадрона в Петербурге. В 1860 г. Магомед-Эфенди Османов стал служить эфендием лейб-гвардии Кавказского эскадрона в Петербурге. Здесь он усовершенствовал свои знания в арабском и тюркских языках, упорно изучал также русский язык. В 1872 г. он был приглашен в Петербургский университет для чтения курса лекций по мусульманскому законоведению. В Петербургском университете он сблизился с видными русскими ориенталистами: уроженцем Дербента М.-А. Казим-

беком, Н. Березиным, К. Смирновым, В. Розеном, которые оказали огромное влияние на формирование мировоззрения Османова. Будучи преподавателем Петербургского университета, М.-Э. Османов неоднократно выезжал на Кавказ для сбора этнографического материала. Этот материал лег в основу сборника ногайских и кумыкских народных песен, изданного в 1883 г. в Петербурге. Имеются также сведения о том, что М.-Э. Османовым были опубликованы и подготовлены к изданию и другие научные труды. Но, к сожалению, они все еще не обнаружены. Перу М.-Э. Османова принадлежит целый ряд поэтических произведений, в которых он отстаивает идеи просвещения и гуманизма.

Разносторонними, широкими знаниями в различных областях науки обладал и Гасан-Эфенди Алкадари, прославившийся далеко за пределами Дагестана. Алкадари получил хорошее образование. Он изучил грамматику арабского языка, поэтику, логику, философию, математику, астрономию и другие науки. Кроме родного лезгинского языка он владел арабским, персидским, турецким, азербайджанским, кумыкским и русским. «Я мечтал учиться в Стамбуле, — писал Г.-Э. Алкадари, — чтобы усвоить европейские науки и расширить свой кругозор. Но смерть отца и связанные с этим материальные трудности вынудили меня согласиться с предложением начальника Кюринского округа работать его секретарем».

Заподозренный в участии в восстании 1877 г., Алкадари был выслан в Тамбовскую губернию. Через четыре года после амнистии 1883 г. Алкадари вернулся из ссылки на родину и открыл в сел. Алкадари школу, где стал преподавать историю, географию, математику, астрономию и другие науки.

Разносторонний ученый и просветитель, Г.-Э. Алкадари оставил большое научное наследие, но самым фундаментальным его исследованием является «Асари Дагестан», который, по словам акад. В. В. Бартольда, «написан не без таланта и содержит много ценных сведений, особенно по части новой истории Дагестана».

Опираясь на сведения, почерпнутые из различных источников, в том числе и русских, Г.-Э. Алкадари умело изложил историю Дагестана с древнейших времен до середины XIX в. Кроме того, перу Г.-Э. Алкадари принадлежат сочинение автобиографического характера «Диван ал-Мамнун» и философский труд «Джираб ал-Мамнун». Эти произведения Г.-Э. Алкадари оказали известное влияние на развитие научной мысли Дагестана. Г.-Э. Алкадари сотрудничал в газете «Экинги», редактируемой выдающимся азербайджанским демократом Гасан-беком Зардиби. В своих статьях и корреспонденциях, опубликованных в «Экинги», он выступал

آثار داغستان المحروسة

بِاسْمِ فَلَاقِ الْاَرْضِ وَالسَّمَاءِ رَبَّنَا الرَّحْمَانُ بِهَادِي الرَّحْمَا
اِبْتَدَى تَأْلِيْفًا مَا اَضْمَرْتُهُ هَامِدًا لِلَّهِ فِيمَا اَنْعَمَ
مُسْتَعِينًا مِنْهُ فِي اِتْمَامِهِ بِحَسْبَمَا قَدْ يَرْضِيهِ الْعُلَمَاءُ
اِنَّهُ سُبْحَانَهُ نِعْمَ الْوَكِيْلُ عِلْمَ الْاِنْسَانِ مَا لَمْ يَعْلَمَا
خَصَّ بِالْتَوْفِيْقِ مِنْهُمْ فِرْقَةً فَارْتَقَوْا نَحْوَ الْمَعَالِي سَلَمًا
وَاتَّقَضَ عَدْلٌ لَهٗ اِبْتِغَاءً ثُمَّ بَعْضُ اَهْلِ الْجَهْلِ فِي هَالِ الْعَمَى
فَهْوُ قَاطِنٌ عَادِلٌ فِي ذَاوَدَا جَلَّ فِي اَحْكَامِهِ اَنْ يَظْلِمَا
اَرْسَلَ الرَّسُلَ الْكِرَامَ الْاَعْجَبَا لِلوَرَى حَتَّى الْاِمَامَ الْخَاتَمَا
اَحْمَدَ الْمُخْتَارَ خَيْرَ الْاَنْبِيَا مِنْ رَمَى ذَلِكَ عَنْهُ اِذْ رَمَى
صَلِّ يَا رَبِّي عَلَيْهِمْ وَعَلَى اٰلِهِمْ وَالتَّابِعِيْنَ الْكِرِمَا
وَاعْقُ وَارْحَمْ عَبْدَكَ الْمُنْمُوْنَ مَعِ مَنْ يُوْجِبُهُمَا اِلَيْهِ اِنْتُمَا
رَبِّ وَاشْرَحْ صَدْرَهُ وَاَهْلَلْ لَهٗ عَقْدَةً كَمَا يَنْفَعُهُمَا مَارْتَمَا
اَمَّا بَعْدُ بِنْدَةِ حَقِيْرَتِ الْاَلْعَدَارِ الْدَاغِسْتَانِي ابْنِ الْمَرْحُوْمِ

١ مَعْدَةُ حَقُوْرِكَ تَخْلِيْصًا

страстным пропагандистом русской культуры и русского языка, ратовал за просвещение народа.

Научно-исследовательских учреждений в Дагестанской области не существовало. Правда, в самом конце XIX в. был учрежден Дагестанский областной статистический комитет, деятельность которого ограничивалась в основном сбором и обобщением статистических материалов для ежегодных обзоров Дагестанской области. Заслугой статистического комитета явилась организация библиотеки, в которой были сосредоточены ценные издания по Кавказу и Дагестану. Существовавшие в 16 населенных пунктах области метеорологические станции имели скорее практическое значение, чем научно-исследовательское. Метеорологические станции вели наблюдения за погодой и сообщали полученные данные вышестоящим метеорологическим учреждениям.

Научно-исследовательскую работу в области проводили главным образом приезжие экспедиции по заданию тех или иных научных учреждений, а также по инициативе отдельных ученых-энтузиастов. Большой вклад в изучение Дагестана вносили русские ученые. Их исследования охватывали такие области науки, как история, языкознание, антропология, этнография, биология, геология, энергетика. Благодаря исследованиям русских ученых в начале XX в. был выявлен ряд новых месторождений полезных ископаемых, и прежде всего таких, как нефть и газ, обоснована возможность практического использования богатых гидроресурсов Дагестана. В изучение природных богатств Дагестана в начале XX в. большой вклад внесли видные русские исследователи К. И. Богданович, Н. И. Кузнецов, Д. В. Голубятников и К. Л. Калицкий. Следует, однако, подчеркнуть, что исследовательские работы в Дагестане до революции проводились sporadически, без определенной системы. Практическое использование результатов исследований в условиях господства буржуазно-помещичьего строя и колониальной политики царизма было крайне ограничено.

Заслуживает быть отмеченной плодотворная научная деятельность в Дагестане в начале XX в. Е. И. Козубского (1851—1911), автора многих насыщенных богатым фактическим материалом исторических исследований. Около 30 лет проработал Козубский преподавателем истории и географии Темирханшуринского реального училища и одновременно являлся (с 1899 г.) секретарем Дагестанского областного статистического комитета. К числу наиболее значительных работ Козубского относятся «Очерк истории города Темирхан-Шуры», «История города Дербента», «История Дагестанского конного полка», два выпуска (1902 и 1904 гг.) «Дагестанского сборника» и работы по истории Темирханшуринского реального училища. Козубский являлся также

основным автором ежегодных (с 1892 г.) «Обзоров Дагестанской области» и «Памятной книжки — адрес-календаря Дагестанской области», содержащих ценный справочный материал о Дагестане конца XIX — начала XX в.

Человек консервативных политических воззрений, Козубский не мог быть, конечно, объективным в оценке исторических фактов. В своих трудах он восхвалял колониальную политику царизма, оправдывал эксплуатацию трудящихся. Тем не менее фактический материал, обобщенный в составленных им «Обзорах», «Сборниках» и других работах, служит ценным источником для изучения истории и этнографии Дагестана. Многого сделал Козубский для популяризации исторических, этнографических и других материалов о Дагестане. Он явился автором ряда статей по истории Дагестана в журналах «Русский архив», «Русская старина» и «Исторический вестник».

В начале XX в. появился также ряд исследований по этнографии и истории, написанных местными авторами, получившими образование в русских учебных заведениях. В 1906 г. была издана работа «Лаки, их прошлое и быт» С. И. Габиева (1882—1963). Это первая в исторической литературе попытка последовательно осветить историю лакского народа с древнейших времен до начала XX в. Опираясь на многочисленные литературные и частично на архивные материалы, а также народные предания и сообщенные отдельными лицами сведения, автор подробно рассматривает многие вопросы быта и материальной культуры лаков. Много места в работе уделяется политической истории лаков, их совместной с другими народами Дагестана борьбе против ирано-турецких завоевателей. Несомненный интерес представляют страницы, посвященные характеристике общественного строя лаков в XVIII и XIX вв. Молодой автор, ставший вскоре видным просветителем и революционером, С. Габиев уже в этом раннем труде обнаружил незаурядный литературный талант, а главное, свое критическое отношение к угнетателям и симпатии к обездоленным горским трудящимся. Его перу принадлежит и ряд других работ, а именно: брошюра «Арабы, ислам и арабо-мусульманская культура», статьи в различных периодических изданиях (1910—1914 гг.), в которых подвергались критике горские адатные суды, разоблачалась система так называемого военно-народного управления.

Широкую известность получили этнографические исследования Башира Далгата (1870—1934). Круг научных интересов Б. Далгата не ограничивался рамками дагестанской тематики. Он собирает и обобщает фольклорный и этнографический материал о чеченцах, ингушах и других народах Северного Кавказа. Наряду с такими работами по Даге-

стану, как «Цудахарские песни», «Материалы по обычному праву даргинцев» (последняя работа осталась неизданной), Б. Далгат написал ряд исследований о других народах Кавказа: «Первобытная религия чеченцев», «Страничка из Северокавказского богатырского эпоса», «Материалы по обычному праву ингушей», представляющих большую ценность для изучения фольклора и обычного права кавказских горских народов.

Б. Далгат сотрудничал во многих центральных и кавказских периодических изданиях. Он, в частности, печатался в журнале «Этнографическое обозрение», газетах «Русская жизнь», «Кавказ», «Северный Кавказ», «Каспий» и др. Человек высокого образования и широкой эрудиции, Б. Далгат поддерживал дружеские отношения с видными русскими учеными — М. М. Ковалевским, В. Ф. Миллером, а также такими прогрессивными деятелями конца XIX — начала XX в., как осетинский поэт К. Хетагуров, грузинский поэт Казбеги.

В конце XIX — начале XX в. был опубликован ряд этнографических и краеведческих статей Д. Б. Бутаева (1867—1931). Многие из них посвящены описанию хозяйства, быта и обрядов лаков на основе главным образом народных преданий и собранных самим автором материалов. К числу наиболее ценных работ Бутаева относятся «Грамотность в горах Дагестана», «Свадьба лаков», «Дорога из Кумуха в Гуниб через Чох» и «Верхний Гуниб и гунибская березовая роща». В последних двух работах автор с любовью и превосходным знанием дела описывает природу родного края. Д. Бутаев показывает хозяйственное значение дороги Кумух—Гуниб, дает краткие, но весьма интересные сведения о заповедных рощах.

Как и Б. Далгат, Д. Бутаев печатался в ряде периодических изданий: журнале «Этнографическое обозрение», в газетах «Дагестанские областные ведомости», «Каспий».

§ 4. ПРОСВЕЩЕНИЕ

С присоединением Дагестана Россия предприняла ряд мер, объективно способствовавших развитию культуры народов Дагестана. И среди них в первую очередь заслуживает быть отмеченным открытие в области светских школ. Правда, правительство, открывая школы, ставило целью подготовку послушных прислужников самодержавия, готовых верой и правдой служить царизму.

Вместе с тем открытие светских школ и создание в связи с этим возможности для молодежи страны гор обучаться в русской средней и высшей школе имело огромное прогрессивное значение. Первым учебным заведением, открытым

правительством в Дагестане, было Дербентское городское училище на 35 мест, основанное в 1837 г. Численность воспитанников, обучавшихся в училище, росла очень медленно и к 1848 г. составила 57 человек. Однако и среди них почти не было выходцев из нагорного Дагестана. Не обучались горцы и в основанных еще в 1842 г. училищах Петровска и Низового. Поэтому решено было открыть в Дербенте специальное мусульманское училище на 60 мест. Об открытии училища было оповещено в округах, и уже в мае 1849 г. в Дербент для поступления в училище прибыло 20 представителей даргинцев, табасаранцев, аварцев, кумыков и других народностей Дагестана. В декабре 1849 г. в училище обучались 64 человека, из которых 34 по собственному желанию кроме арабского изучали русский язык. Но в последующие годы число воспитанников Дербентского мусульманского училища сократилось: в 1854 г. в училище обучалось всего 20 человек. Такое положение военный губернатор объяснял отдаленностью Дербента и жарким климатом, который «удаляет желающих к постоянному учению, так что редкий ученик, пробыв в школе один год, приходит и на другой». В связи с этим в январе 1855 г. мусульманское училище в Дербенте было переведено в Темир-Хан-Шуру.

В середине XIX в., согласно принятому в 1836 г. положению о военных школах кавказской армии, было решено открыть ряд школ для детей офицеров и чиновников в Темир-Хан-Шуре, Дешлагаре и Кусарах. В 1856 г. была открыта школа в Темир-Хан-Шуре, которая вскоре же в связи с переводом Апшеронского полка была переведена в укрепление Ишкарты. В том же 1856 году по инициативе И. С. Костемеровского была открыта школа при Дагестанском конном полку. Весть об открытии школы быстро распространилась в Дагестане и вызвала огромный приток желающих поступить учиться. Естественно, не все желающие могли попасть в школу: контингент обучающихся был весьма ограничен, и в самые лучшие времена число их не превышало 30. Учащиеся в школе обучались русскому языку, чистописанию, арифметике, пению, начальным сведениям по истории и географии, знакомились с принципами изготовления бумаги, стекла, устройства железных дорог, книгопечатания и т. д.

В 1859 г. в укреплении Ахты по инициативе Лебединского была открыта сельская начальная школа, «в которой учились горские мальчики». Но эта школа просуществовала недолго, и в начале 1861 г. в связи с отъездом из Ахтов Лебединского она была закрыта.

В начале 60-х годов кавказская администрация приступила «к более широкой организации дела образования горцев». В 1861 г. на основании составленного в 1859 г. «Устава

горских школ» в Темир-Хан-Шуре была открыта окружная трехклассная школа, в состав которой вошло и мусульманское училище. За время существования горская школа в среднем имела 75 учеников.

В 1874 г. Темирханшуринская окружная городская школа была преобразована в прогимназию на 142 ученика с подготовительным и первым классами. С открытием третьего и четвертого классов число обучавшихся в 1879 г. достигло 227. В 1880 г., после неоднократного обращения жителей области, кавказская администрация преобразовала Темирханшуринскую прогимназию в шестиклассное реальное училище.

В 1861 г. была открыта школа в Ахтах на 44 и в Кумухе на 15 воспитанников, среди которых в год открытия обучалась одна женщина. С 1870 г. до конца XIX в. в городах и селах области были открыты одноклассное начальное училище грамотности и ремесел в Порт-Петровске, двухклассное мужское и одноклассное женское училища в Чир-юрте, женская прогимназия в Темир-Хан-Шуре, преобразованная в 1897 г. в гимназию, Дербентская женская прогимназия, преобразованная в гимназию, женское училище в Хасавюрте, городское училище в Дербенте, двухклассное училище в Касумкенте, одноклассные училища в Аксае, Костеке, Карабудахкенте, Хунзахе и нескольких других аулах, двухклассные училища в Дешлагаре, Кумухе, Маджалесе и др. Всего в 1900 г. в области насчитывалось 28 городских и сельских учебных заведений, из них два средних, в которых обучалось 2093 мальчика и девочки. Из общего числа учащихся лишь 48% составляли горцы. Все это говорит о том, что сеть учебных заведений в области, хотя и очень медленно, все же из года в год возрастала. Кроме того, начиная с 60-х годов XIX в. для детей «почетных горских семей» Дагестана были открыты вакансии в учебных заведениях вне области. В 1866 г. для горцев Дагестана была открыта вакансия в ставропольской гимназии. Со времени открытия вакансий по 1890 г. в ставропольскую гимназию было отправлено 124 уроженца Дагестана.

В 1868 г. 15 вакансий были открыты в Бакинском реальном училище. Согласно имеющимся данным, в течение 10 лет в Бакинское реальное училище было принято 47 уроженцев Дагестана. С конца 60-х годов XIX в. дети «почетных горцев» принимались в высшие учебные заведения Москвы, Петербурга, Харькова и других крупных городов России.

Развитие капитализма вширь втягивало колониальные окраины в сферу общероссийских экономических отношений, нивелировало местные особенности, способствовало ликвидации былой национальной замкнутости.

Этот процесс сопровождался дальнейшим усилением колониальной эксплуатации трудящихся окраин и национального гнета. Царизм вынужден был считаться с развивающимися капиталистическими отношениями и в интересах господствующих классов пойти на некоторое увеличение бюджета на просвещение. С конца XIX в. под влиянием развивающегося капитализма и давлением передовых общественных сил царское правительство несколько расширило школьную сеть и на национальных окраинах империи. Открывая школы в присоединенных окраинах, царизм рассчитывал подготовить из представителей имущих классов этих окраин опору самодержавия и с ее помощью еще более усилить колониальный гнет.

Однако царизм, будучи верным своей антинародной политике в области просвещения, всячески препятствовал подъему культуры России, особенно ее национальных окраин.

Даже представители царской администрации вынуждены были признать, что функционирующие в Дагестанской области школы могли охватить лишь самое незначительное число горцев, желающих получить образование. И поэтому огромному большинству горцев отказывали в приеме в сельские училища. С еще большими трудностями сталкивались горцы при определении своих детей в среднюю и высшую школу. Как правило, туда принимались лишь дети «влиятельных» и «почетных» горцев.

«Четыре пятых молодого поколения, — подчеркивал В. И. Ленин в 1913 г., — осуждены на безграмотность крепостническим государственным устройством России»¹.

По данным первой всеобщей переписи России 1897 г., грамотное население Дагестана составляло всего 9,2%. В конце XIX в. в Дагестанской области имелось всего 26 школ, из них 14 в городах с 1403 учащимися и 12 — в сельской местности с 493 учащимися. На каждые 1000 жителей в Дагестане приходилось трое учащихся, а одна школа — на 25 тыс. человек.

Самодержавное военно-феодальное государство отпускало на нужды просвещения гроши и главную тяжесть содержания школ перекладывало на плечи трудящихся, и без того обремененных налогами и изнурительными повинностями. В 1898 г. на содержание учебных заведений Дербента царским правительством было ассигновано всего 1435 руб. В то же время содержание городской тюрьмы обошлось государству в 4718 руб.

В начале XX в. на нужды просвещения в Дагестане царским правительством отпускалось в среднем 13,5 коп. на

¹ В. И. Ленин, *К вопросу о политике Министерства народного просвещения*, — Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 127.

душу населения. В 1905 г., например, на содержание всех сельских школ Дагестана было израсходовано из государственного бюджета всего 12 тыс. руб.

Мизерные средства, отпускавшиеся на просвещение, обусловили убогую материальную базу дагестанских школ. В начале XX в. около 70% школ Дагестанской области размещалось в непригодных зданиях. Во многих сельских школах отсутствовало учебное оборудование, ощущался острый недостаток самого необходимого хозяйственного инвентаря. Плачевное состояние школ вынужден был признать и попечитель Кавказского учебного округа, посетивший осенью 1912 г. учебные заведения области.

Колонизаторская политика царизма в области школы и просвещения ярко проявлялась в игнорировании родных языков дагестанских народностей. Запрет, введенный царским правительством в 1867 г., оставался в силе, и в дагестанских школах родные языки не преподавались. Обучение велось только на русском языке. Об алфавитах, созданных на русской графической основе известным лингвистом П. К. Усларом еще в 60-х годах XIX в. для обучения детей Дагестана на родных языках, было забыто.

В начале XX в. в Дагестанской области имелись только две средние школы: реальное училище и женская гимназия в Темир-Хан-Шуре. В них обучалось 520 учащихся. Детей горцев в средних школах было очень мало. В Темирханшуринском реальном училище к началу 1900 г. обучалось всего 64 дагестанских горца, или 18,7% общего количества учащихся училища. Незначителен был процент учащихся из местных национальностей и в городских начальных школах.

Основной причиной малочисленности учащихся из местных народностей в средних школах являлась высокая плата за обучение. Только состоятельные семьи могли содержать своих детей в городе и платить за их обучение. Из-за недостатка вакансий за государственный счет детям бедняков отказывали в приеме в средние школы.

В 1900 г. один из местных авторов писал в журнале «Этнографическое обозрение», что Темирханшуринское реальное училище «закрывает свои двери более $\frac{3}{4}$ горцев, жаждущих образования».

В сельских школах обучение было бесплатным. Но основная тяжесть строительства зданий, содержания школ ложилась на плечи трудового населения. Оно должно было снабжать школу топливом, содержать сторожа, выполнять ряд повинностей. К тому же колониальная политика царизма вызывала в горцах известное недоверие ко всему русскому, в том числе к русской школе. Это недоверие усиливалось и стремилось использовать в своих интересах мусульманское духовенство, являвшееся врагом светского образования.

Несмотря на тяжелое экономическое положение, трудящиеся-горцы в целом положительно относились к русской школе. Малочисленность контингента учащихся в русских сельских школах объясняется главным образом ограниченными возможностями малокомплектной школы, трудностью для громадного большинства населения обучать и содержать детей в другом селении. Накануне первой русской революции русские школы имелись лишь в 20 наиболее крупных аулах Дагестана. Общежитий или интернатов при них не существовало, что не могло не ограничить приток учащихся из других селений.

Особенно мало школ было в таких округах, как Аварский, Андийский и Самурский. В каждом из этих округов, насчитывавших от 33 до 70 тыс. населения, к 1912 г. функционировало всего по две школы, что позволяло охватить обучением в среднем лишь 1—1,5% детей школьного возраста.

В статье «К вопросу о политике Министерства народного просвещения» (1913 г.) В. И. Ленин указывал, что «нет более злого, более непримиримого врага просвещения народа в России, чем российское правительство»². До 1908 г. на нужды народного образования всего Кавказа государственной казной отпускалось 784,5 тыс. руб., из которых на долю Дагестанской области с ее 680-тысячным населением приходилось всего 23,8 тыс. руб. Даже официальные представители царского правительства на Кавказе вынуждены были признать такой приток средств на нужды народного образования «крайне слабым».

В период нового революционного подъема, напуганное революционным движением народных масс царское правительство вынуждено было пойти на уступки, что нашло свое отражение в некотором расширении сети начальных школ в Дагестанской области. Так, в 1912 г. в Дагестане было открыто 9 новых школ, в 1913 г. — 19. К 1915 г. число школ в области достигло 93, в том числе в сельской местности — 60. Всего в школах области в этом году обучалось 7092 учащихся, из них в школах сельской местности — 2212.

В 1915 г. одна школа приходилась в Дагестанской области на 7,5 тыс. населения, а в сельской местности — более чем на 10,5 тыс. Обученным во всех русских школах было охвачено в этом году всего лишь около 5% детей школьного возраста. Особенно мало обучалось в школах девочек. В школах сельской местности девочки составляли в 1915 г. всего 14% общего количества учащихся.

Средних школ по-прежнему было крайне мало, и они имелись только в городах. В сельской местности имелись

² Там же, стр. 133.

только начальные (одноклассные и двухклассные) училища. И лишь незадолго до Великой Октябрьской социалистической революции Кумухское двухклассное начальное училище было преобразовано в высшее начальное училище с продолжительностью обучения семь лет.

Программы дагестанской начальной школы ограничивались узкими рамками элементарного курса по русскому языку и математике (одноклассное училище) и краткими сведениями по истории, географии и естествознанию (двухклассное училище). В то время как родной язык был изгнан из программ школьного обучения, чиновники Кавказского учебного округа внимательно следили за преподаванием закона божьего и мусульманского вероучения. Эти дисциплины считались наиболее важными и занимали значительное место в учебном плане школы.

На работе школ и прежде всего качестве знаний учащихся отрицательно сказывалась недостаточная специальная и общеобразовательная подготовка учителей, особенно сельских. Учителей из местных народностей было крайне мало. Большинство их составляли лица, окончившие одноклассное или двухклассное начальное училище и педагогические курсы. В начале 900-х годов только в трех сельских школах Дагестана работали местные учителя, окончившие учительскую семинарию. Даже в 1912 г. около 40% учителей сельских школ Дагестана не имели специальной подготовки.

Материальное положение учителя дагестанской школы было очень незавидным. «Россия, — писал В. И. Ленин в 1913 г., — бедна, когда речь идет о жалованье народным учителям. Им платят жалкие гроши. Народные учителя голодают и мерзнут в неотапливаемых и почти нежилых избах. Народные учителя живут вместе со скотом, который крестьяне зимой берут в избу. Народных учителей травит любой урядник, любой деревенский черносотенец или добровольный охранник и сыщик, не говоря уже о придирках и преследованиях со стороны начальства»³. Эта ленинская характеристика вполне применима и для оценки положения учителя дореволюционной дагестанской школы.

Осенью 1912 г., совершив инспекторскую поездку по Дагестану, попечитель Кавказского учебного округа наметил так называемый «план дальнейшего распространения народного образования в Дагестанской области». Этот «план» предусматривал учреждение в области самостоятельной дирекции народных училищ, с разделением ее на три инспекторских района, открытие школ в аулах с населением свыше тысячи человек, преобразование некоторых одноклассных

³ Там же, стр. 129.

училищ в двухклассные. Намечалось также приступить к учреждению девяти высших начальных училищ (по одному на округ), изыскать средства к открытию ремесленных отделений в школах и открыть в первую очередь на земские средства общежития при некоторых сельских школах. Но даже этот куций план не был проведен в жизнь. В 1914 г. из 56 начальных училищ, функционировавших в сельской местности, только шесть являлись двухклассными. В четырех округах вовсе не было двухклассных училищ, не говоря уже о высших начальных училищах, открытие которых намечалось «планом» попечителя учебного округа.

Характеризуя состояние школьного образования в Дагестане в рассматриваемый период и оценивая значение русских школ, следует иметь в виду их классовую направленность, помнить, что царское правительство смотрело на эти школы как на орудие осуществления своей русификаторской политики. Старая школа была призвана готовить верных слуг самодержавия и господствующих классов. В то же время для Дагестана, где до присоединения к России не существовало светской школы, русские школы, вопреки намерениям и воле царского правительства, сыграли большую объективно прогрессивную роль. Несмотря на ограниченность программ и большие пороки в работе, дореволюционная русская школа стояла неизмеримо выше школ религиозных, давала учащимся полезные знания и навыки. В этих школах дети горцев усваивали русскую грамоту, русский язык, служившие основным средством приобщения местного населения к передовой русской культуре.

Прогрессивная роль русской школы в жизни горцев этим не ограничивалась. Она сыграла положительную роль в формировании и росте местной, хотя и немногочисленной, интеллигенции, в развитии передовой общественной мысли в Дагестане. Революционные идеи, все глубже проникавшие в школу, оказывали влияние и на горских юношей, учившихся как в средних школах Дагестана, так и особенно в учебных заведениях центральных городов России.

Один из видных дагестанских революционеров, М. М. Хизроев, писал, что сочинения Писарева, Чернышевского, Добролюбова создали в нем такое настроение, что он, будучи еще учеником ставропольской гимназии, стал критически относиться к правительству в целом и его учреждениям в частности.

В 1905—1907 гг. учащиеся некоторых средних школ Дагестанской области живо откликнулись на революционные события в стране. В эти годы в отдельных учебных заведениях, в частности в Дербентском реальном училище и Дербентской женской гимназии, имели место забастовки учащихся.

В начале XX в. в Дагестане появились первые школы с профессиональным уклоном. В 1904 г. в Дербенте была открыта школа садоводства с подготовительным отделением. Школа содержалась в основном на средства городского общественного управления. Государственная же казна отпускала на содержание школы всего 3500 руб. в год. В школу принимались дети в возрасте от 14 лет, окончившие курс двухклассных сельских училищ. Обучение общеобразовательным дисциплинам сочеталось с практическими занятиями в области садоводства, огородничества и виноградарства. Окончившему курс Дербентской школы садоводства выдавался аттестат на звание «обученного садовника и винодела».

В 1905 г. в Дагестанской области (г. Порт-Петровск) открывается вторая специальная школа — электротехническое училище. Цель училища состояла в подготовке квалифицированных электротехников, которые могли бы работать в качестве инженеров или их помощников при электрических станциях. Курс обучения в Порт-Петровском электротехническом училище был трехлетний. Оно давало довольно широкий круг специальных знаний в области электричества, телефонно-телеграфного дела.

Единственное в области специальное среднее учебное заведение было доступно лишь местной эксплуататорской верхушке. И это не только потому, что лишь небольшая часть дагестанской молодежи могла иметь тогда необходимый образовательный ценз. Основным препятствием к поступлению в училище служила высокая плата за учение — 200 руб. в год. Весной 1909 г. электротехническое училище, сделавшее к этому времени всего два выпуска, было переведено в Харьков, так как содержание училища за счет бюджета Порт-Петровска оказалось невозможным.

Спустя шесть лет, в 1911 г., в Темир-Хан-Шуре была открыта низшая ремесленная школа, которая должна была готовить грамотных подмастерьев по слесарно-кузнечному и столярному делу.

В 1900 г. при Порт-Петровском городском училище для подготовки учителей начальной школы были открыты одногодичные педагогические курсы. В 1911 г. они были преобразованы в двухгодичные.

Такие же курсы «для туземцев Дагестанской области» в 1909 г. открылись в Темир-Хан-Шуре. Педагогические курсы подготовили для начальных школ Дагестана несколько десятков учителей. В частности, эти курсы окончили такие известные в республике работники народного образования, как Саид Омаров (ныне Заслуженный деятель науки ДАССР и Заслуженный учитель школы РСФСР), Хайрулла Гаджиев (Заслуженный учитель школы РСФСР), Мирза Темирханов.

Гадис Гаджиев и многие другие, посвятившие себя еще в тяжелые годы царизма трудной, но благородной профессии народного учителя.

Наряду с русскими школами в Дагестане и в начале XX в. продолжали существовать религиозные мусульманские школы — мектебы и медресе, а также горско-еврейские школы при синагогах. Накануне Октябрьской революции в Дагестанской области насчитывалось 1700 мечетей, более 740 мусульманских и 20 горско-еврейских школ, охватывавших 7,5 тыс. учащихся. Дагестан не без основания считался поставщиком духовенства для всего Восточного Кавказа.

Мектебы, являвшиеся школами низшего типа, имелись почти в каждом ауле. Для открытия этих школ не требовалось официального разрешения властей. Оно зависело в основном от наличия учащихся и преподавателя. В этих школах детей обучали арабской грамоте, правилам богослужения и некоторым догмам Корана. «Можно сказать, что в Дагестанской области нет почти ни одного селения, — говорится в обзоре области за 1913 г., — в котором при мечети у кадия или муллы не обучалось бы арабскому языку от трех до пятнадцати учеников. Едва ли где-либо в мусульманском населении Кавказа до такой степени развито изучение арабского языка и духовной литературы на этом языке, как в Дагестане».

Медресе считались школами повышенного типа и имелись лишь в нескольких десятках наиболее крупных селений. В медресе поступала незначительная часть лиц, окончивших мектебы. В этих школах изучались катехизис, арабская грамматика, логика, курс мусульманского права. Окончившие медресе получали, как правило, духовное звание (кадия, муллы), некоторые из них занимали должности писарей при участковых и окружных управлениях, в судах и т. д.

Как и в XIX в., единых программ для религиозных школ не существовало. Метод преподавания, сводившийся к механическому заучиванию, приводил к тому, что для овладения арабской грамотой учащиеся должны были учиться в этих школах много лет. Образовательное значение религиозных школ было ничтожно. Духовенство воспитывало детей в духе религиозного фанатизма, подчинения воле господствующих классов. В мектебах широко практиковалось телесное наказание учащихся, которое невежественные муллы рассматривали как средство воспитания дисциплинированности и прилежания.

Почти ничем не отличались методы преподавания и в горско-еврейских школах при синагогах. Разница была лишь в том, что в последних изучались не мусульманские, а иудейские религиозные догмы. Обучение велось в этих школах на древнееврейском языке.

Проникновение капиталистических отношений на окраины царской России в последней четверти XIX в. отразилось и на развитии школьного образования. Под влиянием развивающегося капитализма на мусульманских окраинах возникает течение, выступающее за реформу мусульманской школы. Суть этой «реформы» сводилась к тому, чтобы, сохранив в основе религиозное содержание обучения, ввести в мусульманских школах преподавание светских дисциплин. Это была своеобразная попытка приспособить религиозную школу к потребностям новых производственных отношений, интересам нарождающейся местной буржуазии.

В отличие от старых примечетских религиозных школ новые школы стали называться новометодными. В Дагестане новометодные школы не получили широкого распространения, и возникшие в начале XX в. «школы нового типа», по свидетельству официальных властей, «мало чем отличались от мечетских». В 1908 г. в области имелось 8 новометодных школ, причем все они находились в Темирханшуринском округе. В этих школах обучалось 586 учащихся, из них 118 девочек. Во всех новометодных школах работали 16 учителей, которые не имели специальной подготовки и обучали своих питомцев умению читать и писать по-арабски (в некоторых школах и по-турецки), а также четырем действиям арифметики.

Колонизаторская политика самодержавия ярко проявлялась и в развитии печати. Издательское дело в начале XX в. было сосредоточено в пяти типографиях, функционировавших в городах и области и почти не приспособленных к печатанию больших работ. В них печатались ежегодные обзоры Дагестанской области (приложения к отчету военного губернатора), а также отдельные работы по истории и этнографии, главным образом труды Е. И. Козубского.

После организации в 1902 г. типолитографии в Темирхан-Шуре стали печататься книги на некоторых дагестанских (аварском, даргинском, кумыкском, лакском) языках; в подавляющем большинстве это были издания религиозного содержания. В 1913 г., например, Темирханшуринская типолитография выпустила всего 16 названий книг тиражом 26 тыс. экз.

Заметную роль в развитии культуры народов Дагестана, как и всех народов Кавказа, сыграла периодическая печать («Тифлисский листок», «Кавказ», «Голос Кавказа», «Каспий» и др.), сборники («Сборник сведений о кавказских горцах», «Кавказский сборник», «Сборник для описания местностей и племен Кавказа», «Кавказский календарь») и многие другие издания.

«С прошлого года в Тифлисе издается газета «Кавказ», — писал В. Г. Белинский, — значение которой неопределимо важ-

но в двух отношениях: с одной стороны, это издание, по своему содержанию столь близкое сердцу даже туземного народонаселения, распространяет между ними образованные привычки и дает возможность грубые средства к рассеянию заменить полезными и благородными; с другой стороны, газета „Кавказ“ знакомит Россию с самым интересным и наименее знакомым ей краем, входящим в ее состав. Верная своему специальному назначению, эта газета вполне достигает своей цели: ее содержание — неистощимый магазин материалов для истории, географии, статистики и этнографии Кавказа».

Эта характеристика великого критика с полным основанием может быть распространена и на другие вышеуказанные издания. Как и в газете «Кавказ», в них печаталось множество статей о жизни, быте и историческом прошлом горских народов Кавказа. Так же как и «Кавказ», они знакомили русского читателя с народами Кавказа и способствовали распространению среди местного населения научных знаний и культуры. Правда, число подписчиков на периодическую прессу в Дагестане было незначительным, но тем не менее многие сведения из печати, передаваемые из уст в уста, получали самое широкое распространение.

В начале XX в. в связи с общественно-политическим подъемом в стране в Дагестане усиливается интерес к периодической печати. Некоторая часть либеральной буржуазии, стремившаяся направить это общественно-политическое движение в нужное ей русло и отстоять свои интересы, пытается создать свои органы печати. Отражением этого стремления явилась газета «Дагестан», которая начала выходить в феврале 1906 г. в Порт-Петровске. Натолкнувшись на препятствие со стороны местной черносотенной реакции, газета в 1907 г. прекратила свое существование.

Еще меньше просуществовала газета «Дагестанский вестник», которая начала выходить в 1907 г. в Дербенте. Эта газета была призвана выражать интересы приспособляющегося к условиям капиталистического развития местного дворянства. Она не пользовалась популярностью. Не сумев собрать подписчиков, газета в том же году закрылась.

С 1909 г. в Темир-Хан-Шуре начали выходить «Дагестанские областные ведомости» — официоз администрации области, а с 1913 г. — еженедельная газета «Дагестан» на арабском языке, которая по своему содержанию мало чем отличалась от «Ведомостей».

Большой популярностью среди горцев пользовалась первая дагестанская прогрессивная газета «Заря Дагестана», издававшаяся в 1912—1913 гг. в Петербурге С. И. Габиевым. Газета имела в Дагестане и за его пределами сеть корреспондентов и сотни подписчиков. Она получала мате-

риальную и моральную поддержку передовых представителей местной интеллигенции. В частности, большую помощь оказывали «Заре Дагестана» У. Буйнакский, М. Дахадаев.

Газета живо откликалась на события в Дагестане, на доходчивом языке информировала горцев о важнейших событиях внутренней и международной жизни России. «Заря Дагестана» разоблачала злоупотребления царской администрации, выступала с резкой критикой системы военно-народного управления, адатных судов, таких обычаев, как кровная месть, калым и др. Она настойчиво и последовательно пропагандировала идеи просвещения, призывала горцев приобщиться к передовой русской культуре.

Царское правительство преследовало «Зарю Дагестана» и ее издателя. Много раз газета конфисковывалась властями, подвергалась штрафам, и наконец ее издание было запрещено. Дагестанская действительность широко освещалась и в выходившей в этот период (1912—1914 гг.) «Мусульманской газете», издателем которой также был С. И. Габиев.

К 60-м годам XIX в. относится зарождение библиотечного дела в Дагестанской области. В этот период при Темирханшуринской школе была создана первая в Дагестане библиотека. Первоначально в ней насчитывалось несколько сот книг, в основном подаренных частными лицами и учебными заведениями. После реорганизации школы в прогимназию, а последней в реальное училище библиотека значительно разрослась, и к началу XX в. насчитывала до 11 тыс. томов. Библиотека располагала значительным количеством ценных изданий по кавказоведению, в том числе рядом очень ценных изданий по Дагестану.

Вслед за Темирханшуринским реальным училищем библиотеки создаются при некоторых школах Порт-Петровска, Дербента. В 1900 г. в Порт-Петровске была открыта первая в области публичная библиотека им. А. С. Пушкина с небольшой читальней. Библиотека содержалась на средства городского общественного управления.

Частная читальня, открытая в самом начале 900-х годов в Дербенте, располагала в основном периодическими изданиями и влачила жалкое существование, главным образом за счет торговли канцелярскими принадлежностями.

В 1914 г. в Дагестанской области имелось 16 библиотек, в том числе 11 при учебных заведениях. Книжный фонд всех библиотек не превышал 70 тыс. томов, причем фонд библиотек при учебных заведениях составлял около 55 тыс. томов.

Сельское население было лишено светской книги, газеты. Официально зарегистрированная библиотека имелась только при одной Казикумухской сельской школе.

Попытки представителей местного населения создать библиотеки встречали непреодолимые препятствия со стороны царских властей, не без основания полагавших, что библиотеки будут способствовать пробуждению самосознания масс и могут превратиться в очаг антиправительственной пропаганды. Так, в 1908 г., когда группа кумухцев обратилась с просьбой разрешить открыть в ауле библиотеку-читальню, для которой предполагалось приобрести «дозволенные цензурой книги, выписанные журналы и газеты», военный губернатор области, явно обеспокоенный такой инициативой «туземцев», написал начальнику Казикумухского округа: «Придавая важное значение открытию в сел. Казикумух библиотеки-читальни, которая может явиться рассадником в округе противоправительственных и других вредных идей, я нахожу возможным допустить открытие таковой лишь при полном убеждении в благонадежности лица, на средства которого она открывается и которое будет в ней считаться ответственным лицом». Военный губернатор предлагал представить «подробные сведения» о нем, а именно: где получал образование житель сел. Кумух Абдурагим Джафар-оглы Гунашев, на средства которого предполагалось открыть библиотеку, чем он занимается, какого поведения, степень его влияния на окружающих и т. д., а также просил начальника Казикумухского округа «донести, находите ли вы полезным открытие Гунашевым в Казикумухе библиотеки-читальни»⁴. Получив это предписание, начальник Казикумухского округа рекомендовал отклонить ходатайство кумухцев: «Сие занятие, — доносил он, — считаю вредным, от него будет только морока». И ходатайство было отклонено⁵.

Переписка по вопросу открытия библиотеки-читальни в Кумухе ярко характеризует отношение царских властей к попыткам представителей нерусских народов создать очаги просвещения, ликвидировав тем самым свою культурную отсталость.

Весьма показательно, что, отказав в просьбе об открытии библиотеки-читальни, военный губернатор Дагестанской области приветствовал намерение одного из торговцев Кумуха открыть в селении кабак. Он писал по этому поводу начальнику Казикумухского округа: «Намерение жителя Казикумуха — Саид-Омар-оглы заслуживает всякого поощрения. Доложите ему, что я разрешаю открыть в сел. Казикумух кабак».

В 1912 г. в области был открыт первый за всю историю дореволюционного Дагестана музей. Идея создания музея принадлежала русскому врачу И. С. Костемеревскому. За-

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, д. 68, л. 9.

⁵ Там же, лл. 10—11.

мечательный представитель русской интеллигенции, много сделавший для охраны здоровья и подъема культурного уровня горцев, И. С. Костемеревский мечтал об открытии музея, где можно было бы сосредоточить лучшие образцы дагестанских кустарных производств, экспонаты и материалы по краеведению. В 1891 г. он завещал значительную часть своих, накопленных огромным трудом сбережений на создание музея. Однако для открытия музея средства, оставленные Костемеревским, были недостаточны, а царское правительство отказалось дать ассигнования на его содержание. И только спустя 22 года, когда сумма, оставленная Костемеревским, за счет процентов увеличилась до размеров, позволявших содержать музей, царские власти разрешили его открыть.

§ 5. ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Здравоохранение в Дагестане в XIX в. являло собой весьма печальную картину. К 1900 г. в округах области было 9 врачей, «при каждом из которых находились 2 фельдшера и 3 оспопрививателя. Кроме того, в сел. Касумкент был приемный покой на 5 кроватей», в Акуша — на 4 кровати, в Телетли и Каякенте — на 5 кроватей. Сеть медицинских учреждений в Дагестане была совершенно недостаточной. На это обстоятельство указывали даже представители царской администрации области. «Медицинская помощь, — писал один из окружных начальников, — настолько слаба... отпуск медикаментов настолько мал, что никакой помощи населению оказать нельзя».

В начале XX в. в Дагестане по сравнению с предыдущим периодом несколько увеличилось число больничных учреждений и медицинских работников. Возросло количество населения, пользовавшегося медицинской помощью. Так, за десять предвоенных лет оно увеличилось более чем в 2,5 раза. Однако в целом состояние народного здравоохранения оставалось жалким. Только в 1904 г. царским правительством был издан закон о создании в округах области фельдшерских пунктов. В 1913 г. во всех округах Дагестана, по официальным данным, работало 18 таких пунктов, или 2 фельдшерских пункта на округ. В городах функционировало 10 больничных учреждений с общим числом коек 199. Для больничного лечения более чем 600-тысячного населения имелось всего 18 маленьких больниц со 108 койками.

В среднем по области в 1913 г. одна больничная койка приходилась на 2282 человека, а в сельской местности — на 5,8 тыс. человек. Один врач приходился по области на 18,4 тыс. человек, один фельдшер — более чем на 7 тыс. человек.

В связи с началом первой мировой войны и мобилизацией в армию медработников и без того мизерное число врачей и фельдшеров в области резко сократилось. Так, если в первой половине 1914 г. в Дагестане работали 35 врачей и 95 фельдшеров, то во второй половине года их число сократилось соответственно до 22 и 63.

Малочисленность медицинских учреждений и медицинских кадров являлась одним из препятствий, мешавших горцам освободиться от религиозных предрассудков, от влияния духовенства, игравшего в народном здравоохранении не менее реакционную роль, чем в просвещении. Реакционное духовенство пропагандировало среди населения свои «приемы лечения» больных с помощью заговоров и амулетов и мешало распространению сведений о научной медицине, которые проникали в горы благодаря деятельности русских врачей.

Квалифицированных медработников из местного населения было очень мало. Только нескольким дагестанцам удалось до революции получить специальное медицинское образование. К их числу относятся, в частности, старейшие работники здравоохранения Дагестана — Муслим Нахибашев и Муртузали Дибиров, окончившие Тифлисскую фельдшерскую школу. Нахибашев и Дибиров начали работать фельдшерами, — первый с 1905 г. в Гунибском округе и второй с 1907 г. — в Казикумухском. Много сил отдали они благородному делу охраны здоровья трудящихся.

В тяжелых условиях царизма большой вклад в развитие медицины в Дагестане внесли русские врачи. Они оставили о себе добрую память в народе. Русские врачи И. С. Костемеревский, К. М. Трипольский, Г. С. Кузнецов, И. И. Кривякин, Е. Ефремов, М. А. Баков и многие другие, не считаясь с трудностями и лишениями, самоотверженно и неустанно трудились на ниве здравоохранения. Работавший в дореволюционном Дагестане С. М. Казаров впоследствии вспоминал, как начальник Кайтаго-Табасаранского округа запрещал проводить санитарно-просветительские беседы в селениях, где среди детей свирепствовала корь. «Сей бюрократ, — заключает он, — боялся, чтобы беседа не перешла, упаси боже, в... противоправительственную пропаганду». Русским врачам приходилось преодолевать трудности и другого характера. «Бывало, — писал С. М. Казаров, — что по 6 месяцев не оплачивали нам зарплату, но безрадостное положение трудящихся — голод, нищета и эпидемии заставляли нас забывать о себе, делать все, что возможно... для лечения больных, для прекращения множества болезней как среди взрослого населения, так и детей».

Огромную роль в развитии дагестанского здравоохранения сыграл выдающийся русский хирург Н. И. Пирогов.

Местные жители неоднократно обращались к Н. И. Пирогову, и он всегда оказывал горцам посильную помощь.

Много сделал Н. И. Пирогов в деле обучения научным методам лечения горских врачей — хакимов. В 1847 г. под Салтами ассистентом его был Гаджи Муртазалиев из сел. Бутри Акушинского района. Недавно в сел. Леваша обнаружен большой набор хирургических инструментов, подаренных Муртазалиеву Н. И. Пироговым.

В 1847 г. при осаде аула Салты Н. И. Пирогов впервые применил эфирный наркоз. Для популяризации «эфирования» после испытания наркоза на себе и своих коллегах он проводил показательные операции в присутствии рашеных. Свыше 600 операций с применением наркоза он провел в Темир-Хан-Шуре, Дербенте, Кази-Кумухе и других местах. Слава о чудесном докторе — так называли Н. И. Пирогова — распространилась по всему Дагестану.

В течение 12 лет в Дагестане проработал врач Э. Р. Гольмблат. Плодотворной была здесь и деятельность врача Э. С. Андриевского, разработавшего ряд мероприятий по борьбе с инфекционными заболеваниями, в частности внедрившего в практику хинин для лечения малярии.

Особенно велики заслуги перед народами Дагестана врача-просветителя И. Костемеревского. Воспитанник Петербургской медико-хирургической академии, И. Костемеревский с 1844 г. и до конца своей долгой жизни прожил в Дагестане. Работая врачом Дагестанского конного полка, он бывал во многих местах области. Но в основном его деятельность проходила в сел. Нижний Дженгутай, где помещалась штаб-квартира полка. Слава о бескорыстной медицинской помощи И. Костемеревского местному населению распространилась по всему Дагестану. К нему обращались больные из самых отдаленных концов области: кумыки, аварцы, даргинцы, лакцы, лезгины, табасаранцы и др. Даже женщины-горянки, которые никогда не обращались к местным хакимам-мужчинам, каким бы серьезным ни было заболевание, охотно приходили к И. Костемеревскому. Днем и ночью у его квартиры толпились больные, где И. Костемеревский с раннего утра до поздней ночи вел прием. Бывали даже дни, когда он принимал по 130 и более больных. Не менее плодотворной была его деятельность в Гунибском, Казикумухском округах и Петровском военном госпитале. И. Костемеревский прожил в Дагестане до конца своей жизни. И всюду, где бы он ни был, он пропагандировал знания и нес в гущу народа передовую русскую культуру. И. Костемеревский завещал на культурные мероприятия 30 тыс. руб.

22 года проработал в Самурском округе русский врач А. Н. Ефимов, пользовавшийся большой популярностью среди бедноты. Население любило Ефимова, уважало его как

человека, ценило как врача. За время своей многолетней деятельности А. Н. Ефимов тесно сблизился с местным населением, которому он оказывал посильную помощь. Беднота шла к нему не только как к врачу, но и как к человеку, который даст полезный совет, напишет прошение, окажет материальную поддержку из своих скудных средств.

Лучшие работники здравоохранения, проводя профилактические мероприятия, больничное и амбулаторное лечение, прививали населению чувство уважения к научной медицине и способствовали постепенному высвобождению его из-под влияния религиозных предрассудков.

Однако даже самая усердная работа немногочисленных энтузиастов медицины не могла сколько-нибудь заметно улучшить плачевное состояние здравоохранения в Дагестане. Слишком слабы были их силы, слишком много затруднений, а то и прямых препятствий встречали они на своем благородном поприще охраны здоровья народа.

Тяжелые материальные условия жизни, низкое санитарное состояние городов, аулов, а также религиозные и бытовые пережитки, крайне неудовлетворительное обслуживание населения имели своим следствием распространение многочисленных эпидемий и других заболеваний, уносивших в могилу сотни жизней. Почти ежегодно в Дагестане свирепствовали эпидемии оспы, брюшного и сыпного тифа, кори, скарлатины и т. д. Тысячи горцев были заражены венерическими болезнями. Все это сказывалось на приросте населения Дагестана, который и в начале XX в. продолжал оставаться очень низким.

В рассматриваемый период в Дагестанской области совершенно не было специализированных женских и детских медицинских учреждений, если не считать маленькую больницу на 10 коек при реальном училище в Темир-Хан-Шуре. Роженицы-дагестанки фактически были лишены медицинской помощи. Отсутствовали и дошкольные детские учреждения.

Весьма отрицательно на медицинском обслуживании сельского населения, особенно женщин, сказывалась крайняя малочисленность кадров квалифицированных медработников из местных национальностей.

В медицинских учреждениях в основном работали приезжие специалисты, не знакомые с языками и бытом дагестанских народностей. Это усложняло их работу, вызывало известное недоверие к ним со стороны отсталой части населения, особенно женского. А женщин-медработников из коренных народностей, получивших специальное образование, в дореволюционном Дагестане почти не было.

§ 6. ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ НА КУЛЬТУРУ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Как отмечалось выше, русская культура оказывала влияние на развитие культуры народов Кавказа задолго до XIX в. Однако объективные предпосылки для сближения народов Дагестана и приобщения их к передовой прогрессивной культуре русского народа создались лишь после включения края в состав России. С присоединением к России, вопреки воле царизма и феодально-клерикальных верхов Дагестана, передовая революционно-демократическая культура русского народа с каждым годом все сильнее оказывала могучее воздействие на культуру народов Дагестана и на судьбы его народов в целом. Передовые деятели России с огромной симпатией относились к народам Кавказа и, в частности, Дагестана и считали, что русский народ должен сыграть решающую роль в экономическом и культурном возрождении народов Кавказа, а также выступали горячими поборниками сближения русского и горских народов Кавказа.

На новом материале, почерпнутом из истории и быта горцев, прогрессивные деятели России создали исполненные реалистической силы образы горцев, дали прекрасное описание края. В благородном деле укрепления связей и дружбы между горскими народами Кавказа и русским народом значительное место принадлежит А. С. Грибоедову, А. С. Пушкину, М. Ю. Лермонтову, А. И. Полежаеву, декабристам А. А. Бестужеву-Марлинскому, А. О. Корниловичу и многим другим.

«Кавказу как будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем и пестуном их музыки, поэтической их родиной», — писал В. Г. Белинский.

Дагестанская тема широко представлена в творчестве А. Шишкова, С. Стромиллова, Вердеревского, Вяземского, В. И. Немировича-Данченко и др. Особое место в плееде русских литературных и общественных деятелей, тесно связанных с Дагестаном, принадлежит великому русскому писателю Л. Н. Толстому. Проживая в 1851—1854 гг. на Северном Кавказе, Л. Н. Толстой посетил Кизляр, Аксай, Хасав-юрт, Чир-юрт, Темир-Хан-Шуру. Здесь он изучал кумыкский язык, живо интересовался всеми сторонами жизни горцев, их историей, этнографией, народной медициной. С большим вниманием и любовью Л. Н. Толстой собирал и записывал фольклор горцев, который он ставил очень высоко. В письме к поэту А. А. Фету Л. Н. Толстой отмечал, что произведения устно-поэтического творчества — «сокровища поэтически необычайные».

Собранный исторический и фольклорно-этнографический материал Л. Н. Толстой использовал в своих превосходных

произведениях «Набег», «Рубка леса», «Казачи», «Кавказский пленник», «Хаджи-Мурат» и др. Хотя кавказский цикл Л. Н. Толстого до Великой Октябрьской социалистической революции, за редким исключением, не был переведен на языки народов Дагестана, тем не менее в XIX — начале XX в. произведения эти были широко известны в стране гор. Особенно большой известностью в Дагестане пользовалась повесть «Хаджи-Мурат».

Огромный, неоценимый вклад в изучение природных ресурсов Дагестана, истории и этнографии его народов внесли русские ученые. Особенно усилилось изучение Дагестана после присоединения Кавказа к России, когда исследование края стало практической необходимостью для правительства. Этим целям отвечали работы С. Броневского, О. Евецкого, четырехтомный труд «Обозрения российских владений за Кавказом» и многие другие.

Около четверти века неустанно, с присущей ему энергией трудился на поприще кавказского языкознания выдающийся ученый П. К. Услар. Плодом его многолетнего кропотливого труда явились широко известные фундаментальные исследования по аварскому, даргинскому, лакскому, лезгинскому, табасаранскому и другим языкам Северного Кавказа. «Мнение о крайней бедности этих языков, — подчеркивал он, — совершенно ошибочно и проповедуется людьми, которые не имеют о них никакого понятия. Эти языки, напротив, неимоверно богаты грамматическими формами, которые доставляют возможность выражать самые тонкие оттенки мысли».

Одновременно с исследованиями горских языков П. К. Услар занимался изучением истории, вел большую и плодотворную работу по сбору и систематизации фольклорного материала, опубликовал содержательные труды «Древнейшие сказания о Кавказе», «Кое-что о словесных произведениях горцев» и др. Однако круг интересов выдающегося ученого не замыкался рамками научных исследований. Живя продолжительное время в Дагестане, он проникся уважением к горцам, много размышлял над историческими судьбами их, проявлял неустанную заботу о просвещении горцев. И, что особенно важно, П. К. Услар считал, что первый шаг к просвещению составляет грамотность на родных языках.

П. К. Услар был не только последовательным пропагандистом новых алфавитов, но и создателем их. Разработанные им на основе русской графики алфавиты для ряда языков, как отмечают исследователи, построены с учетом фонем каждого горского языка и в основном правильно отражают его звуковой состав.

Радея об открытии в Дагестане светских школ, П. К. Ус-

лар считал, что в них необходимо обучать чтению, письму, арифметике. Изучение же классических языков в горских школах, по мнению П. К. Услара, может быть заменено изучением русского языка. «Русский язык, сближение с русской жизнью, — подчеркивал он, — бесконечно важны для будущности Кавказа».

Значительный вклад в изучение истории, археологии и этнографии Дагестана после присоединения его внесли русские ученые А. Берже, И. Березин, Е. Вейденбаум, В. Комаров, М. Б. Лобанов-Ростовский, А. Дубровин, К. Прушаповский, А. Неверовский, Ф. Леонтович, Г. Сухоцкий, И. Лепевич, Н. Львов и многие другие. Среди них особое место принадлежит выдающемуся русскому ученому М. М. Ковалевскому — автору многочисленных фундаментальных работ. Предметом всех его изысканий было обычное право горцев, по эту проблему он изучал в таком широком смысле, что действительным предметом его исследований по существу являлся общественный строй.

Труды М. М. Ковалевского имели большое значение для развития истории и этнографии Кавказа. Они привлекли внимание исследователей, нашли себе продолжателей, оказали большое влияние на многих кавказоведов.

Изучением недр, флоры, фауны и почв Дагестана занимались выдающиеся ученые Г. В. Абих, Н. И. Андрусов, Д. Н. Анучин, К. И. Богданович, А. А. Булгаков, К. П. Калицкий, В. В. Докучаев, П. Рупрехт, А. Беккер, Г. Радде, Н. И. Кузнецов, Д. В. Голубятников и др. Они сделали ряд научных открытий, заложили прочный фундамент дальнейшего и поныне продолжающегося изучения края и практического освоения природных ресурсов Дагестана.

Оценивая в целом общественную деятельность побывавших в Дагестане представителей русской прогрессивной культуры и науки, необходимо подчеркнуть, что подавляющая часть их, руководствуясь гуманными целями, несла в горы светоч знаний и культуры. Их общественно-политическая деятельность в огромной мере способствовала становлению и развитию взаимопонимания между горцами и русским народом и завязыванию между ними уз дружбы.

Под благотворным влиянием русской культуры в Дагестане происходило формирование местной интеллигенции. Правда, интеллигенция дореволюционного Дагестана была малочисленна и неоднородна. Подавляющая часть ее была выходцами из среды влиятельных сословий. Естественно, она обслуживала господствующие классы. Но была и другая, формировавшаяся из среды народов Дагестана интеллигенция, тесно связанная с широкими народными массами. Она выступала с критикой колониальной политики царизма и разоблачала местную феодально-клерикальную знать и ее

культуру. Не замыкаясь в национальных рамках, она ратовала за сближение горцев с великим русским народом и другими народами. Формирование демократической интеллигенции происходило под непосредственным влиянием передовой общественно-политической мысли русского народа.

Однако культура народов дореволюционного Дагестана развивалась в исключительно тяжелых условиях. Рука самодержавия, разделяющая народы и постоянно вмешивающаяся в их взаимоотношения, разжигала национальную рознь. Не менее активную антинародную деятельность в этом направлении развивали носители феодально-монархической идеологии, панисламисты и пантюркисты Дагестана. Все это неизбежно порождало трудности в приобщении горцев к русской культуре, что в свою очередь крайне отрицательно сказывалось на развитии культуры народов Дагестана.

Однако выступление на общественно-историческую арену революционно-демократической интеллигенции определяло пути и направления дальнейшего развития культуры народов Дагестана.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абакарова Ф., *Очерки даргинской дореволюционной литературы*, Махачкала, 1963.
- Авалиани С. Л., *Крестьянский вопрос в Закавказье*, т. I—III, Одесса, 1912—1914; т. IV, Тифлис, 1920.
- Агаширинова С. С., *Поселения лезгин в XIX — начале XX века*, — «Уч. зап. ИИЯЛ», т. VI, 1959.
- Агаян Ц. П., *А. Бакиханов*, Баку, 1948.
- Адаты жителей Кумыкской плоскости*. — ССКГ, вып. VI, Тифлис, 1872.
- Адаты даргинских обществ*, — ССКГ, вып. VII, Тифлис, 1873.
- Акты, собранные Кавказской археографической комиссией*, т. I—XII, Тифлис, 1866—1904.
- Алкадари Г.-Э., *Асари Дагестан*, — СМОМПК, вып. 46, 1929.
- Амиров Г., *Среди горцев Северного Дагестана*, — ССКГ, вып. VII, Тифлис, 1873.
- Ангелава И. Г., *Реформа поземельного устройства государственных крестьян Закавказья в конце XIX в. Документы и материалы*, Сухуми, 1952.
- Анучин Д. Н., *Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г.*, — ИРГО, 1884, т. XX, вып. 4.
- Афанасьев М., *Селение Костек Хасавюртовского округа Терской области*, — СМОМПК, вып. 16, 1893.
- Ахундов М. Ф. И., *Избранные философские произведения*, Баку, 1950.
- Бабаев Д., *Селение Ахты Самурского округа Дагестанской области*, — СМОМПК, вып. 17, 1893.
- Бакрадзе Д. З., *Заметки о Закатальском округе*, — «Зап. КОРГО», кн. XIV, вып. I, 1890.
- Белинский В. Г., *Собрание сочинений в трех томах*, т. I, М., 1948.
- Белобородов А., *Землевладение в Терской области*, — «Терские ведомости», 1895, № 107—109.
- Белобородов А., *Скотоводство в Терской области*, — «Терские ведомости», 1895, № 113.
- Березин И., *Путешествие по Дагестану и Закавказью*, изд. 2, ч. I—III, Казань, 1849—1850.
- Берже А. П., *Кази-мулла*, — К, 1868, № 10.
- Берже А. П., *Краткий обзор горских племен на Кавказе*, — «Кавказский календарь на 1858 г.», Тифлис, 1857.
- Берже А. П., *Материалы для описания нагорного Дагестана*, — «Кавказский календарь на 1859 г.», Тифлис, 1858.
- Берже А. П., *Прикаспийский край*, — «Кавказский календарь на 1857 г.», Тифлис, 1856.
- Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане, 1917—1921 гг.* Сборник документов и материалов, М., 1958.
- Броневский С., *Новейшие географические и исторические известия о Кавказе*, ч. 2, М., 1823.

- Брюханов А. П., *Социально-экономические отношения народов Дагестана в первый период его завоевания Россией и походы А. П. Ермолова в горы* (канд. дисс. РФИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 4.).
- Бутаев Д. Б., *Казикумух*, — «Новое обозрение», 1891, № 2756, 2759.
- Бутков П. Г., *Материалы для новой истории Кавказа с 1722 г. по 1803 г.*, ч. I—III, СПб., 1869.
- Буш Н. А., *По скалам Андийского Дагестана*, — ИРГО, т. XII, СПб., 1905.
- Бушуев С. К., *Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля*, М.—Л., 1939.
- Бушуев С. К., *Революционное движение в Чечено-Ингушетии в 1905—1907 гг.*, Грозный, 1941.
- Васильев А. Т., *Казикумухцы*, — «Этнографическое обозрение», 1899, № 3.
- Вейденбаум Е., *Очерк этнографии Кавказа*, Тифлис, 1883.
- Вейденбаум Е., *Путеводитель по Кавказу*, Тифлис, 1888.
- Вейссенгоф С. А., *Очерк орошения Терской области*, Тифлис, 1876.
- Виноградарство и виноделие в Бакинской губернии с градоначальством и Дагестанской области*, Баку, 1913.
- Волконский Н. А., *Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом*, — КС, т. X—XIV, Тифлис, 1886—1890.
- Волконский Н. А., *Трехлетие в Дагестане 1849 г.*, — КС, т. VIII, Тифлис, 1884.
- Волконский Н. А., *Окончательное покорение Восточного Кавказа*, — КС, т. IV, Тифлис, 1879.
- Воронов Н. И., *Из путешествия по Дагестану*, — ССКГ, вып. I, III, Тифлис, 1868, 1870.
- Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем графа И. И. Воронцова-Дашкова*, СПб., 1907, 1913.
- Габнев С., *Лаки, их прошлое и быт*, — СМОМПК, вып. 36, 1906.
- Гаврилов П. А., *Устройство поземельного быта горских племён Северного Кавказа*, — ССКГ, вып. II, Тифлис, 1869.
- Гаджи-Али, *Сказание очевидца о Шамиле*, — ССКГ, вып. VII, Тифлис, 1873.
- Гаджиев В. Г., *Присоединение Дагестана к России*, — «Уч. зап. ИИЯЛ», т. I, 1956.
- Гаджиев В. Г., *К вопросу об освобождении феодально-зависимых крестьян Дагестана в ходе борьбы горских народов Северо-Восточного Кавказа в 20—50 гг. XIX в.*, — «Уч. зап. ИИЯЛ», т. V, 1958.
- Гаджиев В. Г., *Движение кавказских горцев под руководством Шамиля в исторической литературе*, Махачкала, 1956.
- Гаджиев В. Г., *Роль России в истории Дагестана*, М., 1965.
- Гаджиева С. Ш., *Кумыки*, М., 1961.
- Гаджиева С. Ш., *Материальная культура кумыков XIX—XX вв.*, Махачкала, 1960.
- Гаджиева С. Ш., Османов М.-З. О., Пашаева А. Г. *Материальная культура даргинцев*, Махачкала, 1967.
- Гагемейстер Ю. А., *Закавказские очерки*, СПб., 1845.
- Гагемейстер Ю. А., *Топографическо-хозяйственное описание Прикаспийского края в Закавказье*, — «Журнал Министерства внутренних дел», ч. 32, 1850.
- Гакстгаузен, *Закавказский край*, ч. II, СПб., 1857.
- Генко А. Н., *Арабская карта Чечни эпохи Шамиля*, — «Зап. Ин-та востоковедения», т. II, вып. 1, 1933.
- Гидулянов П. В., *Словно-поземельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане*, — «Этнографическое обозрение», 1901, № 1—3.
- Горчаков Н., *Вторжение Шамиля в Кабарду в 1846 г.*, — КС, т. IV, Тифлис, 1879.

- Григориус А. П., *Хозяйственно-экономический очерк виноградарства и виноделия Дагестана в прошлом и настоящем*, Одесса, 1929.
- Гриценко Н. П., *Экономические связи России с Северным Кавказом*, — «Изв. ЧИНИИЯЛ», т. II, Грозный, 1960.
- Гулишамбаров С., *Обзор фабрик и заводов в Закавказском крае*, Тифлис, 1894.
- «Дагестан». Литературно-художественный альманах, № 1—2, Махачкала. 1961.
- Дагестанская область. Сборник статистических данных, извлеченных из посемейных списков Закавказья*, Тифлис, 1890.
- Дагестанские лирики*, Л., 1961.
- «Дагестанский сборник», вып. I, II, 1902, 1904.
- Далгат У. Б., *Л. Н. Толстой и Дагестан*, Махачкала, 1960.
- Данилевский Н., *Кавказ и его горные жители в нынешнем их положении*, М., 1846.
- Даниялов А. Д., *Советский Дагестан*, М., 1960.
- Даниялов Г. Д., *Дагестан в период революции 1905—1907 гг.*, — «Уч. зап ИИЯЛ», т. 1, 1956.
- Даргинский округ. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа*, Тифлис, 1887.
- Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50 гг. XIX в.*, — «Сб. документов», Махачкала, 1959.
- 10 лет социалистического строительства Дагестанской АССР*, Махачкала, 1931.
- Добролюбов Н. А., *Полное собрание сочинений*, т. III.
- Договоры России с Востоком политические и торговые*. Подготовил и издал Юзефович Т., СПб., 1863.
- Долгушин А. А., *Плодоводство в России. Материалы и исследования*, вып. XII, СПб., 1910.
- Дубровин Н., *История войны и владычества русских на Кавказе*, т. I—VI, СПб., 1871—1887.
- Дубровин Н., *Закавказье от 1803—1806 гг.*, СПб., 1866.
- Дубровин Н., *Обзор войн России от Петра Великого до наших дней*, кн. 2, СПб., 1892.
- Евецкий О., *Статистическое описание Закавказского края*, ч. I—III, СПб., 1835.
- Егизаров С. А., *Исследования по истории учреждений в Закавказье*, ч. I, Казань, 1889.
- Ермолов А. П., *Записки о времени управления Грузиею (1816—1827 гг.)*, М., 1866.
- Живописная Россия*, т. IX, Кавказ, СПб. — М., 1883.
- Завадский А. М., *Поездка вверх по Андийскому Коюсу*, — «Изв. КОРГО», т. XVI, № 5, 1903.
- Заваров С., *Кавказ в сельскохозяйственном отношении в 1899 г.*, Тифлис, 1900.
- Загурский Л. П., *Кавказско-горские письма*, — ССКГ, вып. V, Тифлис, 1871.
- Зайончковский П. А., *Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г.*, М., 1958.
- Захарьин (Якунин) И. А., *Кавказ и его герои*, СПб., 1902.
- Земельные отношения в дореволюционном Дагестане*, — «Красный архив», 1936, № 6 (78).
- Земство в Дагестанской области*, — К, 1905, № 244.
- Зиссерман А. Л., *Двадцать пять лет на Кавказе*, ч. I—II, СПб., 1879.
- Зубов П., *Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель в историческом, статистическом и этнографическом отношении*, ч. I—III, СПб., 1834—1835.
- Ибрагимов З., *Революция 1905—1907 гг. в Азербайджане*, Баку, 1955.
- Иваненко В. И., *Гражданское управление Закавказьем*, Тифлис, 1901.

- Иванов А. И., *Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией*, — ИЖ, 1940, № 2.
- Иванов М. С., *Очерк истории Ирана*, М., 1952.
- Иоаннисян А. Р., *Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия*, Ереван, 1958.
- Исламмагомедов А. И., *Поселения аварцев в XIX—XX вв.*, — «Уч. зап. ИИЯЛ», т. XII, 1964.
- Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии*. Под ред. В. Потто, Тифлис, 1899.
- История Азербайджана*, т. II, Баку, 1960.
- История Северо-Осетинской АССР*, М., 1959.
- История СССР*, т. II. Россия в XIX веке. Под ред. М. В. Нечкиной, М., 1954.
- История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. (Архивные материалы)*, М., 1958.
- «Кавказский календарь на 1857—1917 гг.», Тифлис, 1856—1916.
- Казембек М., *Мюридизм и Шамиль*, — «Русское слово», 1859, № 12.
- Каракумукские и Кюринские ханы*, — ССКГ, вып. II, Тифлис, 1869.
- Каймаразов Г. Ш., *Прогрессивное влияние России на развитие культуры и просвещения в дореволюционном Дагестане* (канд. дисс.).
- Калоев Б. А., *Поселение и жилище агулов*, — КСИЭ, XXIII, М., 1955.
- Караншилов Омар, Аул Чох*, — СМОМПК, вып. 4, 1884.
- Карганов Д., *Экономическая записка по проекту Дагестанского подъездного железнодорожного пути*, Темир-Хан-Шура — Петровск — СПб., 1902.
- Кассиев Э. Ю., *Очерки лакской дореволюционной литературы*, Махачкала, 1959.
- Каяев Али, *Материалы по истории лакского народа* (рукопись на лакском яз.), — РФИИЯЛ, ф. I, оп. I, ед. хр. 444.
- Кильчевская Э. В. и Иванов А. С., *Художественные промыслы Дагестана*, М., 1959.
- Киреев В. П., *Пролетариат Грозного в революции 1905—1907 гг.*, Грозный, 1955.
- Киров С. М., *Избранные статьи и речи (1912—1934 гг.)*, М., 1957.
- Ковалевский М. М., *Закон и обычай на Кавказе*, т. I—II, М., 1890.
- Козубский Е. И., *История города Дербента*, Темир-Хан-Шура, 1906.
- Козубский Е. И., *История Дагестанского конного полка*, Петровск, 1909.
- Козубский Е. И., *Очерки истории гор. Темир-Хан-Шуры*, — СМОМПК, вып. 19, 1894.
- Колониальная политика царизма в Азербайджане*, ч. I—II, М.—Л., 1936—1937.
- Комаров А. В., *Адаты и судопроизводство по ним*, — ССКГ, вып. I, Тифлис, 1868.
- Комаров А. В., *Народонаселение Дагестанской области*, — «Зап. КОРГО», вып. VIII, 1873.
- Коркмасов Д., Ковалев П., *Дагестан в 1905 году*, Махачкала, 1925.
- Косвен М. О., *Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке*, — «Кавказский этнографический сборник», т. I—III, М., 1955, 1958, 1962.
- Косвен М. О., *Этнография и история Кавказа*, М., 1961.
- Костемеревский И. С., *Салатавия*, — К, 1858, № 1.
- Костемеревский И. С., *Темир-Хан-Шура*, — К, 1858, № 4—5.
- Костенецкий Я., *Записки об аварской экспедиции на Кавказе в 1837 г.*, СПб., 1851.
- Крачковский И. Ю., *Избранные сочинения*, т. VI, М.—Л., 1960.
- Крачковский И. Ю., *Неизданное письмо Шамиля*, — ЗИВАН, т. II, Л., 1933.
- Кривенко В. С., *Очерки Кавказа*, СПб., 1893.
- Кривенко В. С., *По Дагестану*, СПб., 1899.

- Кузьминский В., *Заметка об Андийском округе*, — «Изв. КОРГО», 1881, т. VI, № 3.
- Кустарная промышленность на Кавказе*, вып. II, Тифлис, 1903.
- Леонтович Ф. И., *Адаты кавказских горцев*, вып. 1—2, Одесса, 1882—83.
- Линден В. И., *Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав*, Тифлис, 1917.
- Линден В. И., *Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края*, — «Кавказский календарь на 1917 г.», Тифлис, 1916.
- Линевич И. П., *Бывшее Елисуйское султанство*, — ССКГ, вып. VII, Тифлис, 1873.
- Лобанов-Ростовский М. Б., *Кумыки, их нравы, обычаи и законы*, — К, 1846, № 37, 38.
- Львов, *Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени*, — ССКГ, вып. III, Тифлис, 1870.
- Любимова Г. Н., Хан-Магомедов С. О., *Народная архитектура Южного Дагестана*, М., 1956.
- Магомедов Б., *Очерки аварской дореволюционной литературы*, Махачкала, 1961.
- Магомедов Р., *Восстание горцев Дагестана в 1877 г.*, Махачкала, 1940.
- Магомедов Р., *Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX в.*, Махачкала, 1957.
- [Мугеддин Магомедханов], *Истинные и ложные последователи тариката*. Пер. с араб. А. Омарова, — ССКГ, вып. IV, Тифлис, 1870.
- Макаров Т., *Кумыкский округ*, — К, 1860, № 77—79.
- Марграф О. В., *Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа*, М., 1882.
- Материалы для истории управления Дагестанской областью*, Тифлис, 1908.
- Материалы для этнографии Восточного Кавказа*, — «Зап. КОРГО», кн. VII, 1866.
- Материалы по истории Дагестана и Чечни*, т. III, ч. I. (1801—1839 гг.), Махачкала, 1940.
- Мелешко А. Г., *Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Дагестана в конце XIX — начале XX в.*, 1957 (канд. дис.).
- Мехтулинские ханы*, — ССКГ, вып. II, Тифлис, 1869.
- Милованов Г. И., *Очерк формирования и развития рабочего класса в Дагестане*, Махачкала, 1963.
- Мовчан Г. Я., *Жилища нагорного Дагестана в XIX—XX вв.* (канд. дисс.).
- Мочалов В. Д., *Крестьянское хозяйство в Закавказье к концу XIX в.*, М., 1958.
- Муравьев К., *Хасав-Юрт (слобода)*, — СМОМПК, вып. VIII, Тифлис, 1889.
- Муравьев Н. Н., *Война за Кавказом в 1855 г.*, СПб., 1877.
- Муравьев-Карский Н. Н., *Записки*, — «Русский архив», 1888, вып. 7.
- Мусаханова Г. Б., *Очерки кумыкской дореволюционной литературы*, Махачкала, 1959.
- Народы Дагестана*, М., 1955.
- Нахшунов И. Р., *Экономические последствия присоединения Дагестана к России*, Махачкала, 1956.
- Начало первой русской революции. Январь — март 1905 г.* (сборник документов), М., 1955.
- Неверовский А. А., Краткий исторический взгляд на Северный Дагестан в топографическом и статистическом отношении*, СПб., 1847.
- Неверовский А. А., *Истребление аварских ханов в 1834 г.*, СПб., 1848.
- Немирович-Данченко В. И., *Дагестанские захолустья*, СПб., 1894.
- Низам Шамиля, *Материалы для истории Дагестана*, — ССКГ, вып. III, Тифлис, 1870.

- О правах наследования у кумыков, — «Терские ведомости», 1875, № 37, 43.
- «Обзор Дагестанской области за 1892, 1894—1915 годы», Темир-Хан-Шура, 1893—1916.
- Обозрение российских владений за Кавказом 1828—1836, т. I—IV, СПб., 1836.
- Околыничий Н., Перечень событий в Дагестане, — «Военный сборник», вып. I—2, 1859.
- Омаров Абдулла, Воспоминания муталима, — ССКГ, вып. I—II, Тифлис, 1868—1869.
- Омаров Абдулла, Как живут лаки (из воспоминаний), — ССКГ, вып. III—IV, Тифлис, 1870.
- Освобождение бесправных рабов в Дагестане, — ССКГ, вып. I, Тифлис, 1868.
- Освобождение зависимых сословий во всех горских округах Терской области, — ССКГ, вып. I, Тифлис, 1868.
- Османов М. О., Некоторые вопросы даргинской топонимики, — «Уч. зап. ИИЯЛ», т. XIV, Махачкала, 1964.
- Османов М. О., Поселения даргинцев в XIX—XX вв., — «Уч. зап. ИИЯЛ», т. X, Махачкала, 1962.
- Османов Магомед-Эфенди, Ногайские и кумыкские песни, СПб., 1883.
- Османов Магомед-Эфенди, Сборник стихов. Сост. М. Алибеков, Махачкала, 1926 [на кум. яз.].
- Отчет о деятельности обществ просвещения туземцев-мусульман, Темир-Хан-Шура, 1906.
- Очерки истории Дагестана, т. I—II, Махачкала, 1957.
- Очерки истории Коммунистической партии Грузии, ч. I (1883—1921 гг.), Тбилиси, 1957.
- Пажитнов К. А., Очерки по истории бакинской нефтедобывающей промышленности, М.—Л., 1940.
- Памятная книжка Дагестанской области, Темир-Хан-Шура, 1895, 1901.
- Панкратова А. М., Великий русский народ, М., 1948.
- Панкратова А. М., Первая буржуазно-демократическая революция в России (1905—1907 гг.), М., 1955.
- Пантюхов И., О кумыках, — К, 1894, № 138, 139, 325.
- Петров А., История 83-го пехотного Самурского е. и. в. великого князя Владимира Александровича полка, Петровск, 1892.
- Петрушевский И. П., Джаро-Белокавказские вольные общества в первой трети XIX столетия, Тбилиси, 1934.
- Петухов П., Очерк Кайтаго-Табасаранского округа, — К, 1867, № 7, 8, 12, 13, 15, 16.
- Пиравлов А. С., Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа, СПб., 1913.
- Покоренный Кавказ, СПб., 1904.
- Покровский М. Н., Дипломатия и войны царской России в XIX столетии, М., 1923.
- Покровский Н. И., Завоевание Северо-Восточного Кавказа и борьба горцев за независимость (тезисы докторской диссертации), 1938.
- Покровский Н. И., Мюридизм у власти, — «Историк-марксист», 1934, № 2 (36).
- Портовый город Петровск, — К, 1858, № 91.
- Потто В., Гаджи-Мурат, — «Военный сборник», 1870, № 11.
- Потто В., Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях, т. I—V, СПб., 1887—1889.
- Поэзия народов Дагестана, Махачкала, 1954.
- Пржецлавский П. С., Дагестан, его нравы и обычаи, — «Вестник Европы», т. III, 1867.
- Прибыльский Л., Наши окраины. Город Петровск, — «Вокруг Света», 1896, № 6.
- Присоединение Азербайджана к России и его прогрессивные последствия в области экономики и культуры, Баку, 1955.

- Прокламации большевистских организаций Закавказья 1904—1906 гг.*, Тбилиси, 1940.
- «Путеводитель по Дагестану», Тифлис, 1871.
- Рабочее движение в Баку в годы первой русской революции.* (Документы и материалы), Баку, 1956.
- Рамазанов Х. Х., *Крестыанская рсформа в Дагестане*, — «Уч. зап. ИИЯЛ», т. II, 1957.
- Революционное движение в армии в годы первой русской революции*, М., 1955.
- «Революционное движение в Дагестане в 1905—1907 годы». Сборник документов и материалов, Махачкала, 1956.
- Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России*, М., 1955.
- Рейнке Н., *Горские народные суды Кавказского края*, СПб., 1912.
- Рожкова М. К., *Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия*, М—Л., 1949.
- Романовский Д. И., *Кавказ и кавказская война*, СПб., 1860.
- Россигов К. Н., *Поездка в Чечню и нагорный Дагестан в 1882 г.*, — ЗКОРГО, т. 13, вып. I, 1884.
- Руновский А., *Взгляд на сословные права и на взаимные отношения сословий в Дагестане*, — «Военный сборник», т. XXVI, ч. 2, СПб., 1862.
- Руновский А. И., *Дневник*, — АКАК, т. 12, Тифлис, 1904.
- Руновский А. И., *Кодекс Шамиля*, — «Военный сборник», т. XIV, 1860.
- «Сборник сведений о Северном Кавказе», т. I, Ставрополь, 1906.
- «Сборник статистических сведений о Кавказе», Тифлис, 1869.
- «Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказья», т. IV, V, Тифлис, 1888—1889.
- Семенов Н., *Туземцы Северо-Восточного Кавказа*, СПб., 1895.
- Серый Ю. И., *Страницы прошлого (Железнодорожники Ростова и Сев. Кавказа в революции 1905—1907 гг.)*, Ростов-на-Дону, 1955.
- Смирнов Н. А., *Мюридизм на Кавказе*, М., 1963.
- Смирнов Н. А., *Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв.*, М., 1958.
- Султанов К., *Поэты Дагестана*, Махачкала, 1959.
- Сумбат-заде А. С., *Кубинское восстание в 1837 г.*, Баку, 1961.
- Сумбат-заде А. С., *Сельское хозяйство Азербайджана в XIX в.*, Баку, 1958.
- Тарле Е. В., *Крымская война*, т. II, 1950.
- Тахо-Годи А., *К 50-летию восстания Чечни и Дагестана*, — «Новый Восток», 1926, № 12.
- «Терский календарь» на 1892, 1894, 1898, 1911, 1912, 1914 годы, Владикавказ, 1891—1913.
- «Терский сборник», вып. I, II, IV, V, VI, Владикавказ, 1890—1903.
- «Труды Дагестанского филиала ИМЛ при ЦК КПСС», т. I, Махачкала, 1957.
- «Труды объединенной научной сессии Академии наук СССР и Академий наук Закавказских республик по общественным наукам», Баку, 1957.
- Тульчинский Н. П., *К сословному вопросу туземцев Северного Кавказа*, — «Терские ведомости», 1901, № 6.
- Услар П. К., *О распространении грамотности между горами*, — ССКГ, вып. III, Тифлис, 1870.
- Утверждение русского владычества на Кавказе*, т. I—IV, Тифлис, 1901—1905.
- Фадеев А. В., *О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России*, — «Известия ЧИНИ ИЯЛ», т. II, вып. I, Грозный, 1960.
- Фадеев А. В., *Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период*, М., 1957.
- Фадеев А. В., *Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX в.*, М., 1958.
- Фадеев А. В., *Россия и Кавказ в первой трети XIX в.*, М., 1960.
- Фадеев Р. А., *Шестьдесят лет Кавказской войны*, Тифлис, 1860.

- Хашаев Х. О., *Общественный строй Дагестана в XIX в.*, М., 1961.
 Хашаев Х. О., *Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв.*, М., 1965.
Хроника Мухаммед-Тахира ал-Карахи, М.—Л., 1941.
 Чиркеевский А., *О происхождении аварцев*, — К, 1865, № 64—65.
Шамхалы Тарковские, — ССКГ, вып. I, Тифлис, 1868.
 Шиллинг Е. М., *Дагестанские кустари*, М., 1926.
 Шиллинг Е. М., *Кубачинцы и их культура*, М.—Л., 1949.
 [Шихалиев Д. М.], *Кумык. Рассказ кумыка о кумыках*, — «Кавказ», 1848, № 39—51.
 Эсадзе С., *Историческая записка об управлении Кавказом*, т. I, Тифлис, 1907.
 Эсадзе С., *Штурм Гуниба и пленение Шамиля*, Тифлис, 1909.
 Юшков С. В., *К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане*, — «Уч. зап. Свердловского гос. пед. института», вып. I, Свердловск, 1938.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКАК — «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией».
 ЗИВАН — «Записки Института востоковедения Академии наук СССР».
 ИЖ — «Исторический журнал».
 ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы им. Гамзата Цадасы Дагестанского филиала Академии наук СССР.
 ИРГО — «Известия Русского географического общества».
 К — «Кавказ».
 КОРГО — Кавказский отдел Русского географического общества.
 КС — «Кавказский сборник».
 КСИЭ — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР».
 РФ — Рукописный фонд.
 СМОМПК — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа».
 ССКГ — «Сборник сведений о кавказских горцах».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
-----------------------	---

Раздел I

ДАГЕСТАН В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Глава I. Присоединение Дагестана к России	9
§ 1. Политика России на Северо-Восточном Кавказе	9
§ 2. Присоединение Дагестана к России	14
Глава II. Социально-экономическое развитие и политическое устройство Дагестана в первой половине XIX в.	29
§ 1. Хозяйство	29
§ 2. Земельно-правовые отношения	41
§ 3. Классовая структура	54
§ 4. Государственная система имамата	61
Глава III. Антиколониальная борьба горцев Дагестана и Чечни за независимость	79
§ 1. Причины и характер борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа	79
§ 2. Начальный этап освободительной борьбы горцев Дагестана и Чечни	88
§ 3. Второй этап движения горцев	96
§ 4. Государственная система имамата	99
§ 5. Кризис и падение имамата	107

Раздел II

ДАГЕСТАН В ПЕРИОД КАПИТАЛИЗМА

Глава IV. Административно-судебная и аграрная реформы 60-х годов	119
§ 1. Административно-судебная реформа	119
§ 2. Аграрная реформа	126
Глава V. Антиколониальная борьба горского крестьянства в пореформенный период	140
§ 1. Антиколониальные выступления 60-х годов	140
§ 2. Восстание 1877 г.	150
Глава VI. Проникновение капиталистических отношений в Дагестан	163
§ 1. Изменения в землевладении и землепользовании в пореформенный период	164
§ 2. Проникновение капиталистических отношений в сельское хозяйство Дагестана	169

§ 3. Расслоение крестьянских хозяйств и классовая борьба в дагестанском ауле в пореформенный период	181
§ 4. Проникновение капиталистических отношений в промышленность Дагестана	185
§ 5. Воздействие капиталистических отношений на экономическое развитие области	197
§ 6. Крестьянское движение 80—90-х годов	202
Глава VII. Дагестан накануне и в период первой русской буржуазно-демократической революции	205
§ 1. Экономическое развитие Дагестана в начале XX в.	205
§ 2. Проникновение марксистских идей в Дагестан и создание социал-демократических кружков и групп	212
§ 3. Наступление революции в Дагестане (1905 г.)	220
§ 4. Отступление революции (1906—середина 1907 г.)	244
Глава VIII. Дагестан в период столыпинской реакции и нового революционного подъема (июнь 1907—июль 1914 г.)	263
§ 1. Наступление реакции и усиление национально-колониального гнета	263
§ 2. Экономика области	265
§ 3. Обострение классовой борьбы и новый революционный подъем	274
Глава IX. Дагестан в период первой мировой войны и Февральской буржуазно-демократической революции (1914—июль 1917 г.)	283
§ 1. Первая мировая война и ее влияние на Дагестан	283
§ 2. Дагестанская область в период Февральской революции в России	291
Глава X. Культура и просвещение XIX—начала XX в.	296
§ 1. Материальная культура и декоративное искусство	296
§ 2. Фольклор и литература	317
§ 3. Наука	330
§ 4. Просвещение	337
§ 5. Здравоохранение	351
§ 6. Влияние русской культуры на культуру народов Дагестана	355
Список использованной литературы	359
Список сокращений	366

ИСТОРИЯ ДАГЕСТАНА

Том II

Утверждено к печати Ученым советом ИИЯЛ Дагестанского филиала Академии наук СССР

Редактор *И. Л. Елевич*

Художник *Э. Л. Эрман*

Художественный редактор *И. Р. Бескин*

Технический редактор *С. В. Цветкова*

Корректор *В. М. Кочеткова*

Сдано в набор 3/X 1967 г. Подписано к печати 8/V 1968 г. А-31772. Формат 60×90^{1/16}. Бум. № 1. Печ. л. 23,0. Уч.-изд. л. 23,05. Тираж 7000 экз. Изд. № 1906. Зак. 653. Цена 1 р. 63 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Отпечатано с набора 1-й типографии Профиздата в типографии издательства
«Связь» Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Москва — центр, ул. Кирова, 40